

АЗБУКА ВЕРЫ

Бьюкёнен Патрик Дж.

**Смерть Запада — Бьюкёнен Патрик
Дж.**

Смерть Запада – Бьюкенен Патрик Дж.

Бьюкенен Патрик Дж.

- Другая цивилизация, - поправила она, - та самая, к которой я принадлежу по праву рождения. И эта цивилизация, основанная на семейных ценностях, умерла - не исчезла, а именно умерла, потому что была живым организмом. Ей на смену пришло нечто неживое - раздробленное на атомы общество, лишенное тепла и уюта, самый настоящий хаос механических связей.

- [ВВЕДЕНИЕ](#)
- [Глава 1. ИСЧЕЗАЮЩИЙ ВИД](#)
- [Глава 2. "КУДА ПОДЕВАЛИСЬ ЭТИ ДЕТИ?"](#)
- [Глава 3. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КАТЕХИЗИС.](#)
- [Глава 4. ОНИ СОВЕРШИЛИ РЕВОЛЮЦИЮ](#)
- [Глава 5. НОВОЕ ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ.](#)
- [Глава 6. НОВАЯ РЕКОНКИСТА.](#)
- [Глава 7. ВОЙНА ПРОТИВ ПРОШЛОГО](#)
- [Глава 8. ДЕХРИСТИАНИЗАЦИЯ АМЕРИКИ](#)
- [Глава 9. ЗАПУГАННОЕ БОЛЬШИНСТВО](#)
- [Глава 10. "ДОМ, В СЕБЕ РАЗДЕЛЕННЫЙ..." \(15\)](#)
- [БЛАГОДАРНОСТИ](#)

Смерть Запада: чем вымирание населения и усиление иммиграции угрожают нашей стране и цивилизации

Вот так закончится мир,
Вот так закончится мир,
Вот так закончится мир,
Не взрыв, но всхлип.

Т.С. Элиот. Полые люди

Что-то словно щелкнуло у нее в сознании, она смягчилась, улыбнулась – и рассказала историю о своем дедушке, который присутствовал в качестве пажа на коронации королевы Виктории.

- Это был другой мир, - сказал он.

- Другая цивилизация, - поправила она, - та самая, к которой я принадлежу по праву рождения. И эта цивилизация, основанная на семейных ценностях, умерла – не исчезла, а именно умерла, потому что была живым организмом. Ей на смену пришло нечто неживое – раздробленное на атомы общество, лишенное тепла и уюта, самый настоящий хаос механических связей. О, мы оба прекрасно знаем, что в прежнем мире отнюдь не все было замечательно, что там хватало невежества и нищеты. Но правильнее было бы не раздирать на клочки тот мир и не менять его на анархию. Семейные ценности – такая штука, которую нужно растить, холить и лелеять.

ВВЕДЕНИЕ

- Пат, мы теряем страну, в которой выросли. Снова и снова во время бесконечной избирательной кампании 2000 года я слышал эту горестную фразу от множества мужчин и женщин по всей Америке. Но задумаемся – что же они имели в виду?

Каким образом печаль и грусть – как будто умирает родной отец и ты ничего не можешь поделать, только беспомощно смотришь, – каким образом печаль и грусть проникли в сердца американцев на пороге "второго американского столетия"? Разве, как не уставал напоминать нам мистер Клинтон, мы живем не в лучшие времена, когда безработица сократилась до минимума, инфляции не разглядеть и в микроскоп, уровень преступности неуклонно падает, а доходы выросли до небес? Разве мы, как не переставала замечать Мадлен Олбрайт, не "нация, без которой невозможно представить себе мир"? Разве сегодня, как неоднократно подчеркивал мистер Буш, у нас остались соперники в военном могуществе, экономической мощи или культурном влиянии?^[1] Мы выиграли "холодную войну". Наши идеи – американские идеи – и идеалы распространяются по всему миру. Откуда же грусть и печаль? С чем они связаны?

На мой взгляд, вот с чем: Америка прошла через социальную и культурную революцию. Ныне США – совсем не та страна, которую мы помним по 1970-м или даже по 1980-м годам. Другая страна, другой народ; после кампании 2000 года один из выборщиков, Уильям Макинтурф, заявил в интервью газете "Вашингтон пост": "У нас имеются две противоборствующих силы. Первая – сельская, христианская, консервативная, почти пуританская. Вторая – социально толерантная, предприимчивая, светская, родом из Новой Англии или с Тихоокеанского побережья"^[2].

Дизраэли говорил, что в викторианской Британии два народа – богатые и бедные^[3]. Романист Джон Дос Пассос писал после суда над Сакко и Ванцетти и их казни: "Все в порядке, мы теперь не одна нация, а две"^[4]. Сам я, слушая инаугурационную речь президента Буша, с удивлением обнаружил, что мистер Буш словно уловил мои мысли: "А порой, – заявил он, – различия становятся настолько кардинальными, что кажется, будто мы живем не в одной стране, а лишь на одном континенте"^[5].

Ужасные события 11 сентября объединили страну – впервые со времен трагедии в Перл-Харборе; американцы поддержали президента Буша в его решимости отомстить за гибель более 5000 граждан США; однако эти события выявили и новый "водораздел". В нашей стране людей разделяет не уровень доходов, не идеология и не вера, но этническая принадлежность и идентификация. Внезапно выяснилось, что среди миллионов некоренных американцев треть – нелегальные иммигранты, что десятки тысяч наших сограждан – приверженцы режимов и диктатур, с которыми Соединенные Штаты ведут войну, что некоторые наши сограждане – специально обученные террористы, прибывшие к нам убивать американцев. Впервые с 1815 года, когда Эндрю Джексон изгнал британцев из Луизианы, враг проник на нашу территорию и американцы оказались в опасности в своей собственной стране. После событий 11 сентября многие с изумлением осознали, что мир разительно переменялся.

Когда в 1969 году Ричард Никсон приносил присягу, в Соединенных Штатах насчитывалось 9

миллионов некоренных американцев. Ко времени президентства мистера Буша-младшего число таких людей перевалило за 30 000 000. Каждый год в США прибывает почти миллион официальных иммигрантов – плюс почти полмиллиона незаконных. Средний показатель 2000 года определяет количество нелегальных иммигрантов в США в 9 000 000 человек. По оценке Северо-Восточного университета в северо-восточных штатах эта цифра возрастает до 11 000 000, схожие показатели приводят в штатах Алабама, Миссисипи и Луизиана^[6], в Калифорнии некоренных американцев 8,4 миллиона – это больше, чем все население штата Нью-Джерси; в штате Нью-Йорк некоренных американцев больше, чем в Южной Каролине. С нынешним положением дел не сравнить даже Великую волну иммиграции (1890-1920).

"Америка – плавильный тигель Господа, грандиозный алембик, в котором плавятся и пересоздаются заново все нации Европы",- писал Израэль Зангвилл, русский драматург еврейского происхождения, автор знаменитой пьесы "Алембик" (1908)^[7]. Но цунами иммиграции, накрывшее ныне США, вызвано отнюдь не "всеми нациями Европы". Величайшее переселение народов в истории вызвано эмиграцией из стран Азии, Африки и Латинской Америки, причем эти нации вовсе не "плавятся и пересоздаются".

В 1960 году только 16 миллионов американцев не могли похвастаться европейскими предками. Сегодня количество таких американцев увеличилось до 80 миллионов. Никакая нация на свете не переживала столь масштабной трансформации в столь сжатые сроки. В речи 1998 года, произнесенной в Портлендском университете, мистер Клинтон сообщил внимающим ему студентам о приближении времен, когда американцы европейского происхождения окажутся в меньшинстве:

"Сегодня, в первую очередь благодаря иммиграции, мы не найдем преобладающего народа ни на Гавайях, ни в Хьюстоне, ни в Нью-Йорке. В течение пяти лет исчезнет преобладание одного народа над другими и в нашем крупнейшем штате – Калифорнии, а затем и во всех Соединенных Штатах. Ни одна нация в мире не переживала такого глобального демографического сдвига в такие короткие сроки"^[8].

Считаю необходимым поправить мистера Клинтона: ни одна нация в мире не переживала такого глобального демографического сдвига в такие короткие сроки – оставаясь при этом единой нацией. Мистер Клинтон уверял студентов, что залог грядущего процветания Америки – в избавлении от "преобладания" и в осознании собственной "принадлежности". Что ж, студенты Портлендского университета скоро узнают, так ли это – ведь их золотые годы пройдут уже в Америке Третьего Мира.

Неуправляемая иммиграция грозит уничтожить страну, в которой мы выросли, и превратить Америку в хаотическое скопление народов, не имеющих фактически ничего общего между собой – ни истории, ни фольклора, ни языка, ни культуры, ни веры, ни предков. Своего рода новая балканизация... "Основной тенденцией минувшего (XX.- Прим. автора) века,- пишет Жак Барзум в своей книге по истории Запада "От рассвета к упадку",- был сепаратизм, повлиявший на все формы общественной деятельности. Идеал плюрализма был развенчан и уступил место сепаратизму; как выразился один из партизан нового времени, "салатница лучше плавильного тигля"^[9]. Великие нации Европы распадаются на наших глазах. Барзум прибавляет:

"При внимательном рассмотрении не замедлит выясниться, что величайшее политическое образование Запада, национальное государство, находится на краю гибели. В Великобритании бывшие королевства Шотландии и Уэльса имеют автономные парламенты; во Франции бретонцы, баски и эльзасцы требуют права на самоопределение; Корсика настаивает на своей

независимости и праве говорить на своем языке; в Италии существует Лига, жаждущая отделить Север от Юга; в Венеции образована партия, мечтающая об отделении этого города от государства..."^[10]

Люди идентифицируют себя с теми странами, откуда родом они сами или их предки; между тем Транснациональные элиты направляют общественное развитие в противоположную сторону. Открыто дебатруется вопрос о том, когда национальные правительства уступят власть правительству мировому, и в этих дебатах принимают участие многие "властители умов" - от Уолтера Кронкайта до Строуба Тэлбота, от Всемирной ассоциации федералистов до Организации объединенных наций.

В 1991 году в Маастрихте пятнадцать европейских государств, включая Францию, Италию, Германию и Великобританию, решили преобразовать зону свободной торговли в политический союз и постепенно передать функции управления правительству этого союза. В 2000 году кандидат в президенты Мексики предложил США создать Североамериканский союз, объединяющий Канаду, Мексику и Соединенные Штаты. Несмотря на возражения, что уничтожение границ приведет к уничтожению нации, Висенте Фоке был провозглашен в американских масс-медиа "творцом будущего", а президент Клинтон публично выразил сожаление о том, что не увидит дня, когда это объединение произойдет: "Полагаю, с течением лет наши страны будут все больше зависеть друг от друга. И не только они, но и весь мир. Жаль, что я не увижу завершения этого процесса. Но идея безусловно назревшая"^[11].

Америка также подвержена сепаратизму. Среди наших сограждан крепнет ощущение, что страна распадается на этнические группы. Кроме того, мы совсем недавно пережили культурную революцию, в результате которой господствующие высоты заняла новая элита. Через овладение средствами внушения идей, образов, мнений и ценностей - телевидение, искусство, индустрию развлечений, образование - эта элита исподволь создает новую нацию. Уже не только этнически и расово, но и культурно и этически мы более не "люди одной нации под Богом".

Миллионы людей ощущают себя чужаками в собственной стране. Они отворачиваются от массовой культуры с ее культом животного секса и гедонистических ценностей. Они наблюдают исчезновение старинных праздников и увядание прежних героев. Они видят, как артефакты славного прошлого исчезают из музеев и заменяются чем-то уродливым, абстрактным, антиамериканским; как книги, запомнившиеся им с раннего детства, покидают школьную программу, уступая новым авторам, о которых большинство никогда не слышало; как низвергаются привычные, унаследованные от поколений предков моральные ценности; как умирает взрастившая этих людей культура - вместе со страной, в которой они росли.

На протяжении жизни одного поколения многим американцам довелось увидеть, как развенчивают их Бога, ниспровергают их героев, оскверняют культуру, извращают моральные ценности, фактически вытесняют из страны, а самих называют экстремистами и лжецами за Приверженность идеалам предков. "Чтобы мы любили свою страну, нужно иметь нечто, за что ее возможно любить",- заметил Берк^[12]. Во многих, слишком во многих отношениях нынешнюю Америку любить не за что. Она , остается, конечно же, великой державой, но величие необязательно подразумевает благо. Немало таких людей, которые больше не чувствуют Америку своей. Не мы покидаем Америку, говорят они, это она нас покидает. Невольно вспоминаются слова Еврипида: "Нет большей горести на свете, нежели утратить родину"^[13].

Когда армия Корнуоллиса выходила из Йорктауна, оркестр барабанов и дудок играл "Мир

перевернулся вверх тормашками". Что ж, сегодня эта песня стала реальностью: вчерашняя истина обернулась нынешней ложью. Все, что вчера считалось постыдным – прелюбодеяние, аборт, эвтаназия, самоубийство, – сегодня прославляется как достижения прогрессивного человечества. Ницше говорил о переоценке всех ценностей: Прежние добродетели становятся грехами, а прежние грехи превращаются в добродетели.

Каждые несколько лет, с появлением очередного общественного лидера, заявляющего что-нибудь вроде: "Американцы – христианская нация", в стране начинается форменная истерия. Да, когда-то американцы были христианской нацией, большинство граждан США по-прежнему причисляет себя к христианам. Но нынешнюю доминирующую культуру правильнее называть постхристианской, или даже антихристианской, поскольку ценности, ею прославляемые, суть антитезис древнего христианского учения.

"Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим" – такова первая из заповедей, услышанных Моисеем на горе Синай, Однако новая культура отвергает Бога Ветхого завета и возжигает благовония на алтарях глобальной экономики. Киплингвы "боги рынка" отодвинули с пьедестала Бога Библии. Секс, слава, деньги, власть – вот новые боги новой Америки.

Два народа, две страны... Старая Америка уходит, зато новая набирает силу. Новые американцы – поколение 1960-х и более поздние – не испытывают привязанности к старой Америке. Они считают ее лживой, двуличной, реакционной, консервативной страной – и потому отряхивают ее пыль со своих ног и с успехом строят новую Америку. Культурная революция в их глазах была славной революцией; с другой стороны, для миллионов людей эта революция – катастрофа, которая отняла у них родную страну и поселила в культурной пустыне, в этической канализации. Эти люди не хотят жить в новой Америке и не желают за нее сражаться.

На выборах 2000 года политические различия между партиями были едва заметны. Мистер Буш предлагал снизить налоги радикальнее, чем мистер Гор, который заявлял, что собирается потратить деньги налогоплательщиков на борьбу с наркотиками, – вот и вся разница. Откуда же тогда столько желчи, столько сломанных копий из-за инцидента во Флориде? Терри Тичаут так оценивал состояние "двухполюсной" Америки после выборов: "Ожесточенность, с какой сторонники Буша и Гора оспаривали итоги выборов 2000 года, как нельзя более обнажает различия в культуре обоих кандидатов; а взаимное нагромождение обвинений и тон, каким эти обвинения высказывались, лишний раз подчеркивает, что нас ожидает в американской политике ближайшего будущего"^[14].

Первобытная дикость нашей политики – фон, на котором отчетливо проявляется граница между двумя Америками. Сотни раз во время избирательной кампании 2000 года ко мне подходили выборщики, мужчины и женщины, и произносили одно и то же: они мне верят, они со мной согласны, но голосовать за меня не будут – потому что не смогут. Подчиняясь партийной дисциплине, они должны голосовать за Буша, ведь только Буш способен не пустить Гора в Белый Дом, а Гора, безусловно, надо остановить. Не то чтобы эти люди были яркими противниками Клинтона и Гора – нет, они их Просто презирали. Культурная революция отравила американскую политику, и худшее, к несчастью, еще впереди.

Утром 11 сентября Америка сплотилась на несколько часов – сплотилась в горе, оплакивая чудовищные жертвы, восхищаясь героизмом пожарных, которые бежали во Всемирный Торговый центр, несмотря на то, что здания готовы были рухнуть в любой момент; желание воздать по заслугам тем, кто убил наших соотечественников, также объединило людей. Но уже

к октябрю от бывшего единения мало что осталось; и война с терроризмом, объявленная президентом Бушем, его не восстановит – как не помогла президенту Бушу-старшему 90%-ная поддержка действий администрации во время операции "Буря в пустыне". Ибо наши различия коренятся в "глубинных" верованиях – а в преодолении этих американцы преуспели ничуть не больше, нежели в ту пору, когда генерал Борегар приказывал открыть огонь по форту Саммер.

Да, мы удаляемся друг от друга – и не только физически, но и духовно.

В одном из своих публичных выступлений я обратился к участникам Национального съезда республиканцев в Хьюстоне в 1992 году с такими словами:

"Друзья, сейчас решается не просто, кто и что получит в итоге выборов. Решается, кем нам быть, во что нам верить, как нам доказать, что мы – американцы. В нашей стране идет религиозная война, война за душу Америки. Можно назвать ее войной культур; и исход этой войны важен для нашей страны ничуть не менее, чем исход холодной войны. И в войне за душу Америки с нами Джордж Буш, а против нас – Клинтон. И мы должны вернуться домой и встать рядом с Бушем"^[15].

Эти слова разожгли пожар, полыхавший весь 1992 год и глеющий до сих пор. Меня обвиняли в провокации, в разжигании ненависти. Ничего подобного! В моих словах все было истинной правдой, и ныне, восемь лет спустя, многим стало ясно, был ли я прав относительно Билла и Хиллари Клинтон.

Мистера Клинтон уберегли от импичмента по той причине, что он олицетворял собой противную сторону в упоминавшейся выше войне культур; его устранение со "сцены" могло поставить под угрозу все, чего удалось достичь за десятилетие. За импичмент президента Клинтон не проголосовал ни один демократ; это лишний раз подчеркивает, каких успехов добилась культурная революция в ниспровержении прежних стандартов истины, этики и справедливости. В понимании новой элиты морально все, что помогает утверждать революционные ценности, а все, что опровергает эти ценности, – аморально. Между сенаторами-демократами и старым судом присяжных много общего: и там и там торжествовали истина и справедливость – потому что мы победили и наш человек добился своего.

Большевистская революция, которая началась в 1917 году штурмом Зимнего дворца, завершилась с падением Берлинской стены в году 1989. Мечтой ее творцов было создание человека будущего. Однако полицейский террор, ГУЛАГ, семьдесят лет слепого поклонения Марксу и Ленину и пестуемой с младенчества ненависти к Западу нисколько не помогли решить эту задачу. Коммунизм – это бог-неумеха. Когда же колосс на глиняных ногах лжи обрушился, народы Восточной Европы И России принялись ломать статуи Ленина и Сталина (так у автора.- Прим. перев.) и выбрасывать на свалку истории книги Маркса и Энгельса.

Да, ленинская революция потерпела крах, но революция шестидесятых, начавшаяся в университетских кампусах, оказалась более успешной. Она изменила мировое сообщество и создала новую Америку. К 2000 году неформальная культура шестидесятых стала у нас доминирующей, ее окончательную победу ознаменовало выкидывание белого флага политиками-традиционалистами в Филадельфии. Что же касается морали и общественной жизни – борьба за ценность человеческой жизни и за возвращение к Богу народа той страны, которую принято называть "Божьей", – тут республиканцы просто подняли руки и взмолились: "No mas".

В своей книге я намерен описать эту революцию – какие она ставила перед собой цели, откуда

и как возникла, как сумела лишить нас Бога, как осквернила наши храмы, изменила веру и подчинила себе молодежь и что, предвещает ее триумф. Следует помнить, что эта революция восторжествовала не только в Америке - нет, она победила на всем Западе. Цивилизация, основанная на вере, а с нею культура и мораль отходят в прошлое и повсеместно заменяются новой верой, новой моралью, новой культурой и новой цивилизацией.

Впрочем, название книги - "Смерть Запада". Оно означает, что помимо культурного разделения и помимо массовой иммиграции, угрожающей Америке балканизацией, нас подстерегает иная, куда более серьезная опасность.

Запад умирает. Народы Запада перестали воспроизводить себя, население западных стран стремительно сокращается. С самой Черной Смерти, выкосившей треть Европы в четырнадцатом столетии, мы не сталкивались с опасностью серьезнее. Нынешний кризис грозит уничтожить западную цивилизацию. Сегодня в семнадцати европейских странах смертность значительно превышает рождаемость, гробы в них требуются куда чаще, чем колыбели. Это Бельгия, Болгария, Венгрия, Германия, Дания, Испания, Италия, Латвия, Литва, Португалия, Россия, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия и Эстония^[16]. Католики, протестанты, православные - все они участвуют в грандиозной похоронной процессии западной цивилизации.

Новый гедонизм, как представляется, не дает объяснений, зачем продолжать жить. Его первые плоды кажутся ядовитыми. Неужели эта новая культура "освобождения", которая оказалась столь привлекательной для нашей молодежи, на деле станет самым смертоносным канцерогеном? А если Запад задыхается в хватке "культуры смерти", как однажды выразился Папа Римский и как подтверждает статистика, последует ли западная цивилизация за ленинской империей к бесславному концу?

Столетие назад Гюстав Лебон писал в своей классической работе "Психология толпы":

"Истинная причина великих потрясений, которые предшествуют смене цивилизаций - например, падению Римской империи и возвышению арабов, - есть кардинальное обновление образа мыслей... Все сколько-нибудь значительные исторические события - видимые результаты невидимых сдвигов в человеческом мышлении... Настоящее время - один из тех критических моментов, когда человеческая мысль претерпевает трансформацию"^[17].

Лебон говорил о своем времени, о конце девятнадцатого столетия, однако его слова не утратили актуальности по сей день.

Именно культурная революция привела к нынешнему "кардинальному обновлению образа мыслей". И это обновление как будто сделало западные элиты невосприимчивыми к факту грядущей гибели их цивилизации. "Элиты словно не интересуют ни депопуляция, ни отказ от национальной государственности, ни нарастающая иммиграция из стран третьего мира. Теперь, когда все западные империи погибли, Homo Occidentalis, освобожденный от цивилизаторского и христианизаторского бремени, наслаждается современными развлечениями, утрачивая при этом желание жить и нисколько не боясь приближающейся смерти. Наступают "сумерки Запада"... Но можно ли что-то предпринять? Давайте обратимся к отчету патологоанатома.

Глава 1. ИСЧЕЗАЮЩИЙ ВИД

Европейцы - исчезающий вид ^[18].
"Лондон Таймс"

Самое важное сегодня, о чем можно говорить с уверенностью, - и у данного факта нет исторических прецедентов, - это о том, что уровень рождаемости в развитых странах снизился катастрофически ^[19].
Питер Ф. Дракер

Подобно тому как прирост населения всегда считался признаком здоровья нации и цивилизации в целом, депопуляция есть признак болезни народа и общества. В нынешних условиях отсюда следует, что западная цивилизация, несмотря на все свое могущество и богатство, находится в глубочайшем упадке. Ее состояние можно назвать синдромом Чеширского кота - как этот кот, народы западной цивилизации тают на глазах.

В 1960 году европейцев вместе с американцами, австралийцами и канадцами насчитывалось 750 миллионов человек, что составляло одну четвертую от трехмиллиардного населения земного шара. Вдобавок западная цивилизация в те годы переживала бум рождаемости; избавленные от бремени имперского строительства, залечившие раны войны, западные народы буквально лучились жизненной силой и энергией. Новые мальтузианцы даже начали оплакивать темпы прироста населения и мрачно предвещать, что ресурсы планеты вскоре окажутся исчерпанными. Тогда над ними смеялись - но к 2000 году смех утих.

За сорок лет население земного шара увеличилось вдвое, с трех до шести миллиардов человек, но европейские (в широком смысле) народы практически прекратили воспроизводство. Во многих западных странах смертность ныне соответствует рождаемости, а то и превосходит последнюю. Из сорока семи европейских стран только одна, мусульманская Албания, продемонстрировала в 2000 году уровень рождаемости, достаточный для сохранения народа. Остальная Европа вымирает.

Прогнозы весьма печальны. В период с 2000 по год население земного шара возрастет на три с лишним миллиарда человек и составит свыше девяти миллиардов, однако это пятидесятипроцентное увеличение численности населения произойдет исключительно за счет стран Азии, Африки и Латинской Америки, а сто миллионов европейцев просто-напросто исчезнут с лица земли.

В 1960 году люди европейского происхождения составляли четверть мирового населения; в 2000 году - уже одну шестую; к 2050 году они будут составлять всего лишь одну десятую. Такова печальная статистика исчезающей расы. И распространение этой статистики среди широкой публики ведет к паническим настроениям в Европе.

ЕВРОПА

В 2000 году население Европы, от Исландии до России, составляло 728 миллионов человек. При сохранении текущего уровня рождаемости, без учета иммиграции, количество населения к 2050 году сократится до 600 миллионов человек. Таков прогноз Демографического отдела ООН, изложенный в докладе "Перспективы мирового населения: ситуация 2000 года" от 28 февраля 2001 г. Согласно другому исследованию, население Европы за тот же период времени сократится до 556 миллионов человек ^[20]. В последний раз столь значительное сокращение

европейского населения наблюдалось во время Черной Смерти - эпидемии чумы в 1347-1352 гг. Профессор экономики Жаклин Касун из Калифорнийского государственного университета имени Гумбольдта, автор книги "Война против населения", видит в нынешней ситуации еще более серьезную угрозу:

"Эпидемия чумы, как в четырнадцатом столетии, может выкосить до трети европейского населения, но эта эпидемия унесет жизни как молодых, так и пожилых людей... А сокращение рождаемости затрагивает только молодежь. У семейной пары остаются родители и родители родителей, которых они поддерживают экономически - напрямую или через налоги. Поскольку у них нет или почти нет братьев и сестер, им не с кем разделить экономическое бремя, из-за чего появление детей в данной семье становится еще менее вероятным. И поневоле возникает вопрос: возможно ли вырваться из этого замкнутого круга?"^[21]

Вопрос, что называется, ребром; и если Европа в обозримом будущем не найдет на него ответа, европейцы вымрут. Насколько серьезна ситуация? Из двадцати наций с наименьшим уровнем рождаемости восемнадцать - нации европейские. Средний уровень рождаемости в Европе упал до 1,4, тогда как для сохранения текущей численности населения требуется уровень как минимум 2,1. По замечанию обозревателя Бена Уоттенберга, это не просто НПН (нулевой прирост населения), это НН (нулевое население)^[22].

НАТО вскоре предстоит защищать обширный мир пенсионеров.

При сохранении текущего уровня рождаемости европейское население к концу двадцать первого столетия сократится до 207 миллионов человек - то есть до тридцати процентов от сегодняшнего. Колыбель западной цивилизации станет и ее могилой.

Почему это происходит? Одна из причин - социализм, прекрасный идеал европейских интеллектуалов на протяжении нескольких поколений. "Если посулить каждому государственную пенсию, дети перестанут быть страховкой против старости,- полагает доктор Джон Уоллес из университета Джона Хопкинса.- Если женщина зарабатывает более чем достаточно, чтобы чувствовать себя экономически независимой, она не станет во что бы то ни стало искать себе мужа. А если можно заниматься сексом просто так, не имея в виду зачатия, - сегодня это верно как для католической Италии, так и для светской Британии,- зачем выходить замуж и жениться?"^[23]

Освобождая мужей, жен и детей от семейных обязанностей, европейские социалисты устранили общественную потребность в семье. Как следствие, институт семьи начал отмирать. А с этим институтом начала отмирать и Европа. Между тем третий мир каждые пятнадцать месяцев дает прирост населения в сто миллионов человек - население Мексики; к 2050 году третий мир прирастет сорока новыми Мексиками, тогда как Европа потеряет столько человек, сколько проживает ныне на территории Бельгии, Голландии, Дании, Швеции, Норвегии и Германии. Если не произойдет божественного вмешательства - или если европейских женщин вдруг не обуяет желание иметь столь же многочисленные семьи, какие были у их бабушек,- грядущее будет принадлежать третьему миру. Как подытожил в "Полых людях" Т.С. Элиот: "Вот так закончится мир,/Не взрыв, но всхлип"^[24].

ГЕРМАНИЯ

МЕСТЬ КЛЕМАНСО

"Немцев на двадцать миллионов больше, чем нужно!" - заявил однажды Жорж Клемансо, Тигр Франции, государственный деятель, более прочих ответственный за Версальский договор, который лишил Германию всех колоний, десятой части собственной территории и одной

восьмой населения^[25]. Ненависть Клемансо к немцам вполне понятна. Как заметил Алистер Хорн в своей книге по истории Третьей республики: "Клемансо был одним из тех депутатов, кто протестовал против передачи Германии Эльзас-Лотарингии в 1871 году; он едва избежал казни во время гражданской войны и подавления Коммуны"^[26]. Клемансо был свидетелем низложения французского императора и коронации в Версале германского кайзера. В годы Первой мировой войны он беспомощно наблюдал, как его ненаглядную Францию терзают варвары Гинденбурга и Людендорфа, как немецкие орды возвращаются в фатерланд, оставляя за собой полтора миллиона убитых французов.

Через пятьдесят лет, считая от сегодня, Французский Тигр сумеет отомстить, поскольку ныне немецкие женщины отказываются рожать детей. На протяжении десяти лет уровень рождаемости в Германии составляет 1.3, что гораздо ниже необходимых 2.1. Поэтому будущее немецкой нации выглядит весьма печальным.

К 2050 году:

- двадцать три миллиона немцев умрут;
- население Германии сократится с восьмидесяти двух до пятидесяти девяти миллионов;
- количество детей младше пятнадцати лет сократится до 7,3 миллионов человек
- треть населения Германии будут составлять люди старше шестидесяти пяти лет. Соотношение между пожилыми людьми и молодежью в Германии будет превышать два к одному в пользу первых;
- население Германии будет составлять две трети процента от мирового населения, и лишь один из каждых 150 человек на Земле будет немцем. Кроме того, немцы окажутся в числе самых старых народов мира.

По моей просьбе Джозеф Чами, директор Демографического отдела ООН, разработал прогноз численности населения ряда европейских стран к 2100 году. При сохранении текущего уровня прироста населения и при нулевой иммиграции население Германии, согласно этому прогнозу, сократится до 38,5 миллионов человек, то есть падение составит 53 процента^[27].

Баварский консерватор, претендент на пост канцлера Эдмунд Штойбер считает нынешнюю демографическую ситуацию в Германии бомбой замедленного действия^[28]. Он настаивает на трехкратном увеличении размеров пособия на воспитание детей в возрасте до трех лет. Сегодня в Германии на ребенка до двух лет выплачивается пособие в размере 140 долларов ежемесячно и чуть больше - в следующий год. Пока предложение Штойбера называют радикальным, экстремистским, но вскоре оно станет сугубой реальностью.

"Почему я отказываюсь заводить детей? Мне хочется высыпаться. Я много читаю, а чтобы воспринимать книги, нужно как следует высыпаться" - так рассуждает Габриэлла Тангейзер, тридцать четыре года, берлинский предприниматель, живущая в гражданском браке^[29]. "Мы - СДНД", - вторит ей Андреас Херманн, тридцати семи лет, используя популярную в Германии аббревиатуру от формулировки "сдвоенный доход и никаких детей"^[30]. В длительной перспективе потакание собственным интересам у СДНД наподобие Тангейзер и Херманна может оказаться для Германии более судьбоносным, нежели возникновение Третьего рейха.

С падением Берлинской стены западногерманский канцлер Гельмут Коль предпринял попытку объединить немецкий народ после сорока пяти лет "холодной войны". В Великобритании, России, Франции и даже в США много говорилось о том, что мир не может доверять

объединенной Германии. Ведь дважды Германия пыталась покорить Европу. Какие существуют гарантии того, что объединенная Германия не предпримет аналогичную попытку в третий раз?

Впрочем, эта опасность пока остается не более чем гипотетической. Немецкий народ стареет и вымирает, к 2050 году немецких детей будет на пять миллионов меньше, чем было в 2000 году; так что, по всей вероятности, Германия, как старый солдат генерала Макарура из баллады, просто "потихоньку увянет".

ИТАЛИЯ ПАРК РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Перспективы итальянского народа, подарившего нам Рим во всем его величии, собор Святого Петра и Сикстинскую капеллу, Данте и Микеланджело, Колумба и Галилея, представляются еще более грустными. Уровень рождаемости в Италии отстает от уровня воспроизводства уже на протяжении двадцати пяти лет и составляет всего лишь 1,2 ребенка на каждую женщину. При его сохранении к 2050 году пятьдесят семь миллионов итальянцев превратятся в сорок один миллион. Исследователь Николас Эберштадт из Института американского предпринимательства пишет: "Едва ли 2 процента населения Италии к 2050 году будут младше 5 лет, зато свыше 40 процентов окажутся среди тех, кому за шестьдесят Пять"^[31]. Уровень рождаемости в этой "самой католической и самой романтической из стран", добавляет Грег Истербрук, обозреватель "Нью Рипаблик", "сулит превращение Италии в парк развлечений на протяжении нескольких поколений"^[32].

Недавнее исследование популярного "полуфеминистского" журнала "Нои Донне" показывает, что 52 процента итальянок в возрасте от шестнадцати до двадцати четырех лет не собираются обзаводиться детьми^[33]. Главная причина этого нежелания - карьера. Специалист по демографии Римского университета Антонио Голини утверждает, что Италия целиком зависит от иммигрантов, которые только и позволяют стране выдержать бремя пенсионного обеспечения. Но приток иммигрантов одновременно подвергает опасности итальянскую культуру. "Италия перестает быть итальянской,- говорит Голини.- Наше общество, каким мы его знаем, гибнет у нас на глазах"^[34].

Двадцать лет назад, когда он впервые опубликовал материал о грядущем демографическом кризисе, Голини называли "террористом от демографии"^[35]. Сегодня уже никто не вспоминает об этом прозвище, несмотря на то что доктор Голини по-прежнему исполнен самых мрачных предчувствий относительно будущего Италии: "При все возрастающей глобализации рынка труда Италия должна соперничать с Францией, Соединенными Штатами, Индией... Как можем рассчитывать на успех в конкурентной борьбе мы, с нашими стариками и немногочисленной молодежью?"^[36]

Кардинал Джакомо Биффи из Болоньи обратился к Риму с призывом ограничить иммиграцию, впускать в страну только католиков, чтобы "сберечь идентификацию нации" - ведь у иммигрантов-мусульман, по словам его преосвященства, "другая пища, другие праздники, иные семейные ценности"^[37]. Но где кардинал рассчитывает найти этих католиков?

Разумеется, не в Испании, где во время правления каудильо Франсиско Франко большие семьи считались образцом для подражания и получали от государства медали и подарки. Испанский уровень рождаемости - самый низкий в Европе, даже ниже, чем в Италии, Чехии или Румынии, где он составляет 1,2. В Испании же этот показатель равен 1,07, что означает сокращение

населения страны на 25 процентов в течение пятидесяти лет при одновременном увеличении числа пожилых (старше шестидесяти пяти лет) испанцев на 117 процентов. "Всего лишь за одно поколение мы перешли от общества, в котором нормой были семьи с восемью и даже двенадцатью детьми, к обществу, в котором нормой стали бездетные пары или пары с одним ребенком, не слишком торопящиеся заводить второго", - замечает мадридский социолог Виктор Перес Диас^[38]. К 2050 году средний возраст итальянцев составит пятьдесят четыре года, испанцев - пятьдесят пять, что на четырнадцать лет больше среднего возраста японцев - самой старой на сегодняшний день нации на Земле.

"Нас задушило процветание,- заявил доктор Пьер-паоло Донати, католик-интеллектуал, профессор социологии в Болонском университете.- Комфорт - вот единственная вера нынешних поколений. Понятие жертвы ради семьи - основа человеческого общества - превратилось в исторический казус. Это не может не изумлять"^[39].

В 1950 году в Испании было втрое больше населения, чем в Марокко, отделенном от Испании Гибралтарским проливом. К 2050 году население Марокко будет вдвое превышать население Испании. У ста молодых испанцев, женящихся или выходящих замуж в наши дни, будет, по прогнозам социологов, пятьдесят восемь детей, тридцать три внука и лишь девятнадцать правнуков.

РОССИЯ

А что последний опорный пункт Советской империи, сотрясавшей мир на протяжении семидесяти лет? С уровнем рождаемости 1,35 Россия к 2050 году потеряет 33 миллиона человек из своих ста сорока семи, то есть потери будут даже больше, чем те 30 миллионов жертв, которые приписывают Сталину. Число детей младше 15 лет сократится к тому же сроку с двадцати шести до шестнадцати миллионов, а количество пожилых людей возрастет с нынешних восемнадцати до двадцати восьми миллионов человек.

В декабре 2000 года стали известны подробности, грозящие куда более серьезными последствиями. Уровень рождаемости в России опустился до 1,17 - ниже, чем в Италии. Население сократилось до 145 миллионов человек, прогноз на 2016 год дает цифру в 123 миллиона человек. "Если верить прогнозам, которые разрабатываются профессионалами, посвятившими жизнь этой науке,- заявил президент Путин,- через пятнадцать лет нас будет меньше на 22 миллиона. Просто задумайтесь над этой цифрой - это седьмая часть населения России"^[40]. Упомянутая потеря перекроет все потери СССР во Второй мировой войне. "Если текущая тенденция сохранится,- продолжал Путин,- мы столкнемся с прямой угрозой существованию нации".

Средняя продолжительность жизни в России сегодня составляет пятьдесят девять лет для мужчин; две из каждых трех беременностей завершаются абортами. Русская женщина в среднем делает от 2,5 до 4 абортов, а уровень смертности в России сегодня на 70 процентов превышает уровень рождаемости^[41]. Даже возвращение в свою страну миллионов русских из бывших союзных республик не может остановить процесс вымирания нации. Что самое угрожающее в данной ситуации, стремительно сокращается население Сибири - при том, что население соседнего Китая растет поистине невероятными темпами. Когда заместитель председателя Государственной Думы, ярый националист Владимир Жириновский выдвинул идею полигамии - каждому русскому мужчине по пять жен, десятилетний запрет на аборты, запрет для русских женщин на выезд за границу,- его публично высмеяли, что привело к

значительному падению популярности этого политика^[42]. Тем не менее демографическая ситуация в России такова, что требует немедленных действий, а геостратегические последствия "жизненного кризиса" в России могут стать камнем преткновения для Америки.

Мистер Чами по моей просьбе сделал прогноз для России при сохранении нынешнего уровня рождаемости и нулевой иммиграции. По этому прогнозу, к 2100 году русских будет менее 80 миллионов человек; это приблизительно соответствует численности населения США в год отставки Теодора Рузвельта (1909)^[43].

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

А что будущее сулит нашим островным кузенам? "Социологи подсчитали, что к концу этого столетия англичане окажутся в меньшинстве в своей собственной стране. У англичан рождается недостаточно детей для того, чтобы обеспечить воспроизводство нации", - пишет обозреватель Пол Крейг Робертс^[44]. Впервые в истории, дополняет газета "Лондон Обсервер", преобладающее национальное большинство становится меньшинством добровольно, а не в результате войны, голода или эпидемии^[45].

Газета ошибается. Сомнительная честь быть первой в истории нацией, добровольно отказавшейся от преобладания на собственной территории, будет принадлежать Соединенным Штатам. Президент Клинтон предсказывал, что это произойдет к 2050 году, на полстолетия раньше, чем в Великобритании. Однако нет сомнения, что британцы движутся в том же направлении. Этнические меньшинства уже составляют 40 процентов населения Лондона; Ли Джаспер, советник мэра Лондона по национальному вопросу, заявляет: "По подсчетам социологов, белые станут меньшинством в Лондоне к 2010 году"^[46].

Среди причин подобного развития событий - неуклонно снижающийся уровень рождаемости у коренных британцев. В 2000 году в Англии и Уэльсе родилось на 17 400 младенцев меньше, чем в 1999 г., то есть падение составило почти 3 процента, а уровень рождаемости снизился до 1,66 - самой низкой отметки с тех пор, как статистики стали определять этот показатель в 1924 году^[47].

ЯПОНИЯ

Из двадцати двух народов с самым низким уровнем рождаемости только два находятся за пределами Европы - это американцы и японцы.

Японцы первыми из азиатских народов вступили в современную эпоху. До 1868 года их страна находилась в добровольной изоляции от остального мира. Не прошло и тридцати лет, как динамично развивавшаяся Япония встала вровень с западными странами. Японцы победили Китай, колонизировали Тайвань, а в 1900 году японская армия вторглась в Китай, наряду с европейцами и американцами, чтобы подавить знаменитое боксерское восстание. Русско-японская война 1904-1905 гг. была первой войной, в которой азиатский народ победил великую западную нацию. Война началась с внезапного нападения на русскую эскадру в Порт-Артуре, а завершилась одним из самых впечатляющих морских сражений в истории - потоплением царского флота в Цусимском проливе.

В Первой мировой войне Япония поддерживала Антанту и захватила от ее имени германские колонии в Китае и на островах Тихого океана; также она защищала европейские владения в

Азии, а японские корабли сопровождали австралийские и новозеландские войска до Галлиполи. Кроме того, японская эскадра курсировала в Средиземном море. Но когда президент Хардинг и государственный секретарь Чарлз Эванс Хьюз потребовали от Лондона на Вашингтонской морской конференции разорвать союз с Японией, просуществовавший двадцать четыре года, японцы почувствовали себя преданными. Жребий был брошен. Двадцать лет спустя случилась трагедия в Перл-Харборе, за которой последовало полное уничтожение японской империи.

С помощью Америки, опираясь на американские идеи и методы, послевоенная Япония стала самой динамично развивающейся страной на планете. К 1990 году ее экономика уступала масштабами только экономике США, составляя половину последней, несмотря на то что территория Японских остров не превосходит размерами штат Монтана. "Японское чудо" было выдающимся достижением выдающегося народа.

Однако затем с Японией что-то произошло. Японцы также начали вымирать. Сегодня уровень рождаемости в стране составляет половину уровня 1950 года. Ближний прогноз оценивает численность населения Японии в 127 миллионов человек, к 2050 году эта цифра уменьшится до 104 миллионов, причем к этому сроку в стране будет меньше половины от того количества детей, какое насчитывалось в 1950 году, зато количество стариков возрастет по сравнению с тем же годом в восемь раз. Динамизм сойдет на "нет", Япония утратит свое нынешнее значение в Азии, поскольку на каждого японца будет приходиться пятнадцать китайцев. Даже филиппинцы, численность населения которых составляла в 1950 году лишь четверть от населения Японии, к 2050 году превзойдут японцев на двадцать пять миллионов человек.

В чем причина этих социальных потрясений? Больше половины японок к тридцати годам не выходят замуж и не заводят детей^[48]. Известные под прозвищем "старых дев-паразиток", они живут вместе с родителями и делают карьеру, причем многие даже не вспоминают о таких "общественных явлениях", как муж и дети. Их девиз: "Живи для себя и наслаждайся жизнью". В 2000 году в японские школы пришло меньше всего младшеклассников за всю историю страны, а правительство увеличило субсидию на воспитание ребенка до шести лет до 2400 долларов в год (некоторые радикальные политики предлагают увеличить эту сумму в десять раз).

Одна из передовых японских журналисток старшего поколения, Мицуко Шимомура, сообщила корреспонденту "Нью-Йорк Таймс" Пегги Оренстайн, что Япония получает по заслугам, ибо не пожелала дать истинного равенства своим женщинам:

"Я не жалею о снижении уровня рождаемости... Думаю, это даже полезно. Паразитки, сами того не подозревая, породили замечательное общественное движение. Теперь политики упрощают женщинам заводить детей. Если не возникнет общество, в котором женщина с детьми будет работать и чувствовать себя комфортно, Япония погибнет через пятьдесят, самое большее - через сто лет. И никакие пособия на детей тут не помогут. Нужно на деле уравнивать женщин в правах с мужчинами"^[49].

И эти женщины определяют судьбу и будущее японского общества!

Японская империя рухнула в 1945 году, а сравнительно недавно случилось нечто, подрывавшее дух Японии, лишившее ее желаний жить и развиваться, завоевывать и осваивать все новые территории в промышленности, технологиях, торговле и финансах. Аналитики называют подобное состояние утратой того, что прославленный экономист Дж. М. Кейнс именовал "животным духом".

Вполне вероятно, случившемуся существует иное, более прозаичное объяснение - возраст. Из 190 государств на Земле Япония - самое старое: средний возраст японца равняется сорока одному году. Япония первой легализовала аборт (1948), в результате чего послевоенный бум рождаемости быстро иссяк особенно по сравнению с аналогичным бумом на Западе.

Существует ли параллель между вымиранием христианства на Западе и гибелью японской веры довоенной и военной поры? Когда нации утрачивают свою миссию, этот дар небес, когда они теряют веру, некогда отличавшую их от всех прочих, тогда-то они погибают как нации, тогда-то исчезают культуры, народы и цивилизации.

Давайте снова обратимся к прогнозу на 2050 год и попытаемся представить, как будет выглядеть наш мир.

В Африке будет проживать 1,5 миллиарда человек. От Марокко до Персидского залива раскинется арабо-турецко-исламское море в 500 миллионов человек. В Южной Азии будет 700 миллионов иранцев, афганцев, пакистанцев и жителей Бангладеш, а также 1,5 миллиарда индийцев. Плюс 300 миллионов индонезийцев, а также Китай с его 1,5 миллиардами населения - некоронованный король Азии. Россия, население которой составит от силы 114 миллионов человек, окажется практически вытесненной из Азии. Почти все русские станут жить к западу от Урала, то есть в Европе. Западный человек, в первой половине двадцатого столетия доминировавший в Африке и Азии, исчезнет с этих континентов к середине двадцать первого века; следы его присутствия сохранятся разве что в крохотных анклавах наподобие Южной Африки и Израиля. В Австралии, с ее населением в 19 миллионов человек, при том что уровень рождаемости среди белых уже сегодня ниже уровня воспроизводства, европейское население также начнет вымирать.

Итак, страны "первого мира" стоят перед нелегким выбором.

При сохранении нынешнего уровня рождаемости Европа к 2050 году должна будет принять 169 миллионов иммигрантов - если, конечно, она желает сохранить сегодняшнее соотношение пятнадцати- и шестидесятипятилетних. Если же европейцы решат восполнить естественную убыль населения, им придется принять до 1,4 миллиарда иммигрантов из стран Африки и Среднего Востока. Иными словами, либо Европа увеличивает налоги, радикально снижает пенсии и льготы на лечение, либо она становится "континентом третьего мира". Таков выбор, и его придется сделать.

Если уровень рождаемости в Европе не повысится, число европейских детей до пятнадцати лет сократится к 2050 году на 40 процентов - до 87 миллионов, а количество стариков возрастет вдвое - до 169 миллионов человек. Средний возраст европейца будет равняться пятидесяти годам, что на девять лет выше среднего возраста современного японца. Французский исследователь Альфред Сови замечает, что Европа "рискует стать континентом стариков, живущих в старых домах и обремененных старыми идеями"^[50].

Неужели смерть Запада неотвратима? Или, подобно всем предыдущим предсказаниям гибели западной цивилизации, это пророчество тоже окажется несбыточным и о нем вскоре забудут и станут вспоминать разве что как пример необоснованной паники?

В конце концов, ошибались и Мальтус, и Маркс. Демократия не погибла во время Великой депрессии, несмотря на уверения коммунистов. И Хрущев не сумел нас "похоронить" - это мы его похоронили. Роман Невилла Шюта "На последнем берегу" оказался не менее фантастичным, нежели "Доктор Стрэнджлав" или "Семь дней в мае". И так и не взорвалась "популяционная бомба" Пола Эрлиха. "Катастрофа 79-го" привела к власти Рональда Рейгана и

положила начало эре добрых чувств. Несмотря на все заявления Римского клуба, нефть на Земле до сих пор не кончилась. Мир не погиб на рубеже тысячелетий, как предсказывали одни и надеялись другие. Но кто предрекал исчезновение Советской империи и распад Советского Союза? Разве нельзя предположить, что сегодняшние наиболее населенные государства – Китай, Индию и Индонезию – ожидает та же участь? Почему бы не поместить причитания о смерти Запада на одну пыльную полку с рассуждениями о "ядерной зиме" и о "глобальном потеплении"? Ответ: смерть Запада – не предсказание, не описание того, что может произойти в некотором будущем; это диагноз, констатация происходящего в данный момент. Нации "первого мира" вымирают. Они оказались в глубоком кризисе – не потому, что случилось что-то с третьим миром, а потому, что чего-то не случилось у них самих, в их собственных домах. Уровень рождаемости в западных странах снижался на протяжении многих лет. Если не считать мусульманской Албании, ни один европейский народ не в состоянии обеспечить надлежащий уровень воспроизводства. И чем дальше, тем заметнее становится снижение рождаемости, во множестве европейских стран старики умирают быстрее, чем рождаются младенцы. Нет никаких признаков изменения ситуации к лучшему: число европейцев сокращается в абсолютном выражении.

Так что мы говорим не о пророчестве, не о гадании на кофейном гуще, а о математике. Чем с большей высоты и чем затяжнее падение, тем труднее выбираться из пике. "Первому миру" требуется срочно переломить ситуацию, иначе его одолеет третий мир, впятеро превосходящий своего соперника численностью сегодня – а к 2050 году уже вдесятеро! Возможность выйти из пике уменьшается с каждым годом. Ни намек на повышение рождаемости, наоборот, все больше и больше западных женщин отказываются заводить детей "из идейных соображений".

За подкреплением наших доводов обратимся к арифметике. Италия не сможет иметь к 2020 году больше молодых людей детородного возраста, нежели она имеет сегодня подростков, маленьких детей и младенцев. Существующее в стране население можно увеличить только за счет иммигрантов. Или должно произойти чудо, когда западные женщины вдруг вернуться к отвергнутой ими идее – что нужно рожать и воспитывать детей, а затем выводить их в мир, на продолжение семьи и нации; только тогда мы сумеем предотвратить смерть Запада.

Почему западные женщины сегодня имеют меньше детей, нежели их матери, или не заводят детей вообще? Почему столь многие поддерживают, пользуясь словами матери Терезы, "войну против детей"?^[51] Западным женщинам давно известны и доступны средства контроля за рождаемостью, однако никогда ранее они не использовали эти средства так активно, как сегодня. На протяжении тридцати лет в Америке не возбраняется делать аборты, однако в отличие от Китая никто, никакой федеральный судья не заставляет женщину делать аборт, если она этого не хочет.

Тем не менее западные женщины прерывают беременность так часто, что это все больше напоминает геноцид народов европейского происхождения. "Цивилизованное общество – то, в котором ласкают детей", – заметила Джоан Ганц Куни^[52]. Почему сегодня детям достается гораздо меньше ласки? Что вызвало перемену в сердцах и умах западных мужчин и женщин? Можно ли исправить это положение дел? Если нет, нам пора писать последние главы в истории нашей цивилизации и готовить завещание Запада.

Примечание автора: Если не оговорено особо, все статистические данные, приводимые в этой главе, взяты из исследований Демографического отдела ООН "World Population Prospects: The 2000 Revision, Highlights" (февраль 2001), "Replacement Migration: Is It a Solution to Declining and Ageing Populations?" (Март 2000) И "World Population Prospects: The 1998 Revisions, Vol. 1.

Все прочие данные, если не указано иного, взяты из Альманаха "New York Times" за 2001 год.

Глава 2. "КУДА ПОДЕВАЛИСЬ ЭТИ ДЕТИ?"

И останется вас немного, тогда как множеством вы подобны
были звездам небесным, ибо ты не слушал гласа
Господа Бога твоего.
Втор.28:62

Почему европейцы отказываются заводить детей и как будто смирились с тем, что они не в столь отдаленном будущем исчезнут с лица Земли? Неужели потери минувших войн и гибель империй погубили в народах Европы желание жить? Если внимательно присмотреться, причина совсем в другом.

Первая Мировая война завершилась поражением и разделением Германии; потери немцев составили два миллиона убитыми и десятки миллионов ранеными. Тем не менее население Германии после 1919 года возрастало так быстро, что Франция, один из победителей и ближайший сосед немцев, поневоле забеспокоилась. После Второй Мировой войны в побежденных Германии и Японии, равно как и в победившей Америке, наблюдался всплеск рождаемости. Анализируя данные о приросте населения, мы обнаружим, что перемена в настроениях европейцев произошла в середине 1960-х годов, на пике послевоенного благополучия; именно тогда западные женщины стали отказываться от образа жизни своих матерей. Причина этой перемены до сих пор остается невыясненной, а вот способы вполне очевидны: контрацепция вдвое сократила прирост населения на Западе, а аборты стали своего рода "второй линией обороны" против нежеланных детей.

Обратимся к истории. Лишь однажды уровень прироста населения в США опустился ниже уровня воспроизводства – это случилось во время Великой Депрессии, когда экономическая мощь страны сократилась вдвое и четверть работоспособного населения оказалась на улице. Пессимизм, порожденный Депрессией, безусловно, не мог не повлиять на деторождение: к чему заводить детей, когда лучшие времена миновали, похоже, раз и навсегда? Так появилось "молчаливое поколение" 1930-х годов – относительно малочисленное, единственное поколение США, у которого не было своего президента.

Послевоенный бум рождаемости (бэби-бум) начался в 1946 году, достиг пика в 1957 году и завершился семь лет спустя. Но как раз тогда, когда иссякли жизненные силы поколения Второй Мировой, когда вступили в детородный возраст бэби-бумеры, был изобретен новый, куда менее варварский, нежели подпольные аборты, способ избежать нежелательной беременности.

Однажды историки назовут противозачаточные пилюли таблетками, погубившими Америку. Эти пилюли появились в продаже в 1960 году. Три года спустя уже 6 процентов американок пользовались изобретением доктора Рока; к 1970 году "на таблетках" сидели 43 процента ^[53]. Католическая церковь яростно протестовала против применения пилюль, папа Павел Шестой издал энциклику "Humanae vitae", в которой называл греховными для католиков любые методы искусственного контроля за рождаемостью, в особенности противозачаточные пилюли. Но, пока шла "война из-за таблеток", проявилась новая опасность.

Сотрудница Аризонского телевидения Шерри Финкбайн, мать четверых детей, принимавшая талидомид – лекарство, которое, как уже было известно, вызывает врожденные уродства у младенцев, внезапно выяснила, что она снова беременна. Разумеется, миссис Финкбайн не хотелось, чтобы у нее родился деформированный ребенок; она призналась подругам, что собирается сделать аборт. Когда новости просочились в прессу, миссис Финкбайн стала получать как угрозы, так и предложения взять еще не родившегося ребенка на воспитание. Аборт по-прежнему считался незаконным, поэтому желание миссис Финкбайн вызвало ожесточенные дебаты в стране. Решилось все просто: миссис Финкбайн улетела в Швецию и там сделала аборт.

К 1966 году об этом случае забыли, поскольку каждый год в стране официально делалось 6000 аборт. К 1970 году эта цифра выросла до 200 000, поскольку губернаторы штатов Нью-Йорк и Калифорния, Джон Рокфеллер и Рональд Рейган соответственно, подписали весьма либеральные законы об абортах^[54]. К 1973 в стране делалось уже 600 000 аборт ежегодно^[55]. В том же году Верховный суд, в который обратились три из четверых противников президента Никсона, заявил, что право женщины на аборт закреплено конституцией. За следующие десять лет количество аборт выросло до 1,5 миллионов в год; более того, аборт отобрал у тонзилэктомии пальму первенства как у самой распространенной хирургической операции в Америке. С того момента, как судья Блэкман вынес свое историческое решение, в США было сделано 40 миллионов аборт. Тридцать процентов всех беременностей в настоящее время заканчиваются на хирургическом столе.

В 2000 году Комиссия по продовольствию и лекарствам одобрила препарат RU-486 – средство для самостоятельного избавления от плода в течение первых семи недель беременности. Поскольку ни одна из американских фармацевтических компаний не пожелала связывать свое имя с этим препаратом, производству RU-486 привлекли китайцев. Циники наверняка скажут, что китайцы тем самым отомстили Америке за препятствование Пекину добиться экономического и политического главенства в Азии.

Процесс "Роу против Уэйда" напустил тумана на якобы зафиксированное в конституции право женщины на аборт. Однако решение Верховного суда само по себе не может изменить столь радикального изменения в психологии американских и европейских женщин. Что заставило их отвернуться от материнства и предпочесть аборт – деяние, которое их бабушки сочли бы величайшим преступлением против Господа и человека? В 1950-х годах аборт был не просто преступлением – к нему относились как к чему-то постыдному; никакой шумной кампании за отмену аборт не проводилось. Однако пятнадцать лет спустя Верховный суд признал право на аборт конституционным правом и неотъемлемой характеристикой развитого общества. В итоге произошла массовая перемена в сознании американок. Принято считать, что шестидесятые годы либо вбили клин в наше общество, либо выявили надлом, до того скрытый от глаз и потому прежде не замечаемый. По-моему, верно первое. В это переломное десятилетие значительная часть американской молодежи приняла новый образ мышления, новую веру и новую жизнь.

С 1945 по 1965 год в Америке длился период, который социологи именуют "золотым веком семейной жизни": средний возраст женатых людей опустился до документально зафиксированного минимума как у мужчин, так и у женщин, а количество состоящих в браке по отношению к населению страны достигло астрономических 95 процентов. Америка Эйзенхауэра и Джона Кеннеди была энергично, динамично развивающейся страной. Однако, как заметил Алан Карлсон, президент Говардовского центра семьи, религии и общества:

"Все показатели семейного благополучия в западных государствах резко упали в 1963-1965

годах. Возобновилось падение рождаемости, уже никто не вспоминал хотя бы о нулевом приросте населения, стремительно возрастало число разводов; казалось, западные нации в одночасье утратили все унаследованные от предков семейные ценности"^[56].

Голландский социолог Дирк ван де Каа выделяет четыре стадии этого процесса трансформации: А) переход от золотого века семейной жизни к эре сосуществования; Б) переход от положения ребенка как главы семьи к главенству родителей; В) переход от контрацепции после рождения первенца к полной контрацепции на благо партнеров; Г) переход от единой формы семьи к плюралистической системе, которая подразумевает различные формы семейных отношений, в том числе и семьи с одним родителем^[57].

Поскольку падение рождаемости началось именно в середине 1960-х годов, этот период и должен служить основой в поисках причин тектонического сдвига, заставившего американских и европейских женщин забыть о деторождении. Какие идеи выдвигало поколение бэби-буммеров? Какие мысли они вынесли из колледжей?

Бэби-буммеры появились в университетских кампусах осенью 1964 года. Это было первое поколение американцев, обладавшее полной свободой в выборе жизненного пути. В 1930-е годы колледжи считались привилегией элиты. Лишь немногие семьи могли позволить себе такую роскошь, как учеба отпрыска в колледже. Сыновья и дочери безработных не могли даже мечтать о получении образования – им приходилось бросать школу и устраиваться хоть на какую-то работу, чтобы прокормить остальных членов семьи. Десятки миллионов молодых людей по-прежнему жили на фермах, где первые признаки Депрессии стали ощущаться задолго до того, как случился крах на Уолл-стрит в 1929 году. После Перл-Харбора молодежи стало не до колледжей: война и военная экономика требовали вступления в армию. "Молчаливое поколение" пятидесятых еще уважало родителей, учителей и священников. Лишь в 1957 году профессор Гэлбрейт обнаружил, что мы живем в обществе изобилия.

Однако родители, пережившие Депрессию и войну, продолжали считать, что "их дети не должны испытать ничего подобного". Поэтому детей поколения бэби-буммеров воспитывали иначе: они проводили перед телевизором почти столько же времени, сколько в школе. К середине 1950-х годов телевидение успешно боролось с родителями за детское внимание, выступало как остроумный и отнюдь не занудный союзник подростков в вековом конфликте отцов и детей – и как убежище, в котором можно было укрыться от родительских претензий. Ребята живо впитывали информацию с телевизионных экранов, в особенности рекламу.

К 1964 году, когда в Беркли возникло движение Марио Савио "Вольная речь", а первая волна бэби-буммеров хлынула в колледжи, ситуация стала взрывоопасной – и вскоре вышла из-под контроля. В студенческих беспорядках и мятежах обвиняли Линдона Джонсона, Никсона, Агню и Вьетнам, однако виноваты были не только они – ведь студенческие волнения Америкой не ограничивались: они происходили и в Европе, и даже в Японии. "Дни гнева" 1968 года раскололи Демократическую партию на улицах Чикаго; чешские студенты, праздновавшие успех "бархатной революции", столкнулись с русскими танками; мексиканских студентов расстреливали на улицах Мехико, а французские студенты едва не отобрали у президента Шарля де Голля Париж.

Общим у бэби-буммеров на разных континентах был не Вьетнам, а воспитание, возвращенное изобилием свободомыслие – и пример телевидения: в детстве у них у всех была телевизионная нянька, с которой было куда веселее, нежели с родителями. А у этой няньки, спрятавшейся под личиной телеприемника, всегда один ответ на любые просьбы: "Хочешь – бери!"

Миллионы молодых женщин освободились от "обузы" в лице родителей, учителей и священников; деньги текли рекой, авторитет преподавателей колледжей падал на глазах - революция прокатилась по кампусам: сначала антивоенное движение ("Эй, Джонсон, скольких детей ты убил сегодня?", "Хо, Хо, Хо Ши Мин, мы с тобой заодно!"), потом наркотики ("врубись и вырубись"), потом сексуальная революция ("занимайся любовью, а не войной").

Затем появилось женское движение, взявшее за основу движение за права человека, и его приверженцы обнаружили даже в американской глубинке. Черные требовали равных прав с белыми, женщины настаивали на равных правах с мужчинами. Полного равенства - и ни на йоту меньше! Если мальчишкам позволено кутить в игорных домах и холостяцких барах, почему нам это запрещают? Но поскольку природа не предусмотрела полного равенства полов, поскольку последствия промискуитета основной своей тяжестью - детьми - ложатся на женщин, требовалось найти некий компромисс. И на очередь пришла рыночная экономика с ее разнообразием. Если ты забыла принять пилюлю или порвался презерватив, всегда можно обратиться к ближайшему гинекологу.

Прежние запреты на промискуитет утратили силу. О запретах природы - нежелательных беременностях и венерических болезнях - заботились противозачаточные пилюли, услужливые гинекологи и новые чудо-таблетки. Никакой необходимости в браках, что называется, под дулом пистолета. Один поход в Центр репродукции - и все в порядке. Страх перед общественным презрением - потеря репутации - слабел благодаря масс-культуре, которая прославляла сексуальную революцию и аплодировала "свободным девушкам" (в 1940-х и х годах они удостоились бы куда менее лестных эпитетов). Внутренние запреты - чувство греха, нарушения Божественных установлений и пр. - уже не казались столь незыблемыми: адепты нового религиозного Движения "Ты со мной, Иисус" завоевывали паству, популярно разъяняя, что Господь вовсе не так суров, как может показаться, и что вообще "он - только метафора".

С отмиранием прежних запретов возникла новая мораль, оправдывавшая "жизнь для себя". О человеке стали судить не по тому, с кем он переспал или что вдохнул - эти мелочи уже никого не интересовали, - но по тому, проходил ли он по Югу в марше борцов за Гражданские права, протестовал ли против апартеида и против "грязной и незаконной" войны во Вьетнаме. Как часто случалось в истории, новая мораль была придумана под новый стиль жизни. Погружаясь в секс, наркотики, бунты и рок-н-ролл, новоявленные якобинцы тем не менее встречали понимание и одобрение старших: "Это лучшее поколение, которое когда-либо у нас было". Ничто не ново под луной - эти слова старших сопровождают любую революцию... "О, счастлив тот, кто в эту пору/Был жив и молод!.." - воскликнул когда-то великий Вордсворт, имея в виду одну из ранних революций, завершившуюся, как обычно, весьма печально.

В 1960-х годах по кампусам прокатились студенческие беспорядки и культурная революция. Когда бунтовщики окончили учебу, получили работу и стали семейными людьми, они перестали быть бунтовщиками, нашли свое место в стране родителей и пошли голосовать за Рональда Рейгана, хотя некоторым - тут на ум сразу приходит наш нынешний президент - потребовалось больше времени, чем остальным, чтобы "покончить с юностью".

Впрочем, бунтовщики шестидесятых не были настоящими революционерами. В колледж они приходили, истово веруя в одно, а покидали учебное заведение, столь же истово веруя в другое, совершенно противоположное первому. Хиллари Родэм, "золотая девочка", поступившая в Уэллсли в 1965 и окончившая колледж в 1969 году уже радикалом до мозга костей, проникнутая духом нового времени и твердой решимостью изменить коррумпированное общество, в котором она выросла, - Хиллари Родэм представляет собой отличный пример революционера, а мистер Буш - типичного бунтовщика.

Культурная революция, напротив, была самой настоящей революцией. На трети территории страны молодежь отинула иудео-христианскую мораль. Враждебность молодых к "дедовской Америке" одобрялась нашей политической элитой; формируя общественное мнение через телевидение, кинематограф, театр, журналы и музыку, эти проповедники новой веры распространяли свое евангелие по всему миру и привлекали под свои знамена миллионы новообращенных.

У нас есть две Америки: мать Ангелика и воскресная проповедь против Элли Макбил и "Городского секса". Доминирующая культура днем и ночью потешается прежними ценностями, над представлением о том, что у женщины должны быть муж и дети. А ныне в нашем обществе возникли силы, которые угрожают окончательно оторвать американскую женщину от материнства.

А. НОВАЯ ЭКОНОМИКА

При сельскохозяйственной экономике рабочим местом был дом, где муж и жена вместе трудились и вместе и жили. В индустриальной экономике мужчина покидает дом, чтобы работать на фабрике, а жена остается и приглядывает за детьми. Сельскохозяйственная экономика подарила нам многочисленную семью; экономика индустриальная ввела в обращение семью-ячейку. А в постиндустриальной экономике оба супруга работают в офисе, так что с детьми дома оставаться некому – да и детей может вообще не быть. Политолог Джеймс Курц из университета Суортмор замечает:

"Величайшим перемещением второй половины девятнадцатого века было перемещение мужчин с полей на фабрики... Величайшим перемещением второй половины двадцатого столетия стало перемещение женщин из дома в офисы... Это перемещение отделило родителей от детей, а также позволило женщине отделиться от мужа. Расщепив семью-ячейку, это перемещение сулит в будущем возникновение "семьи, которая уже не семья"^[58].

"Исконно мужские" профессии – рабочие, шахтеры, рыбаки и тому подобное – уже не востребованы обществом, значительная часть "грязной работы" выполняется за нас развивающимися странами, поэтому сейчас обращают пристальное внимание на "исконно женские" умения и таланты. Вдобавок для женщин открылись новые возможности в управлении, образовании, финансах – возможности, о которых их матери и бабушки не смели и мечтать. Бизнес, крупный и малый, предлагает весьма привлекательные условия, чтобы вытянуть талантливых женщин из их домов и уберечь от материнства, по причине которого они могут стать "неподходящими для компании".

И это срабатывает! Десятки миллионов американок работают в офисах рядом с мужчинами, десятки миллионов откладывают замужество до тех пор, пока не сделают карьеру, а многие вообще о нем забывают. "Ты сможешь все!" – говорят современной женщине, убеждая, что она может родить ребенка и продолжить работу. При наличии института нянь, открытых границ между странами, адекватной оплаты за труд, отпусков по уходу за ребенком, правительственных пособий и прочего современная женщина действительно может позволить себе то, что раньше казалось несовместимым: иметь ребенка и плодотворно работать. Но ребенок может быть только один, максимум два, иначе не избежать проблем, поскольку в противном случае у женщины уже не будет оставаться достаточно времени на выполнение работы в офисе.

Вставая перед выбором, женщины выбирают или Только карьеру, или карьеру и однократную радость материнства. Глобальная экономика отнимает у западных (народов трудоемкую работу

в пользу низкооплачиваемых народов Азии и Латинской Америки. Дорога, вымощенная желтым кирпичом, ведет в одном направлении, и потому американки вынуждены работать как можно усерднее – чтобы не отстать от соседей Джонсов... В итоге детей забрасывают, если не забывают о них раз и навсегда. В 1950 году 88 процентов американок с детьми до шести лет оставались дома – и, как правило, рожали еще. Сегодня 64 процента американок с детьми до шести лет полноценно трудятся в офисах ^[59].

"Как удержать их на ферме, коли они видали Париж?" – говорили об американских солдатах, побывавших во время Первой Мировой войны в Европе. Что ж, как их удержать, если они побывали в округе Колумбия? – могли бы спросить мы, разумея юристов, журналисток, специалистов по рекламе, помощников и прочих представительниц прекрасного пола, вовлеченных в "большую игру", которая ведется в столице этого округа.

Элинор Миллс озвучила со страниц "Спектейтора" мысли своего поколения: "Факт заключается в том, что девушки наподобие меня – абсолютно здоровые и веселые девушки двадцати и более лет – совершенно не желают плодиться и размножаться" ^[60]. Почему же? А потому, объясняет мисс Миллс, что "основными заботами моего поколения, к несчастью, являются внешний вид и деньги" ^[61]. Она далее цитирует одну из своих современниц: "Если бы у меня был ребенок, – говорит Джейн, сотрудник рекламного агентства, – я бы не смогла сделать и половины того, что делаю и принимаю как данность. Каждую субботу в 10:30 утра, еще нежась в постели, мы с мужем смотрим друг на друга и одновременно произносим: "Слава богу, нам не надо вставать в пять утра, чтобы накормить малыша". Нам очень хорошо вдвоем; кто знает, как изменятся наши отношения, если мы введем в это уравнение третьего?" ^[62].

Ф. Скотт Фицджеральд однажды заметил: "Богатые отличаются от нас с тобой". На что Хемингуэй ответил: "Да, у них есть деньги". Однако при наличии денег у богатых меньше детей, чем у бедных. Используя принцип Оккама – самое простое объяснение чаще всего оказывается наиболее правильным, – рискнем предположить, что наилучшим объяснением причин падения рождаемости на Западе будет простейшее. Когда американские бедные достигли уровня среднего класса, а средний класс примкнул к богатым, богатые же стали сверхбогатыми, каждый из них принял стиль того общества, в котором очутился. Все принялись сокращать семьи, у всех вдруг стало меньше детей. Отсюда возникает противоречие: чем богаче становится страна, тем меньше в ней детей и тем скорее ее народ начнет вымирать. Общества, создаваемые с целью обеспечить своим членам максимум удовольствия, свободы и счастья, в то же время готовят этим людям похороны. В наступившем столетии судьба, возможно, компенсирует китайцам, мусульманам и латиноамериканцам все те тяготы, которые им пришлось вынести. И, возможно, именно этим народам суждено в скором будущем стать властелинами мира. Разве не сказано в священном писании: "Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю"? ⁽²⁾

Б. КОНЕЦ "СЕМЕЙНОЙ РЕНТЫ"

В 1830-х годах, в канун американской промышленной революции, профсоюз Филадельфии предостерегал своих членов относительно "жадности капиталистов":

"Противьтесь привлечению к труду ваших женщин всеми доступными вам средствами и всеми силами! Мы должны получать достойное вознаграждение за свою работу, чтобы содержать наших жен, дочерей и прочих домашних... Капиталисты хотят заставить трудиться каждого мужчину, каждую женщину и каждого ребенка; не поддадимся же на их уловки и не позволим

им забрать у нас семьи!"^[63].

В 1848 году, когда был опубликован Марксов "Коммунистический манифест", в рабочей газете "Десятичасовой адвокат" напечатали следующее: "Мы надеемся, недалек тот день, когда мужчина сможет обеспечивать свою жену и семью, не заставляя женщину трудиться в нечеловеческих условиях на хлопкопрядильной фабрике"^[64].

Это представление профсоюзов разительно противоречило мыслям Карла Маркса и его сподвижника и опекуна Фридриха Энгельса, который писал в своей работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства": "Первое условие освобождения женщины - привлечение всех женщин к общественному труду... отсюда вытекает необходимость устранения моногамной семьи как экономической ячейки общества"^[65]. Разве не забавно и не удивительно, что принципы глобальной экономики - женщины суть орудия производства, свободные от мужей, дома и семьи - столь близки взглядам основоположников коммунизма?

Как сообщил Алан Карлсон, автор исследования "Семья в Америке", не так давно в США существовало негласное соглашение, по которому работающий должен был получать своего рода "семейную ренту", которая позволяла ему содержать жену и детей^[66]. Подобная практика считалась одной из основ благополучного общества.

Эта идея получила благословение Ватикана в булле папы Льва Тринадцатого, озаглавленной "Кегит Могит" (1891). В своих книгах - например, в "Обеспечении жизни" - католический исследователь Ф. Джон Райан защищал эту практику и подчеркивал ее необходимость для сохранения семьи: "Государство вправе и обязано требовать от работников выплаты жизненного обеспечения"^[67].

Идея получила широкое распространение. Карлсон замечает, что "социальная пропасть" между мужчинами и женщинами увеличилась после Второй Мировой войны. В 1939 году женщины зарабатывали 59,3 процента от зарплаты мужчин; к 1966 году произошло снижение этой цифры до 53,6 процента^[68]. В 1940-х и 1950-х годах было принято делить работу на мужскую и женскую. В газетах объявления о найме на работу мужчин публиковались отдельно от объявлений о найме женщин. Лишь изредка можно было встретить женщину, которая работала бы не машинисткой, не секретарем, не няней, не учительницей и не продавщицей. Карлсон продолжает:

"Для человека из 2000 года самым удивительным в этой системе показалось бы то, что ее принимала и поддерживала широкая публика. В опросах общественного мнения большинство американцев (свыше 85 процентов), как мужчины, так и женщины, соглашались с тем, что мужчины должны зарабатывать деньги на всю семью, и что женщины должны работать разве что для собственного удовольствия. Подобное разделение обязанностей считалось верхом справедливости"^[69].

Система прекратила свое существование в 1960-х годах, когда феминистки ухитрились добавить к акту о гражданских правах (1964), защищавшему права афроамериканцев, ряд положений о равенстве мужчин и женщин, в том числе положение о запрете дискриминации по половому признаку. Это положение превратило Комиссию по равным возможностям труда (КРВТ) в орудие против "семейной ренты". Объявления о найме на работу мужчин были признаны дискриминационными и, как следствие, незаконными. На смену "этическому контракту" пришло равенство полов. Права индивидуума отныне стали важнее требований

семьи. Зарплаты женщин резко возросли, и по мере того как женщины овладевали профессиями, которые прежде считались сугубо мужскими, - шли в медицину, юриспруденцию, журналистику, академическую науку, управление, бизнес, - начали распадаться семьи.

Между 1973 и 1996 годами, пишет доктор Карлсон, "реальный средний доход мужчин старше пятнадцати лет, работающих полный день, сократился на 24 процента, с 37200 до 30000 долларов"^[70]. Маршируя под знаменами феминизма - одинаковая плата за одинаковую работу, равная оплата сопоставимых работ, - женщины вступили в прямое состязание с мужчинами. Миллионы преуспели в этом состязании, отодвинули мужчин и заняли их места. Их доходы неуклонно росли, в то время как доходы женатых мужчин снижались и в относительном, и в абсолютном выражении. Возросло давление на семьи, и мужчины стали поддаваться на требования своих жен, которые "рвались обратно на работу". Молодые мужчины вдруг выяснили, что на рубеже двадцати лет они, оказываются, зарабатывают еще слишком мало, чтобы содержать семью, как им того ни хотелось. Лишенные обязанностей мужа и отца, многие из этих мужчин вступили на скользкий путь - некоторые даже оказались в тюрьме.

Молодые американки поняли, что могут добиться самостоятельности и независимости. Им не нужно больше спешить с выходом замуж. Большинство так и поступает. В 1970 году лишь 36 процентов женщин в возрасте от двадцати до двадцати четырех лет оставались незамужними. К 1993 году в категории никогда не выходивших замуж состояло 68 процентов женщин аналогичного возрастного диапазона. Среди женщин в возрасте от двадцати пяти до двадцати девяти лет количество "убежденных незамужниц" возросло с 10 до 35 процентов^[71].

Молодая семья с детьми ныне представляет собой редкость. Только богатые молодые люди могут позволить себе такую роскошь - а богатых подобное не интересует. Учитывая приверженность Демократической партии феминизму (демократы даже поддержали законопроект об абортах), а также склонность Республиканского Национального комитета к либертарианской идеологии и его подчиненность корпоративным интересам, мы можем смело сказать - зов "богов рынка" для большинства современных женщин куда значимее, нежели знаменитые слова книги Бытие: "Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю".

Многие консерваторы примкнули к ереси экономизма - современной версии марксизма, которая гласит, что человек - экономическое животное, что свободная торговля и свободные рынки есть путь к миру, процветанию и счастью, что если мы только сможем установить правильные предельные ставки налогов и отменить налог на прибыль, нас неминуемо ждет рай на земле - индекс Доу-Джонса зашкалит за 36 000 единиц! Но в Америке 1950-х годов подоходный налог для самых богатых граждан превышал 90 процентов, и США той поры, по всем социальным и этическим параметрам, были лучшей страной, нежели нынешняя.

Бывший радикал и обращенный христианин Орестес Бронсон заметил признаки нарастающего "поклонения Маммоне" еще в девятнадцатом столетии: "Маммонизм стал религией англосаксонского мира, а о Боге мы просто-напросто позабыли. Мы утратили нашу веру в благородное, прекрасное и справедливое"^[72]. Столетие спустя другой человек, пришедший к вере от материализма, напоминает нам о том же; Уиттакер Чамберс говорит: "Главная проблема нашего времени - не экономика, а вера"^[73].

В. "ПОПУЛЯЦИОННАЯ БОМБА" ИСТЕРИЯ

В 1960-х и 1970-х годах набрало силу "антиобщественное" движение - ответ элиты на всплеск

рождаемости. Пол Эрлих, биолог из Стэнфордского университета, стал основоположником этого движения; его книга "Популяционная бомба" сделалась катехизисом контроля за рождаемостью, как "Тихая весна" Ричарда Карсона - катехизисом движения в защиту окружающей среды. Эрлих явился, скажем так, современной аватарой Томаса Роберта Мальтуса, британского философа, чьи рассуждения о неизбежной голодной смерти всего человечества были столь блистательно опровергнуты девятнадцатым столетием. Мальтус писал: "Можно утверждать наверняка... что население, ежели его не сдерживать, будет возрастать в геометрической прогрессии, то бишь удваиваться каждые двадцать пять лет"^[74]. А поскольку производство пищи не может расти с той же скоростью, предрекал сей мрачный пророк, человека ожидают всеобщий голод и смерть.

Мальтус, как показало время, ошибался относительно производства пищи ничуть не менее, нежели Эрлих - относительно мировых ресурсов, которые, по его мнению, стремительно иссякают. Сегодня шесть миллиардов человек, составляющих население земного шара, живут куда лучше, чем три миллиарда в 1960 году, два миллиарда в 1927 году или миллиард в 1830 году. Причинами голода и несчастий служат некомпетентность политиков и криминальная обстановка, безумные идеи и бредовые идеологии, а никак не прирост населения Земли.

Опубликованная клубом "Сьерра", книга Эрлиха быстро стала настольной во многих высших учебных заведениях. В 1977 году бывший министр обороны и президент Всемирного банка Роберт Макнамара пытался подыграть Эрлиху. "Продолжающийся прирост населения, - говорил он, - неизбежно приведет к нищете, голоду, нервным срывам и конфликтам, которые поставят под угрозу социальную, экономическую и политическую стабильность"^[75].

В 1978 году комиссия Конгресса США по проблемам населения объявила, что "важнейшая биологическая система, от которой зависит само существование человечества, подвергается опасности вследствие быстрого роста населения планеты ... и отмечаемой в некоторых случаях потери производительности"^[76]. Как пишет Жаклин Касун, автор книги "Война против населения", примерно в те же сроки Смитсоновский институт подготовил "передвижную детскую выставку под названием "Население: это наши проблемы"; на этой выставке, в частности, имелось изображение дохлой крысы на тарелке, которое символизировало пищевые ресурсы грядущего"^[77].

В результате этой пропагандистской кампании, Организованной американской научной и политической элитой, общественное мнение стало склоняться к поддержке идее контроля за рождаемостью. Впрочем, близко к сердцу теорию Эрлиха приняли только представители зажиточного и среднего классов развитого мира, третий же мир, который, собственно, и был целью кампании, практически проигнорировал эти рассуждения. Итог налицо: падение рождаемости в странах "общества изобилия" и бум рождаемости по всему третьему "виру".

Г. ФЕМИНИЗМ

Выступать в поддержку абортс сегодня - почти неременная характеристика "современной женщины". Для многих феминисток словосочетание "освобождение женщины" означает отказ от традиционной и, по их мнению, стесняющей роли жены, матери и хозяйки дома. Однако среди основательниц феминистского движения были и те, кто придерживался иного мнения. Обозреватель "Нью Оксфорд Ревью" католик Джозеф Коллисон заметил по поводу решения Верховного суда по делу "Роу против Уэйда":

"Ранние феминистки горячо выступали против абортс Элизабет Гэди Стэнтон, организатор

первого собрания феминисток в 1848 году, называла аборт "преступным и богопротивным деянием". А Сьюзен Б. Энтони, поборница права женщин голосовать, писала, что "не важно, какова была причина, но женщина, совершившая сие, есть преступница. Это постыдное деяние отяготит ее совесть и будет обременять ее даже на смертном одре". Именно феминистки девятнадцатого столетия выступили инициаторами законов, которые объявили аборт преступлением"^[78].

Коллисон прибавляет, что в первых изданиях "Женской тайны", основной работы Бетти Фридан, об абортах вообще не упоминалось. В обиход эта тема вошла только в 1960-х годах.

Перед Второй Мировой войной, когда Маргарет Санджер, основательница общества "Планирование семьи", написала, что "в большой семье наиболее милосердным поступком по отношению к младенцу будет его убийство", ее слова восприняли как призыв радикального социалиста, не имеющий отношения к действительности^[79]. Однако со временем знамя Санджер подхватили нынешние феминистки, которых в 1960-х и 1970-х годах уже никак нельзя было причислить к маргиналам. Сегодня о браке как о бремени воинствующие феминистки рассуждают на всех углах.

Брак, пишет Андреа Дворкин, автор книги "Порнография: мужчины овладевают женщинами", есть "институт, возникший из практики насилия. Поначалу насилие имело форму похищения, а затем превратилось в брак через пленение. Брак означает, что похищение и пленение растягиваются во времени, что речь идет не просто об использовании женщины, но об овладении ею"^[80]. Чистой воды Маркс. Далее мы приходим к логическому заключению. "Семья в привычном понимании этого слова должна быть уничтожена,- говорит феминистка Линда Гордон.- Семьи поддерживают угнетение, разделяя людей на малые изолированные группы, которые не в силах объединиться и отстаивать общие интересы"^[81].

В 1970 году Робин Морган, "бабушка" любимого дитяти Глории Стайнем, журнала "Ms.", назвала брак "подобием рабовладения. Мы не сможем устранить неравенство между мужчиной и женщиной, пока не разрушим брак"^[82]. В тот же год мисс Морган выпустила под своей редакцией сборник "Женщины - сестры", где была, в частности, опубликована статья Валери Соланис, президента Общества по отваживанию мужчин: "Сегодня технически возможно зачатие без помощи самцов... так же, как возможно рожать только самок. Мы должны незамедлительно приступить к делу. Самец - это ошибка природы, биологический фокус. Самец превращает этот мир в кучу дерьма"^[83]. По этим словам ясно, сколь суровая дама эта мисс Соланис; она подтвердила серьезность своих намерений попыткой застрелить Энди Уорхола.

В конце 1973 года Нэнси Леманн и Хелен Саллингер опубликовали новый манифест феминистского движения под названием "Декларация феминизма". Этот текст широко распространялся и получил немало хвалебных отзывов.

"Брак,- говорится в этом манифесте,- был придуман мужчинами и на благо мужчин; он представляет собой санкционированный законом метод управления женщинами... Мы должны уничтожить его. Гибель института брака есть необходимое условие освобождения женщины. Поэтому мы побуждаем женщин расставаться с мужьями и не завязывать с мужчинами персональных отношений... Всю историю следует переписать под углом угнетения женщин. Мы должны вернуться к древним женским религиями наподобие ведовства"^[84].

* * *

Среди феминисток понятие рабского подчинения равнозначно обвинению в проституции. "Домохозяйка - незаконная профессия,- писала Вивиан Горник, профессор университета Пена, в 1960 году.- Выбор участи служанки, находящейся под опекой и мечтающей влиться в чужую семью,- это выбор, которого не должна делать никакая женщина. В этом и состоит задача феминизма"^[85].

"Я не могу спариваться в неволе",- безапелляционно заявила Глория Стайнем в интервью журналу "Ньюсуик" в 1984 году^[86]. В 1991 году обозреватель "Уолл-стрит Джорнел" Кристина Соммерс процитировала юриста Кэтрин Маккиннон, которая сказала: "Для феминизма не существует разницы между проституцией, браком и сексуальными домогательствами"^[87].

С точки зрения воинствующей феминистки брак - это форма проституции, а семья есть отживший свое общественный институт (в лучшем случае), если не тюрьма или каторга. Десять лет назад романистка Тони Моррисон сказала в интервью журналу "Тайм": "Отдельная семья - парадигма, которая не работает"^[88]. В 1994 году газета "Чикаго Трибьюн" процитировала Джудит Стейси: "Убежденность семейных пар в собственном превосходстве - пожалуй, самый глубоко укоренившийся предрассудок западного общества"^[89]. В журнале "Джуиш Уорлд Ревью" за февраль 2000 года Шейла Кронин в статье "Сейчас: в защиту женского достоинства" высказалась следующим образом: "Поскольку брак для женщины есть форма рабства, очевидно, что женское движение должно сосредоточиться на нападках на этот институт. Свободу для женщин не завоевать, пока существует брак"^[90].

Ныне, впрочем, большинство американок относятся к браку далеко не столь враждебно. Если бы они все поддерживали перечисленные выше заявления, у нас было бы еще меньше детей, нежели мы имеем сейчас, и смерть Запада стала бы реальностью. Тем не менее миллионы ренщин разделяют феминистские убеждения и отождествляют брак с проституцией и с рабством, и многих феминистские воззрения убедили не вступать в брак и не заводить детей. Если отдать дело сохранения народов европейского происхождения - и сохранения цивилизации, созданной этими народами, - на откуп феминисткам, то можно считать, что с Homo Occidentalis покончено.

"Последствия мыслей" - так называется знаменитая книга покойного Ричарда Уивера; успех феминистских мыслей, воззрений и теорий имел значительные последствия для нашей страны. В качестве примера можно привести увеличение на 1000 процентов числа невенчанных пар, живущих вместе,- с 523 000 человек в 1970 году до 6,5 миллиона человек сегодня^[91]. Из переписи 2000 года также выясняется, что впервые в американской истории лишь в одном из каждых четырех домов или квартир проживает полная (отец, мать, ребенок) семья, а одинокие американцы составляют ныне 26 процентов от населения страны^[92]. Иными словами, брак вышел из моды.

В 1990 году Катарина Рунске, автор куда менее известный, нежели американские феминистки, опубликовала в Великобритании книгу под названием "Пустые сердца, пустые дома", в которой прекрасно описала последствия этой антимужской, антибрачной риторики. Феминизм, по ее словам, есть:

"...Дарвиновский тупик развития. В биологических терминах ничто не выявляет неадекватный

образец так быстро, как недостаточный уровень воспроизводства; прямым следствием популярности феминизма является необратимое снижение уровня рождаемости, Те политики, которые прислушиваются к феминисткам, подвергают грандиозной опасности свой народ"^[93].

Короче говоря, расцвет феминизма сулит гибель народам и смерть Западу. Как ни удивительно, самый неполиткорректный из поэтов, Редьярд Киплинг^[94], предвидел это еще в 1919 году:

Под клики "Равенство дамам!" жизнь в цвету нам сулил Девон:

И ближних мы возлюбили, но пуще всего - их жен.

И мужи о чести забыли, и жены детей не ждут,

А Боги Азбучных Истин сказали: "Гибель за блуд!" ⁽³⁾

Д. МАСС-КУЛЬТУРА

Массовая культура в своей иерархии ценностей ставит радости секса гораздо выше счастья материнства. Женские журналы, "мыльные оперы", дамские романы, телевизионные передачи в прайм-тайм - везде прославляются карьера, секс и независимость (и одиночество) женщин. Заботиться о ребенке - это удел бабушек. Брак и моногамия так же восхитительны, как сэндвич с пюре. Древний триумвират "мир, плоть, дьявол" не только извлечен из небытия, но и усиленно пропагандируется лучшими рекламными агентствами. Как часто по телевидению показывают передачи о материнстве? Как давно в последний раз ставили в эфир "Брэди Банч"? Знаковая песня Пола Анка "Мой ребенок у тебя" сегодня поется как "Наш ребенок у нас", однако одновременно с ней звучит и иная песня - "Я - женщина". Символично, что "Оззи и Хэрриет" не просто безнадежно отстали от времени, нет - подобно "Эймосу и Энди", этот сериал лишний раз доказывает, как сильно испортилось наше время. "Всякое человеческое сообщество,- пишет антрополог Дж. Д. Анвин,- вольно выбирать: либо обратить энергию на творчество и труд, либо наслаждаться сексуальной свободой. История свидетельствует, что заниматься тем и другим вместе удастся не дольше, чем на протяжении жизни одного поколения"^[95]. То поколение, которое сегодня называют величайшим в истории, вступило в сознательный возраст в годы Депрессии и Второй Мировой войны. Оно обладало значительной энергией и вывело Америку в неоспоримые мировые лидеры. Что касается бэби-буммеров и "поколения пехт", они, в большинстве своем, предпочли сексуальную свободу. Скоро мы узнаем, прав ли Анвин в своих предсказаниях. Пока нет оснований сомневаться в его правоте, пока все говорит о том, что Запад не переживет собственных экспериментов с сексуальной вседозволенностью. Как заметил обозреватель Дженкин Ллойд Джонс, "великие " цивилизации и животные стандарты поведения сосуществуют лишь краткий период времени"^[96].

Е. КОЛЛАПС МОРАЛИ И РЕЛИГИИ

Что люди на самом деле считают хорошим, а что - плохим, лучше всего определяется по тому, как они живут, а не по тому, что они рассказывают опросчикам. Если опираться на это, вывод печален: прежняя мораль умирает. Еще в 1950-х годах развод был скандалом, "потрясением основ", достойным разве что отбросов общества, аборт считался преступлением, а гомосексуализм - "любовью, не смеющей себя назвать". Сегодня половина всех браков заканчивается разводами, вместо семейной жизни предпочитают говорить об "отношениях", а любовь, когда-то не смевшая себя назвать, ныне громогласно вещает со всех сторон. Коллапс института брака и "брачного чадородия", по утверждению бельгийского социолога Рона Лестхаге, обусловлен "смещением западного образа мышления от христианских ценностей - жертвенности, альтруизма, верности - к воинствующему мирскому индивидуализму,

сфокусированному исключительно на себе"^[97].

Когда в 1968 году папа Павел Шестой издал свою энциклику против контрацепции "Humanae vitae", она была почти повсеместно, даже среди католиков, встречена весьма враждебно, что объяснялось переменами в общественном сознании. Однако покойный папа оказался пророком. Как заметил денверский архиепископ Чарльз Дж. Чэпьют, в своей энциклике папа предсказал четыре последствия использования человечеством контрацептивов: 1) широкое распространение супружеской неверности и общий упадок морали; 2) утрата женщиной статуса "уважаемой и возлюбленной подруги" мужчины и превращение ее в "инструмент плотского наслаждения"; 3) вручение "опасного оружия в руки политиков, которые не станут обращать внимания на моральные соображения"; 4) отношение к мужчинам и женщинам как к предметам, а к нерожденным детям - "как к болезни", вследствие чего произойдет общая дегуманизация человечества^[98].

Торжество промискуитета, нарастающее число разводов, взрыв порнографии, принятие обществом философии "Плейбоя", финансирование аборт из кармана налогоплательщика - еще немного, и мы прочтем в газетах, как девочки-подростки избавляются от "случайно прижитых" детей. Мир, от которого предостерегал Павел Шестой, внезапно оказался тем самым миром, в котором мы живем. Поневоле вспоминается языческий Рим, где нежеланных детей оставляли умирать от голода на склонах холмов. Человеческая жизнь утратила прежнюю ценность, уже нет и в помине того бережного отношения, с каким воспринимало ее "Великое поколение", вернувшееся с войны. Как и предсказывал папа, благие последствия внедрения контрацептивов и легализации аборт были извращены эгоистичными мужчинами, которые сегодня используют женщин и выбрасывают их как грязные салфетки. Нигде низвержение прежней морали не заметно так отчетливо, как в отношении к гомосексуализму. В годы Второй Мировой войны помощник государственного Секретаря Самнер Уэллс, носивший "старый школьный галстук" Франклина Рузвельта, был лишен должности за приставания к спящему проводнику. Линдон Джонсон всерьез опасался, что арест помощника Уолтера Дженкинса, застигнутого полицией в мужском туалете здания ИМКА, может стоить ему миллионов голосов на выборах. Восходящая звезда Республиканской партии Боб Бауман потерял место в сенате, когда выяснилось, что он обхаживал несовершеннолетних юнцов на улицах Вашингтона. Но так было раньше; теперь все иначе.

Окончательно стало ясно, что перемена произошла, когда Джерри Стаддс, обольстивший шестнадцатилетнего подростка, отверг обвинения сенатской комиссии, повторно выдвинул свою кандидатуру на пост сенатора от Массачусетса - и был благополучно переизбран в этом католическом штате! Барни Фрэнк легко уклонился от обвинений сенатской комиссии в покровительстве своему любовнику, который владел публичным домом на территории поместья Барни; мало того, в годы президента Клинтон сенатор Фрэнк стал приводить своего дружка на открытые заседания сената! В 2001 году Джон Эшкрофт был публично осмеян коллегами-сенаторами за попытку помешать назначению гомосексуалиста Джеймса Хормела послом в Люксембург. Сам Хормел, выступая на параде геев в Сан-Франциско, дружески приветствовал транвеститов из общества "Сестер-греховодниц", которые позволяют себе издеваться над папой и монахинями. Воистину мир перевернулся с ног на голову!

Когда самая известная лесбийская пара Америки, актрисы Энн Хеч и Эллен Дегенерес, разорвала отношения, президент Соединенных Штатов позвонил обеим и выразил свое сочувствие. Хиллари Клинтон первой из супругов президентов США приняла участие в параде геев в Нью-Йорке. И что - разве задалась "Нью-Йорк Таймс", добропорядочная "старая дама с Сорок третьей улицы", вопросом о том, пристало ли первой леди участвовать в параде наравне с королевами пленэра и мужчинами в цепях? Ничего подобного! Корреспондент газеты

"Таймс" Ричард Берк так рассказывал коллегам о приеме в честь десятой годовщины образования Национальной Ассоциации журналистов нетрадиционной ориентации: "Три четверти людей, решающих, что поставить на первую полосу нашей газеты, оказались ярко выраженными гомосексуалистами"^[99].

Через девять месяцев после участия в параде геев миссис Клинтон отказалась пройти по Нью-Йорку в день святого Патрика, что когда-то считалось обязанностью для всех без исключения находившихся в этот день в городе политиков. Древний орден иберийцев – группа католиков, которая организует парад,- запретил организованно участвовать в нем ирландским геем и лесбиянкам; поэтому миссис Клинтон предпочла не приехать, тем паче что борцы за права геев уже клеймили ее за участие в параде в честь святого Патрика в 2000 году. Тот факт, что сенатор Клинтон поддерживает гомосексуалистов, даже вступает из-за них в конфликт с ирландскими католиками, как нельзя лучше показывает, каково ныне истинное положение дел в Демократической партии и каков расклад сил в войне культур.

Будь она настоящим, а не вымышленным существом, не персонажем книги, готорновская Эстер Принн, вместо того чтобы ходить с шарфом с алой буквой "А", приколотым к блузе, подобрала бы себе что-нибудь розовое, выставила бы Диммесдейла на посмешище и поведала бы веселящейся аудитории, на что способна доктор Лаура, если будет слушаться ее советов.

Даже в американскую глубинку проникли веяния сексуальной революции. "Занимайся собой!" – такова нынешняя мораль. Каждая американка детородного возраста имела как минимум один аборт, а большинство – даже не два. Эти женщины хотят жить для себя и учат тому же своих дочерей, а следовательно, будут голосовать против всякого политика, который попытается отобрать у них это право. Эвтаназия прижилась в Европе и сейчас проникает в Америку. На каких этических основаниях мы больше не пытаемся воспрепятствовать ее проникновению? Доктор Кеворкиан, злобный джинн (некоторые его жертвы всего лишь пребывали в депрессии, а вовсе не умирали), удостоился сочувственного отзыва в аналитической программе "Шестьдесят минут". В век индивидуализма люди верят в жизнь земную и отказываются верить в небесную; они верят в качество жизни, а не в ее святость; никто не желает, чтобы ему рассказывали, как он должен жить. "Американцы не сумеют выжить в двадцать первом веке, опираясь на идеалы восемнадцатого и девятнадцатого столетий,- пишет социолог Алан Вулф.- Властям придется соотнести свои требования с реальными потребностями людей"^[100]. Что ж, отсюда следует, что спустя полтора тысячелетия к нам возвращается язычество.

Америка, в которой выросли многие из нас, сгинула безвозвратно. Культурная революция овладела умами миллионов, уже не во власти политиков обратить ее вспять, даже наберись они смелости попытаться. Нация оказалась расколотой пополам. Партия католиков, принадлежащих к рабочему классу, почти на 100 процентов состоит из борцов за права геев. Партия морального большинства и христианского единения выбросила белый флаг, уступив заботу о подрастающем поколении Министерству образования. Молодые люди не задумываются о спасении душ – их гораздо больше волнует Nasdaq (Индекс состояния высокотехнологичных отраслей американской промышленности.- Прим. пер.). Представители интеллектуальной и политической элиты в большинстве своем заняты сварам с прежними союзниками, многие консерваторы выторговывают себе наиболее почетные и выгодные условия сдачи.

Манифест крошечной группки "светских гуманистов", опубликованный в 1973 году, стал своего рода этическим компасом Америки, а теперь постепенно превращается в неписанный закон. Американцы услышали, усвоили и приняли принципы революции, которые шокировали бы их

родителей и родителей родителей. На ум приходит гениальное прозрение Александра Поупа^[101]:

Чудовищен порок на первый взгляд,
И кажется, он источает яд,
Но приглядишься, и пройдет боязнь,
Останется сердечная приязнь.
"Опыт о человеке", перевод В. Микушевича.

Лишь общественная контрреволюция или религиозное возрождение способны развернуть Запад в нужном направлении, прежде чем падение рождаемости достигнет критической отметки и опустит занавес в финале сыгранной Homo Occidentalis пьесы. Однако пока мы не наблюдаем ни малейших признаков ни того ни другого.

Какая сила может противостоять песне сирен гедонистской культуры, песне столь обольстительной и призывной, песне, которую повторяют едва ли не все, кто обращается к молодежи, - Голливуд, MTV, "мыльные оперы", телепередачи, гляцевые журналы, популярная музыка, дамские романы и прочие бестселлеры? Как помочь родителям, когда даже учителя и священники раздают подросткам кондомы? Как побудить американок вспомнить о ценностях их матерей и бабушек: добрый муж, дом в пригороде, куча детишек? (Почему-то кажется, что это перечисление несбыточных мечтаний).

В своей книге "Цезарь и Христос", части третьей "Истории цивилизации", Уилл Дюрант утверждает, что падение Римской империи было обусловлено, в первую очередь, "биологическими факторами":

"После Адриана на Западе отмечается значительное сокращение населения... Закон Септимия Севера упоминает о *repergia hominum* - нехватке мужчин. В Греции уменьшение численности населения продолжалось на протяжении нескольких столетий. В Александрии, которая похвалялась своим многолюдьем, епископ Дионисий насчитал в 250 году нашей эры половину от прежнего населения. Он со скорбью говорит о преуменьшении и неизбежном исчезновении человеческого рода. Лишь варвары и восточные народы, как внутри империи, так и за ее пределами, становились все многочисленнее"^[102].

Почему сокращалось население Рима? "Несмотря на преследования закона, процветало детоубийство... Сексуальные излишества также ослабляли чадородие; схожий эффект имело и откладывание браков"^[103]. Ниже Дюрант прибавляет: "Вероятно, комбинация различных способов предохранения, аборт и детоубийств... проявлялась не только в цифрах, но и дисгенетически. Самые приспособленные мужчины женились позже остальных, рожали детей позже остальных, зато умирали первыми"^[104]. У христиан дети были, у язычников - нет; аборт и детоубийства, сокращавшие "поголовье" язычников, христианам воспрещались и приравнивались по тяжести преступления к убийству. Христиане часто похищали обреченных на гибель языческих младенцев, крестили их и воспитывали в своей вере с помощью общины^[105].

Какая ирония! Сегодня ослабевший, умирающий христианский Запад требует от третьего мира и "мусульманского пояса" принять контрацептивы и легализовать аборт и стерилизацию. Но для чего этим народам заключать с нами самоубийственный пакт, когда они и без того унаследуют от нас, безвременно сошедших со сцены, весь земной шар?

Когда при Ватерлоо от него потребовали сдаться, генерал Камбронн ответил: "Старая Гвардия умирает, но не сдается"^[106]. Замечательный девиз для тех, кто застрял в нашем собственном Коррехидоре культурной войны. Однако тщательный осмотр поля битвы – где расположены пушки? кто оседлал высоты? – показывает, что Старой Гвардии все-таки придется умереть. Решения, которые принимают современные женщины, определяют судьбу Запада – продержится ли он хотя бы еще столетие. Пока западные женщины не дадут своему миру и этого срока.

Но откуда взялась эта революция, столь стремительно захватившая умы великого множества "охристианенных" народов Запада? И каковы были ее цели и задачи?

Глава 3. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КАТЕХИЗИС.

Когда Круглый Стол уже разбит,
каждый должен решить для себя,
с кем он – с Галахадом или с Модредом;
третьего не дано^[107].
К.С. Льюис

Так к чему же призывает эта новая религия, эта новая вера, прилетевшая на крыльях революции? И чем она отличается от веры прежней?

Во-первых, эта новая вера есть вера исключительно нашего мира. Она отказывается признавать какую бы то ни было высшую мораль, какой бы то ни было высший моральный авторитет. Мир иной она с радостью оставляет христианству и прочим традиционным религиям – если только тем не вздумается выйти на площади или пойти в школы. Если вам угодно, можете верить в библейские сюжеты, в сотворение мира, в Адама и Еву, в змея-искусителя, первородный грех, изгнание из Эдема, в Моисея на горе Синай и в десять заповедей, выбитых в камне и обязательных к соблюдению для всех и каждого; да, можете верить, но никогда больше этому не будут учить как непреложной истине. Ибо истина, как следует из открытия Дарвина и подтверждается современной наукой, состоит в том, что род людской есть плод миллиардов лет эволюции: "Наука свидетельствует, что человечество есть продукт природной эволюции", – гласит второй "Гуманитарный манифест", опубликованный в 1973 году^[108]. Все исходило в точности так, как изображено на картине, висящей на стене любого биологического класса в любой школе, – обезьяны, ходящие на четырех лапах, встают сперва на две, а затем и вовсе эволюционируют в Homo Erectus.

У нового евангелия имеются, безусловно, свои заповеди, а именно: Бога нет, во вселенной не найти абсолютных ценностей, вера в сверхъестественное есть предрассудок. Жизнь начинается здесь и здесь же заканчивается; ее цель – наслаждение, доступное в единственном известном нам мире. Каждое общество вырабатывает собственный этический код, у каждого человека есть право выработать аналогичный код для себя самого. Поскольку счастье – венец жизни и поскольку мы – существа рациональные, мы имеем право судить самостоятельно, когда жизненные тяготы перевешивают радости жизни и когда наступает срок прервать свой жизненный путь – то ли собственными руками, то ли при помощи семьи и врачей.

Первая заповедь нового евангелия звучит так: "Все образы жизни равноправны". Любовь и ее неперенный спутник, секс, есть здоровые, благие явления, посему дозволены любые добровольные сексуальные отношения, – это личное дело каждого, не более того, и государство

не вправе вмешиваться в эту область. Данный принцип - все образы жизни равноправны - подлежит фиксации в законе, а тех, кто отказывается подчиняться новым законам, должно наказывать. Если не уважаешь образ жизни соседа - значит, ты лицемер. Дискриминация по отношению к тем, кто исповедует образы жизни, отличные от твоего, - преступление. Зло, которое необходимо искоренить, - гомофобия, отнюдь не гомосексуализм.

"Не суди (да не судим будешь)" - такова вторая заповедь. Впрочем, революция не просто судит, она сурово преследует всех, кто нарушает первую заповедь. Как примирить между собой эти два положения?

Согласно катехизису революции, старинная христианская этика осуждала секс вне брака и объявляла противоестественными гомосексуальные связи по той причине, что основами этой этики служили суеверия, христианское двуличие, религиозные догмы и варварские традиции. Христианская этика жестока, она угнетает человека и потому служит преградой на пути к счастью; она несет ответственность за разрушение бесчисленного количества жизней, особенно жизней тех, кого влечет к представителям собственного пола.

Новая этика основывается на просвещенности и уважении к другим. Зафиксировав христианскую этику в виде закона, государство нарушило права человека. Однако наша этика, преобразованная в закон, раздвигает границы свободы и защищает права угнетаемых меньшинств.

Отсюда следует положение, оправдывающее сексуальную вседозволенность: поскольку кондомы и аборты необходимы для предотвращения нежелательных последствий свободного секса - от герпеса и СПИДа до беременности, - они должны быть доступны всем сексуально активным представителям рода человеческого (если понадобится, вплоть до пятого класса средней школы).

* * *

По новому катехизису использование школ для внушения детям иудео-христианских верований категорически запрещается. Напротив, школам следует прививать детям терпимость, толерантность ко всем возможным образам жизни, воспитывать в них уважение ко всем культурам, проповедовать "репродуктивную свободу" и желательность расовой, этнической и религиозной диверсификации. В новых школах уже не отмечают такие праздники, как пасхальная неделя, знаменующая страсти Христовы, распятие и Воскресение Сына Божьего. День Земли, в который детям говорится о необходимости любить, оберегать и хранить мать-Землю, есть ныне день примирения с собой и день размышления, и ни одному школьнику не позволено пренебрегать этим праздником. Движение в защиту окружающей среды, как писал ученый-традиционалист Роберт Нисбет, "стремительно превращается в третью волну, грозящую захлестнуть Запад; первой было христианство, второй - социализм"^[109].

На самом деле культурная революция вовсе не стремится к созданию одинаковых условий для всех вер и всех религий; она ведет к новой этической гегемонии. После изгнания из школ Библии, книг святых отцов, религиозных символов и картин соответствующего содержания, после "устранения" церковных праздников эти школы, по замыслу революционеров, надлежит преобразовать в центры изучения новой веры. Вот что писал с обезоруживающей откровенностью о новой роли американских школ в 1983 году в журнале "Хьюманист" Джон Данфи:

"Битва за будущее человечества произойдет в учебных классах, и возглавят ее учителя, осознающие себя прозелитами новой веры, новой религии человечества... Эти учителя должны

относиться к своим обязанностям столь же ревностно, как относились к ним наиболее прославленные проповедники, ибо они – те же пастыри, лишь вместо кафедр у них учительские столы... Классные комнаты должны стать и непременно станут аренами конфликтов между старым и новым – между загнивающим христианством, со всеми его присными, и новой верой человечности, обещающей людям мир, в котором наконец-то будет достигнута так и не осуществившаяся в христианстве идея любви к ближнему. И в этой битве победа будет за нами..."[110].

Да, выясняется, что новая вера далеко не столь миролюбива, как ей хотелось бы казаться.

В политике новая вера находит свое выражение в глобализации и в скептическом отношении к патриотизму, поскольку из истории известно, что чрезмерная любовь к своей стране нередко приводила к подозрительности по отношению к соседям и, как следствие, к войнам. История цивилизаций есть история войн, поэтому новая вера намеревается уничтожить нации и национальные государства. Поддержка деятельности ООН, иностранной помощи, договоров о запрещении противопехотных мин, неприменении ядерного оружия и преследовании военных преступников, а также прощения долгов беднейшим странам – вот признаки "прогрессивного" человека, "прогрессивного" политика. Как только возникает новое надгосударственное образование – будь то Всемирная торговая организация, Киотский протокол по предотвращению глобального потепления или Международный суд ООН для военных преступников, – революция побуждает к передаче власти от соответствующих национальных органов управления этим наднациональным и надгосударственным образованиям.

Шелли однажды назвал поэтов "непризнанными закодателями мира"[111]. Ныне поэтов в восприятии молодежи заменили сочинители песен; в 1960-е годы популярность "Битлз" не знала границ, а Джон Леннон претендовал на титул поэта-лауреата нового поколения. В песне "Imagine" Леннон в нескольких строках набросал свое представление о земном рае – рае постхристианской эпохи:

Представь, что рая нет над нами, Это легко, ты только попробуй. Представь, под нами нет ада, Над головами только небо. Люди, вы только Представьте это себе.

Представь, что нет государств, Ничего не надо делать в спешке, Нет войн и убийств, И религий тоже нет, Представь, что все люди Живут в мире..."[112].

Сам себя называвший "инстинктивным социалистом", Леннон далее описывал мир без собственности, где каждый владеет всем. Тем не менее после его смерти в возрасте сорока лет, мир узнал, что Леннон обладал собственностью на 275 миллионов долларов, то есть являлся одним из богатейших людей на планете[113]. Однако, несмотря на явную утопичность миров Леннона, его товарища по группе Пола Маккартни и Боба Дилана, эти миры остались привлекательными в глазах молодых. Ведь эти сочинители песен предложили новую веру со своей собственной версией рая – здесь и сейчас, в противовес христианству, основы которого внушали подросткам сызмальства. Как писал Дэвид Нобель, автор книги "Наследие Джона Леннона", этот человек прекрасно сознавал, чего он добивается и чего хочет добиться. В одном из интервью 1960-х годов Леннон шокировал Америку такими словами: "Христианство обречено. Оно увянет и исчезнет. С этим даже не нужно спорить – настолько все очевидно. Я знаю, что прав, а все остальные скоро убедятся в моей правоте. Мы сейчас куда популярнее Иисуса"[114].

"РАК ЧЕЛОВЕЧЕСТВА"

Но религии требуются как ангелы, так и бесы. Много в учении новой религии проистекает из ненависти к тому, что она полагает постыдным, гнусным, криминальным прошлым. Для революции западная история есть длинный перечень преступлений – рабство, геноцид, колониализм, империализм и прочее, – совершенных государствами с негласного или гласного одобрения христианской веры. "Белая раса – рак на теле человечества", – написала в 1967 году Сьюзен Зонтаг^[115], "повивальная бабка" революции.

"Белая раса, и только она одна... виновата в уничтожении множества посмеявшихся поднять голову цивилизаций... Америка основана на геноциде... Это до умопомрачения расистская страна... Истина в том, что Моцарт, Паскаль, Булева алгебра, Шекспир, парламентский строй, архитектура барокко, эмансипация женщин, Кант, Маркс и балеты Баланчина никогда не смогут возместить ущерб, причиненный западной цивилизацией остальному миру"^[116].

Как Рубашов в "Слепящей тьме", наши элиты прищипли к осознанию слов Зонтаг и добровольно предпринимают усилия по "соответствованию" этим обвинениям. Если многие американцы стыдятся истории своей страны, кто посмеет их этим попрекнуть? Как пишет Майрон Магнет в книге "Сны и кошмары":

"...Университет за университетом отказывается от изучения традиционно признаваемых великими книг западной цивилизации и отрицает прежде незыблемые идеи... Возник альтернативный канон, более подходящий к новой реальности: Пол Гудман, Норманн О. Браун, Герберт Маркузе, Франц Фанон, Мишель Фуко, Джеймс Болдуин, Малкольм Икс, а позднее и лирика Боба Дилана, сместили с пьедесталов Платона и Монтеня. Главная претензия к Западу состоит в том, что идеология западного общества подавляет "инстинктивные удовольствия" избранных и безжалостно эксплуатирует бедных и не-белых как на Западе, так и в странах третьего мира"^[117].

Как описывал собственную страну в конце жизни романист Джеймс Болдуин? В американской истории, писал он, "и в американской действительности не найти института, который не был бы расистским по своей сути"^[118]. Робин Уэст, автор "Прогрессивного конституционализма", добавляет: "Политическая история Соединенных Штатов есть в значительной степени история почти бессознательной жестокости по отношению к рабам, геноцида по отношению к коренным американцам, расизма по отношению к не-белым и их культурам, шовинизма по отношению к женщинам..."^[119] Деконструктивист Джонатан Галлер заявляет, что Библию следует воспринимать "не как поэтический рассказ, не как нарратив, а как весьма влиятельный расистский и шовинистический текст"^[120]. Подобные нападки в настоящее время отнюдь не редкость, их все чаще и чаще можно услышать в американских университетах.

В 1990 году университет Тулейн начал новую программу "Инициативы по улучшению расовой и гендерной ситуации". Президент университета Эймон Келли так объяснил необходимость принятия данной программы: "Расизм и шовинизм пронизывают американское общество сверху донизу и снизу доверху... Мы все – потомки расистской и шовинистической Америки"^[121]. В недавнем отчете Управления образования штата Нью-Йорк относительно реформы учебного расписания говорится буквально следующее: "Афроамериканцы, азиатские американцы, пуэрториканцы и другие выходцы из Латинской Америки, а также коренные американцы все без исключения были жертвами культурного угнетения и культурного насилия

со стороны европейских американцев на протяжении столетий"^[122].

Вот чему учат современную молодежь в колледже и даже в школе: европейцы и американцы виновны в геноциде коренных обитателей Американского континента. Наши предки перевезли на территорию на невольничьих кораблях США миллионы африканцев, заставляли их делать самую грязную работу, которой сами избегали, и калечили и убивали непокорных. Европейцы также устраивали геноцид по отношению к людям с другим цветом кожи, особенно в Африке, и отбирали у местного населения все его богатства. Христианство же практически одобряло и благословляло рабство, империализм, расизм и мужской шовинизм на протяжении четырех столетий.

"Когда узнал все это, можно ли говорить о прощении?" - спрашивает старик в "Геронтионе"^[123] Элиота. "Мы уже привыкли, что отцов-основателей обвиняют в расизме, убийствах индейцев, отстаивании классовых интересов", - пишет Аллан Блум в "Помрачении американского сознания"; эти обвинения "подрывают веру наших героев и убежденность в превосходстве Америки"^[124]. Разумеется, подрывают, такова их цель.

На суде истории Америке и Западу в целом предъявлено обвинение в духе Нюрнбергского трибунала - "в Преступлениях против человечества". И слишком часто западные интеллектуалы, которым следовало бы защищать величайшую цивилизацию в истории, присоединяются к подобным обвинениям или выдвигают собственные. А многие из них, более того, способны лишь повторять с запинкой вслед за немцами в Нюрнберге: "М-мы н-не знали..."

Выдвигая эти обвинения, революция преследует вполне конкретные цели: усилить чувство вины, морально разоружить и парализовать Запад, добиться череды бесконечных извинений и прямого возмещения "убытков", вследствие чего все богатство Запада должно постепенно перейти к обвинителям. Посему обвинения обретают эпический размах, а обвинители выступают в роли всадников Апокалипсиса. Что ж, если Запад и дальше будет давать своим врагам такую свободу, значит, мы заслуживаем того, чтобы нас ограбили.

Почему западные лидеры в большинстве своем неспособны опровергнуть эти обвинения? Потому что в глубине души Клинтон, Жоспен и Шредер уверены в их правоте и в виновности Запада. Иначе зачем мистеру Клинтону было отправляться в Африку и извиняться за рабство перед наследниками племенных вождей, которые сами поставляли белым рабов? Между прочим, рабство существовало еще до возникновения штата Арканзас. И Запад вовсе не изобретал рабства; наоборот, Запад с ним покончил.

В катехизисе революции Западу приписываются все величайшие преступления в человеческой истории. Почему? Да потому, объясняет катехизис, что западные народы верили в превосходство своей цивилизации над всеми прочими и в свое право навязывать цивилизацию и культуру другим, "низшим" народам и обществам. Устранение неравенства цивилизаций и культур поэтому есть важнейшая задача революции.

Первый принцип - всеобщее равенство. Всякий грешащий против равенства объявляется extra ecclesiam, отлученным от церкви. Согласно катехизису, ни одна религия в мире не имеет приоритета перед другими, точно так же, как ни одна культура и ни одна цивилизация. Необходимо стремиться к "разнообразию", к тому, чтобы в обществе сосуществовали все племена, все языки, все культуры, чтобы "цвели все цветы", чтобы в конце концов на нашей планете сложилось мультиэтническое и мультикультурное сообщество. Логика подсказывает, что всякий политик, рассуждающий о превосходстве Запада и объявляющий христианство единственной истинной религией, автоматически становится еретиком и признается угрозой

для общества.

Насколько существенны эти обвинения для нашего нового культурного истеблишмента?

В 1994 году культурная война пришла в "озерный край" штата Флорида: школьный совет тремя голосами против двух постановил - детям нужно рассказывать, что "американская культура превосходит прочие, как современные, так и исторические"^[125]. Председатель совета Пат Харт, именуемая себя "христианской патриоткой", пояснила, что это решение было принято в ответ на мультикультурную образовательную политику руководства штата. Прекрасно, что учащиеся многое узнают о других культурах, прибавила миссис Харт, однако им прежде всего следует усвоить, что Америка "бесспорно превосходит остальных"^[126].

Изумленный профсоюз учителей охарактеризовал это решение как шовинистское. "Люди не понимают смысла данного постановления", - заявил Кейт Маллинс из движения "Народ за общечеловеческие ценности" в интервью газете "Нью-Йорк Таймс"^[127].

Ничего подобного! Вспыхнувшая дискуссия как раз и доказывает, что люди отлично понимали смысл решения школьного совета. Вот что сказала член совета Джуди Пирсон: "Мы должны всегда и всюду подчеркивать первенство Америки"^[128]. Иначе, прибавила мисс Пирсон, молодые люди, "ощутив неполноценность своей страны, могут отказаться воевать за нее или защищать наше государство"^[129].

Один из критиков обвинил школьный совет в подрыве системы образования^[130]. Агентство Ассошиэйтед Пресс заметило: "Некоторые учителя и родители считают, что детей будут учить лжи"^[131]. Представитель Национальной ассоциации школьных советов Джей Батлер предостерег: "О "ценностях" в образовании мы слышим все чаще и чаще, и связано это с укреплением правого религиозного крыла"^[132].

Президент местного отделения профсоюза учителей Гейл Бэрри обвинила школьный совет в нарушении Первой поправки к конституции США: "Большинство членов совета предлагает начинать учебу с постулата Америка превыше всего, а уж потом переходить к чтению и письму... Это не образование. Это идеологическая обработка"^[133]. Впрочем, если начинать образовательный процесс с внушения школьникам мысли о равенстве американцев с другими народами, не будет ли это также "идеологической обработкой"?

Суть проблемы обнажает знаменитый вопрос Пилата: "Что есть истина?" С точки зрения революции "озерный край" противоречит истине, так как все народы и все культуры равны и "высшей культуры" не существует. Претендуя на приоритет американской культуры, миссис Харт и ее совет впадают в ересь. Революция не может допустить, чтобы столь наглое искажение истины преподавалось детям в школе. И она начинает действовать. Можно вспомнить, что на прошлых выборах поражение потерпели все без исключения сторонники теории "Америка превыше всего".

"Люди отвергли экстремистов", - заявил мистер Маллинс^[134].

Этот эпизод как нельзя лучше выявляет подлинные черты нашей нынешней доминантной культуры. Во всем, что касается ее основ, она абсолютно нетерпима и не приемлет противодействия. Всякий, посмеявшийся сообщить детям о превосходстве Америки, немедленно

объявляется экстремистом, которому не место в школе и в любом другом учебном заведении.

Кроме того, культурная революция, основанная на принципе истинного равенства, учит, что настоящие герои истории – отнюдь не завоеватели, не солдаты и не политики, создававшие империю Запада, но те, кто боролся за более высокие цели – а именно, за равенство людей. Потому уничтожение сегрегации на Юге США и апартеида в ЮАР – достижения более значимые, нежели победа над коммунизмом; а Мандела и Ганди – подлинные духовные герои двадцатого столетия. Потому Мартин Лютер Кинг возвышается над всеми прочими в американском пантеоне героев и всякое государство, отказывающееся отмечать его день рождения, подлежит бойкоту. Что же касается Джорджа Вашингтона – если его имя не будут вспоминать в школах, значит, так тому и быть. Разве он не был рабовладельцем? Разве не участвовал в наизлостнейшем в истории Америки нарушении принципа равенства всех людей?

В обществе, где равенство – святыня, величайшей и единственной законной формой правления считается демократия "одного голоса" ("один человек – один голос"). Только ее можно навязывать другим силой, как это было в Германии и Японии – и как надлежит поступить с Ираком. Военное вмешательство во имя национальных интересов эгоистично и неблагородно, а вот вмешательство духовное, заставляющее проливать кровь во имя демократии, как было в Сомали, на Гаити и на Балканах, полностью оправданно.

С этой меркой революция подошла к истории американских войн. Война 1812 года, мексикано-американская, индейская и испано-американская войны, вполне вероятно, сохранили для нас континент, причем за крохотную цену в человеческих жизнях; тем не менее эти войны навеки прокляты – ведь они завершались территориальными аннексиями, а в обществе наблюдался всплеск шовинизма. А войны в Корее и Вьетнаме, которые велись за спасение этих народов от жуткого азиатского коммунизма, были войнами "неразумными" и несправедливыми. Мы выступали заодно с коррумпированными режимами и пытались сохранить эти страны на своей стороне в "холодной войне", так и не обретшей той этической чистоты, которая отличала войну с фашизмом.

Поддержка президентом Никсоном свержения президента Сальвадора Альенде в Чили хунтой генерала Пиночета была прямым вызовом революции – равно как и помощь президента Рейгана никарагуанским контраст, сражавшимся против просоветски настроенных сандинистов. Что же до вторжения Рейгана на Гренаду – для избавления этого крошечного островка от головорезов-сталинистов, прикончивших своего лидера-марксиста, Мориса Бишопа, – это был прямой акт агрессии со стороны Америки. Однако вторжение Клинтона на Гаити – для восстановления у власти отлученного от церкви священника-марксиста, отца Аристиды, – было справедливым вмешательством во имя демократии.

И так далее, и тому подобное. До тех пор пока война "справедлива", цель, согласно катехизису революции, оправдывает средства. То есть мистер Линкольн был вправе установить свою диктатуру, растоптать конституцию, посадить несогласных в тюрьму без суда и следствия и "спустить с цепи" генералов Шермана и Шеридана, которые выжгли дотла весь Юг. Отмена рабства оправдывает использованные средства – пускай Гражданская война легла на страну тяжким бременем. В годы Второй Мировой войны мы заключили союз с убийцей народов Сталиным и бомбили Хиросиму и Нагасаки, почти мгновенно уничтожив сотни тысяч людей, – но это было оправданно: наши сердца оставались чисты, а враг был жесток...

Ричард Никсон был вынужден уйти в отставку за "ковровую бомбежку" Ханоя при попытке освободить американских заложников – бомбежку, при которой, по утверждениям северных вьетнамцев, за тринадцать дней погибло 1900 человек. А Гарри Трумэн вошел в историю как герой, несмотря на то что именно он приказал сбросить атомные бомбы на Хиросиму и

Нагасаки, вследствие чего погибло 140000 мирных жителей; кроме того, он отослал 2000000 русских военнопленных обратно в СССР, зная, что обрекает их на пытки и смерть в сталинских лагерях.

Для культурной революции врагом всегда являются правые, "ястребы", и она ничего не забывает и ничего не прощает. Сравните безжалостное преследование уже стоящего одной ногой в могиле генерала Пиночета, диктатора, сорвавшего прокубинскую революцию в Чили, – и телеграммы с сожалениями по поводу смерти соратников-убийц Мао, Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина.

Байрон де ла Беквит, обвиненный в убийстве лидера NAACP Медгара Эверса в Миссисипи в 1963 году, был осужден трижды (в последний раз – через тридцать лет после события) и умер в тюрьме, как того и требовала революция, которая одновременно защищала Леонарда Пелтиера, застрелившего двух раненых агентов ФБР после столкновения в резервации Пайн-Лодж в 1975 году. Последней по времени "культурной иконой" стал Мумия Абу-Джамаль, которого приговорили к смерти за убийство полицейского в Филадельфии в 1971 году, – он выстрелил в истекавшего кровью офицера полиции и добил его. Сотня историков потребовала нового суда над Абу-Джамалем на том основании, что убийство полицейского "следует рассматривать на историческом фоне"^[135]. Пелтиер был индейцем, Абу-Джамаль – негр, поэтому их автоматически причисляют к "жертвам". А вот агенты ФБР и тот полицейский были белыми...

Равенство, проповедуемое революцией, есть извращение идеи Джефферсона о том, что Господь создал всех людей равными. Джефферсон подразумевал под этой фразой, что Бог наделил всех людей правами жизни, свободы и собственности и что все люди должны быть равны перед законом. Он писал в 1813 году Джону Адамсу: "Я согласен с Вами, что среди людей встречаются аристократы от природы. Такие люди прежде всего добродетельны и талантливы"^[136].

Если опираться на принципы добродетельности и талантливости, правильнее будет сказать, что на свете нет двух равных людей. Америка движется не к равенству условий или равенству результатов, но к равенству свобод, так что "прирожденная аристократия" – от спортсменов до представителей изящных искусств – может подать всем нам пример, куда и как идти, поставить перед нами цель. Иерархии необходимы – и потому они существуют в природе. Сравните добившиеся успеха американские фирмы, организации, спортивные клубы и пр. – от "Майкрософт" до "Нью-Йорк Янкиз", от Корпуса морской пехоты до клиники Мэйо. Как повашему, в скольких из них управление строится по принципу демократии "одного голоса"?

История показывает, что нет и никогда не было абсолютно равных народов, культур и цивилизаций. Одни достигали величия регулярно, другие к нему вообще не приближались. Разнятся образы жизни, религии, идеи; равенства не найти нигде. Пожалуй, важнейший, самый красноречивый и убедительный довод – тот, что нет и не может быть равенства среди идей.

Все идеи имеют право быть высказанными и услышанными, однако отсюда не следует, что ко всем непременно прислушаются. Первая поправка требует, чтобы мы уважали лунов не меньше, чем правдолюбцев, глупцов не меньше, чем мудрых; однако общества и народы развиваются, отделяя зерна от плевел и выбрасывая последние. Иными словами, проповедуемая революцией идея равенства – идеологическая, утопическая, абсурдная и полностью разрушительная. Лишь распадающееся государство приравняет доблесть "черных беретов" или рейнджеров, выполняющих самые опасные задания и на войне, и в мирное время,

к трудовой доблести армейских писарей, поваров или посудомоек. Кажется, лорд Эктон заметил, что, когда умирает демократия, почему-то всегда выясняется, что ее убило равенство.

* * *

Равенство, о котором столько сказано выше, восходит не к американской – к французской революции, равно как и не к социалистам девятнадцатого столетия, а к американским патриотам восемнадцатого века. Поскольку все люди в разной степени наделены талантами, способностями и добродетелями, единственный способ достичь полного равенства – это тирания. Однако в Америке тирании нет. Те, кто бесконечно подправляет данные университетских тестов пригодности, поскольку результаты не совпадают с их предположениями, зачастую набавляют лишние баллы студентам "по этническому признаку", а затем выбрасывают результаты, поскольку все равно не добиваются желаемого, – такие люди безнадежно погрязли в идеологии, причем их ложные идеи не переживут первого же столкновения с реальностью.

Равенство, которому учит революция, можно обнаружить в финальных результатах безумной гонки по кругу, описанной в "Алисе в Стране чудес". После того как все участники полчаса бегали кругами, они наконец догадались спросить: "А кто же победил?"

И дронт Додо ответил: "Все победили и все получают призы"^[137].

Простая терпимость, заметил Г.К. Честертон, "есть добродетель людей, ни во что больше не верящих". Однако наша новая вера терпима лишь в отношении того, что сама считает несущественным: секса, порнографии, скабрёзных выражений, мужицких манер, крестьянского платья и вульгарного искусства. По отношению же к тем, кто смеет замахиваться на ее святыни, никакой толерантности нет и в помине.

Местный аптекарь будет продавать кондомы тринадцатилетним юнцам, но сигарет он им уже не продаст, ведь нельзя подвергать опасности детское здоровье и приучать детские души к мирским соблазнам. Книги, гласящие, что Бог мертв... или утверждающие, что целибат вреден для здоровья, или что папа Пий Двенадцатый был "личным папой Гитлера", встречаются критикой на "ура" и прославляются за "творческую смелость", "оригинальность" и "низвержение авторитетов". Но допустите лишь крохотную оговорку расистского толка, как сенатор Бэрд, или шуточку относительно гомосексуалистов, как преподобный Дик Арми, – и вам не избежать публичной порки.

В девятнадцатом столетии кощунство считалось преступлением в большинстве штатов. Сегодня кощунство, брань, вульгарность вполне допустимы, даже в прайм-тайм по телевизору, однако шутить на "этнические темы" возбраняется под страхом самых суровых наказаний. Мы можем "спасать хоть сотню Иоаннов Крестителей, – замечает дарвинист Дэвид Деннет, – но только в том случае, если нам не придется дезинформировать детей насчет устройства мироздания"^[138]. Деннет предостерегает креационистов: "Вы вольны творить любую веру, любую религию, но придерживаясь ее можете лишь до тех пор, пока она не станет общественной помехой... Те, кто не желает приспособливаться, не желает быть терпимым, кто признает за истинные лишь древнейшие следы и чистейшую кровь, – таких людей, как ни жаль, придется обезоруживать и сажать под замок"^[139].

Таков воинственный дух современной ортодоксии.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕНАВИСТИ

Как всякая религия, новый завет содержит собственный перечень преступлений. Самыми одиозными и злонамеренными из них являются "преступления ненависти", то есть криминальные деяния, спровоцированные ненавистью к цвету кожи, этнической принадлежности, происхождению либо сексуальной ориентации жертвы.

Очевидно, что убийства Джеймса Бэрда и Мэттью Шепарда были трусливыми поступками, заслуживающими самого сурового наказания. Но почему именно эти два случая - из пятнадцати тысяч убийств, совершаемых ежегодно, - вызвали такой общественный резонанс, были столь решительно и публично осуждены нашей элитой? Ведь убийцы в обоих случаях были, что называется, никем - наркоманы в случае с Бэрдом и обыкновенные головорезы в случае с Шепардом...

Да, убийство Бэрда, которого привязали к грузовику и волокли по дороге, пока он не скончался, выглядит особенно омерзительно, однако к "преступлениям ненависти" его относят не поэтому, а по той причине, что Бэрд был черным - и именно поэтому убийцы выбрали его в качестве жертвы. Шепарда били, пока он не потерял сознание, а затем приковали к забору и оставили замерзать - только за то, что он приставал к тем самым головорезам, которые и решили ограбить его и убить. Его смерть относится к числу "преступлений ненависти", поскольку он был гомосексуалистом, а его убийцы - белыми гетеросексуалами, оскорбившимися на недвусмысленные предложения со стороны мужчины. Погибни Шепард от рук какого-нибудь бывшего любовника, его убийство не причислили бы к "преступлениям ненависти", да и никто вообще не придал бы этому событию особого значения.

У всех у нас имеются свои отклонения. К примеру, что касается моих: выбери убийцы Мэттью Шепарда своей жертвой не двадцатидвухлетнего гомосексуалиста, а шестнадцатилетнюю девушку, это убийство я воспринял бы как крайнюю форму злодеяния. Тем не менее в обоих случаях убийцы понесли бы одинаковое наказание. А если бы убийцы Джеймса Бэрда тоже были черными или же Бэрд был белым, его смерть все равно осталась бы жестокой расправой, заслуживающей суровой кары.

Почему же именно эти два убийства привлекли внимание и президента, и прессы? Потому что они лучше всего укладываются в концепцию. В катехизисе революции убийство гомосексуалиста из-за его нетрадиционной ориентации и черного по причине цвета его кожи определяются как тягчайшие преступления, даже более тяжкие, нежели изнасилование и убийство ребенка. Откуда нам это известно?

Менее чем через год после убийства Шепарда двоих жителей Арканзаса обвинили в убийстве тринадцатилетнего Джесси Дирхайзинга. Вот фрагмент отчета, опубликованного агентством Ассошиэйтед Пресс:

"По утверждению полиции, Дэвид Карпентер-младший, тридцати восьми лет, и Джошуа Браун, двадцати двух лет, одурманили Джесси Дирхайзинга, завязали ему глаза, заткнули рот его собственным нижним бельем, а затем привязали его ремнями к матрацу, лицом вниз. После чего мальчика неоднократно насиловали, пока он не задохнулся от недостатка воздуха.

В квартире преступников полиция обнаружила написанную от руки инструкцию и схему того, как именно следует укладывать мальчиков на матрац. В прочих бумагах описывались нереализованные сексуальные фантазии относительно других детей...

В ночь смерти Джесси Браун насильничал мальчика, а Карпентер наблюдал за происходящим. Прервавшись, чтобы перекусить, Браун лишь тогда заметил, что мальчик уже не дышит"^[140].

Карпентер и Браун были любовниками; пока последний насильничал мальчика, первый мастурбировал. Как ни удивительно, об этом жестоком преступлении в прессе практически не упоминалось. Почему? "Да потому, что это обыкновенное сексуальное преступление, а никак не "преступление ненависти", а еще потому, что варварские действия парочки гомосексуалистов могли "исказить" тот образ "голубых", который поддерживает наша культурная элита. Ведь получилось, что потенциальные жертвы общества, то есть гомосексуалисты, сами оказались насильниками!" Обозреватель Brent Bozell пишет:

"Если бы Джесси Диркхайзинга застрелили в арканзасской школе, это немедленно стало бы событием общенационального масштаба. Будь он гомосексуалистом, а его убийцы - гетеросексуалами, о преступлении кричали бы на всех углах. Но никакое либеральное средство массовой информации не посмеет первым поведать о преступлении, в котором преступники - гомосексуалисты"^[141].

Когда начался суд над Брауном, "Вашингтон Таймс", едва ли не единственная из общенациональных газет, опубликовала отчет о слушаниях. "Несоответствие (между интересом журналистов к убийствам Шепарда и Диркхайзинга) разительное и вызывает ощущение нереальности происходящего",- писал Эндрю Салливан, сам гомосексуалист и обозреватель журнала "Нью Рипаблик"^[142]. Шепарду было посвящено, по подсчетам Салливана, не менее трех тысяч статей и заметок в первый месяц после убийства этого человека; Джесси Диркхайзинг удостоился лишь сорока шести публикаций. Компания "Фоке Ньюс" единственная из телекомпаний сообщила о суде на Брауном и вынесении приговора. Прочие масс-медиа промолчали, лишней раз подтвердив, что давно превратились в верных прихвостней революции.

Вскоре после убийства Бэрда столь же жуткой смертью погиб шестилетний Джейк Робел. Его мать Кристи зашла на минутку в закусочную на улице городка Индепенденс, штат Миссури; Джейк остался сидеть, пристегнутый ремнем, на заднем сиденье "шевроле блейзер". Ключи Кристи оставила в замке зажигания. Некто Ким Дэвис, тридцати четырех лет, недавно из тюрьмы, выждал, пока женщина зашла в закусочную, а затем забрался на место водителя. Кристи Робел заметила это и кинулась выручать своего сынишку: она распахнула заднюю дверцу, и тут Дэвис буквально вытолкнул мальчика, по-прежнему пристегнутого ремнем безопасности. Кристи истошно закричала, но Дэвис, бросив взгляд в зеркало заднего вида, надавил на педаль газа и укатил прочь. Он тащил за собой мальчика целых пять миль, прежде чем его остановили полицейские. Почему это преступление не вызвало широкого резонанса в обществе? Потому что Джейк Робел был белым, а Ким Дэвис - черным. Вот если бы все оказалось наоборот... Преступления ненависти есть применяемый культурной элитой способ "расового представления" белых мужчин.

* * *

За десять дней до Рождества 2000 года в Уичите Произошло преступление, куда более жестокое, нежели даже убийства Мэттью Шепарда и Джеймса Бэрда.

В дом, где пятеро молодых людей устроили вечеринку, ворвались двое братьев, двадцати трех и двадцати лет. Всех пятерых они запихнули в свою машину, отвезли к банкомату, заставили снять со счетов все деньги, после чего вывели на футбольное поле. Двух девушек раздели и изнасиловали, затем заставили жертв под прицелом заниматься сексом друг с другом, потом

поставили всех на колени и выстрелили каждому в голову. Трое юношей и одна девушка скончались, вторая девушка, которую также сочли умершей, истекая кровью, нагая, пробежала целую милю до города и обратилась в полицию, а братья тем временем отправились на своей машине грабить дома жертв.

Хизер Маллер, двадцать пять лет, прекрасно пела. Эрон Сандер только-только вернулся из колледжа Маунт Сент-Мэри в Эммитсбурге, штат Мэриленд, и собирался учиться дальше на священника. Брэдли Херман, двадцать семь лет, был другом Эрона. Джейсон Бефорт, двадцать шесть лет, преподавал естествознание в школе Огасты; он собирался предложить руку и сердце той девушке, которая выжила в этой бойне, и даже купил кольцо и книгу с советами, как делать предложение. "Джейсон не успел ни сделать предложение, ни вручить своей избраннице кольцо, - пишет Фрэнк Моррис из журнала "Уондерер". - Католическая церковь в его родном городке Прэтт не вместила всех пришедших на панихиду, поэтому отпевали Джейсона в более просторной методистской церкви"^[143]. В последние минуты перед смертью Джейсон Бефорт вынужден был смотреть, как подонки насилуют девушку, которую он любил.

Моррис не упомянул, что все жертвы были белыми, а убийцы - чернокожими. Сложись все наоборот, это преступление наверняка стало бы преступлением десятилетия. А так... Ни единого слова по телевидению, ни единой заметки в центральной прессе. В самом деле, зачем? "Это преступление не укладывалось в политкорректную мелодраму, в которой черным отведена роль жертв, а белые всегда угнетают", - пишет обозреватель Дэвид Горовиц^[144].

Как представляется, мистер Горовиц прав. Согласно "Перечню основных культурных показателей" 1999 года, афроамериканцы, составляющие всего 13 процентов от населения страны, несли ответственность за 42 процента тяжких преступлений и за пятьдесят с лишним процентов убийств на территории США^[145]. А статистика межрасовых преступлений дает еще более жуткую картину.

В 1990 году профессор Уильям Уилбэнкс из Департамента криминальной юстиции в Международном университете штата Флорида провел анализ преступлений, совершенных чернокожими. Поводом к этому исследованию послужила развернутая в прессе кампания за сокращение преступлений черных против черных - как будто преступления черных против белых не заслуживали внимания властей. Изучив отчет Министерства юстиции от 1987 года, Уилбэнкс получил следующие данные:

- в 1987 году белые преступники, совершившие тяжкие преступления, выбирали своими жертвами чернокожих лишь в 3 процентах случаев, тогда как последние совершили против белых не менее пятидесяти процентов от общего числа тяжких преступлений;
- в случаях изнасилований белые преступники ни разу (из восьмидесяти трех тысяч случаев) не покушались на черных женщин, тогда как изнасилования черными белых составляют 28 процентов от общего количества изнасилований;
- при грабеже лишь 2 процента составляют ограбления черных, совершенные белыми, - против 73 процентов грабежей белых, совершенных черными^[146];

Когда профессор Уилбэнкс обнародовал эти шокирующие цифры, ответом ему были не возражения, не опровержения, не возмущение его публикации никто словно и не заметил. Десять лет спустя, в 1999 году, газета "Вашингтон Таймс" опубликовала отчет об исследовании по межрасовым преступлениям, выполненный фондом "Нью Сенчури", который опирался на доклад Министерства юстиции от 1994 года. Исследования фонда подтвердили выкладки Уилбэнкса:

- черные совершили в 1994 году 90 процентов межрасовых преступлений;
- поскольку черные составляют 12 процентов населения страны, отсюда следует, что вероятность совершения ими межрасового преступления в пятьдесят раз выше, чем для белых;
- для черных вероятность совершения группового изнасилования или группового нападения в 100-250 раз выше, чем для белых;
- даже в категории "преступлений ненависти", куда относится менее одного процента межрасовых преступлений, вероятность того, что черный окажется преступником, а не жертвой, вдвое выше, чем для белого ^[147].

Исследование фонда также показало, что американцы азиатского происхождения менее всего склонны к насилию: они совершают тяжкие преступления вполнину меньше белых американцев.

Эти цифры наверняка покажутся крайне несправедливыми десяткам миллионов законопослушных афро-американцев. Однако они обнажают главную проблему культурной революции: рассуждения о постоянном риске, которому якобы подвергается в Америке со стороны белого большинства чернокожее население, представляют собой хорошо продуманную ложь! Именно в местах проживания национальных меньшинств выше всего уровень преступности, именно оттуда проникают в наше общество межрасовые преступления. Самообманом и ложью мы ничего не исправим.

То же, судя по всему, верно и в отношении Великобритании. Анализируя цифры в отчете Министерства внутренних дел по статистике криминальных явлений, обозреватель Джон Вудс выяснил, что из общего числа "расово мотивированных" преступлений в 1995 году 143000 были совершены белыми против меньшинств и 238 000 – меньшинствами против белых ^[148].

"Если национальные меньшинства составляют менее шести процентов от населения Соединенного Королевства, – заключает Вудс, – но при этом совершают 238 000 расовых преступлений в год, а белые – 94 процента населения – совершают 143 000 таких преступлений в год, отсюда следует, что национальные меньшинства совершают расовых преступлений в двадцать пять раз больше, чем белые".

Председателем фонда "Нью Сенчури" является Джаред Тейлор, автор книги: "Дорога, вымощенная благими намерениями: кризис сосуществования рас в современной Америке", весьма противоречивая фигура в дискуссии о межрасовых преступлениях. Однако данные фонда основываются на отчетах Министерства юстиции и почти не отличаются от данных Уилбэнкса и Вудса. Все эти исследования, кстати, ожидала схожая судьба – их попросту проигнорировали.

Когда корреспондент "Вашингтон Таймс" попросил Моргана Рейнолдса, директора Центра криминальных исследований при Национальном центре криминальной статистики в Далласе, прокомментировать данные фонда, мистер Рейнолдс лишь пожал плечами: "Большинство белых предпочитают не замечать этих цифр, так безопаснее... Сами по себе эти цифры ничуть не удивительны для любого, кто изучал историю межрасовых преступлений, но они лишены политкорректности" ^[149]. Юрист Джеймс Уилсон заметил, что "национальные аспекты" преступности – тема слишком щекотливая, чтобы обсуждать ее на публике ^[150]. Однако если цифры верны, откуда тогда вообще взялись своды "преступлений ненависти"?

Преступление есть преступление, оно подлежит наказанию, вне зависимости от этнической

принадлежности или цвета кожи совершившего его лица. Справедливость должна быть равнодушной к цвету кожи. Однако кампания за выделение "преступлений ненависти" в отдельную категорию противоправных деяний не имеет ничего общего со справедливостью, зато очень много – с идеологией. Наша культурная элита жаждет, чтобы американцы воспринимали свою страну как прибежище расизма, нуждающееся в коренном обновлении, как территорию, где хозяйничают и совершают преступления исключительно белые мужчины. А правда, разумеется, не имеет ни малейшего значения: если убийство тринадцатилетнего подростка, жуткая смерть шестилетнего мальчика или зверства в Уичите не вписываются в общую картину, а то и противоречат ей, о них нужно просто забыть.

В катехизисе революции ни одно из совершенных садистом Джоном Уэйном Гэйси тридцати убийств молодых людей не подпадает под категорию "преступлений ненависти", но если бы самого Гэйси убили возле бара для гомосексуалистов за приставания к кому-либо из клиентов, это было бы совсем другое дело. К числу "преступлений ненависти" обычно относят убийство доктора Кинга, поскольку убийца, Джеймс Эрл Рэй, ненавидел мистера Кинга именно за цвет его кожи; но вот убийства Джона Ф. Кеннеди прокубинским экстремистом и Роберта Кеннеди – палестинским террористом такими преступлениями никак не являются.

Как месса, это бесконечное возобновление Тайной Вечери, есть католическое таинство и священнодействие, так непрерывные повторения "живописных" подробностей "преступлений ненависти" есть своего рода жертвоприношение новой вере. У "архетипического преступления ненависти" всегда один и тот же сюжет, один и тот же герой, злодей и жертва: сторонники прогресса защищают угнетаемые национальные меньшинства от белых изуверов. Масс-медиа, эта пропагандистская длань революции, ведут непрерывный поиск все новых "преступлений ненависти". И каждое новооткрытое преступление подтверждает основополагающий тезис: Америка – страна гомофобов и расистов. Повторяя слова миссис Зонтаг, белая раса – рак на теле человечества.

Но каким образом эта новая религия сумела завладеть Америкой, еще вчера христианской и консервативной? Откуда, с чего – или с кого – все началось?

Глава 4. ОНИ СОВЕРШИЛИ РЕВОЛЮЦИЮ

Кто освободит нас от ярма западной цивилизации?^[151]
Дьердь Лукач, теоретик-марксист

По-настоящему эффективным тоталитарным государством
станет то, в котором всемогущие политические боссы
во главе армии менеджеров встанут над рабами,
не желающими свободы,

поскольку им нравится прислуживать^[152].
Олдос Хаксли. О дивный новый мир!

Начала революции, потрясшей самые основы американской демократии, следует искать не в 1960-х годах, а скорее в августе 1914 года, когда разразилась Первая Мировая война; по словам Жака Барзуна, "именно этот удар направил наш мир на курс к самоуничтожению".

4 августа 1914 года социал-демократы в немецком рейхстаге, все до единого, проголосовали за выделение военных кредитов правительству, тем самым примкнув к патриотической оргии,

возникшей с вторжением армии рейха в Бельгию.. Марксисты были, как говорится, вне себя от радости: столь давно ожидаемая паневропейская война наконец-то началась. "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" – провозгласил Маркс в своем "Коммунистическом манифесте". Для марксистов война была событием, которое непременно объединит пролетариев всей Европы и заставит их сражаться с буржуазией, а не с коллегами-пролетариями из других государств. Однако этого не случилось. Крупнейшая социалистическая партия Европы в одночасье превратилась в партию войны, а пролетарии взялись за оружие и отправились защищать ненавистную марксистам национальную буржуазию. Как писала Барбара Такман:

"Когда объявили призыв, тот самый пролетарий, у которого, по мнению Маркса, не было национальной принадлежности, в один миг отождествил себя не с классом, а со своей страной. Не замедлило выясниться, что он, подобно другим членам общества, принадлежит к "национальной семье". Вместо того чтобы сражаться с капиталом, он предпочел поднять оружие на своего собрата-иностранца. Причем рабочий класс отправлялся на войну добровольно, даже с нетерпением, как и класс средний, и высшее сословие, и все прочие люди вокруг"^[153].

Марксистов выставили на посмешище.

Да, впереди были все ужасы войны на Западном фронте. Но даже Ипр, Пашендейл и Сомма, где на крохотных клочках земли погибли сотни тысяч английских солдат, не заставили восстать пролетариат страны первой промышленной революции. Точно так же на патриотизм немецкого и французского пролетариата не оказал влияния Верден. Мятеж 1917 года во французских войсках был мгновенно подавлен. Настоящая угроза проявилась лишь к концу войны.

После октябрьского переворота в России попытки коммунистических бунтов были предприняты в Будапеште, Мюнхене и Берлине. Немецкие ветераны без труда растоптали Баварскую республику; Розу Люксембург, возглавлявшую восстание "Спартак", и Карла Либкнехта в Берлине застрелили геикопрс. В Будапеште режим Белы Куна продержался у власти несколько месяцев. Оказалось, что пролетариат не спешит поддерживать революцию, затеянную от его имени.

Троцкий решил, что русская революция должна распространяться по миру на штыках Красной армии. Он вторгся в Польшу, но у Вислы был остановлен польскими патриотами во главе с маршалом Пилсудским. Время показало, что все предсказания марксистов не выдержали проверки реальностью: их время пришло – и ушло. Западные рабочие, тот самый мифический пролетариат, отказались играть написанную для них революционерами роль. В чем же заключалась ошибка Маркса?

Двое современных последователей Маркса выдвигают следующую теорию. Да, Маркс ошибался: капитализм отнюдь не ведет к обнищанию пролетариата. Наоборот, рабочий класс становится все более зажиточным, а к революции не примкнул потому, что души людей были отравлены двухтысячелетней проповедью христианства, заслонившей от западного пролетариата его истинные классовые интересы. До тех пор пока в душе человека западного будут "гнездиться" христианство и западная культура (в совокупности представляющие собой иммунную систему капиталистического организма),- до тех пор марксизм на Западе не приживется и революцию неизменно будут предавать те самые рабочие, на благо которых она и совершалась. Если воспользоваться библейскими аналогиями, Марксово слово, это зерно революции, упало на каменистую христианскую почву – и не смогло прорасти. Рассуждая об интересах пролетариата, марксисты поставили не на ту лошадь.

Первым из этих последователей Маркса был венгр Дьердь Лукач, агент Коминтерна, автор книги "История и классовое сознание", которая поставила его в один ряд с Марксом. "Я считал революционное уничтожение общества единственно возможным и верным способом действий, - писал Лукач. - Всемирное изменение человеческих ценностей не могло произойти без уничтожения ценностей прежнего мира и без создания новых, революционных ценностей"^[154]. Как заместитель народного комиссара по культуре в правительстве Белы Куна Лукач на практике применял свои "демонические" воззрения, и его методы впоследствии получили прозвище "культурный терроризм".

Частично этот "терроризм" заключался во введении в школьную программу радикального курса сексуального воспитания. Детей учили свободной любви и сексуальной вседозволенности, внушали им мысли об отмирании прежних норм поведения и института моногамной семьи как такового, а также о "незаконности" религии, лишаящей человека всех чувственных удовольствий. Причем к неповиновению "сексуальным предрассудкам" того времени призывали как мальчиков, так и девочек, как юношей, так и девушек^[155].

Предложение Лукача о пропаганде "распущенности" среди женщин и детей было направлено на уничтожение семьи - основы западной и христианской культур. Через пятьдесят лет после того, как Лукач бежал из Венгрии, его идеи были с восторгом подхвачены бэби-буммерами эпохи сексуальной революции.

* * *

Вторым из упоминавшихся выше последователей Маркса был Антонио Грамши, итальянский коммунист, которого в последнее время все чаще и чаще называют Крупнейшим марксистским стратегом двадцатого столетия. После марша Муссолини на Рим в 1922 году Грамши бежал в Россию. Правда, в отличие от "полезных идиотов" и "инфантильных левых" ленинского призыва - например, американского писателя Линкольна Стеффенса, заявлявшего: "Я был в будущем! Все получилось!", - Грамши не поддавался иллюзиям и почти сразу заметил, что большевистский рай на земле никак не строится. Режим большевиков мог добиться повиновения граждан только через террор. И Грамши сделал разумный вывод: значит, ленинизм не смог победить. Русские не то что не приняли новую власть - они ее ненавидели. Земля, вера, семья, иконы и само понятие о "матушке-России" значили для русских куда больше, нежели международная солидарность трудящихся. Новая власть обманывала сама себя. Русские нисколько не изменились после революции. Они подчинялись лишь потому, что неповиновение означало полночный стук в дверь и пулю в спину в подвалах Лубянки. Даже свергнутый царь вызывал у народа больше сочувствия, нежели большевики с их идеями.

Грамши предположил, что причиной тому - христианские воззрения, "препятствующие" русским людям усвоить коммунистические идеалы. "Цивилизованный мир почти 2000 лет пребывал под игом христианства, - писал Грамши, - так что режим, основанный на иудео-христианских верованиях, нельзя уничтожить, не искоренив эти верования"^[156]. Следовательно, если христианство является щитом Запада, то, чтобы покорить Запад, марксисты должны сначала его дехристианизировать.

Утративший иллюзии, напуганный Сталиным, который возглавил Россию после смерти Ленина и который не терпел независимых мыслителей, Грамши вернулся в Италию, намереваясь встать во главе итальянской компартии. Но у Муссолини были другие планы. Он арестовал Грамши и продержал того в тюрьме до 1937 года, причем заключенный едва не скончался от туберкулеза; вскоре после освобождения Грамши умер в возрасте сорока шести лет. В "Тюремных записках" присутствует план заведомо успешной марксистской революции на

Западе. И поневоле складывается ощущение, что наша культурная революция делалась по "рецепту" Грамши. "На востоке,- писал он, имея в виду Россию,- государство является всем, гражданское общество находится в зачаточном состоянии...

"...на Западе же имеются надлежащие, развитые отношения между государством и гражданским обществом, поэтому, когда государство теряет силу, сразу становится видна незыблемая основа гражданского общества. Государство на Западе есть не более чем внешний ров, за которым возвышается окруженная могучими стенами крепость"^[157].

Вместо того чтобы захватывать власть и насаждать культурную революцию сверху, полагал Грамши, западным марксистам следует перво-наперво изменить культуру - и тогда власть сама упадет к ним в руки, как перезрелый плод. Однако смена культурного пласта потребует "упорного сражения" за овладение средствами массовой информации - газетами, журналами, кинематографом, радио, а также театрами, школами, семинариями, равно как и подчинения себе искусства. Их надлежит завоевывать постепенно, почти исподволь, и потихоньку превращать в инструменты революции. И со временем общество не только поймет, но и признает революционные идеалы.

Грамши советовал коллегам-марксистам объединяться с западными интеллектуалами, отрицающими Христианство и буржуазную культуру и имеющими влияние на умы молодежи. "Все дело в культуре, глупцы!" Поскольку именно западная культура породила и подписывает капитализм, ее необходимо "преобразовать" - И тогда общественный строй рухнет под собственным весом. На обложке бестселлера 1970 года "Озеленение Америки", этого манифеста контркультуры, его автор Чарльз Райх словно цитирует Грамши:

"Грядет революция! Она будет отличаться от всех революций прошлого. Она обратится к человеку, а не к классам, и затронет культуру, а изменение политической структуры произойдет лишь на последней стадии. Она не нуждается в насилии для своего успеха, и подавить ее насильем также не удастся. Она распространяется с удивительной скоростью, и уже наши законы, наши институты и социальная структура меняются под ее влиянием... Такова революция нового поколения!"^[158].

Итак, рассуждения Грамши о возможности революции на Западе оказались пророческими. Ленинский режим держал мир в страхе на протяжении семидесяти лет, однако в исторической перспективе русская революция потерпела поражение - и режим рухнул, причем коммунистическая партия Ленина-Сталина фактически вернулась к истоку: она вновь превратилась в горстку политических авантюристов-конspirаторов, которые за марксистской риторикой прячут претензии на абсолютную власть. Ленинский режим скончался и был похоронен без сожалений. А вот революция Грамши набирает обороты и находит себе все новых адептов.

ФРАНКФУРТСКАЯ ШКОЛА ПРИХОДИТ В АМЕРИКУ

В 1923 году Лукач и несколько членов германской компартии основали во Франкфуртском университете Институт марксизма, смоделированный по образу и подобию Института Маркса и Энгельса в Москве. По зрелом размышлении они дали своему детищу менее вызывающее название - Институт социальных исследований. В скором времени этому институту суждено было стать известным под названием Франкфуртская школа.

В 1930 году бывший марксист и поклонник маркиза де Сада Макс Хоркхаймер стал директором института. Он также пришел к убеждению, что теория Маркса ошибочна. Пролетариат не в

состоянии выполнить роль авангарда революции. Ведь западные пролетарии постепенно превращаются в средний класс, в тех самых презираемых буржуа. Они предают марксистов – которых, кстати сказать, ничуть не удивили бы волнения на Уолл-стрит в мае 1970 года, когда радикалов и студентов, протестовавших против решения администрации Никсона о вторжении в Камбоджу, побили рабочие из строительного профсоюза Пита Бреннана (последнего Никсон вскоре назначил своим советником по труду).

Под началом Хоркхаймера Франкфуртская школа принялась "переводить" марксистскую теорию в культурные термины. Старые пособия по классовой борьбе были выброшены, как ненужная рухлядь, им на смену пришли новые. Для ранних марксистов врагом был капитализм, для марксистов же новых врагом стала западная культура. Ранние марксисты видели путь к власти в насильственном свержении правящей структуры, как это произошло в Париже в 1789 году и в Санкт-Петербурге в 1917 году. Новые марксисты рассчитывали добиться своего, не прибегая к насилию, через десятилетия кропотливого труда. Победа станет возможной, лишь когда в душе западного человека не останется и малой толики христианства. А это произойдет, лишь когда новый марксизм завладеет всеми средствами массовой информации и общественными институтами. Достаточно захватить "крепость с могучими стенами" – и государство, "внешний ров", по выражению Грамши, падет без боя.

Впрочем, и ранние, и новые марксисты разделяли общий взгляд на мораль: все, что на пользу революции, – морально и этично; все, что против оной, – подлежит искоренению. Как пишет исследователь из Гудзоновского института Джон Фонте, Грамши верил:

"...в абсолютный историзм, то есть в то, что все моральные воззрения и ценности, все мерки, стандарты и сама человеческая природа есть порождения конкретных исторических эпох. Не существует абсолютных стандартов, которые были бы верны для всех людей вне пределов какого бы то ни было исторического общества; мораль – социально сконструированное понятие"^[159].

Когда Рональд Рейган сделал свое знаменитое заявление – что Советы оставляют за собой право лгать, воровать и жульничать, – он обнажил истину, с которой не станет спорить ни один честный марксист; а между прочим, в свое время фраза Рейгана едва не привела к нервному срыву у части работников Государственного департамента^[160].

* * *

Приблизительно в то же время музыкальный критик Теодор Адорно, психолог Эрих Фромм и социолог Вильгельм Райх присоединились к Франкфуртской школе. Однако в 1933 году в их работу безжалостно вмешалась история. К власти в Берлине пришел Адольф Гитлер; поскольку светила Франкфуртской школы в большинстве своем были евреями и марксистами, в Третьем рейхе для них места не нашлось. Франкфуртцы "упаковали свою идеологию" и бежали в Америку. Вместе с профессорами Европу покинул и студент-выпускник Герберт Маркузе. При содействии Колумбийского университета беглецы обосновались в Нью-Йорке и стали прилагать свои таланты и силы к подрыву культуры страны, которая дала им приют.

Среди тех новых вооружений, которые разработала Франкфуртская школа, была и так называемая критическая теория. Само название звучит вполне цивилизованно, однако под ним скрывается деятельность, не имеющая ничего общего с устоями нашей цивилизации. Один из адептов этой теории определил ее как "обоснованную критику всех без исключения элементов западной культуры, в том числе христианства, капитализма, авторитета семьи, патриархата, иерархической структуры, традиции, сексуальных ограничений, верности, патриотизма,

национализма, этноцентризма, конформизма и консерватизма"^[161].

Используя критическую теорию, к примеру, марксисты не устают обвинять Запад в геноциде против всех цивилизаций и культур, с какими мы только сталкивались на протяжении истории. Согласно критической теории, западные общества - "скопища" расизма, шовинизма, национализма, ксенофобии, гомофобии, антисемитизма, нацизма и фашизма. По той же теории, преступления Запада вытекают из характера западного общества, сформированного в пространстве христианства. Современный пример- "политика атаки", когда "суррогаты" и "лекаря" занимаются не тем, что защищают своего кандидата, но тем, что нападают на кандидатов-противников. Другой пример использования критической теории - бесконечные обвинения папы Пия Двенадцатого в пособничестве Холокосту; и не важно, что десятки томов документальных материалов опровергают эти обвинения!

Критическая теория со временем порождает "культурный пессимизм", ощущение чужеродности, безнадежность и отчаяние, когда люди, пускай даже свободные и преуспевающие, начинают воспринимать свою страну как угнетателя, как общество, не заслуживающее любви и верности. Новые марксисты считают культурный пессимизм необходимым предварительным условием революционных перемен.

Под влиянием критической теории многие представители поколения шестидесятых - самого привилегированного поколения в истории - убедили себя, что они живут в аду. В книге "Озеленение Америки", очаровавшей (перечислим лишь некоторых) сенатора Макговерна, судью Дугласа и газету "Вашингтон Пост", Чарльз Райх говорит об "атмосфере насилия" в американских школах^[162]. Это было сказано за тридцать лет до Колумбайна. причем Райх не имел в виду ножи и пистолеты:

"Экзамен и тест есть формы насилия, формы принуждения. Гимнастический снаряд есть форма принуждения для ребенка, стесняющегося своего тела. Требовать от ученика, чтобы он ходил в школу с пропуском,- форма насилия. Обязательное присутствие на уроках, обязательные дополнительные занятия - все это формы насилия"^[163].

"Бегство от свободы" Эриха Фромма и "Психология масс и фашизм" и "Сексуальная революция" Вильгельма Райха также суть порождения критической теории. Однако самой влиятельной из всех книг Франкфуртской школы оказалась "Авторитарная личность" Адорно. Это своего рода священный текст франкфуртцев, в котором экономический детерминизм Карла Маркса уступает место детерминизму культурному. Если в семье христианской и сугубо капиталистической главенствует авторитарный отец, с большой долей вероятности можно предположить, что дети вырастут расистами и фашистами. Чарльз Сайке, старший научный сотрудник Висконсинского центра политических исследований, описывает эту книгу как "бескомпромиссный приговор буржуазной цивилизации, при том что воззрения, ранее считавшиеся не более чем старомодными, ныне, по этой книге, признаются фашистскими и недостойными психически здорового человека"^[164].

Если Маркс криминализировал капиталистов, то Франкфуртская школа криминализировала средний класс. При этом как-то забылось, что именно средний класс создал демократическое общество, что Британия, страна среднего класса, сражалась с Гитлером, когда приятели франкфуртцев в Москве заигрывали с ним, что Америка, еще одна страна среднего класса, приютила Адорно и других бежавших от нацистов. Правда не имела значения, поскольку не соответствовала новой марксистской идеологии.

Обнаружив зародыш фашизма в патриархальной семье, Адорно затем отыскал и место обитания этого зародыша - традиционную культуру: "Хорошо известно, что подверженность фашистским идеям наиболее характерна для представителей среднего класса, что она коренится в культуре, следовательно, те, кто наиболее привержен этой культуре, оказываются наиболее уязвимыми..."^[165].

Эдмунд Берк написал однажды: "Я никогда не сумею выдвинуть обвинение против целого народа"^[166]. Адорно и другие франкфуртцы не испытывали, вероятно, тех чувств, которые заставили английского философа написать такие слова. Они постулировали, что люди, воспитывавшиеся в семьях, где главным был отец ("упертый патриот и приверженец старомодной религии"), могут и должны считаться потенциальными расистами и фашистами. А поскольку консервативная христианская культура, как доказано, порождает фашизм, значит, за ней следует пристально наблюдать - для своевременного вмешательства.

Идеи франкфуртцев были подхвачены и растиражированы левыми. В середине 1960-х годов кличкой "фашист" наделяли всех, кто смел возражать или хотя бы осторожно высказывался против университетской революции. Бэби-буммеры, сами того не подозревая, следовали линии Коммунистической партии СССР, сформулированной в Москве в 1943 году:

"Члены партии и кандидаты в члены партии должны неустанно бороться с нашими критиками, компрометировать их высказывания и действия. Когда же противники становятся слишком настойчивыми, следует клеймить их как фашистов, нацистов и антисемитов... При множественном повторении подобные обвинения неминуемо отложатся в сознании народных масс"^[167].

С 1960-х годов обвинение противника в слабоумии и других малоприятных вещах сделалось наиболее эффективным оружием левых. Вот "тайная формула" успеха, изложенная психологом Томасом Шашем: "Если нужно отвлечь внимание публики от деятельности противника, назовите его умственно отсталым"^[168]. За всем стоит политика... Наше больное общество нуждается в терапии, которая исцелила бы его от предрассудков. Оценивая подготовленные Франкфуртской школой "Исследования предрассудков" - из которых наиболее известна, разумеется, "Авторитарная личность", - Кристофер Лэш писал:

"Статьи данного сборника приводят читателя к ошибочному мнению, будто предрассудок - психическое расстройство, коренящееся в структуре "авторитарной" личности, - может быть устранен лишь через прохождение американцами чего-то наподобие коллективной психотерапии, то есть через обращение с ними как с пациентами больницы для умалишенных"^[169].

Таково "терапевтическое государство" - общество, в котором грех называют болезнью, преступление становится антиобщественным поведением, а психоаналитик становится популярнее священника. Если фашизм, как утверждал Адорно, внедрен в культуру, тогда все мы, воспитанные в 1940-е и 1950-е годы в этой стране, нуждаемся в лечении, которое откроет нам глаза на все предрассудки и обманы, окружавшие нас с рождения.

Еще одним достижением Хоркхаймера и Адорно был тезис о том, что дорога к культурной гегемонии лежит через психологическую обработку, а не через философский диспут. Американских детей следует приучать в школе к мысли, что их родители - расисты, шовинисты и гомофобы и что им необходима новая мораль. Сама Франкфуртская школа^[170] остается

почти неизвестной большинству американцев, однако ее идеи широко распространялись по педагогическим колледжам в 1940-х и 1950-х годах.

Школа открыто заявляет: важно не то, какими знаниями дети овладеют, а то, усвоят ли они "правильное" отношение к жизни. Аллан Блум написал в "Помрачении американского сознания", что американские выпускники школ – самые необразованные выпускники в мире: у них едва ли не самые низкие в мире оценки на экзаменах, зато обостренное отношение к общественным проблемам – например, к проблеме защиты окружающей среды. Эти слова лишний раз подтверждают, что идеи Франкфуртской школы привились на нашей почве. Родители считают современные школьные занятия пустой тратой времени и денег, но для франкфуртцев эти школы – "маяки культуры", поскольку дети выходят откуда, не обремененные ненужными знаниями, зато обладающие "правильным" отношением к жизни. Поступив в колледж, эти дети получают дополнительную "ориентацию", окончательно усвоят новые ценности, если можно так выразиться, сроднятся с ними.

Насколько успешной оказалась культурная революция в искоренении прежних ценностей и насаждении новых? После Перл-Харбора множество молодых людей выстроились в очередях к призывным пунктам, причем рядом стояли студенты и сыновья фермеров. Однако после трагических событий во Всемирном торговом центре – прежде чем хотя бы один американский солдат вступил в бой, прежде чем по террористам была выпущена хоть одна ракета – в университетских кампусах начались антивоенные выступления.

Впрочем, важность школ в обработке нового поколения достаточно быстро сошла на "нет" благодаря средствам массовой информации, прежде всего телевидению и кинематографу. Вот что пишет Уильям Линд, директор Центра культурного консерватизма при фонде "Свободный конгресс":

"Индустрия развлечений... полностью проглотила идеологию марксистской культуры и проповедует ее, не только впрямую, но и иносказаниями: сильные женщины побеждают слабых мужчин, дети оказываются мудрее родителей, честные прихожане разоблачают вороватых священников, черные аристократы справляются с насилием в районах белой бедноты, гомосексуалистов принимают в лучших домах... Это все сказки, извращения реальности, однако масс-медиа делают из сказок быль, превращают их в реальность более явную, нежели мир за окном..."^[171].

Чтобы оценить, насколько культурная революция изменила наше мышление, веру и общественные ценности, давайте сравним фильм 1930-х годов – например, "На набережной", "Полдень" или "Шейн" – с любым современным фильмом. Разница заметна невооруженным глазом! На церемонии присуждения наград Американской киноакадемии лучшими фильмами 2000 года были признаны "Красота по-американски" и "Правила виноделов".

"Красота по-американски", с Кевином Спейси в главной роли, изображает смертельно скучную жизнь в американском пригороде. Злодей – бывший морской пехотинец, подавляющий гомосексуальные желания, коллекционирующий инсигнии нацистов и мало-помалу превращающийся в маньяка... В "Правилах виноделов" Майкл Кейн играет добренького подпольного акушера, который противостоит погрязшей во лжи американской глубинке. Масс-медиа Америки превратились в осадные орудия в войне культур и в самое надежное средство оболванивания молодых.

В 1950-е годы Франкфуртской школе недоставало человека, способного популяризовать идеи, заключенные в тягучих рассуждениях Хоркхаймера и Адорно. И тут очень кстати появился Герберт Маркузе, отставной офицер, профессор философии, который стремился из человека

слова стать человеком революционного дела. Маркузе дал ответ на вопрос Хоркхаймера, кто сыграет роль пролетариата в грядущей культурной революции.

По мнению Маркузе, кандидатов несколько: радикальные молодежные группировки, феминистки, черные, гомосексуалисты, маргиналы, революционеры из стран третьего мира и прочие "жертвы" Запада. Таков новый пролетариат, которому предстоит свергнуть западную культуру. Помнится, уже Грамши включал маргинальные группы населения в число потенциальных участников революции: "имеются в виду не только угнетенные экономически, но также женщины, этнические меньшинства и многие преступники"^[172]. Чарльз Райх вторит Грамши и Маркузе: "Один из способов ощутить себя чужим в старом обществе - это примкнуть к черным, к беднякам, к Бонни и Клайду, ко всем неудачникам этого мира"^[173]. По случайному совпадению обстоятельств, в 1968 году на премию "Оскар" был номинирован фильм "Бонни и Клайд" - романтизированная история двух убийц, "неудачников" в терминологии Райха, - а Сирхан Сирхан и Джеймс Эрл Джонс обрели бессмертие через убийства Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Kinga.

В прошлом общественные устои подрывались словами и книгами, но Маркузе был уверен, что секс и наркотики - оружие куда более действенное. В книге "Эрос и цивилизация" он выдвинул знаменитый "принцип удовольствия". Отринь прежний порядок и прежнюю культуру, предложил Маркузе (так называемое "великое отрицание") - и тогда мы сможем создать мир "полиморфной перверсии"^[174]. Когда в кампусы хлынули миллионы бэби-буммеров, час Маркузе настал. Студенты буквально проглатывали его книги, сам он превратился в культовую фигуру. Во время парижского восстания 1968 года студенты несли транспаранты с надписью: "Маркс, Мао и Маркузе".

"Занимайся любовью, а не войной"- этот лозунг выдвинул именно Маркузе. В "Одномерном человеке" он защищает образовательную диктатуру. В "Угнетающей толерантности" призывает к "либеральной терпимости", которая означает "нетерпимость к правым движениям и терпимость к движениям левым"^[175]. Начитавшись Маркузе, студенты шестидесятых освистывали апологетов американского военного присутствия во Вьетнаме и приветствовали радикалов с вьетконговскими флагами. В некоторых кампусах даже тех, чьи руки по локоть в крови, встречали радушнее, нежели консерваторов. Двойной стандарт, против которого выступали правые и который призывал карать правых за грехи, простительные левым, стал, по сути, зримым воплощением "угнетающей толерантности". Маркузе не скрывал своих истинных целей; так, в "Плотоядном обществе" он писал:

"Можно и нужно говорить о культурной революции, поскольку протест направлен против культурного истеблишмента в целом... Это очевидно и не требует доказательств. Традиционное представление о революции и традиционная революционная стратегия остались в прошлом. Они устарели... Мы должны совершить размонтирование существующей системы"^[176].

Под "размонтированием" разумелось уничтожение знакомой нам Америки, не больше и не меньше. Подобно Грамши, Маркузе "перерос" Маркса. Прежнее представление о пролетариате, восстающем против капитализма, было отброшено за ненадобностью. Герберт Маркузе и его присные собирались покончить с прогнившей западной цивилизацией, захватив ее культурные институты и превратив последние в бастионы культурной революции. Роджер Кимболл, редактор журнала "Нью Крайтирион", писал:

"В контексте западных обществ марш против истеблишмента означает - в терминологии Герберта Маркузе - "подрывную деятельность на своих рабочих местах". Именно этими

средствами - не открытым противодействием, но конспирацией и подрывной деятельностью - должны восторжествовать и воплотиться контркультурные грезы радикалов вроде Маркузе"^[177].

Для новых марксистов не было цели важнее, чем уничтожение института семьи, которую они рассматривали как типичный пример диктатуры и как инкубатор шовинизма и социальной несправедливости.

Впрочем, враждебность к институту семьи не была для марксизма абсолютно новой. Еще Маркс в "Немецкой идеологии" писал, что при патриархальном укладе мужчины воспринимали женщин и детей как свою собственность. В "Происхождении семьи, частной собственности и государства" Энгельс высказал типично феминистскую точку зрения: патриархальная семья испокон веку вела к дискриминации женщин. Эрих Фромм утверждал, что различия между полами не заложены в человеческой природе, они суть фикция, свойственная западной культуре. Между прочим, Фромм считают отцом современного феминизма. Для Вильгельма Райха "авторитарная семья есть авторитарное государство в миниатюре... Семейный империализм воспроизводит себя в империализме государственном". Для Адорно патриархальная семья - колыбель фашизма.

Дабы "обезглавить" патриархальную семью, то есть лишить отца семейства его главенствующей роли, Франкфуртская школа предложила ввести матриархат - когда главой семьи является женщина, а также выдвинула "андрогинную теорию", по которой положение мужчины и женщины в семье основывается на принципе взаимозаменяемости. Женский бокс, женщины-солдаты, женщины-равнины и женщины-епископы, Бог-женщина. "Солдат Джейн" с Деми Мур, Сигурни Уивер, утешающая перепуганного десантника в "Чужих", все прочие фильмы и шоу, изображающие женщин сильными и агрессивными, а мужчин - слабыми и уязвимыми,- все это доказывает успех теорий Франкфуртской школы и свидетельствует о победе спровоцированной ею очередной феминистской революции.

Подобно Лукачу, Вильгельм Райх верил, что традиционную семью можно уничтожить через раннее сексуальное образование и революционную сексуальную политику. Введение в американских школах курса сексуального воспитания - прямой результат деятельности Лукача, Райха и Франкфуртской школы.

Рассуждая о смерти Запада, мы должны рассматривать Франкфуртскую школу как главного обвиняемого в этом преступлении. Пропагандистские нападки на традиционную семью со временем привели к фактическому отмиранию этого общественного института. Традиционные семьи сегодня в США составляют не более четверти от общего числа проживающих вместе людей. А освобождение женщин от традиционных ролей жены и хозяйки, освобождение, за которое ратовали уже в начальных классах школы, привело к деградации этих ролей, этих типов поведения в американском обществе.

Миллионы западных женщин ныне разделяют враждебность феминисток по отношению к браку и материнству. Миллионы приняли феминистскую теорию и не собираются ни выходить замуж, ни рожать детей. Следование маркузианскому "принципу удовольствия" и прочим идеалам сексуальной революции означает полное пренебрежение браком. Как показывают уровень разводов и уровень рождаемости, даже заключенные браки ныне менее стабильны и менее "плодородны", нежели прежде. В вымирающих европейских нациях, даже в тех странах, где сильны католические традиции, почти все женщины пользуются противозачаточными средствами. Контрацепция, стерилизация, аборт, эвтаназия - вот те четыре всадника, предвестники "апокалипсиса культуры", против которых выступит Господь в I: канун

Страшного суда. Пилюли и презервативы стали серпом и молотом культурной революции.

В 1950-х годах Хрущев грозил похоронить Америку – однако мы выстояли и сами его похоронили. Но, если западный человек не найдет способа остановить падение уровня рождаемости, культурный марксизм преуспеет там, где потерпел неудачу марксизм советский. В отчете 1998 года о депопуляции Европы Папский совет семьи увязывает в единое целое культурный пессимизм и снижение рождаемости:

"Возвращение к прежней высокой рождаемости в тех странах, где сегодня она падает, возможно лишь при условии "перемены настроения", при переходе от "общенародного пессимизма" к такому состоянию сознания, которое было характерно для эпохи бэби-бума, то есть в годы восстановления общества после Второй Мировой войны"^[178].

Пока в Старом Свете не наблюдается и намек на подобную "перемену настроения". И в том опять-таки заслуга теоретиков Франкфуртской школы, работы которых подорвали уважение к семье и способствовали распространению культурного пессимизма.

Таким образом, горстка марксистов-ревизионистов сумела "исказить" американскую культуру и содействовала началу деконструкции нашего общества. На могиле архитектора Кристофера Рена^[179] написано: "Lector, si monumenta requires, circumspice" (4). То же самое можно сказать и о Лукаче, Грамши, Адорно и Маркузе – тех четверых, кто организовал культурную революцию.

За треть столетия, в течение которой контркультура стала доминирующей культурой, а доминирующая, по выражению Гертруды Химмельфарб, превратилась в "диссидентскую культуру"^[180], Америка превратилась в идеологизированное государство, в "мягкую тиранию", насаждающую принципы новой ортодоксии не через армию и полицию, а через инквизиторов от масс-культуры. Проявления этого мы наблюдаем в требовании обязательного прохождения "курса сочувствия" для военных, бизнесменов и государственных чиновников. Включите телевизор – и вы увидите, что революционные ценности подмяли под себя все прочее, что в стране правит бал политкорректность, что выступления против культурной революции расцениваются как "речи ненависти", а неуважение к новым догмам есть признак душевной болезни. Несколько лет назад кто-то охарактеризовал американские университеты как "острова тоталитаризма в море свободы". Сегодня говорить о море свободы просто смешно.

Эмили Дикинсон^[181] сказала однажды – о своем времени и о нашем тоже:

Толпа не любит отклонений
Среди поступков или мнений
И тех безумцев не прощает,
Кто ей сомненьем докучает. (5)

Политкорректность есть воплощение на практике принципов культурного марксизма; она карает слушников, как когда-то инквизиция карала религиозных еретиков, и восхваляет еретиков социальных. Зачисляя юих противников в "ожесточенных сердцем" и даже душевнобольных", пишет журналист Питер Хитченс в книге "Уничтожение Британии", новый режим пользуется методами печально известного института имени Сербского в СССР: эксперты этого института объявляли советских диссидентов наподобие Натана Щаранского невменяемыми, что давало повод властям запирали неугодных в психиатрических лечебницах^[182]. То, что американцы называют безличным словом "политкорректность", на

самом деле, утверждает Хитченс, есть самая интолерантная система воззрений на Британских островах со времен Реформации"^[183]. То же верно и в отношении самих США.

Всякий, кто осмеливается нарушать политкорректность, объявляется расистом. Всякий, кто полагает, что есть не женские профессии, например пилот военно-морской авиации, объявляется шовинистом. Если человек считает, что сегодняшний уровень иммиграции в США чересчур высок, его тут же клеймят как националиста или ксенофоба. В 1973 году Американскую психиатрическую ассоциацию обвинили в дискриминации сексуальных меньшинств, поскольку она внесла гомосексуализм в перечень заболеваний. А сегодня тому, кто станет утверждать подобное, грозит диагноз "гомофобия".

"Гомосексуальное влечение противоестественно", - заявил папа Иоанн-Павел Второй, когда по Риму маршировали тысячи участников международного парада геев^[184]. "Церковь не может молчать, ибо как иначе нам отделить добро от зла?"^[185] Это заявление главы Ватикана причисляет его и всех, кто прислушивается к его словам, к гомофобам. Клирик Пол Готтфрид называет подобные классификации "дегуманизацией общества"^[186].

Слова - это оружие, заметил Оруэлл. Традиционалистам еще только предстоит найти эффективные меры противодействия словам. Ведь когда оппонента называют расистом или фашистом, уже нет необходимости опровергать его доводы. Он сам оказывается в положении обвиняемого и должен защищаться. В суде действует презумпция невиновности, а в обществе, когда речь заходит о расизме, шовинизме или гомофобии, налицо презумпция виновности. Следует доказывать, что ты невиновен в предъявленных тебе обвинениях.

Оруэлл так часто слышал слово "фашист", что даже предположил: если Джонс называет Смита фашистом, он всего лишь хочет сказать: "Я ненавижу Смита". Однако произнеси Джонс эту фразу вслух, его упрекнули в не свойственной настоящему христианину нетерпимости. А называя Смита фашистом, он уже не должен объяснять, за что ненавидит Смита, или пытаться превзойти последнего в споре; своими словами он заставляет Смита оправдываться в том, что тот не является тайным поклонником Адольфа Гитлера. Да, Хьюи Лонг был прав: фашизм придет в Америку под личиной антифашизма^[187].

Нельзя отрицать, что Лукач, Грамши, Адорно, Маркузе и Франкфуртская школа оказали огромное влияние на культурную и интеллектуальную историю Америки. В отличие от большевиков они не брали приступом Зимний дворец, не внедряли в общество свои идеи насилием и террором и не были гигантами мысли, наподобие Маркса, чтобы вызывать у простых людей чувство преклонения. Очень немногие американцы знают их по именам. Никто из них, даже Маркузе, не был ни апостолом Павлом, ни Лютером, ни кардиналом Уэсли. Бывшие марксисты, подвергшие ревизии учение Маркса, они оставались "плотью от плоти марксизма" и, находясь на Западе, рассуждали о том, каким образом следует организовать и совершить антизападную революцию. Их идеи восторжествовали. Американская элита, вряд ли представляющая себе, кто такие франкфуртцы, восприняла теории Франкфуртской школы на "ура".

Нынешние американцы и не подозревают, что эти идеи и теории были выпестованы в веймарской Германии или в Италии Муссолини и что за ними скрывается стремление подорвать нашу культуру и уничтожить нашу цивилизацию. И поневоле возникает вопрос: почему Америка 1960-х годов, будучи страной с богатым иудео-христианским наследием, историей, традициями, верованиями, приняла эту "тихую революцию"?

Да, незначительная часть американской элиты, еще перед Великой Депрессии, а тем более - в те тяжелые годы, оказалась подверженной явлению, которое французский исследователь Жюльен Бенда окрестил "изменой интеллектуалов"^[188]. Они презирали капиталистическую и христианскую Америку, в которой жили. Но почему идеи этих "предателей" прижились в американской глубинке? Чем они привлекли детей Золотого поколения, победившего Гитлера? И чем привлекают молодежь до сих пор? Неужели Америка шестидесятых столь отчаянно нуждалась в новой вере, новом образе жизни? Неужели стропила старого дома окончательно сгнили? Была ли революция неизбежной? Или молодые, как и большинство их наставников, просто-напросто устали от прежней морали и искали ей замену, а потому вспрыгнули на подножку первого же из проходивших мимо поездов?

Разумеется, Франкфуртская школа далеко не единственная мечтала о социальной революции и содействовала ее скорому совершению. В 1930-х годах многие интеллектуалы размышляли о том же и делали схожие выводы. Вот цитата из ежегодника Национальной ассоциации образования за 1937 год:

"Текущая капиталистическая, националистическая система школьного образования отменена в одной-единственной стране - России, что связано с произошедшей там революцией. Следовательно, вердикт истории однозначен: любые сколько-нибудь значительные перемены в обществе возможны лишь как результат революции"^[189].

Маргарет Санджер, основательница общества "Планирование семьи", своим радикализмом далеко превосходила всех представителей Франкфуртской школы, вместе взятых; она в известной мере предвосхитила их идеи: "Контроль рождаемости радикалы всячески приветствуют, поскольку он способен подорвать влияние христианской церкви. Я с нетерпением ожидаю дня, когда человечество освободится от ярма христианства и капитализма"^[190].

Захлестнула бы Америку революция 1960-х, не напиши Грамши своих "Тюремных записок", не покидай Адорно и Маркузе Германию? Только ли в Лукаче, Грамши, Адорно и Маркузе корень всех зол, всех наших бед? Конечно вряд ли, но именно эти четверо разработали стратегию и тактику успешной марксистской революции на Западе; культура, которую они стремились подорвать, уже не является доминирующей ни в Америке, ни на Западе в целом. Эти четверо начали свою американскую карьеру изгнанниками, а завершат ее посмертно, быть может, победителями.

Почему они преуспели? В шестидесятые годы произошло соединение четырех элементов, в результате чего критическая масса взорвалась, как устройство доктора Оппенгеймера в Аламогордо, штат Нью-Мексико.

Первый фактор - "послание в бутылке", как называли свои теории представители Франкфуртской школы. Их идеи постепенно получали распространение, одновременно с воззрениями тех американцев, которые отошли от христианства и капиталистической культуры и трудились над теорией низвержения этой культуры и уничтожения прежней Америки. Пестуемые на протяжении десятилетий, эти идеи начали "плодоносить" именно в шестидесятые годы двадцатого столетия.

Второй фактор - появление в университетских кампусах США в 1964 году огромного количества молодых людей, не знавших бедности и военных тягот. Таким образом сложилась восприимчивая аудитория для "проращивания" зерен культурной революции. Беззаботные, самоуверенные, скучающие от безделья, непривычные к труду, эти молодые люди были готовы

к мятежу. И подачками вроде денежных поощрений их было не успокоить.

Как напоминает Роберт Нисбет, скука - "одно из наиболее влиятельных состояний", определяющих и формирующих поведение человека^[191]. Способов лечения скуки существует великое множество, среди них особенно выделяются секс, наркотики - и революции. В 1960-е годы те студенты, которых Арнольд Тойнби именовал "внутренним пролетариатом", заскучавшие от учебы, объединились с преподавателями, уставшими от обучения, - и возникла легковоспламеняющаяся смесь.

Третий фактор - телевидение, которое в шестидесятые годы уже могло донести настроения радикалов в кампусах и прочих потенциальных революционеров до теоретиков общественного возмущения. К тому времени телевидение успело переболеть "детскостью" пятидесятых с их Мэттом Диллоном; оно не только связывало революционеров и теоретиков между собой, но и внедряло в общественное сознание новые идеи через иную визуальную реальность.

Наконец, четвертым фактором, безусловно, стал Вьетнам. Поколение Вудстока не желало иметь ничего общего с войной, которая подразумевала жертвоприношение, кровопролитие, быть может, смерть. Маркузе предложил молодым интеллектуальное прикрытие трусости, оправдание нерешительности, способ уклониться от призыва, "не поступаясь принципами" и ощущая собственное превосходство над теми, кто все-таки завербовался. Истинные герои этой войны, как заявили сенатор Фуллбрайт и мэр Нью-Йорка Джон Линдсей, жили в Канаде. Это заявление слышали и распространили члены Лиги плюща - и, разумеется, не они одни.

Прежний американский истеблишмент был уничтожен вьетнамской войной - войной, которую начал либерализм и в которой он не смог победить, - и в глазах молодежи этот ниспровергнутый колосс утратил всякий авторитет. Контркультуре открылась дорога к вершинам власти; отсюда и избирательная кампания Макговерна в 1972 году. Среди наиболее рьяных энтузиастов той поры был и юный Билл Клинтон, краса и гордость поколения Вудстока...

На основании всего сказанного выше очень хочется задать вопрос глобального свойства: неужели гибель основанной на религии культуры становится неизбежной, едва общество достигает изобилия? Когда нация преодолевает тяготы детства, метания юности и мучения зрелости и начинает вести жизнь, полную неги и роскоши, неужели она неизбежно заражается "болезнью души", которая ведет к декадансу, упадку и гибели? "Америка - единственная страна, перешагнувшая от варварства к упадку, минуя цивилизованность", - обронил Оскар Уайльд^[192]. Неужели этот парадокс соответствует истине?

Жак Барзун предполагает, что поколение шестидесятых просто-напросто пошло по стопам поколения двадцатых. Эпоха секса, выпивки и джаза трансформировалась в эпоху секса, наркотиков и рок-н-ролла. Упадок немного задержали "сторонние вмешательства" - Великая Депрессия, Мировая война и холодная война. Когда рубеж 1950-х годов был преодолен, новое поколение начало с того самого места, где остановилось поколение "ревуших двадцатых", уничтоженное рыночным кризисом 1929 года.

Однако, даже если гедонизм шестидесятых есть наследие гедонизма эпохи бутлегерства, нельзя не учитывать вот какой особенности: поколение двадцатых не питало ненависти к Америке. Немногочисленные писатели "потерянного поколения" покинули страну, однако в большинстве своем мятежники вовсе не были революционерами. В конце концов, именно они поддерживали республиканцев на пике партийного успеха, избирая Хардинга, Кулиджа и Гувера. Интеллектуалы шестидесятых разительно отличались от своих предшественников. Как

писал Эрик Хоффер: "Нигде более не найти такой всепоглощающей ненависти к своей стране у образованных людей, как в Америке"^[193].

После падения советской империи журнал "Таймс" задался вопросом: а преуспеют ли теперь правые?^[194] Журнал процитировал высказывание одного консервативного политика: "Признак нашей грандиозной победы - отсутствие каких бы то ни было побудительных причин оставаться консерватором"^[195].

"Ничто не могло быть дальше от истины,- возразил Джеймс Купер, редактор журнала "Эмерикен Артс Куотерли".- Главной побудительной причиной для консерваторов, да и для американцев в целом... было обстоятельство, о котором упомянул президент Рейган в своей прощальной речи... Это необходимость отвоевать у левых культуру..."^[196].

Большинство консерваторов сражалось в битвах холодной войны, а сравнительно малочисленный отряд удерживал "второй фронт" - то есть вел культурную войну. Купер умолял консерваторов продолжать эту войну и вспоминал об утраченных территориях:

"Семьдесят лет назад итальянский марксист Антонио Грамши (1891-1937) заявил, что важнейшей задачей социалистов является "захват культуры". К концу Второй Мировой войны либеральные левые завладели не только искусством, театром, литературой, музыкой и балетом, но и кинематографом, фотографией, образованием и средствами массовой информации.

Через управление культурой левые навязывают обществу свою мораль. Более того, они теперь владеют "космологическим аппаратом", через который большинство американцев вынуждено воспринимать события в мире и в стране.

Космология левых зиждется на двух аксиомах: первая - во вселенной не существует абсолютных ценностей, нет единых стандартов красоты и уродства, добра и зла; вторая - в лишенной Бога вселенной левые выступают единственным судьей человеческих деяний"^[197].

Консерваторы не обратили внимания на призыв Купера. Они бились против государственной поддержки здравоохранения, за NAFTA и ВТО. "Правые голосовали ногами",- заметил Сэмюэл Липмен, издатель журнала "Нью Крайтерион"^[198]. А Купер прибавил: "Консерваторы возвратились к добыванию денег и стратегии Е времен холодной войны, поправили портреты "ястребов" былого на стенах своих кабинетов - и благополучно забыли о войне культур. Они рассуждали приблизительно так: когда есть деньги, какое значение имеет культура?"^[199].

"Где кошелек человека, там и его сердце". Сердца множества правых - в борьбе за предельные ставки налогов и отмену налога на прибыль. Никто не спорит, это важное дело. Но выиграет ли человек, обретший весь мир, зато потерявший собственную страну? Неужели вопрос об увеличении ВВП на 2, 3 и 4 процента важнее того, уцелеет или нет западная цивилизация, останемся ли мы, американцы, единой нацией перед Богом и людьми? При падении рождаемости, открытости границ и триумфе антизападного мультикультурализма на повестку дня сегодня встает вопрос о выживании США как государства и о выживании западной цивилизации в целом... Слишком, слишком многие консерваторы, к сожалению, уже ушли в мир иной...

Давайте попытаемся выяснить, что сулит погребальный поход Запада - не через несколько

столетий, а уже в этом веке, не только детям наших детей, а поколению, подрастающему на наших глазах.

Глава 5. НОВОЕ ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ.

Пророчествовать крайне сложно,

особенно когда относишься к будущему с уважением^[200].

Марк Твен

В Ветхом и Новом заветах содержится немало рассказов и притч о том, как первенцы, или "избранные", лишались приюта под отцовским кровом. Голодный Исав продал право первородства своему брату Иакову за чечевичную похлебку. В Евангелии от Матфея Иисус сравнивает небеса с брачным пиршеством, которое царь приуготовил своему сыну⁽⁶⁾. Когда же потенциальные гости грубо отвергли царское приглашение, царь послал своих рабов со словами: "брачный пир готов, а званые не были достойны; итак, пойдите на распутья и всех, кого найдете, зовите на брачный пир"⁽⁷⁾.

Когда началось вымирание западных народов, освободившееся пространство на территории Запада пустовало недолго. В Америке пустоту, образовавшуюся вследствие того, что после процесса "Роу против Уэйда" не родилось сорок миллионов детей, с признательностью заполнили выходцы из Азии, Африки и Латинской Америки. В Европе происходят те же самые процессы.

Давайте проанализируем статистику ООН по депопуляции Европы. В 2000 году в Европе насчитывалось 494 миллиона человек в возрасте от пятнадцати до шестидесяти пяти лет. К 2050 году эта цифра сократится до 365 миллионов, зато число европейцев старше шестидесяти пяти лет возрастет с нынешних 107 до 172 миллионов. За пятьдесят лет соотношение молодых европейцев и людей среднего возраста к пожилым и старикам снизится от пяти к одному до двух к одному^[201]. Социально обеспеченные государства Европы уже сегодня задыхаются под бременем социальных программ, так что непонятно, кто заплатит за здоровье, обеспечение и пенсии пожилых, кто станет заботиться о стариках в приютах и центрах попечительства. При том, что число детей сокращается даже быстрее, нежели число лиц трудоспособного возраста, кто станет подстригать лужайки, убирать дом, мыть посуду, готовить и подавать еду в европейских ресторанах? Откуда возьмутся необходимые рабочие руки? Работоспособное население сократится на 25 процентов, зато пожилое вырастет на 90 процентов - откуда в подобных условиях возьмутся врачи и медсестры, чтобы ухаживать за престарелыми?

К 2050 году треть нынешних европейцев будет старше шестидесяти лет. В Великобритании, Германии, Франции, Италии и Испании одному из каждых десяти человек перевалит за восемьдесят^[202]. Средний же возраст европейца составит пятьдесят лет, что на девять лет превышает средний возраст нынешнего японца - представителя самого старого из живущих сегодня на Земле народов. Бывший министр финансов Пит Питерсон в своей книге "Серые сумерки: как волна наступающей эпохи преобразит Америку и мир" говорит следующее:

"В ближайшие тридцать лет, согласно официальным прогнозам, правительства большинства развитых стран будут вынуждены тратить ежегодно от 9 до 16 процентов ВВП на обеспечение старости своих граждан. Это приведет к повсеместному увеличению налогообложения от 25 до немыслимых 40 процентов с каждой заработной платы - причем даже в странах, где общий

уровень налогообложения зачастую и без того превышает 40 процентов! Или, если мы привержены дефицитному финансированию, нам придется использовать все сбережения стран развитого мира"^[203].

То есть наступит финансовый эквивалент ядерной зимы. Если Европа желает сохранить свою сеть социального обеспечения, у нас есть три варианта: найти триллионы долларов за счет новых налогов; заставить женщин рожать вдвое и даже втрое больше детей; каждый год принимать миллионы эмигрантов из других стран. Иными словами, Старый Свет стоит перед суровым выбором.

Однако, как заметил Джозеф Чами из Агентства ООН по численности населения, "ни один статистик не поверит, что уровень рождаемости можно восстановить. Сколько потребуется времени и усилий, чтобы убедить женщину родить четверых? Люди озабочены своей внешностью, образованием, карьерой..."^[204] Между тем уровень рождаемости в Европе падает на протяжении десятилетий. Более того, для всех европейских стран, кроме мусульманской Албании, характерно падение этого показателя ниже уровня воспроизводства.

Это вовсе не заговор, это результат общественного согласия и политики свободы выбора. Европейские женщины решили, что хотят иметь одного ребенка, от силы двух, или вообще ни одного, и потому всеми способами - контрацепция, стерилизация, аборт - стараются избежать нежелательной беременности. Вдобавок они рассматривают свои желания и нежелания как нечто куда более существенное, нежели данные статистики, которая описывает грядущую гибель Европы.

Европе предстоит принять "судьбоносное решение", пишет Джонатан Стил из газеты "Гардиан". "Если стандарты жизни не ухудшатся, страны Евросоюза ожидают 60-процентное увеличение притока иммигрантов, что приведет к нарастанию социальной напряженности и нарушению хрупкого расового равновесия в регионе. Так полагает большинство экспертов, изучавших проблему старения Европы"^[205].

Массовая иммиграция уже началась. В 2000 году Великобритания приняла 185000 иммигрантов - это рекордный показатель^[206]. В 1999 году на территорию Евросоюза проникли 500 000 нелегальных иммигрантов - десятикратное увеличение по сравнению с 1993 г.^[207] В мае 2001 года газета "Вашингтон Пост" сообщила:

"Всего лишь год назад поимка транспортных судов, битком набитых людьми (от 500 до 1000 человек), была столь маловероятной, что каждый подобный случай вызывал бурю возмущения европейцев и неделю не сходил с первых полос газет. Сегодня же такие перехваты стали совершенно обычным делом и совершаются почти ежедневно в водном пространстве между Турцией, Грецией, Италией и даже Французской Ривьерой"^[208].

Роман Жана Распая "Лагерь святош" (1972) о вторжении во Францию толп отчаявшихся из стран третьего мира - Европа, парализованная своими рассуждениями о братстве, равенстве и свободе, бессильна остановить вторжение,- это роман во многом оказался пророческим. История, вопреки обыкновению, начала вторить искусству.

Как кажется, Европа не в состоянии остановить иммиграцию и помешать пришлым занимать рабочие места, освобождающиеся по мере того, как сходит с исторической сцены военное поколение. Работодатели требуют рабочей силы; на том же настаивают, возрастая числом, пожилые и старики. В Европу вливаются миллионы людей из Северной Африки и с Ближнего

Востока; эти люди несут с собой арабскую и мусульманскую культуры, традицию, веру и создают копии родного мира в самом сердце Запада. Ассимилируются ли они или останутся чужаками, "неперевариваемыми кусочками" Африки и арабских территорий в христианском пространстве? Достаточно сравнить их численность с численность европейцев - и мы легко ответим на этот вопрос.

Население Португалии, Испании, Франции, Италии и Греции сокращается, зато за морем, в Марокко, Алжире, Тунисе, Ливии и Египте прирост населения за двадцать пять лет составит семьдесят три миллиона человек. В 1982 году, когда автор этих строк побывал в Каире, население Египта равнялось сорока четырем миллионам; к 1998 году оно возросло до шестидесяти четырех миллионов человек. К 2026 году, как ожидается, в Египте будет проживать девяносто шесть миллионов. В девятнадцатом столетии Европа колонизировала Африку; в двадцать первом веке Африка колонизирует Европу. Как пишет Николас Эберштадт, эксперт Американского института предпринимательства, "в 1995 году численность населения Европы (включая Россию) и Африки была сопоставимой. К 2050 году, согласно расчетам, на одного европейца будет приходиться более трех африканцев"^[209]. Только эпидемия СПИДа препятствует пока тому, чтобы Европу заполнили бесчисленные африканцы.

В отличие от Америки европейские нации гомогенны. В их истории почти не встретить преданий о принятии чужаков или ассимиляции иммигрантов. Поэтому пришествие в Европу множества людей иного цвета кожи, иных традиций, иной веры вызывает серьезные опасения, тем паче что происходит оно на фоне распада европейских государств. С 1990 года три европейских страны - СССР, Чехословакия и Югославия - разделились на двадцать одно независимое государство. Вполне вероятно и появление двух новых государств - в Косово и в Черногории. Движения сепаратистов набирают силу в России, Македонии, Италии, Шотландии, Уэльсе, Баварии, на Корсике, в испанской провинции Баскония, в шведской области Сконе, в Бельгии вновь вспыхнул тлеющий с незапамятных времен культурно-языковой конфликт между валлонами и фламандцами.

"В Европе с ее коренным белым населением, обосновавшимся на этих территориях около 40 000 лет назад, увеличение доли не-белых может быть воспринято без особого энтузиазма",- сухо замечает лондонская газета "Гардиан" (октябрь 2000 г.)^[210]. О правильности этого вывода свидетельствуют столкновения в Олдмене и Лидсе между азиатами и белыми. Повсюду появляются антииммигрантские партии - Национальный фронт (Франция) во главе с Жаном-Мари Ле Пенем, Свободная партия Австрии Йорга Хайдера, партия швейцарского народа Кристиана Блохера... По мере того как волны иммиграции из исламских государств Северной Африки и Ближнего Востока, а также из африканских стран к югу от Сахары захлестывают Европу, отношение к иммигрантам становится все более недружелюбным. Крупные политические партии вслед за мелкими позволяют себе соответствующие высказывания и действия, всплеск паневропейского патриотизма выводит мелкие партии на гребень успеха.

Лидер немецкой Христианско-демократической партии Ангела Меркель уже активно использует в своей деятельности настороженность немцев по отношению к исламской иммиграции. "Идея объединенной Германии как многонационального государства с населением почти 80 миллионов человек, из которых свыше 7 миллионов - иммигранты, как кажется, беспокоит госпожу Меркель,- заметила газета "Нью-Йорк Таймс". - Никакое другое государство Европы не может похвастаться таким количеством иммигрантов"^[211].

Госпожу Меркель рассердило требование США принять в Евросоюз Турцию - рассердило постольку, поскольку данное решение означало бы для турок право свободного перемещения

по Европе. "Свыше 75 процентов турок, живущих за пределами Турции, осели в Германии", - заявила Меркель в интервью журналу "Таймс":

"Мы не настаиваем на том, чтобы они отказались от мусульманской веры. Мы лишь говорим, что Германия - страна христианская и турки должны это понимать... Требование о принятии Турции в Евросоюз - грандиозная политическая ошибка. Мы слишком разные, мы абсолютно по-разному относимся к правам человека. Попробуйте-ка открыть христианскую церковь в Стамбуле!"^[212]

Европейские государства невелики по размерам, плотно населены и не имеют никакого опыта существования в роли "плавильных тиглей". Поэтому их правящие элиты следят за нарастающей иммиграцией куда бдительнее и куда с большей опаской, нежели американцы. Однако эти государства и эти элиты, на самом деле, спохватились слишком поздно для того, чтобы коренным образом переломить ситуацию с вымиранием населения.

"КАТАСТРОЙКА"

Ни одно европейское государство не находится в таком катастрофическом положении, как Россия. Численность населения в этой стране должна снизиться к 2050 году с нынешних 147 миллионов до 114 миллионов человек. Русские вымирают, а население Китая, даже при жесткой государственной политике "не более одного ребенка на семью", вырастет на 250 миллионов человек. И они не останутся дома. Уже сегодня китайские мужчины превосходят числом китайских женщин брачного возраста на 40 миллионов человек. России есть от чего занервничать: ведь даже после распада СССР территория России вдвое превышает территорию Китая.

Три четверти огромной российской территории лежат к востоку от Урала, при том что лишь 8 миллионов русских населяют бескрайние просторы Дальнего Востока - это меньше населения Чехии. А к югу от них проживают 1,25 миллиарда китайцев, число которых вскоре должно возрасти еще на 250 миллионов человек. Горстка русских занимает северную половину крупнейшего континента Земли, по площади превосходящую Соединенные Штаты, изобилующую полезными ископаемыми, нефтью, золотом.

"Россия сокращала свое население темпами, беспрецедентными для развитого индустриального государства в мирное время",- пишет английский журналист Джон О'Махони^[213]. Зимой 2001 года он совершил поездку на русский Дальний Восток и на Камчатку и вернулся с печальной повестью об отчаянии и смерти. С момента распада коммунистической империи столица Камчатки уже потеряла четверть своего населения. В соседних районах виртуальная смерть цивилизованного общества кажется неизбежной:

"Но острее всего недостаток населения проявляется на окраинах России; именно там он наиболее заметен. Пожалуй, самый ужасающий пример - Чукотка, массив размерами с три Великобритании, где население сократилось со 180 000 в 1990 году до 65 000 сегодня. По оценкам экспертов, в ближайшие пять лет эта цифра уменьшится до 20 000 человек, вследствие чего инфраструктуру региона уже невозможно будет поддерживать в надлежащем состоянии"^[214].

Китай издавна рассматривал Сибирь как свою "утраченную территорию", отрезанную от Поднебесной в девятнадцатом столетии, когда слабый, раздираемый революциями Китай безжалостно грабили западные империалисты. Во время восстания тайпинов, унесшего двадцать пять миллионов жизней, царские агенты лишили Китай территории площадью 350 000 квадратных миль к северу от Амура, между рекой Уссури и морем. Эта территория, ныне

Приморский край, вдвое превосходит размерами Калифорнию и подобием сложенной в "чашечку" ладони огибает Маньчжурию. Владивосток, главный порт России в Японском море, база Тихоокеанского флота, был основан в 1860 году на земле, до этого принадлежавшей Китаю. После распада СССР Россия вернула киргизам, казахам, узбекам, таджикам и туркменам захваченные у них территории; Китай опирается на это возвращение как на прецедент и обязательно потребует "возмещения убытков".

В первые месяцы правления президента Никсона в 1969 году русские и китайцы воевали между собой на рубеже Амура и Уссури. Несмотря на сегодняшние дружественные отношения между Москвой и Пекином, китайцы ничего не забыли. Еще до истечения первой половины нынешнего века они наверняка попытаются вернуть себе утраченные территории; уже сейчас китайские поселенцы перебираются в Россию, как американцы когда-то заселяли север мексиканского штата Техас, позднее отошедшего к США.

"Отношение русских на Дальнем Востоке к китайцам все сильнее напоминает паранойю, - сообщает газета "Файненшл Таймс".- Результаты голосования, состоявшегося в прошлом 2001 году в Приморье, области вокруг Владивостока, к югу от Хабаровска, показывают, что 74 процента населения ожидают от Китая скорого присоединения этих территорий к своим владениям"^[215].

Другие угрозы России проистекают от бывших советских республик на юге - Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Туркменистана. Сюда следует добавить и Афганистан, где исламские экстремисты нанесли удар советской империи. Москва стремится восстановить свое влияние в этом регионе, который называют "ближним зарубежьем", однако русские исторически - европейцы и православные христиане, тогда как азиатские народы Центральной Азии придерживаются ислама и с ненавистью вспоминают периоды колонизации и принудительной "коммунизации". Вполне вероятно, не Россия снова двинется на юг, присоединяя к себе бывшие советские республики, а исламские иммигранты устремятся на север, при поддержке, быть может, исламских воинов, отхватывая от России внушительные куски - например, Чечню. Союзник России на Кавказе, христианская Армения, давно присоединилась к "клубу вымирающих наций", в который входят Россия, Латвия, Болгария и Испания - страны с самым низким уровнем рождаемости.

К 2025 году численность населения Ирана сравняется с численностью населения России. Иранцы уже вмешиваются в дела бывшей советской республики Азербайджан. Уход Москвы из Азии представляется столь же неизбежным, как проникновение китайцев и исламских народов на территории, некогда завоеванные русскими царями и комиссарами. Когда были обнародованы прогнозы численности населения страны в ближайшем будущем, российская Академия наук предложила новый научный термин - "катастрофка"^[216]. Ученые понимают: демография - это судьба страны. По мере сокращения населения в России идет прирост населения в странах Центральной Азии.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ (миллионы человек)

Годы 2000 2025

Афганистан 22,7 44,9

Казахстан 16,2 17,7

Узбекистан 24,3 33,4

Кыргызстан 4,7 6,1

Таджикистан 6,2 8,9

Туркменистан 4,5 6,3

Сегодня население этих стран составляет половину населения России, а через двадцать пять лет соотношение будет примерно равным, причем русские будут более старым народом, а исламские нации – более молодыми и живыми.

В девятнадцатом столетии огромная, могучая и густонаселенная Россия обрушилась на Оттоманскую империю – как ее называли, "европейского больного" – и сокрушила ее. Согласно современным прогнозам, численность населения России и Турции приблизительно уравнивается к 2050 году. А к 2100 году русских останется лишь восемьдесят миллионов. Кто тогда станет "европейским больным", кто окажется хищником и кто – жертвой?

Впрочем, как утверждает Анатолий Антонов, декан факультета социологии МГУ, кризис разразится задолго до этого: "Такова дилемма, стоящая перед всеми европейскими народами. Почему мы чувствуем себя счастливыми, не имея детей?"^[217] Антонов требует от правительства через средства массовой информации принять меры к повышению престижа семьи. Если русские мужчины и женщины не поторопятся исправить нынешнее положение дел, вполне вероятно, по мнению Антонова, что какие-нибудь экстремисты попытаются захватить власть во имя выживания русского народа. "Если не остановить вымирание населения, – предостерегает Антонов, – мы получим фашистское государство"^[218].

Если Россия забудет о поражении в холодной войне и смирится с утратой статуса сверхдержавы, Москва начнет воспринимать Америку как своего естественного союзника в сохранении государственной целостности и независимости. А американцы должны понять, что в любом "столкновении цивилизаций" русские окажутся на передней линии обороны Запада.

Что касается Украины, второй по населенности бывшей советской республики, прогноз ООН сулит ей сокращение населения на 40 процентов, то есть уменьшение числа украинцев от сегодняшних пятидесяти миллионов до тридцати миллионов к 2050 году. И это оптимистический прогноз, основанный на предположении о существенном приросте уровня рождаемости – от 1,26 до 1,70 ребенка на семью.

ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ

С шестнадцатого по двадцатый век великие европейские нации колонизировали большую часть мира. Начиная с 1754 года, когда американцы пересекли Аллеганские горы, шло вытеснение французов и испанцев с Американского континента, в процессе которого будущие США поглотили половину Мексики, загнали в резервации уцелевших индейцев, перевалили через Скалистые горы, вышли к Тихому океану и высадились на Гавайях, Мидуэе, Гуаме и Филиппинах. На другой стороне земли русские при династии Романовых захватили территорию от Арктики до Афганистана, от Пруссии до Тихого океана и даже завладели Аляской до Ситки. Ведомые англичанами европейцы вторглись в Африку, колонизировали южную и юго-восточную Азию и основали несколько анклавов на побережье незащитного Китая.

Теперь маховик истории раскручивается в обратном направлении. Великое отступление Запада, начавшееся с гибелью европейских империй после Второй Мировой войны, достигло своего пика в этом столетии, на фоне захлестнувшей Старый Свет второй исламской волны и стремления народов Центральной Азии и Китая вернуть некогда утраченные земли. К 2050 году Россия потеряет значительную часть Сибири и будет вынуждена уйти с Кавказа. "Если сушу смоем морем, – писал поэт Джон Донн, – Европа будет меньшим из зол, как если бы то был пустынный мыс; другое дело, если бы стоял на нем дом твоего друга или твой собственный..."

потому не спрашивай, по ком звонит колокол; он звонит по тебе" ⁽⁸⁾.

ИРАН И ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ

Во время подготовки к операции "Буря в пустыне" автор этих строк доказывал ненужность войны в Заливе: победа Америки, говорил я, обременит нас имперскими обязанностями, которые придутся американцам не по нраву. Эмират Кувейт - не слишком значимое государство; он не в состоянии выжить без могущественного покровителя. Однако американцы со временем устанут и отправятся домой, а Кувейт окажется брошенным на съедение Ираку или Ирану. Все, на что мы способны, - это временно поддержать Кувейт. Тем паче что важнейшим соперником Ирака в регионе является не Кувейт, а втрое превосходящий Ирак по численности населения Иран.

Мои доводы не возымели действия, Соединенные Штаты выиграли войну - и сегодня мои воззрения кажутся еще более насущными. Америка придерживается политики "взаимного сдерживания" Ирана и Ирака; но давайте проанализируем прогноз прироста населения в этих странах на ближайшие двадцать пять лет.

ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ (миллионы человек)

20002025

Ирак 23,1 41,0

Иран 78,6 94,5

В 1990 году Соединенные Штаты устами Рональда Рейгана похвалялись своим военным флотом в шестьсот кораблей. С войны в Персидском заливе количество кораблей сократилось вдвое, так же как и численность американской армии и ВВС. К 2010 году у США будет флот в двести кораблей. Коалиция, созданная первым президентом Бушем для борьбы с Ираком, распалась; арабские государства и европейцы, исключая англичан, уже не поддерживают нас, а английская армия также к настоящему дню сокращена вдвое...

Армия генерала Шварцкопфа могла бы войти в Багдад, повесить Саддама и установить в Ираке "режим Макартура". Однако при текущем балансе сил и нежелании арабов и европейцев вновь присоединяться к нам, было бы верхом наивности ожидать скорого начала "Бури в пустыне-II".

К 2025 году в Иране будут проживать 94,5 миллиона человек - это больше, чем в какой-либо европейской стране, не считая России. Атомная бомба к тому времени будет известна человечеству уже восемьдесят лет, и Иран, уже сегодня имеющий баллистические ракеты, почти наверняка обзаведется собственной атомной бомбой. И вспомним: с начала атомной эры ни одно государство, обладающее ядерным оружием, не подвергалось атакам извне и не участвовало в крупномасштабных боевых действиях, обращенных против него. Единственным ядерным государством, на которое нападали, был Израиль - его забрасывали иракскими ракетами СКАД советского производства...

Северные корейцы доказали миру, что США готовы прислушаться к кому угодно, лишь бы этот кто-то обладал ядерным оружием...

ЕВРОПА - ЖИВОЙ ТРУП

Вернувшись из Вены, куда был отправлен, чтобы разузнать, в каком состоянии находится союзник Германии - Австро-Венгерская империя, министр иностранных дел Бетман-Холльвег пролепетал, обращаясь к кайзеру: "Государь, наш союзник - труп" ^[219]. Именно так сегодня можем сказать и мы. Некогда великие нации, пожертвовавшие сотнями миллионов своих

солдат на полях сражений былого, нынешние государства Европы обладают армиями, лишь немного превосходящими по численности полицейские соединения. Балканская война девяностых годов двадцатого столетия обнаружила полную беспомощность европейцев. В Боснии англичанам и французам пришлось обращаться за помощью к Америке, иначе их контингенты остались бы заложниками сербов.

Союзы обычно заключают с сильными государствами. Какой прок Америке от союза с континентом, который отказывается защищать себя и население которого постепенно вымирает? Если не считать Турцию и Великобританию, все европейские страны-члены НАТО уже давно не союзники, а зависимые от нас государства. Они потерпели крах во Вьетнаме и лишь показным образом участвовали в войне в Заливе. За пределами Европы их солдаты выполняют разве что обязанности миротворцев ООН в Африке. Кажется, Европа уже не способна возродиться из пепла и восстановить былое величие и могущество. Новообразованному Европейскому союзу погребуеться несколько лет, чтобы набрать шестьдесят тысяч человек в Европейский корпус быстрого реагирования. А рассуждения относительно того, что "мы справились сами", суть не более чем детские угрозы убежать из дома - угрозы, которые, как известно, никогда не выполняются, потому что мама запрещает в одиночку переходить улицу.

Европа утратила жизненную энергию. Когда-то западные народы были готовы пожертвовать собой во имя "праха отцов и храмов отчих богов" (Маколей)^[220]. Но сегодняшние европейцы, куда более богатые и многочисленные, нежели в 1914 и 1939 годах, о жертвенности и не помышляют. Вдобавок "европейская болезнь" проникла и к нам. США потеряли тысячи человек в День "Д", однако Сомали покинули после того, как восемнадцать рейнджеров угодили в западню и были убиты. Когда мистер Клинтон приказывал бомбить Сербию, он одновременно распорядился, чтобы самолеты не опускались ниже пятнадцати тысяч футов - нельзя рисковать жизнями пилотов. А сухопутные войска США во избежание потерь вообще не принимали участия в операциях.

Золотые дни Европы позади. Нарастающая иммиграция столь радикально меняет этнический состав Старого Света, что европейцы рано или поздно окажутся парализованными угрозой терроризма - и потому не пойдут ни в Северную Африку, ни на Ближний Восток, ни в Персидский залив. Они уже отказались присоединиться к санкциям США против Ирана, Ирака и Ливии. По мере того как население европейских стран становится все более "арабским" и "исламским", паралич охватывает все большую территорию. Между прочим, нам следовало это предвидеть. С 1850-х годов до Первой Мировой войны американская политика по отношению к Британской империи строилась в зависимости от ирландцев, голоса которых были сугубо важны в таких штатах, как, например, Нью-Йорк.

С учетом сокращения населения и падения рождаемости Европа, вполне естественно, не выказывает ни малейшего интереса в отправке десятков тысяч молодых европейцев в районы боевых действия - если только не возникает прямой угрозы их собственным границам. При сохранении текущего уровня рождаемости к 2100 году население Европы будет составлять менее трети от нынешнего - и все потому, что Европа выбрала *dolce vita* ⁽⁹⁾.

Но если европейцы ничуть не заинтересованы в самосохранении, если они отказываются заводить детей даже для того, чтобы уберечь от вымирания свои народы, зачем Америке защищать Европу - и зачем, быть может, умирать за Европу? Разве что для того, чтобы европейцы и дальше могли наслаждаться жизнью... Европа выбрала свою судьбу - вряд ли сознательно на уровне отдельных людей скорее, бессознательно, на уровне народов и наций. Европейцы не намерены существовать в грядущем как единое целое, как великий и

исполненный творческой энергии народ. Кого же тогда мы защищаем? Западную цивилизацию? Но, отказываясь заводить детей, европейцы согласились на вымирание и на гибель западной цивилизации к началу двадцать второго столетия...

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СТАРЕНИЯ

В "Гуманистическом манифесте II" (1973) тысячи американских интеллектуалов призывали "признать право человека на достойную смерть, на эвтаназию и на самоубийство"^[221]. Как всегда, они несколько опередили время.

28 ноября 2000 года нижняя палата голландского парламенте приняла 104 голосами против 40 закон, легализующий помощь самоубийцам и добровольную эвтаназию, - "первой среди европейских стран после гитлеровской Германии, - как написал Нат Хентофф в "Джуиш Уорлд Ревью, - "Голландия легализовала прямое убийство больных врачами"^[222]. Парламент пошел на поводу у голландских врачей, которые на протяжении десятилетий практиковали подпольную эвтаназию. В 1991 году, к примеру, гравительственная проверка выявила такой факт: "большинство смертей в результате эвтаназии в Нидерландах никак нельзя назвать добровольными"^[223].

По новому закону дети в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет должны получить согласие родителей на совершение самоубийства или же обратиться за помощью в умерщвлении себя к врачу. После шестнадцати лет родительского согласия уже не требуется^[224]. Совет Европы обвинил Голландию в нарушении Европейской декларации прав человека, однако голландские врачи продолжали свою преступную деятельность и неуклонно вели собственную страну по скользкой дорожке Третьего рейха. Как сообщает Рита Маркер из Международного центра противников эвтаназии:

"За месяц до обсуждения в нижней палате закона об эвтаназии, голландский суд постановил, что доктор Филипп Суториус не нарушал медицинской этики, помогая 86-летнему Эдуарду Бронгермсе совершить самоубийство. Бронгермса не страдал каким-либо тяжким заболеванием и не находился на смертном одре; он всего лишь утверждал, что устал от жизни и не желает более вести "безнадежного существования"^[225].

Джек Кеворкиан из своей камеры выразил восхищение решением голландцев и заявил, что Америка не отстанет от Нидерландов. Общество "Хемлок" также не сомневается, что Соединенные Штаты вскоре последуют по пути, проторенному голландцами. Фэй Фиш, президент общества, сказала следующее: "Мы очень рады. Мы восхищаемся тем, что совершил народ Голландии за минувшие двадцать лет"^[226].

Впрочем, Нидерландское общество добровольной эвтаназии считает новый закон несовершенным, поскольку он не допускает эвтаназии для тех, кто попросту устал от жизни. "Мы полагаем, что если человек стар, если у него нет семьи и близких, если он и вправду страдает от жизни, ему можно и нужно делать эвтаназию, - заявил пресс-секретарь общества^[227]. Министр здравоохранения Эле Борст согласна с этой точкой зрения. По ее мнению, старикам, "насытившимся" жизнью, следует разрешить убивать себя. "Я вовсе не против этой процедуры, при условии, что ее сумеют организовать таким образом, что она станет доступной только тем, кто действительно устал жить"^[228]. Если старый пациент желает умереть, продолжала Эле Борст, ему нужно дать соответствующую таблетку.

В рождественском обращении к пастве 2000 года папа Иоанн-Павел Второй явно имел в виду Голландию, когда упоминал о "грозных призраках наступающей культуры смерти":^[229]₃₀

"Мы не можем не вспоминать сегодня о тени, угрожающей людям с первых лет жизни, особенно опасной в младенчестве и в глубокой старости. Искушение смертью становится настолько сильным, что вынуждает предвкушать собственную кончину, как если бы мы были хозяевами своих жизней или жизней других людей"^[230],

Хентофф вторит папе:

"В годы нацистской оккупации голландские врачи восстали против культуры смерти и отказывались принимать участие в убийствах пациентов в больницах. Но их нынешняя позиция напоминает мне 17 октября 1933 года - корреспондент газеты "Нью-Йорк Таймс" сообщил из Берлина в этот день, что германское Министерство юстиции намерено разрешить врачам "прекращать страдания неизлечимо больных, по их просьбе и в интересах всего человечества"^[231].

Да, пристальный взгляд на демографическую и этическую карту Европы не внушает уверенности в том, что папский престол сегодня пользуется среди европейцев значительной поддержкой. Христианство, которое учит, что жизнь - творение Господа и что никто не вправе отбирать жизнь у невинных, сегодня в Европе не в чести. К 2050 году свыше 10 процентов от общего населения четырех крупнейших европейских стран - Великобритании, Франции, Германии и Италии - перешагнут порог восьмидесяти лет. Неужели европейские рабочие, столкнувшись с увеличением налогов во имя обеспечения "достойной старости" этих людей, согласятся оставить в живых эту когорту восьмидесяти- и девяностолетних?

Бельгийский университет провел исследование, в ходе которого выяснилось, что из каждых десяти смертей одна происходит по вине врача - или от смертельного укола (без согласия пациента), или от ненадлежащего лечения^[232]. В Цюрихе тем не менее допускается "пособничество в самоубийстве" в домах престарелых^[233]. Европейским бэби-буммерам предстоит увидеть, как общество, не спрашивая их мнения, покончит с ними, как они сами покончили с "неродившимся поколением" периода абортов... Что посеешь, как говорится, то и пожнешь.

После восстания в Ньюарке в 1967 году черный мэр города остроумно заметил: "Не знаю, куда катится Америка, но Ньюарк наверняка окажется там первым". Там, куда сегодня движется Европа, Америка, вне сомнения, очутится завтра.

В 1984 году губернатор штата Колорадо Дик Ламм поразил публику, заявив на встрече с врачами: "Мы обязаны умирать и освобождать дорогу тем, кто идет следом; зачем нам всякие технические ухищрения и искусственные сердца? Пусть наши дети придут нам на смену и построят более разумное общество"^[234]. В штате факультета биологии Принстонского университета ныне числится австралийский биоэтнолог Питер Сингер, который во всеуслышание говорит, что если ребенок рождается с физическими недостатками, настолько серьезными, что родители и врачи соглашаются: легче умертвить, чем лечить,- такого ребенка следует убить, а затем помочь семейной паре родить здорового младенца^[235]. Доводы Сингера не лишены логики. Если мы признаем за родителями право на аборт, на прерывание жизни плода в течение девяти месяцев до рождения, то почему мы должны отбирать у них право оборвать жизнь ребенка в тот самый миг, когда плод выскальзывает из трубы?

Взгляды Сингера получили широчайшее распространение; у него были и весьма известные предшественники. Еще в 1919 году Маргарет Санджер призывала Америку со страниц своего журнала "Контроль рождаемости": "Больше детей от здоровых родителей, меньше - от ущербных"^[236]. И американцы вскоре ввязались в негласное состязание с немцами - кто быстрее разовьет эту мысль Санджер. В 1920 году доктор Альфред Кох, профессор психиатрии в университете Фрайбурга, и Карл Биндинг, профессор юриспруденции в Лейпцигском университете, опубликовали работу под названием "Позволение уничтожать жизнь, непригодную для жизни". В этой работе утверждалось, что доктора вправе помогать умереть неизлечимо больным и "пустым человеческим оболочкам", то есть умственно отсталым людям и тем, у кого зафиксированы серьезные черепно-мозговые травмы и умственные расстройства^[237]. Опрос общественного мнения показал, что каждые трое из четырех немецких родителей согласны на вмешательство врачей ради прекращения жизни "умственно неполноценных" детей^[238].

В октябре 1933 года газета "Нью-Йорк Таймс" процитировала слова гитлеровского министра юстиции:

"Избавление общества от этих людей позволит врачам прекращать страдания неизлечимо больных, по их просьбе и в интересах всего человечества"^[239]. А сэкономленные средства пойдут на пользу тем, "кто стоит на пороге старости"^[240]. Мы все знакомы с этой уклончивой манерой. Она приводит на память слова, вложенные Уолтером Перси в уста отца Смита в "Синдроме Танатоса": "Знаете ли вы, к чему ведут обходительность и нежность? Они ведут к газовой камере"^[241].

Оправдывая свои деяния, нацисты могли бы процитировать Черчилля, который "хотел бы истребить проклятие безумия", и Джорджа Бернарда Шоу, сказавшего в том же 1933 году: "Если мы мечтаем об особенной цивилизации, нам нужно устранить людей, для нее не подходящих"^[242]. Чем не высказывание фюрера немецкой нации?

Среди первых и наиболее известных случаев "содействия в самоубийстве" - случай с младенцем Кнауэров. Отец маленького мальчика обратился прямо к Гитлеру с просьбой позволить умертвить сына - слепого от рождения, умственно отсталого, лишенного одной руки и одной ноги. Гитлер передал эту просьбу врачу своему Карлу Брандту; в 1938 году Кнауэр-старший получил желаемое разрешение.

Со временем в Германии практика "милосердных смертей" приобрела широкий размах. В рецензии на "Майн кампф", ставшей в 1939 году книгой месяца, журналистка Дороти Томпсон раскритиковала Гитлера за все - кроме одного:

"О евгенике Гитлер пишет вполне разумно. Ученые-евгеники всего света согласятся с ним в том, что людей, неспособных к воспроизводству, необходимо стерилизовать. Однако немецкие законы относительно стерилизации включают в число подлежащих этой процедуре и наследственных алкоголиков; вся прелесть в том, что существуй такой закон в Австрии догитлеровских времен, сам Гитлер никогда не появился бы на свет (равно как и Бетховен или Ницше). Иными словами, евгенические идеи Гитлера базируются на научной основе, хотя им, разумеется, в целом не хватает обоснованности"^[243].

Поэт У. Б. Йейтс вторил мисс Томпсон: "Поскольку улучшения в сельском хозяйстве и

промышленности угрожают уничтожить последнее препятствие к бесконтрольному размножению необразованных масс...образцы человеческой породы не могут воспроизводиться в нужном количестве, в отличие от более глупых и менее здоровых"^[244].

Когда началась война, евгенические идеи Гитлера стали осуществляться на практике. Фюрер приказал убивать всех "непригодных для жизни" - младенцев с врожденными дефектами и уродствами, людей, страдающих острыми умственными расстройствами, и "беспольных едоков"^[245]. По программе под кодовым названием "Аktion 4" были уничтожены десятки тысяч людей, прежде чем епископ Клеменс фон Гален в яростной проповеди в Мюнстерском соборе в 1940 году обвинил Гитлера в "бесчеловечной жестокости" и призвал католиков "не приближаться к ним (нацистам), дабы не осквернить себя их грехами и неугодными Господу поступками"^[246].

Раздосадованный Берлин приостановил программу, а затем вновь продолжил ее, уже тайно. Ветеран "Аktion 4" Франц Штангль осуществлял свою деятельность в месте под названием Треблинка. В фильме "Нюрнбергский процесс" (1960) Монтгомери Клифт замечательно сыграл роль жертвы евгенической программы нацистов, столь заинтриговавшей в свое время Дороти Томпсон.

Однако ни в одном фильме не был показан американский герой Реймонд Ладлоу, вернувшийся с войны с "бронзовой звездой", "пурпурным сердцем" и медалью узника войны. В юности он неоднократно сбегал из дома, за что в конце концов был насильно стерилизован по закону штата Виргиния - одного из тридцати трех штатов, принявших законы о принудительной стерилизации в период "беспощадного владычества умами" Маргарет Санджер^[247].

Сражение между теми, кто верит в святость человеческой жизни, и теми, кто верит, что есть жизни достойные и недостойные, следовательно, для человечества далеко не в новинку. А с учетом того, что в грядущей Европе треть населения будет старше шестидесяти пяти лет, а каждый десятый окажется старше восьмидесяти, - и с учетом того, что среди сегодняшних церковников все реже встречаются епископы фон Галены и Иоанны-Павлы Вторые, - исход этого сражения не так уж трудно предугадать.

ИЗРАИЛЬ И БЛИЖНИЙ ВОСТОК[248]

Несмотря на то, что население Израиля растет, общая демографическая ситуация в регионе позволяет понять, отчего такие политики-воины, как Ицхак Рабин и Эхуд Барак, говорят, что у них нет выбора и они должны обменивать территорию на мир.

Коэффициент рождаемости среди палестинцев в Израиле составляет 4,5 ребенка на одну женщину; на Западном берегу - 5,5 ребенка, в секторе Газа - 6,6 ребенка на одну женщину. Если статистика (и демография) - это судьба, то Израиль находится в экзистенциальном кризисе, который можно преодолеть лишь за счет оккупации близлежащих территорий и возведения новых поселений. Сравните цифры:

ИЗРАИЛЬ И БЛИЖНИЙ ВОСТОК (миллионы человек)

2000 2025

Израиль..... 6,2 8,3

Иордания..... 6,7 12,1

Египет..... 68,5 95,6

Сирия..... 16,1 26,3

Ливан..... 3,3 4,4
Саудовская Аравия..... 21,6 40,0

За следующие двадцать пять лет население Израиля (евреи и арабы) вырастет на 2,1 миллиона человек, тогда как численность арабских соседей этой страны увеличится на 62,2 миллиона человек. А ведь существует еще так называемая "палестинская проблема"!

В ближайшие двадцать пять лет в самом Израиле будет насчитываться 2 миллиона палестинцев, 7 миллионов на Западном берегу и в секторе Газа и 7 миллионов в Иордании - то есть 16 миллионов палестинцев, живущих, что называется, щека к щеке с 6 миллионами евреев. (В Иордании шестьдесят процентов населения - палестинцы). К 2050 году цифры возрастут соответственно до 3, 12 и 10 миллионов - то есть уже 25 миллионов палестинцев будут жить бок о бок с 7 миллионами израильских евреев.

Разумеется, израильтяне с немалой тревогой ожидают наступления такого будущего - но схожие чувства испытывают и король Иордании, и саудовские шейхи. Иордания - одна из беднейших стран Ближнего Востока. Саудовской Аравией правит королевский дом, который миллионы граждан этой страны причисляют к ставленникам США и обвиняют в предательстве ислама.

Ни одна из двадцати двух арабских стран сегодня не может быть охарактеризована как истинно демократическая. Однако, чем демократичнее они постепенно становятся, тем острее их правящие элиты должны реагировать на "арабский фактор". Тех, кто полагает, будто демократии никогда не воюют друг с другом, наверняка ожидает разочарование: демократизирующиеся арабские монархии почти неизбежно начнут воевать между собой, как произошло в Тегеране после свержения шаха.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРОРОКА

В начале седьмого века нашей эры средиземноморский мир был христианским. Но уже через пятьдесят лет после хиджры - путешествия в Мекку, совершенного пророком Мухаммедом в 632 году, - полчища исламистов обрушились на южное побережье Средиземного моря. В начале восьмого столетия арабы и берберы сломали слабое сопротивление визготов, завладели Испанией, пересекли Пиренеи и проникли во Францию, где и состоялось одно из величайших сражений в истории человечества. У Тура Карл Мартелл, "Молот франков", победил мусульман, которые вынуждены были уйти обратно за Пиренеи. "Христианство было спасено в узком междуречье, чуть к югу от Шательро, на расстоянии дневного перехода от Пуатье", - писал Хилер Беллок ^[249]. Если не считать крошечного королевства Астурия - зерна грядущей Реконкисты, ислам распространился по всему Иберийскому полуострову и владел им на протяжении столетий. Лишь в 1492 году "католические короли" Фердинанд и Изабелла изгнали мавров из Испании.

На востоке исламское вторжение произошло позднее. В четырнадцатом веке Оттоманская империя вступила на Балканы и разгромила сербов в битве при Косово (1389). В 1453 году пал Константинополь. В 1683 году турки стояли у ворот Вены, где их и сумел остановить польский король Ян Собесский. Однако вплоть до 1913 года они продолжали владеть большей частью Балканского полуострова.

Пик активности западной цивилизации пришелся на время завершения Первой Мировой войны. В ноябре 1917 года, когда английские войска под командованием Алленби вошли в Иерусалим, министр иностранных дел Великобритании Артур Бальфур заявил, что "Его королевское величество ратует за создание еврейского государства в Палестине". Оттоманской

империи оставалось только согласиться; по соглашению Сайкса-Пико Великобритания и Франция поделили Палестину на зоны влияния. Три десятилетия спустя в арабском регионе, по благословению Великобритании и с санкции подвластной Соединенным Штатам ООН, возникло еврейское государство. Всего лишь через год англичане ушли - из Индии, из Палестины, из Иордании, из Египта, из Ирака, из Персидского залива, а вскоре за ними последовали и французы.

Повсюду сегодня легко заметить признаки возрождения ислама. На Филиппинах действуют исламские сепаратисты. В Индонезии мусульманские войска сражаются с сепаратистами-христианами. От Палестины до Пакистана толпы людей на улицах рукоплескали разрушению Пентагона и уничтожению Всемирного торгового центра. Талибский Афганистан на протяжении многих лет служил убежищем для Усамы Бен Ладена и его террористической сети, а также поставлял "воинов Пророка" в бывшие советские республики Центральной Азии и в Чечню. В марте 2001 года глава движения "Талибан" мулла Мухаммад Омар приказал уничтожить все религиозные изображения и статуи на территории Афганистана, в том числе и знаменитую, седьмого века статую Будды в Бамьяне; он заявил: "Эти идолы - боги неверных"^[250].

Организация "Хезболлах" вытесняет Израиль из Ливана и подстрекает палестинцев Западного берега и сектора Газа на продолжение интифады - священной войны с евреями, в которой значительную роль играет и движение "Хамас". В Турции и Алжире выборы 1990-х годов привели к власти исламские режимы, которые удалось сместить методами, далекими от демократических. В Египте мусульманские экстремисты возобновили преследования и казни христиан-коптов. В десяти северных провинциях Нигерии ныне действует "закон Корана".

В Европе христианские конгрегации вымирают, церкви пустеют, зато мечети заполняются все активнее. В одной только Франции сегодня проживает пять миллионов мусульман, а на территории Европейского союза в целом - от двенадцати до пятнадцати миллионов^[251]. В Германии насчитывается пятнадцать тысяч мечетей^[252]. Можно смело говорить, что ислам вытеснил иудейство с позиции второй по распространенности религии в Европе. Мы наблюдаем самый настоящий "исламский прилив". В 2000 году впервые в истории человечества мусульмане превзошли численностью католиков!^[253]

Идеология "исламизации" не помогла создать в Афганистане, Иране и Судане современных государств, которые послужили бы примером для других мусульманских стран, однако ислам как религия не понес от этого ни малейшего урона. В науке, технологиях, экономике, промышленном производстве, сельском хозяйстве, разработке и производстве вооружений и демократичности общества Америка, Европа и Япония ушли вперед на многие поколения. Но исламский мир сохранил нечто, утраченное Западом, а именно - желание иметь детей и продолжать свою цивилизацию, культуру, семью и веру. Почти невозможно отыскать ныне европейское государство, коренное население которого не вымирало бы, - и почти невозможно найти исламскую страну, население которой не возрастало бы с каждым днем. Да, Запад узнал много такого, о чем неведомо исламу, однако ислам помнит то, о чем Запад позабыл: "Нет иного мира, кроме сотворенного верой".

ИЗРАИЛЬ КАК МЕТАФОРА

Подобно зоне Панамского канала, Британской Родезии и Южноафриканской республике, Израиль сегодня может служить метафорой, символом, моделью западной цивилизации в миниатюре.

В войне за независимость 1948 года Израиль значительно расширил свои границы за пределы, установленные ООН, а в 1967 году, воспользовавшись неосторожными словами президента Египта Насера и генсека ООН У Тана, захватил у Сирии Голанские высоты, отнял у арабов Восточный Иерусалим, Старый город, сектор Газа и Западный берег реки Иордан, а также оккупировал весь Синайский полуостров вплоть до Суэцкого канала - в течение шести дней. В 1982 году израильцы выдвинулись к пригородам Бейрута и изгнали палестинцев.

Однако уже к тому времени началось отступление "Эрец Израэль". В 1973 году египтяне пересекли Суэцкий канал и восстановили свою власть над западным Синаем. Пять лет спустя они вернули себе весь полуостров. На протяжении 1980-х и 1990-х годов исламские экстремисты вели против Израиля партизанскую войну, которая вынудила Израиль уйти из Ливана, а палестинцы начали интифаду, следствием чего стала новая израильская политика - территории за мир. В 2000 году премьер-министр Барак предложил 99 процентов территории Голанских высот за мир с Сирией и 95 процентов территории Западного берега и сектора Газа плюс Восточный Иерусалим за мир с независимой Палестиной. Но президент Сирии Асад и глава палестинцев Арафат отвергли эти предложения.

Впрочем, даже пойдя арабы на израильские условия, разве мог бы Израиль быть уверен в том, что это - последние территориальные претензии соседей к еврейскому государству? С какой стати арабы, проглотив то, что им посулили, успокоились бы на достигнутом - ведь они ставят себе целью полное уничтожение "сионистского гнезда" на Ближнем Востоке? Израильцы утверждают, что предлагают соседям справедливый мир, но арабы "чувствуют слабость" и не желают вести переговоров с государством, пошедшим на попятную. Раз война заставила Израиль просить мира, рассуждают они, почему бы новой войне не заставить израильцев предложить больше?

С точки зрения арабов, война - лучший способ добиться своего. Война Йом Киппур 1973 года привела к уходу Израиля с Синайского полуострова. Развязанный организацией "Хезболла" джихад вытеснил израильцев из Ливана. Две интифады вынудили уступить почти весь Западный берег, сектор Газа и Восточный Иерусалим. Что до военной мощи Израиля, она помогла сдержать отступление ничуть не более, чем подавляющее военное превосходство Запада задержало уход последнего. Разве двадцать тысяч русских ядерных боеголовок смогли предотвратить потерю Восточной Европы и окраин советской империи на Кавказе и в Центральной Азии?

Именно здесь обнаруживается аналогия с Западом. В природе вещей, что нации и цивилизации возникают, растут, мужают, становятся доминирующими, чтобы затем утратить силу и предложить паритет еще недавно подвластным им народам; как правило, это предложение принимается, но со временем бывший подвластный народ также начинает расти и мужать... Неужели наша эпоха равенства наций и государств - истинный конец истории или всего лишь временное перемирие, показной мир, минутная договоренность, время перехода от западного господства к тому дню, когда Западу придется платить дань новому господину? Английский историк Дж. Э. Фраунд однажды заметил: "Если десять человек верят во что-то столь истово, что готовы отдать за эту веру свои жизни, а другие двадцать верят во что-то столь истово, что готовы за это "что-то" голосовать, десять будут писать законы для двадцати"^[254]. И что открывается нам при взгляде на современную Америку, Азию, Европу или Ближний Восток? Кто сегодня выказывает большую решимость умереть за свои убеждения?

Неужели все наши рассуждения о равенстве народов - не более чем самообман? Неужели происходящее сегодня - только прелюдия к возобновлению схватки за власть над людьми и народами, схватки, которую богатый, но оскудевающий людьми и вымирающий Запад, с его

отвращением к войне, возвращенном на бойнях и ужасах двадцатого столетия, обречен проиграть? Как сказал Софокл, нужно подождать до вечера, чтобы понять, каким чудесным был день. Неужели наш вечер уже наступил?

Воинственность, жертвенность и нетерпимость – вот характерные признаки молодой религии и любого

другого молодого цивилизационного феномена. Ранние христиане, шедшие на смерть, чтобы не поклоняться римским языческим божествам, со временем сокрушили эти божества – никто и не вспомнил о терпимости. Епископ Реймса Хловис заявил королю франков, пришедшему креститься: "Склони голову! Сожги то, чему поклоняешься, поклоняйся тому, что сжигаешь!"^[255] А где же христианское смирение и терпимость, ваше преподобие? Протестантские монархи и католические короли не моргнув глазом сжигали еретиков или четвертовали их на лобных местах вроде Тайбернского рынка в Лондоне. Христианство, покорившее мир, вовсе не было "робкой" религией, и проповедники христианства отнюдь не внушали новообращенным представления о равенстве всех религий. Есть только одна истинная вера; все прочие – от лукавого.

С амвонов христианских церквей сегодня раздаются многоголосые причитания – христианство кается в былых грехах. "Мы ошибались, сопровождая конкистадоров, ошибались, обращая свою веру дикарей, ошибались, прислуживая империи. Мы признаем свою вину и молим о прощении тех, против кого грешили наши отцы и мы сами".

Возможно, раскаяние открывает путь на небеса, но здесь, на земле, оно творит преисподнюю. История учит, что пинают ту собаку, которая скулит. Кто примкнет к религии, священники которой ходят в рубищах, посыпают головы пеплом и каются в грехах давно минувших столетий? Неужели те, кто сызмальства усвоил, что христиане – угнетатели и расисты, удовлетворится этими стенаниями и мольбами? Или они скажут: "Предки этих христиан обирали и терзали нас, но их потомки парализованы чувством вины и не окажут серьезного сопротивления. А не отобрать ли у них то, чем завладели предки, а потом и все остальное?"

Разве признание собственных грехов и раскаяние в них означает переход на более высокую "этическую ступень"? Или это всего-навсего очередное доказательство утраты христианами веры в истинность своей религии и в ее превосходство? Если Запад рассчитывает на долгую жизнь, ему следует как можно скорее возродить "задорный дух юности". Ибо заложено в природе вещей, что государства и религии делятся на властвующих и подвластных. Времена мнимого равенства – всего лишь периоды затишья, перемирия, передышки в вечной схватке. "Homo homini lupus est", – отчеканил римский комедиограф Плавт. Человек человеку волк. А Томас Гоббс прибавил: "Я нахожу общим стремлением человечества неизбывное и неутолимое желание власти, кое истощается лишь со смертью"^[256].

Израиль – современное государство изобилия, окруженное нищими соседями, всегда готовыми вдобавок предъявить те или иные претензии. Запад – современная цивилизация изобилия, окруженная нищими соседями, всегда готовыми предъявить те или иные претензии. Подобно тому как западные интеллектуалы непримиримо относятся к "тяжкому" историческому наследию Запада, так и израильские "постсионистские" историки видят прошлое своей страны исключительно в мрачных тонах. И как Запад уверен, что все народы должны удовлетворяться тем, что имеют, так и некоторые израильские политики полагают, что палестинцам вполне достаточно их "бантустанов" в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан. Но с какой, собственно, стати? Если на каждого русского будет приходиться двадцать, а не десять, как сегодня, китайцев, разве Китай не предпримет попытки вернуть то, чего лишился, когда он

был слаб, а Россия сильна?

Израиль противостоит исламу – древней вере, адепты которой привыкли сражаться и готовы жертвовать собой во имя Пророка; а США имеют двухтысячекилометровую границу с Мексикой. Вероятно, аналогия не слишком убедительная, но и Америка ныне уже не та, какой была раньше. В 1953 году начисто лишенный какой бы то ни было сентиментальности старый солдат по имени Айк ⁽¹⁰⁾ приказал провести операцию "Мокрая спина" ⁽¹¹⁾ по выдворению из Штатов всех нелегальных эмигрантов. Может ли хоть кто-нибудь представить себе мистера Буша, приказывающего выдворить из Соединенных Штатов пять или десять миллионов нелегалов?

Как однажды заметила Голда Мейр, у Израиля не было друга надежнее Ричарда Никсона, спасшего еврейское государство в войне Йом Киппур. Однако тот Ричард Никсон, которого помнит автор этих строк, не был глух к урокам истории. Он говаривал: "Политик должен смотреть далеко вперед". В Сан-Клементе, после того как Никсон побеседовал по телефону с Ицхаком Рабином, нашим израильским приятелем, с которым мы познакомились на исходе войны Йом Киппур, – после того как Никсон повесил трубку, моя жена Шелли спросила бывшего президента, каковы, с его точки зрения, перспективы Израиля.

"Перспективы?" – задумчиво переспросил Никсон. Он вытянул правую руку, выставил вверх большой палец, как римский император, выносящий приговор гладиатору, – и медленно опустил ладонь большим пальцем вниз. Спрашивать, что он думает о перспективах Запада, я не стал.

Глава 6. НОВАЯ РЕКОНКИСТА.

Американский юго-запад, кажется, постепенно и без единого выстрела возвращается под юрисдикцию Мексики ^[257].
Центральная мексиканская газета "Эксельсиор"

В 1821 году завоевавшая свою независимость Мексика предложила гражданам США заселять северный мексиканский штат Техас – на двух условиях: во-первых, новые поселенцы должны исповедывать римско-католическую веру, а во-вторых, они должны присягнуть на верность Мексике. Тысячи американцев приняли это приглашение. Но в 1835 году, после прихода к власти диктатора Санта-Анны, жители Техаса, уставшие от клятв верности и превосходившие коренных мексиканцев в соотношении десять к одному, подняли восстание и изгнали крохотный мексиканский гарнизон за Рио-Гранде.

Генерал Санта-Анна повел на север целую армию, намереваясь образумить мятежную провинцию. В миссии Аламо он уничтожил первых бунтовщиков, а затем казнил четыреста техасцев, сдавшихся ему в Голиаде. Однако у Сан-Хасинто генерал попал в западню, его армия была рассеяна, а сам он оказался в плену. Техасцы требовали казни Санта-Анны за расправу в Аламо, но у Сэма Хьюстона были иные планы: он предложил диктатору выбирать – жизнь или Техас. Санта-Анна выбрал первое, и Техас получил независимость. В последний день своего президентства Эндрю Джексон признал Республику Одинокой звезды во главе со своим бывшим помощником, который командовал в 1814 году полком ополченцев из Теннесси у излучины Хорсшу-Бенд.

Восемь лет спустя президент Джон Тайлер решил вписать в историю собственное имя - он аннексировал Техас, "обойдя" протекже Джексона, Джеймса К. Полка, который выиграл президентские выборы во многом из-за того, что обещал присоединить Техас к Североамериканскому союзу. Разъяренная Мексика пыталась оспорить притязания САСШ на территории к северу от Рио-Гранде. Чтобы подтвердить правомерность американских претензий, Полк отправил на северный берег реки генерала Захарию Тейлора. Когда мексиканские солдаты открыли огонь по патрулю армии САСШ, пролив американскую кровь на американскую же, как утверждал Полк, почву, президент мгновенно добился согласия Конгресса на открытие боевых действий. К 1848 году американские солдаты с именами наподобие Грант, Ли или Макклэннан уже вошли в древний город Монтесумы. Униженная Мексика вынуждена была отказаться от всяких притязаний на Техас, Юго-западные территории и Калифорнию. В качестве компенсации за территориальные уступки САСШ вручили Мексике пятнадцать миллионов долларов.

Деньги умили пыл мексиканцев, но не смогли потушить пылавшую в их сердцах ненависть. В 1910 году вновь разгорелся конфликт. В ходе мексиканской революции, антицерковной и антиамериканской по своему характеру, в Тампико были захвачены американские моряки. Президент Вильсон распорядился отправить в Вера-Крус морских пехотинцев и не освобождать город, пока Мексика не отсалюует двадцатью одним орудийным залпом американскому флагу. Английскому послу Вильсон объяснил свое решение так: "Я хочу научить южных американцев выбирать во власть достойных людей"^[258]. Когда же в Нью-Мексико вторгся в 1916 году Панчо Вилья со своими головорезами, Вильсон отправил ему навстречу десятитысячный корпус под командованием генерала Першинга.

Несмотря на проводимую Госдепартаментом "политику добрососедства", в 1938 году мексиканский президент Карденьяс национализировал собственность американских нефтяных компаний - дата этого события до сих пор считается одним из национальных праздников Мексики. Впоследствии в Мексике был основан государственный нефтяной картель "Пемекс", в 1999 году сговорившийся с ОПЕК о доведении мировых цен на нефть до тридцати пяти долларов за баррель - чтобы наказать Америку, в 1994 году вложившей в находившуюся на грани краха мексиканскую экономику пятьдесят миллионов долларов. Поневоле вспоминается ответ итальянского государственного деятеля Кавура, когда его спросили в 1859 году, какова цель объединения Италии: "Изумить мир нашей неблагодарностью"^[259].

К чему это все изложено? Мексика исторически настроена против США, мексиканцы, мягко выражаясь, недолюбливают своего северного соседа. Они считают, что мы лишили их страну половины законной территории. Посему наблюдается значительная разница в отношении к США у "старых иммигрантов" - ирландцев, итальянцев и жителей Восточной Европы - и у сегодняшних иммигрантов из Мексики. Ныне в США граждане мексиканского происхождения составляют не менее одной пятой от общего количества жителей страны плюс как минимум миллион добавляется к их числу каждый год; отсюда вытекает, что мы должны понимать и учитывать разницу между старыми и новыми иммигрантами, между вчерашней и нынешней Америкой.

1. Из Мексики к нам прибывает больше всего иммигрантов. За 1990-е годы количество граждан США, имеющих мексиканское происхождение, возросло вдвое - до двадцати одного миллиона человек (сюда не включены шесть миллионов "латинос", тщательно избегающие встреч с переписчиками населения). Большинство "мексиканских американцев" живет на Юго-Западе, вопреки пожеланиям отцов-основателей, предлагавших распределять иммигрантов равномерно по всей территории страны, дабы облегчить ассимиляцию.

2. У мексиканцев не только иная культура – в массе своей они принадлежат к другой расе, а история и житейский опыт подсказывают, что людям разных рас сложнее ассимилироваться, нежели "родичам по расе". Шестьдесят миллионов граждан США, претендующих на немецкое происхождение, ассимирировались у нас полностью, чего не скажешь о миллионах выходцев из Азии и Африки, и поныне не имеющих равных с белыми прав.

3. Миллионы мексиканцев находятся на нашей территории нелегально. Чтобы проникнуть в США, они пошли на нарушение закона – и продолжают нарушать его день за днем. Каждый год в страну, по экспертным оценкам, пробирается до 1,6 миллиона нелегалов, причем большинство – как раз через "кровоточащую" южную границу.

4. В отличие от иммигрантов былого, навсегда прощавшихся с отчизной перед тем, как взойти на борт корабля, мексиканцы отнюдь не порывают связей с родиной. Миллионы из них не испытывают ни малейшего желания учить английский или принимать американское гражданство – их дом Мексика, а не Америка, и они кичатся тем, что по-прежнему остаются мексиканцами. К нам они пришли за работой. Вместо того чтобы постепенно ассимилироваться, они создают в американских городах "маленькие Тихуаны" – все равно как кубинцы с их "Малой Гаваной" в Майами. Разница между мексиканцами и кубинцами лишь в том, что первых в Америке в двадцать раз больше, нежели вторых. Они имеют собственное радиовещание и телевидение, собственные газеты, фильмы и журналы; и ныне мексиканские американцы создают в США испаноязычную культуру, отличную от американской. То есть фактически становятся нацией внутри нации.

5. Волны мексиканской иммиграции накатываются ныне уже не на ту Америку, которая принимала у себя европейцев. У наших национальных меньшинств возникла убежденность в тезисах расовой справедливости и этнического равенства. Эти тезисы поддерживает и культурная элита, которая отказалась от идеи Америки как "плавильного тигля" и ратует за прелести мультикультурализма. Сегодня этническим меньшинствам "настоятельно рекомендуется" придерживаться национальной идентичности – разумеется, вследствие этого мы наблюдаем резкий всплеск национализма. "Интернационализм 1960-х годов умер,- пишет Гленн Гарвин в журнале "Ризон". – Признак либерализма 1990-х – сегрегация, замаскированная под политику соблюдения идентичностей"^[260]. Произнеси Калвин Кулидж сегодня свою знаменитую фразу: "Америка должна оставаться американской", его бы обвинили в "преступлении ненависти"^[261].

Сэмюэл П. Хантингтон, автор книги "Столкновение цивилизаций", называет иммиграцию "главным бичом нашего времени"^[262]. Иммигрантов он делит на "обращенных", прибывших с тем, чтобы ассимилироваться в нашем обществе, и "временщиков", приехавших по контракту на несколько лет. "Новые иммигранты с юга,- пишет Хантингтон, – не обращенные и не временщики. Они курсируют между Каролиной и Мексикой, поддерживая дуальную идентичность и вовлекая в этот процесс членов своих семей"^[263]. Опираясь на цифру в 1,6 миллиона человек, которых арестовывают каждый год за попытку пересечь Рио-Гранде, Хантингтон предостерегает:

"Если свыше миллиона мексиканских солдат перейдут нашу границу, США воспримут это как угрозу национальным интересам и отреагируют соответственно. Однако мирное вторжение миллиона мексиканцев, как будто санкционированное президентом Висенте Фоксом, представляет не меньшую опасность для Америки, и на него США также должны отреагировать адекватно. Мексиканская иммиграция уникальна по своей сути, она является прямой угрозой нашей идентичности и культурной целостности и, быть может, нашей

национальной безопасности"[264].

Но американские лидеры вовсе не спешат реагировать "адекватно", несмотря на то что очередной опрос общественного мнения показал: 72 процента населения страны выступают за сокращение иммиграции; данные другого опроса, проведенного в июле 2000 года, свидетельствуют: 89 процентов граждан США поддерживают требование о признании английского языка единственным государственным языком Соединенных Штатов[265]. Люди хотят от властей действий, но элита не предпринимает ровным счетом ничего. Мы хвастаемся тем, что являемся "последней сверхдержавой", однако нам не хватает решимости защищать наши границы и требовать от иммигрантов обязательной ассимиляции в обществе.

Возможно, общая любовь к доллару позволит преодолеть культурную пропасть, и в дальнейшем мы будем счастливо жить вместе – как граждане "первой универсальной нации", по выражению одного автора[266]. Но Дядя Сэм очень и очень рискует, принимая на своей территории диаспору из десятков миллионов человек, принадлежащих к иной, нежели белые американцы, расе. Если мы допустим роковую ошибку, исправить ее уже не удастся – и наши дети ощутят на себе все сомнительные "прелести" балканизации; ошибка будет означать гибель той Америки, которую мы знаем. "Если ассимиляции не произойдет, – пишет Хантингтон, – Соединенные Штаты превратятся в страну на линии разлома, потенциально готовую к гражданской войне"[267]. Так стоит ли рисковать? Ради чего мы идем на этот риск?

Западные государства и без того переживают процесс распада культуры на этнической почве. Сепаратистские движения разорвали на части Советский Союз, Югославию и Чехословакию; ныне они пытаются разделить Францию, Испанию и Италию. В 2001 году в Германии начались торжества в честь древней Пруссии. В Великобритании "Юнион Джек" на дверцах такси и на эмблеме чемпионата мира по футболу заменили средневековым крестом святого Георгия. Люди все меньше и меньше отождествляют себя с национальным государством – и все больше и больше с родом и семьей. В канадских провинциях Альберта и Саскачеван возникли партии независимости, а 14 процентов населения Британской Колумбии высказывается за отделение от Канады[268].

Президент Фоке выдвинул идею создания Североамериканского Союза на основе Канады, Мексики и США; подразумевается полное открытие границ для товаров и людей. "Уолл-Стрит Джорнел" весьма высоко оценил это предложение[269]. Однако ВВП Мексики в пять тысяч долларов на душу населения составляет лишь малую толику ВВП США, а разница в доходах между гражданами США и мексиканцами – самая значительная на всей планете для расположенных по соседству друг с другом больших стран[270]. С прекращением в 1993 году деятельности НАФТА реальный уровень доходов в Мексике сократился на 15 процентов. Половина населения Мексики живет в бедности, восемьдесят миллионов человек прозябают, имея в день сумму менее двух долларов, тогда как минимальная зарплата в США приближается к пятидесяти долларам в день. Стоит только открыть границу, и миллионы мексиканцев хлынут в США в поисках лучшей доли. Неужели на свете нет ничего важнее экономики?

Наше прежнее представление о мексиканцах как о дружелюбных, консервативных людях, придерживающихся католичества и традиционалистских убеждений, сегодня уже не соответствует действительности. Безусловно, в США найдутся миллионы американцев мексиканского происхождения, которые по первому призыву правительства и президента США с оружием в руках пойдут защищать наши интересы. Безусловно, настоящим американцем

способен стать любой человек из любой страны и с любого континента - в этом нас неоднократно убеждала история.

Тем не менее демографические перемены на юге США, особенно в Калифорнии, где четверть населения штата принадлежит к некоренным американцам, а треть составляют "латинос", породили новый этнический шовинизм. Когда несколько лет назад наша футбольная команда играла на стадионе "Колизеум" в Лос-Анджелесе с мексиканской командой, при исполнении гимна США зрители засвистели и заулююкали, флаг США спустили с флагштока, а команду и немногочисленных болельщиков забросали водяными бомбами, пивными бутылками и мусором^[271],

Два года назад городок Эль-Сенисо в южном Техасе объявил своим "городским" языком испанский; мэр распорядился, чтобы отныне все делопроизводство велось на испанском языке и чтобы этот язык использовался в любом городском бизнесе^[272]. Всякое содействие иммиграционным властям США вдобавок запрещалось под страхом увольнения и изгнания. Эль-Сенисо фактически отделился от Соединенных Штатов.

В штате Нью-Мексико в 2001 году обсуждался вопрос о переименовании штата в Нуэво-Мексико, то есть о возвращении имени, которое эта территория носила до своего включения в состав Американского Союза. Билль о переименовании не прошел, инициатор билля, конгрессмен Мигель Гарсия, заявил в интервью газетам, что причина этого - в "тайном расизме", в том же самом, который стоял за приданием штату его нынешнего названия^[273].

Дух сепаратизма, национализма и разобщенности крепнет и в районах больших городов, населенных выходцами из Латинской Америки. Организация латиноамериканских студентов MEChA требует возвращения Мексике Юго-западных территорий^[274]. Чарльз Трухильо, профессор университета Нью-Мексико и исследователь "проблемы чикано", утверждает, что образование нового Ацтлана со столицей в Лос-Анджелесе неизбежно и что мексиканцам нужно добиваться этого всеми возможными способами^[275].

"Мы заново колонизируем Америку, потому нас и боятся. Настал срок забрать то, что принадлежит нам по праву",- заявляет Рикки Сьерра из Национальной гвардии чикано^[276]. Один из предводителей демонстрации в Вествуде восклицает: "Мы пришли... чтобы показать белым протестантам Лос-Анджелеса: нас больше!.. Мы требуем возвращения наших земель! Они всегда принадлежали нам... Если кого-то и депортируют отсюда, то не нас, а вас!"^[277]

Хосе Анхель Гутьеррес, профессор политологии в университете штата Техас (Арлингтон), директор Центра изучения американо-мексиканского взаимодействия, сказал, выступая на митинге: "Белая Америка стареет. У них больше не рождаются дети. Они вымирают. Наша сила в нашей численности. Они дрожат от страха - и мне это нравится!"^[278]

Разумеется, все эти высказывания во многом напоминают разговоры за пивом в кантине, однако схожие нотки звучат и в официальных заявлениях, которым радостно вторят латинские кварталы. В 1998 году генеральный консул Мексики Хосе Пескадор Осуна заявил: "Я в известной мере шучу, но в каждой шутке есть доля истины. Так вот, на мой взгляд, мы переживаем Реконкисту в Калифорнии"^[279]. А калифорнийский законодатель Арт Торрес назвал поправку 187, лишаящую нелегальных иммигрантов социальной защиты, "последними судорогами белой Америки"^[280].

"Калифорния станет мексиканским штатом. Мы займет все органы власти. Если это кому-то не нравится, пусть уезжает",- изрек Марио Обледо, президент Лиги единения латиноамериканцев, лауреат Медали свободы, врученной ему президентом Клинтоном^[281]. А президент Мексики Эрнесто Седилльо обратился к американцам мексиканского происхождения в Далласе с такими словами: "Вы - мексиканцы, мексиканцы, которые живут к северу от границы"^[282].

Так почему мексиканские иммигранты должны испытывать хотя бы подобие верности по отношению к стране, куда они перебрались исключительно в поисках работы? И почему бы националистически настроенным и патриотичным мексиканцам не мечтать о собственной Реконкисте?

Возьмем, для примера, студенческую организацию MEChA, отделение которой в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса возглавлял несколько лет назад некий Антонио Виллараигоса, которому в 1991 году не хватило сорока тысяч голосов, чтобы стать мэром Лос-Анджелеса. Аббревиатура MEChA расшифровывается как Movimiento Estudiantil Chicano de Aztlan, то есть Студенческое движение чикано за Ацтлан. К чему оно стремится? Если воспользоваться их собственными словами, члены MEChA требуют вернуть "земли отцов", похищенные "во время вторжения злых гинго на нашу территорию"^[283]. Манифест MEChA гласит:

"Сердце в руках, руки в родной земле! Мы объявляем независимость нашей метисной страны. Мы - бронзовые люди с бронзовыми орудиями! Перед всем миром, перед всей Северной Америкой, перед всеми нашими братьями на бронзовом континенте мы говорим: мы - народ, мы страна истинных пуэбло, мы - ацтлане"^[284].

План (E1 Plan) MEChA утверждает: "Ацтлан принадлежит тем, кто сажает семена, поливает посадки и собирает урожай, а не чужакам-европейцам. Мы не признаем неустойчивых фронтиров на бронзовом континенте"^[285]. Лозунг MEChA: "Por la Raza todo. Fuera de la Raza nada"; то есть "Все для нашей расы и ничего - для чужих"^[286].

MEChA требует от США реституции, возмещения ущерба, принесенного "экономическим рабством, политической эксплуатацией, этническим и культурно-психологическим угнетением и лишением гражданских и общечеловеческих прав"^[287]. В манифесте MEChA говорится:

"Политическое освобождение возможно только через нашу, независимую деятельность, поскольку двухпартийная система есть чудовище о двух головах, кормящихся из единой кормушки. Там, где мы составляем большинство, мы будем управлять; там, где нас меньшинство, мы станем источником напряженности; с точки зрения национальности мы - одна партия, la Famillia de Raza"^[288].

Кроме того, MEChA заявила, что ее символом должен стать орел с распростертыми крыльями, сжимающий в одной лапе macahuittle, в другой - сигарету с марихуаной, а в клюве держащий зажженный фитиль"^[289].

Теория MEChA, по сути, представляет собой теорию о превосходстве над остальными арийской расы - в варианте для чикано; тем не менее у этой организации насчитывается четыре тысячи отделений на Юго-Западе, вплоть до Корнелия и Энн-Арбор. Вся их риторика - "метисная раса",

"бронзовые люди", "бронзовая культура", "бронзовый континент", "раса превыше всего" - является откровенно расистской и антиамериканской. Тот факт, что Виллараигоса участвовал в выборах мэра второго по величине города Америки и ему при этом не пришлось никому объяснять своего отношения к МЕСЧА, лишний раз подтверждает, что крупные средства массовой информации в США "морально подчиняются" любому меньшинству, будь то этническому, сексуальному или какому-либо еще, если только оно доказывает, что выступает жертвой тех или иных преследований.

И нигде этническое меньшинство не добивалось таких успехов, как в Техасе. Усилиями МЕСЧА в этом штате существенно снизилась торжественность, можно даже сказать пафосность, с какой в США принято отмечать День независимости. В 2000 году университет Техаса "устроил частное мероприятие, чтобы собрать денег на праздник, и одновременно не сообщил о его проведении фактически никому..."^[290]

Тем временем вторжение продолжается. Когда-то сонная американо-мексиканская граница протяженностью две тысячи миль ныне превратилась в арену ежедневных стычек. Ранчо в Аризоне используются под бивуаки тысячами чужаков, которые ломают заборы, травят скот и оставляют за собой по дороге на север длинный мусорный след. Даже мексиканская армия относится к нам с презрением: по сообщению Госдепартамента, за пять лет произошло пятьдесят пять инцидентов с участием армейских подразделений, а в 2000 году; случилось нечто вообще непредставимое по своей дерзости - мексиканские солдаты на грузовиках прорвались сквозь заслоны из колючей проволоки, обстреляли патруль, а затем некоторое время преследовали двух патрульных офицеров^[291]. Агенты пограничной службы полагают, что отдельные чины мексиканской армии сотрудничают с наркокартелями.

Америка превратилась в приют для избыточного населения, которое Мексика сама не в состоянии прокормить. Население Мексики прирастает со скоростью десять миллионов человек за десять лет, поэтому нетрудно предположить, что по истечении определенного времени американский Юго-Запад полностью "испанизируется". Мексиканский сенатор Адольфо Синсер полагает, что "экономическая политика Мексики зиждется на непрерывной эмиграции населения в Соединенные Штаты"^[292]. Антиамериканист, бывший коммунист Хорхе Кастеньяда, дал шесть лет назад интервью журналу "Атлантик Мансли" и предостерег, что любая попытка США воспрепятствовать иммиграции "приведет к социальному взрыву в Мексике... США не одобряют иммиграцию, но не могут ничего поделать"^[293]. Учитывая, что сегодня сенатор Синсер - советник президента Фокса по национальной безопасности, а Хорхе Кастеньяда - министр иностранных дел, нам стоило бы прислушаться к их мнению.

При Фоксе, Синсере и Кастеньяде мексиканская политика выражается в прямой поддержке нелегальной иммиграции в США. Была даже основана организация "Мексиканцы за границей"; эта организация помогает нелегалам избежать встреч с американскими пограничниками в пустынях Аризоны и Калифорнии, снабжает беженцев "наборами первой помощи" - вода, сушеное мясо, лекарства, бинты, презервативы, причем эти наборы бесплатно раздаются в мексиканских городах и деревнях, а заодно рассказывается, куда обратиться в Калифорнии, чтобы без лишних вопросов и документов получить государственное пособие. Короче говоря, Мехико сегодня руководит вторжением в США, а мы отвечаем не то что "адекватно" - робким молчанием и стыдливо отводим глаза^[294].

Более всего мексиканцев привлекает именно Калифорния; между тем социолог Уильям Грей отмечает обратную миграцию афроамериканцев и англосаксов из Золотого штата в те места на карте страны, которые схожи с городами и поселениями, где прошли детство и юность этих

людей^[295]. Прочие калифорнийцы переселяются в закрытые кондоминиумы. Да, государство, не способное контролировать собственные границы, уже не является государством в истинном смысле этого слова – об этом предостерегал еще Рональд Рейган двадцать лет назад.

Озабоченность радикальными изменениями в этническом составе населения США принято называть "непатриотичной". Однако вспомним патриота Бенджамина Франклина, который однажды спросил: "С какой стати Пенсильвания, основанная англичанами, должна стать колонией чужаков, которые вскоре заполонят собой и германизируют все вокруг?"^[296]. Франклину не довелось узнать, насколько оправданными были его опасения: немецкая иммиграция была прервана Семилетней войной.

Президент Теодор Рузвельт предупреждал: "Единственный абсолютно надежный способ привести эту страну к гибели, лишить ее всякой возможности существовать как Государство, заключается в попущении националистическим выступлениям"^[297].

Иммиграция – острейшая проблема, требующая немедленного решения, ибо ставится вопрос о том, а Кто мы, американцы, собственно, такие? Подобно Миссисипи, неторопливой, долгой и дарующей жизнь, иммиграция во многом обогатила Америку, о чем не позволит забыть наша история. Но когда Миссисипи выходит из берегов, опустошение остается чудовищное... В общем и целом, по причине торжества политкорректности иммиграцию сегодня обсуждать и осуждать не принято. Считается, что лишь "националисты" или "ксенофобы" могут быть недовольны политикой, которая привлекает в США множество людей разного цвета кожи, разного воспитания и разной веры. Между тем вода в реке, если вспомнить сравнение с Миссисипи, поднимается все выше. Что будет с нашей страной, если эта вода выплеснется из берегов?

В конце 1999 года автор этих строк выехал из Тас-кона и направился на юго-восток к Дугласу, пограничному городку в Аризоне с населением в восемнадцать тысяч человек. Дуглас уже давно превратился в главный форпост нелегальной иммиграции из Мексики. Только в марте 1999 года пограничный патруль ожидал проникновения на территорию США двадцати семи тысяч мексиканцев, то есть за месяц границу нелегально пересекало полтора населения Дугласа!^[298].

Находясь в Дугласе, я нанес визит Терезе Мюррей, восьмидесятидвухлетней вдове, которая живет в Аризоне с самого рождения. Ее ранчо окружает железный забор высотой семь футов, поверх которого тянется колючая проволока; на каждой двери и на каждом окне железные ставни и весьма чувствительная сигнализация. Миссис Мюррей спит с пистолетом тридцать второго калибра на прикроватной тумбочке, потому что нелегалы вламывались к ней в дом не меньше трех десятков раз. Раньше она полагалась на своих собак, но тех извели – кто-то подбросил через забор мясо, буквально нафаршированное битым стеклом. Иными словами, Тереза Мюррей доживает жизнь в тюрьме строгого режима – и это в своем собственном доме в своей собственной стране! А все потому, что правительству США не хватает решимости поступать, как требует закон, и обеспечить надлежащую охрану границы Соединенных Штатов.

Если Америка чем-то и озабочена, это "что-то" – свобода. Но Тереза Мюррей призналась мне: "Я потеряла свою свободу. Я не могу даже выйти из дома, не попросив кого-нибудь приглядеть за всем, пока я отсутствую. Мы привыкли пересекать границу, когда захотим. Мы привыкли, что мексиканцы работают на нас. И жить здесь всегда было весело и приятно. А теперь тут сущий ад. Вот именно, сущий ад"^[299].

Тереза Мюррей и многие другие американцы, утратив свободу, живут, как в аду, а американские солдаты между тем защищают границы Кореи, Кувейта и автономной области Косово. Но разве можно сравнить риск, на который идут они, находясь за полмира от дома, с тем риском, которому подвергаются граждане США, живущие на границе с Мексикой? На той самой границе, которую ночами пересекают многотысячные армии, движущиеся на север, к великим городам великой Америки. Между вражеским набегом и иммиграцией разница только одна: враги придут и уйдут, а иммигранты останутся...

КТО ПОГУБИЛ РЕЙГАНОВСКУЮ КОАЛИЦИЮ?

Четверть века, с 1968 по 1992 год, Республиканская партия владела "правом первой ночи" на пост президента США. "Новое большинство", созданное Ричардом Никсоном и возрожденное Рональдом Рейганом, подарило республиканцам пять побед на шести президентских выборах. Победы приносило привлечение к традиционной республиканской базе двух демократических блоков - католиков из северных штатов и белых протестантов из южных. Мистер Никсон приманил этих выборщиков посулами и, что называется, "ритуальными политическими заклинаниями" во славу патриотизма, популизма и социального консерватизма. Успех укрепил позиции республиканцев в промышленных штатах и на "исконном Юге", который считался опорой демократов со времен Аппоматокса. С течением лет "коалиция Никсона-Рейгана" стала выглядеть практически неуязвимой. Макговерн, Мондейл и Дукакис набирали до 90 процентов голосов чернокожих, однако у республиканцев всегда было 60 процентов голосов белых, что составляло свыше 90 процентов от общего числа выборщиков, поэтому победа всегда оставалась за Республиканской партией.

Такова была "южная стратегия". Пресса называла ее безнравственной, демократы активно сотрудничали с сегрегационистами, особенно Эдлай Стивенсон. За пределами Миссури - пограничного штата с тягой к Югу - Стивенсону в 1956 году покорились только "диксикратовские штаты"(Dixiecrat States - от жаргонизма "dixiecrat", "демократ из южных штатов".- Прим. перев.), впоследствии примкнувшие и к Джорджу Уоллесу.

Ни Никсон, ни Рейган не поддерживали сегрегационизм. Будучи вице-президентом, Никсон ратовал за соблюдение гражданских прав куда активнее, нежели сенаторы Джон Ф. Кеннеди и Линдон Джонсон. Его роль в победоносном прохождении через Сенат закона о гражданских правах (1957) была отмечена в поздравительном письме от Мартина Лютера Kinga, который восхвалял "неустанные труды" вице-президента Никсона и его "неустранимость в достижении цели"^[300].

Четверть века демократы были не в состоянии соперничать с республиканцами за президентский пост, поскольку не могли отобрать у республиканцев хотя бы часть голосов белого населения США. Если не считать ура-патриотической поддержки Линдона Джонсона в 1964 году, никому из демократов после Гарри Трумэна (1948) не удавалось заручиться голосами белых выборщиков. Однако с принятием в 1965 году закона об иммиграции монополия республиканцев на президентство была нарушена.

Во время антисоветского восстания в Восточном Берлине в 1953 году немецкий драматург-коммунист Бертольт Брехт задался вопросом: "Не будет ли проще для правительства распустить народ и выбрать себе другой?"^[301]. В последние тридцать лет Америка стала импортировать новый электорат - и сами республиканцы всецело поддерживают иммиграционную политику, которая обеспечивает приток голосов из стран "третьего мира" в демократический лагерь, а заодно ослабляет "республиканскую хватку", продемонстрированную коалицией Никсона-Рейгана.

В 1996 году республиканцы получили то, чего добивались. Шесть из семи штатов с наибольшим количеством иммигрантов - Калифорния, Нью-Йорк, Иллинойс, Нью-Джерси, Массачусетс, Флорида, Техас - проголосовали за Клинтона. В 2000 году пять штатов из семи голосовали за Гора, а Флорида принесла ничью. Из пятнадцати штатов с наибольшим количеством некоренного населения Буш проиграл в десяти. Однако из Десяти штатов с наименьшим количеством чужаков - Монтана, Миссисипи, Вайоминг, Западная Виргиния, Южная Дакота, Северная Дакота, Южная Каролина, Алабама, Теннесси, Арканзас - Буш одержал победу во всех десяти.

Среди штатов с наибольшим количеством иммигрантов только Техас считался настроенным прореспубликански, однако сегодня он идет по пути Калифорнии. В 1990-х годах Техас принял 3,2 миллиона новых жителей, а доля испаноязычного населения штата возросла с 25 до 33 процентов^[302]. Латинос сегодня составляют этническое большинство в четырех крупнейших городах Техаса - Хьюстоне, Далласе, Сан-Антонио, Эль-Пасо. "Белые англосаксы скоро станут в Техасе этническим меньшинством" - такой заголовок появился недавно в газете "Нью-Йорк Таймс"^[303]. Доля англосаксонского населения штата сократилось с 60 процентов в 1990 году до 53 процентов в 2000 году, поэтому и вправду недалек день, когда англосаксы вновь станут этническим меньшинством, как это было до Аламо. "Расчеты показывают, - утверждает в газете "Даллас Морнинг Ньюс", - что к 2005 году менее половины жителей Техаса будут белыми"^[304].

И Америка в целом движется вслед за Калифорнией и Техасом. "В 1960 году население Соединенных Штатов было на 88,6 процентов белым; в 1990 году доля белых составляла уже 75,6 процентов, то есть за тридцать лет мы наблюдаем сокращение на 13 процентов... К 2020 году доля белых сократится до 61 процента"^[305]. Так пишет Питер Браймлоу, эксперт журнала "Форбс". К 2050 году евроамериканцы, крупнейший и надежнейший республиканский электорат, станут в США этническим меньшинством - благодаря той самой иммиграционной политике, которую защищает Республиканская партия. Джон Стюарт Милль не так уж и ошибался, называя тори "партией глупцов"^[306].

Латинос - наиболее динамично прирастающий этнический фрагмент американского общества. В 1980 году их было 8,4 процента, в 1990 году - 9 процентов, в 2000 году - свыше 12 процентов. "Уровень рождаемости у представителей этой группы значительно выше, нежели у белых или чернокожих. По плодовитости они находятся на уровне бэби-бума 1950-х годов", - заявил Джеффри Пассел, статистик из Института урбанистических исследований^[307]. Сегодня латинос в США 35,4 миллиона человек, что примерно соответствует количеству афроамериканцев; и эта этническая группа в основном поддерживает демократов. Мистер Буш проиграл голосование по афроамериканским выборщикам в соотношении одиннадцать к одному, а его поражение у выборщиков латинос составило два к одному.

В 1996 году Клинтон заручился голосами латинос из расчета семьдесят к двадцати одному, причем для тех, кто голосовал впервые, это соотношение составило девяносто один к шести^[308]. Осознав, что иммигранты могут подарить монополию на Белый Дом теперь уже демократам, команда Клинтона активно взялась за натурализацию иммигрантов. За год, прошедший до 30 сентября 1996г., Служба иммиграции и натурализации зафиксировала в качестве новых граждан США 1 045 000 иммигрантов, причем лишь какое-то время спустя обнаружилось, что 80 000 из них имели судимости, а 6300 человек разыскивались полицией^[309]. Вот количество новых граждан США за последние пять лет:

19961 045 000

1997598 000

1998463 000

1999872 000

2000898 315^[310].

Третью новых граждан принимает Калифорния. В 1990-х годах ее население сократилось на сто тысяч белых, зато увеличилось на миллион латиносов^[311]. Сегодня 16 процентов электората Калифорнии составляют именно латиносы, и во время последних президентских выборов они фактически подарили Калифорнию Гору. "Члены обеих партий появились на церемонии регистрации выборщиков, - вспоминал консультант демократов Уильям Гаррик. - Тут стол демократов, там стол республиканцев. За нашим столом кипит работа. За их столом идет гульбище"^[312]. С пятьюдесятью пятью голосами Калифорния, родной штат Никсона и Рейгана, стала могилой республиканцев.

На референдумах голосование в Калифорнии также основывается на "этнических предпочтениях". В 1994 году латиносы под мексиканскими флагами выступили против поправки 187, которая лишала нелегальных иммигрантов социальной защиты. В 1996 году они голосовали за приоритет национальностей в референдуме по гражданским правам. В 1998 году их голоса позволили сохранить систему двуязычного обучения - несмотря на то что подавляющее большинство англичан голосовало против.

Рон Унц, инициатор референдума "Английский для детей", призванного покончить с двуязычной системой образования, полагает, что восстание 1992 года в Лос-Анджелесе может стать Рубиконом на дороге к балканизации Америки:

"Клубы дыма над горящими зданиями, бесстрастные телевизионные съемки, фиксирующие разрушения, практически уничтожили чувство социальной защищенности у среднего класса Южной Калифорнии. Счастливая Калифорния, в которой "есть место всему и всем", внезапно превратилась в суровую, жестокую дистопию... огромное количество латиносов, арестованных (а затем и депортированных) за грабеж, вынудило белых с настороженностью поглядывать на садовников и нянь, которые еще несколько недель назад казались им совершенно безобидными. Если "мультикультурный" Лос-Анджелес в одночасье превратился в хаос, на какую безопасность может рассчитывать белое меньшинство в стремительно латинизирующейся Калифорнии?"^[313].

Если не считать политических эмигрантов из таких стран, как Венгрия или Куба, иммигранты, как правило, поддерживают правящую партию. Причина проста: они получают от правительства больше - бесплатное образование для детей, субсидии на покупку жилья, медицинское обслуживание, - чем платят налогов. Прибывая почти нищими, они несомненно обретают такие доходы, налоги с которых составляли бы существенную часть федеральных сборов. Так что зачем иммигранту поддерживать республиканцев, снижающих налоги, которые он все равно не платит? Он безусловно поддержит демократов, развивающих социальные программы по улучшению жизни иммигрантов.

После острова Эллис большинство иммигрантов направляется в штаб-квартиру Демократической партии. Лишь с переходом в средний класс некоренные американцы

начинают "обращаться в республиканскую веру". Эта трансформация растянется, по прогнозам, на два поколения. Натурализуя и регистрируя от полумиллиона до миллиона иммигрантов в год, демократы фактически обеспечили себе победу на президентских выборах на годы вперед. Если республиканцы не предпримут никаких мер, массовая иммиграция приведет к устранению Республиканской партии с политической арены - к превращению ее в политическое меньшинство, представляющее интересы нового этнического меньшинства - евроамериканцев.

Вместе с этническими пропорциями внутри страны изменяется и американская политика. Нарастающая иммиграция, естественно, оказывается на руку левым и приводит их к власти. Быстро расширяющийся электорат латинос и чернокожих уже вынудил Республиканскую партию отозвать предложения о снижении расходов на социальные нужды. В 1996 году республиканцы собирались ликвидировать Министерство образования. Сегодня они призывают к укрупнению этого Министерства. Чем выше уровень "латинской" иммиграции, тем важнее голоса латинос в "ключевых" штатах, тем большее значение они сами приобретают для Америки. В 2000 году АФТ-КПП, выступавшая против массовой иммиграции, вдруг опомнилась и предложила объявить амнистию нелегальным иммигрантам - в надежде заполучить в свои ряды миллионы новых членов, исправно платящих членские взносы. А администрация президента Буша в своих политических решениях и назначениях внимательно прислушивается к пожеланиям латинос, зачастую - в ущерб консерваторам.

АМЕРИКАНСКИЙ КВЕБЕК?

Экономист из Гарварда Джордж Борхас, изучавший экономический характер массовой иммиграции, не обнаружил никакого положительного экономического эффекта в поощрении миграции в США. Дополнительные расходы на обучение, на социальное обеспечение и даже на тюрьмы (куда попадает энное количество иммигрантов) плюс дополнительная нагрузка на землю, воду и энергетические ресурсы - все это ни в коей мере не перекрывается поступлениями от налогообложения иммигрантов. Национальное бюро экономических исследований оценило в 1995 году стоимость иммиграции в 80,4 миллиарда долларов^[314]. Экономист Дональд Хаддл из университета Райе подсчитал, что к 2006 году среднегодовой расход на иммиграцию составит 108 миллиардов долларов^[315]. Чем же можно оправдать подобные расходы и какова польза от иммигрантов, раз уж мы почти сознательно идем на балканизацию Америки?

Перепись 2000 года подтвердила предположения многих. Впервые с момента образования штата белые в Калифорнии оказались этническим меньшинством. Началось "белое бегство". В 1990-х годах население Калифорнии увеличилось на три миллиона человек, однако англосаксонское население штата "сократилось почти на полмиллиона... что удивило многих статистиков"^[316]. Округ Лос-Анджелес потерял 480 000 белых, а республиканский оплот округ Орандж - 6 процентов своего белого населения. "Мы больше не можем претендовать на роль штата, где преобладают белые представители среднего класса", - заявил Уильям Фултон, исследователь из Научного центра Южной Калифорнии^[317]. А государственный библиотекарь Кевин Старр рассматривает "испанизацию" Калифорнии как естественный и неизбежный процесс:

"Англосаксонская гегемония была промежуточной фазой для Калифорнии, в которой самосознание населения стоит наподобие арки - от первого появления испанцев до сегодняшнего возвращения к истокам. Испанская культура Калифорнии существовала всегда, просто в период между 1860-ми и 1960-ми годами она находилась под спудом. Сегодня

происходит возрождение исконной Калифорнии, которая на самом деле является частью глобального калифорнийско-мексиканского континуума"^[318].

Будущее вполне предсказуемо. При том, что каждый год Калифорнию покидает сотня тысяч англосаксов, при том, что азиатское население штата за десять лет возросло на 42 процента, при том, что 43 процента всех нынешних калифорнийцев моложе восемнадцати лет испаноязычны по рождению, крупнейший американский штат трансформируется в штат "третьего мира"^[319].

Никто пока не знает, во что все это выльется, однако Калифорния вполне может стать еще одним Квебеком и потребовать признания ее уникальной "испанской" культуры, вплоть до отделения, - или новым Ольстером. Партия Шинн Фейн добилась от Дублина существенных уступок, а мексиканские американцы могут потребовать от правительства США особого статуса Калифорнии, двойного гражданства и права голосовать по мексиканским законам. Президент Мексики Фоке разделяет и одобряет эти идеи, Поскольку Калифорния предоставляет 20 процентов голосов американских выборщиков и поскольку исход голосования в Калифорнии определяют латинос, какой кандидат в президенты США рискнет проигнорировать эти требования?

"Я счастлив объявить, что мексиканский народ распространился за пределы рубежей государства и что весьма значительную роль в этом сыграла иммиграция",- заявил президент Седильо^[320].Его преемники высказывали сходные мысли. Кандидаты в президенты Мексики проводят избирательные компании в США среди мексиканской диаспоры. Губернатор Грэй Дэвис подумывает над объявлением пятого мая - в этот день в 1862 году Хуарес одержал победу над французской армией у Пуэблы - официальным праздником штата. "В ближайшем будущем,- говорит Дэвис,- люди станут воспринимать Калифорнию и Мексику как единую солнечную территорию"^[321].И называться, продолжим мы, она будет Ацтланом.

Нынешняя Америка уже не то "двухрасовое" государство 1960-х, которое стремилось стереть этнические различия в обществе, где преобладание белого населения составляло 90 процентов. Сегодня мы имеем дело с "мультирасовой", мультикультурной и мультиэтнической страной. Вице-президент Гор уловил это преобразование; недаром он в своем знаменитом выступлении перевел национальный лозунг "E Pluribus Unum" как "Из одного - многие"^[322].

В США сегодня проживают 28,4 миллиона некоренных американцев. Половина из них - иммигранты из Латинской Америки и стран Карибского бассейна, четверть - из Азии; остальные - иммигранты из Африки, Ближнего Востока и Европы. Один из каждых пяти жителей Нью-Йорка или Флориды - некоренной американец, так же как и каждый четвертый из калифорнийцев. При 8,4 миллиона человек некоренного населения и при том, что в штате 31 минувшие десять лет не построено ни одной новой электростанции, неудивительно, что Калифорния регулярно испытывает проблемы с электроснабжением. С учетом бесконечной иммиграции Америке требуется бесконечное наращивание энергетических ресурсов - гидроэнергетики, ископаемого топлива (нефть, уголь, бензин) и атомной энергетики. Единственная альтернатива - временное отключение света целых городах и регионах, строжайшая экономия, очереди у бензоколонок...

В 1990-х годах иммигранты и их дети обеспечили все 100 процентов прироста населения в штатах Калифорния, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Иллинойс и Массачусетс, а также свыше пятидесяти процентов прироста населения в штатах Флорида, Техас, Мичиган и

Мэриленд^[323]. Поскольку Соединенные Штаты выдают иммиграционные разрешения большинству ближайших родственников иммигрантов, европейцам попасть к нам становится затруднительно, зато на нашей территории все чаще оказываются, к примеру, целые деревни из Сальвадора.

Результат нарастания иммиграции из стран "третьего мира" может предоставить статистика. Средний возраст евроамериканца – 36 лет, средний возраст латинос – 26 лет. Средний возраст всех некоренных американцев – 33 года, что значительно ниже остальных этнических групп Америки; например, для англосаксов этот показатель составляет 40 лет, а для ирландцев и шотландцев – 43 года. Отсюда возникает вопрос: депортируя ежегодно от силы 1 процент от одиннадцати миллионов нелегальных иммигрантов, не нарушает ли правительство США своей конституционной обязанности защищать права американцев?^[324] Судите сами:

- треть легальных иммигрантов, прибывающих в США, не имеют полного среднего образования. Около 22 процентов не имеют даже неполного среднего образования – в сравнении с 5 процентами коренных американцев;^[325]
- свыше 36 процентов от общего числа иммигрантов и 57 процентов иммигрантов из Центральной Америки не зарабатывают двадцати тысяч долларов год. Среди иммигрантов, прибывших в США после 1980 года, 60 процентов до сих пор не зарабатывают этой суммы;^[326]
- 29 процентов иммигрантских семей находятся за чертой бедности, что вдвое превышает число таких семей среди коренных американцев;^[327]
- иммигранты пользуются бесплатной раздачей продуктов по программе социальной безопасности и программе школьного питания в 100 случаях из ста, тогда как коренные американцы – максимум в пятидесяти случаях из ста;^[328]
- по оценке Министерства труда пятьдесят процентов потерь реальной заработной платы американских граждан с низким уровнем доходов приходится на иммигрантов;^[329]
- по статистике 1991 года некоренные американцы совершили 24 процента всех преступлений в Лос-Анджелесе и 36 процентов всех преступлений в Майами;^[330]
- в 1980 году в федеральных тюрьмах и тюрьмах штатов находилось девять тысяч преступников из числа некоренных американцев. К 1995 году эта цифра возросла до пятидесяти девяти тысяч, причем сюда не включены преступники, успевшие стать гражданами США, и криминальные элементы, высланные Кастро с Кубы;^[331]
- между 1989 и 1994 годами количество нелегальных иммигрантов в тюрьмах Калифорнии утроилось – с пяти тысяч пятисот до восемнадцати тысяч человек.^[332]

Легко заметить, что в приведенных выше статистических сводках не упоминаются переселенцы из Европы и что ряд показателей, например низкий образовательный уровень, неприменим к выходцам из Азии.

Тем не менее массовая иммиграция из стран "третьего мира" продолжается, поскольку "приносит пользу бизнесу", в особенности такому, где используется большое количество рабочих рук за мизерную плату. Весной 2001 года Комитет политических действий в бизнесе (BIPAC) распространил "мобилизационные повестки для простых людей"^[333]. По сведениям "Уолл-Стрит Джорнел", 400 высокотехнологичных компаний и 150 торговых ассоциаций "призывают к нормализации отношений и торговле с Китаем... и ослаблению иммиграционного

законодательства для обеспечения потребности в рабочих руках"^[334]. Но то, что хорошо для Америки корпоративной, отнюдь не обязательно будет хорошо для американской глубинки. Когда речь заходит об открытии границ, корпоративные и национальные интересы не то что не совпадают – вступают в резкое противоречие друг с другом. Если американская экономика впадет в затяжную рецессию, мы узнаем, остается ли наша страна по-прежнему "плавильным тиглем народов".

Впрочем, массовая иммиграция ставит куда более серьезные вопросы, нежели рабочие места или зарплаты. Решается, ни много ни мало, судьба Америки как государства.

ЧТО ТАКОЕ НАЦИЯ?

Большинство людей, покидающих родные края и перебирающихся в Америку, будь они из Мексики или из Мавритании, суть люди достойные, никак не преступники. Они приезжают к нам в поисках той самой "лучшей жизни", которую искали наши европейские предки. Они приезжают работать, они подчиняются нашим законам, они радуются свободе и возможностям, которые перед ними открываются; большинство любит Америку, многие хотят обзавестись американскими семьями. Таких людей можно встретить повсюду. Однако нарастающее количество иммигрантов из стран, культура которых имеет мало общего с американской, поднимает вопрос – что такое нация?

Некоторые определяют нацию как народ, объединенный общим происхождением, языком, литературой, историей, героями, традициями, обычаями, установлениями и верой, как народ, который жил с незапамятных времен на конкретной территории. Таково "почвенническое" представление о нации. Среди тех, кто поддерживал это представление, был государственный секретарь Джон Куинси Адамс, установивший следующие правила для иммигрантов: "Они должны сбросить свои европейские шкуры и больше их не надевать. Они должны смотреть вперед и думать о потомках, а не о предках"^[335]. Теодор Рузвельт, выступавший против "ура-американизма", как кажется, разделял воззрения Адамса. Вудро Вильсон, выступая в 1915 году в Филадельфии перед натурализованными иммигрантами, вторил Теодору Рузвельту: "Человеку, причисляющему себя в Америке к конкретной этнической группе, еще только предстоит стать американцем"^[336]. Идея об американцах как особом народе впервые была высказана Джоном Джемсом в "Федералисте 2":

"Провидение соблаговолило одарить эту чудесную землю единым народом – происходящим от одних и тех же предков, говорящим на одном и том же языке, исповедующим одну и ту же веру, приверженным одним и тем же принципам управления, схожим в манерах и традициях, готовым объединять усилия и с оружием в руках сражаться в ожесточенной и кровопролитной войне во имя благородных целей свободы и независимости"^[337].

Правда, кто сегодня назовет американцев "единым народом"?

Мы приходим от разных предков. Мы больше не говорим на одном языке. Мы не привержены одной вере. Мы уже не просто католики, протестанты и иудеи, как характеризовал американское общество социолог Уилл Херберг в своем "Исследовании американской религиозности" (1955)^[338]. Мы теперь – протестанты, католики, иудеи, мормоны, мусульмане, индуисты, буддисты, дао-синтоисты, поклонники Сантерии, "нью-эйдж", вуду, агностики, атеисты, гуманисты, растафари и сатанисты. Даже упоминание имени Христа во время инаугурационной церемонии дало повод покритиковать мистера Буша за "неуважение чувств

верующих" и "пренебрежение к другим конфессиям"^[339]. Журнал "Нью Рипаблик" высмеял "церковников, проповедующих с президентского по'моста"^[340]. Мы не можем найти согласия во всем – существует Бог или нет, когда зародилась жизнь, что этично, а что неэтично... Мы больше не едины "в манерах и традициях". Мы не сражаемся бок о бок в "ожесточенной и :кровопролитной войне". Золотое поколение давно сошло со сцены. Для остальных же такой войной является Вьетнам, а по отношению к нему о единении общества не было и речи.

Да, мы по-прежнему "привержены одним и тем же принципам управления". Однако этого недостаточно, чтобы сохранить единство нации. Юг придерживался Тех же принципов управления, что и Север, но это не помешало южанам четыре года подряд воевать за независимость от северян.

В своей инаугурационной речи президент Буш фактически опроверг слова Джона Джея; "Америка никогда не знала единства по крови или по земле. Нас объединяют идеалы, заставляющие стремиться все к новым свершениям. Именно они учат нас тому, что значит быть американским гражданином"^[341], В своей книге "Разобщение Америки" Артур Шлезингер поддерживает президентскую идею нации, объединенной верой в "американскую мечту", как явствует из нашей истории и величайших документов США – Декларации независимости, конституции и Геттисбергской речи. Шлезингер пишет:

"Американский народ есть нация, состоящая из людей, которые добровольно сделали этот выбор; она вовсе не основана на этнических сообществах. Наши ценности – отнюдь не причуды и не результат случайного стечения обстоятельств. Нам дала их история. Они выстраданы нами, они зафиксированы в нашем житейском опыте и наших величайших документах, в наших традициях и обычаях. Наши ценности работают на нас, и поэтому мы живем с ними и готовы за них умереть"^[342].

Но сегодня у американцев не осталось общих ценностей, общей истории и общих героев. То, что для половины Америки является героическим прошлым, для другой половины есть постыдные воспоминания. Колумб, Вашингтон, Джефферсон, Линкольн и Ли – все герои Америки и все сегодня подвергаются нападкам. Привычные слова "свобода" и "равенство", как кажется, употребляются ныне в совершенно разных значениях. Что же до "величайших документов", Верховный суд показал, что толковать конституцию можно по-всякому: его решения не объединяют, а разъединяют американцев, разъединяют везде и во всем – от утренних молитв до отношения к абортам и порнографии.

Одной веры в демократические принципы также недостаточно, чтобы сохранить нацию. Половина населения страны не принимала участия в президентских выборах 2000 года; трое из каждых пяти человек не голосуют вообще. Миллионы не в состоянии вспомнить имена их конгрессменов, сенаторов или судей Верховного суда. Они даже не пытаются эти имена запоминать.

Как бы то ни было, нужно считаться и еще с одним фактором, а именно -с тем, что ни одна современная нация, в любом смысле этого слова, не похожа на себя саму периода 1940, 1950 и 1960-х годов. Мы живем в той же стране, нами правят те же лидеры, но как нация мы стали совершенно другими.

В это трудно поверить, не менее трудно признать тот факт, что каждый год к нам прибывает миллион иммигрантов из всех стран, причем треть из них проникает нелегально; вряд ли этот приток способен заново объединить нацию. Джон Стюарт Милль предостерегал, что

"установления свободы почти невозможны в стране с разными национальностями. Среди людей, лишенных чувства близости, особенно если они говорят и читают на разных языках, невозможно наличие согласованного общественного мнения необходимого для деятельности правительства"^[343].

Похоже, мы на собственном опыте убеждаемся сегодня в правоте Милля

Глава 7. ВОЙНА ПРОТИВ ПРОШЛОГО

Чтобы уничтожить народ, нужно отделить его от корней^[344].
Александр Солженицын

Как можно отделить народ от его корней? Ответ прост - уничтожить память. Лишить людей знания о том, кто они такие и откуда взялись.

"Если мы забудем, что сумели сделать, мы не будем знать, кто мы такие,- произнес Рональд Рейган в своем прощальном обращении к американскому народу.- Я предостерегаю вас от... забвения нашего славного прошлого, которое может привести, в конце концов, к исчезновению самого духа Америки"^[345].

В средние века Оттоманская империя ввела на христианских Балканах кровавый налог - турки забирали одного мальчика из каждых пяти. Лишенные родительской заботы, эти мальчики воспитывались в мусульманской вере, из них растили элитных воинов-янычар, которых затем посылали захватывать и угнетать тех самых людей, что произвели их на свет. В современном государстве формула стирания памяти основана на лозунге Старшего Брата у Оруэлла: "Кто управляет прошлым, управляет будущим. Кто управляет настоящим, управляет прошлым"^[346].

Уничтожьте записи о прошлом народа, оставьте его жить в невежестве относительно деяний предков - и опустевшие сосуды душ легко будет заполнить новой историей, как это описано в "1984". Развенчайте народных героев - и вы деморализуете целый народ. Борьба за независимость Ирландии сильно осложнилась после того, как выяснилось, что великий Чарльз Стюарт Парнелл жил в незаконном союзе с женой некоего капитана О'Ши. На бейсболе крайне негативно отразился скандал 1919 года, когда популярный игрок популярной команды "Блэк Соск" Босой Джо Джексон был пойман на месте преступления: он воровал деньги у товарищей по команде. Тот чемпионат его команда проиграла. Глубину разочарования показывает возглас какого-то паренька с трибун: "Ну скажи, что это не так, Джо!"

"Новое большинство" Ричарда Никсона развалилось после Уотергейта и отставки президента и вице-президента. Успех противников Никсона, добившихся его ухода, стал архетипом политики "индивидуального уничтожения", суть которой состоит в устранении со сцены того или иного политического движения через компрометацию его лидеров. На сегодняшний день подобная практика является стандартом американской политики.

Культурные марксисты это прекрасно понимали. Их критическая теория была прототипом политики индивидуального уничтожения. Последняя ориентируется на политических лидеров, а первая направлена на целый народ и на его прошлое. По большому счету, она представляет собой "теоретический аналог" осквернения могил вкупе с некрофилией.

Многие организации, в "ведении" которых ныне находится прошлое Америки, действуют по принципу оруэлловского министерства правды: спустить в "дырку в мыслях" патриотические истории о славном прошлом Америки и сфабриковать новые "байки", повествующие о ее преступлениях и грехах, превращающие то, что мы любили, в предмет ненависти, то, чему мы поклонялись, делающие постыдным, если не сказать презируемым. Многие герои былого пали под тяжкой поступью Новой Истории. Конечная цель - уничтожить патриотизм, искоренить любовь к стране, деморализовать народ, де-конструировать Америку. История больше не будет вдохновлять нас, наоборот, она поделит американцев на детей жертв и детей злодеев из прошлого Америки.

Любовь ребенка к своей матери возникает в силу человеческой природы, а вот любви к своей стране необходимо учить. Только обучаясь, ребенок узнает о своем народе и о стране, в которой ему выпало родиться и жить. Для тех, кто родился перед Второй Мировой войной, любовь к стране была вполне естественной. Радио, кинематограф, газеты, комиксы, разговоры на улицах и в домах - никто и нигде не осуждал проявлений патриотизма. Мы были добры и доверчивы - пока не произошло внезапное нападение на Перл-Харбор. Многие американцы погибли вместе с флотом, другие полегли на поле смерти у Батаана. А теперь мы платим японцам той же монетой.

В те годы людей объединял некий дух, которого, увы, не воскресить. Мы действительно были одной нацией, одним народом. И не то чтобы Вторую мировую войну не осуждали! Нет, вечерами можно было услышать из "затемненных" окон всякие разговоры и вопросы: будут ли немцы бомбить Вашингтон, разумно ли помогать Сталину, кто лучше и достойнее - Эйзенхауэр или Макартур, что стоит за "продажей" Польши и кто несет ответственность за нашу полную неготовность к налету на Перл-Харбор. Сегодня, впрочем, Вторую мировую войну принято называть "Доброй войной"; это одно из немногих событий в нашей истории, на значимость которого не покушаются ревизионисты. Можно оспаривать мудрость тех или иных тактических решений, но стратегию не оспорит никто: ведь наши враги были земными воплощениями дьявола, а мы воевали на стороне Бога.

В Корее было иначе. Это была война "расколотои нации" - Америки Трумэна. Но в отличие от Вьетнама ни один патриот не заявлял, что северные корейцы и китайские коммунисты могут оказаться правы, а США могут ошибаться. Инакомыслие было инакомыслием генерала Брэдли: "неправильная война в неправильном месте и в неправильное время, да и враг неправильный..."^[347]

С приходом к власти Эйзенхауэра завершилась и война в Корее, и досужие рассуждения относительно "сговора в Ялте" и "утраты Китая", равно как и началась новая "эра добрых чувств", продлившаяся до 22 ноября 1963 года. После убийства президента Кеннеди контркультура принялась подрывать американское наследие, демифологизировать историю Америки и умялять ее героев. При содействии масс-медиа контркультура не оставила без своего внимания ни одно событие, ни одного персонажа. Мы выросли в эпоху доверия. Мы стареем в эпоху неверия, вяло отмахиваясь от грохота барабанов контркультуры, не приемлющей перемирий.

ПРЕЖНЯЯ ИСТОРИЯ

Еще не так давно каждый американский ребенок знал имена всех величайших путешественников - Магеллана, Васко да Гамы, Кортеса, Генри Гудзона, а величайшим из всех по праву считался Колумб, открывший Америку во время одной из самых выдающихся экспедиций в истории человечества. С него начинались все наши учебники истории. В католических школах детям рассказывали о французских и испанских путешественниках и

миссионерах, о североамериканских святых наподобие Исаака Жокее, миссионера у ирокезов, забитого насмерть томагавками поблизости от Олбени. А затем переходили к Джону Смит и Джеймстауну, отцам-основателям и Плимутроку.

Далее наши учебники истории перепрыгивали через сто пятьдесят лет - к французской и индейской войнам, конгрессу гербового сбора, бостонской резне и бостонскому чаепитию, к "Дайте мне свободу или смерть", Банкер-хиллу, Декларации независимости, Вэллн-Фордж, к "Мне жаль, что у меня только одна жизнь, которую я могу отдать за свою страну", Бенедикту Арнольду, Саратоге и сдаче Корнуоллиса в Йорктауне.

Американская история шествовала от триумфа к триумфу. Англичане сожгли Белый Дом, но Долли Мэдисон спасла картины. Наши люди держались "ночь напролет" во время бомбардировки форта Макгенри, а Энди Джексон оплатил англичанам той же монетой под Новым Орлеаном. Затем настал черед Аламо, где Крокетт и тexasские герои отказались сдаться и пали все до единого под мексиканскими штыками. Никто еще не говорил, что Америка что-то там украла, все разговоры начались уже после Аламо. В 1950-е годы на Америку обрушилась мания - все сходили с ума от Дэйви Крокетта; был снят фильм, поставлено телешоу и даже сочинена песня о "короле дикого фронта". В фильме о Крокетте снялся актер Фесс Паркер; эта роль сделала его знаменитостью. Мальчишки расхаживали по улицам в енотовых шапках, ради которых енотов истребляли столь рьяно, что поголовье этих животных резко сократилось. Рок-звезда Джонни Хортон исполнил "Битву при Новом Орлеане"

Джимми Дрифтвуда: [\[348\]](#)

Вдоль Миссисипи к славе
Нас вел полковник наш;
Пускай в желудке пусто,
Но полон патронташ.
Греми же, барабан -
Британцам наподдали
И взяли Орлеан!

В разделах учебников, посвященных гражданской войне, Ли и Джексон изображались отважными солдатами и благородными людьми. Марш Шермана к морю считался черной страницей истории. Реконструкция признавалась жестокой необходимостью - в конце концов, южане тоже были американцами, храбро сражались и потому заслужили достойного обращения. Песенка "Дикси" была популярнее "Боевого гимна республики". Линкольн - герой, в его честь даже ввели праздник. Он спас Союз и освободил рабов - чтобы погибнуть от руки Джона Уилкса Бута, и его смерть стала одной из величайших трагедий в американской истории. Честный Эйб никогда не допустил бы реконструкции - так нас учили.

После гражданской войны шло покорение Запада. Пионеры - мужчины, женщины, дети - пересекали прерии, не обращая внимания на дурную погоду и постоянные наскоки индейцев. Генерал Кастер со своим Седьмым кавалерийским полком был героем этого периода - во всяком случае, так мы полагали, насмотревшись "Они умирали в сапогах" с Эрролом Флинном и Рональдом Рейганом. Еще в это время бесчинствовали "бароны-разбойники", которые грабили поезда и банки до тех пор, пока не столкнулись с великолепным Тедди Рузвельтом. Герой высоты Сан-Хуан построил также Панамский канал, чудо американской инженерной мысли. В те дни работали Эдисон, братья Райт и Александр Грэхем Белл; кстати сказать, американцы изобрели очень многое из того, что вообще следовало изобретать.

Затем началась Первая Мировая война, и президент Вильсон отправил наших парней "делать мир пригодным для демократии". Ведомые генералом Першингом, имея перед собой образец

воинской доблести в лице сержанта Йорка, мы победили Германию, которая развязала войну, торпедировав наши корабли. Вскоре Япония предательски атаковала наш флот в Перл-Харборе. Поэтому нам пришлось снова взяться за оружие и покончить с Муссолини и Гитлером; впрочем, в католических школах учили, что Сталин был ничуть не лучше этих двоих. В школе Святого причастия, которую посещал автор этих строк, не упоминалось ни о каком Народном фронте. Потом нам пришлось спасать мир от "атеистического коммунизма". В конце дневной мессы мы возносили молитву об обращении России - позднее ее заменила молитва о мире.

Разумеется, приведенная выше сводка никак не может считаться "аннотированным изложением" американской истории. Однако она подтверждает следующее: у Америки славная история, куда более великая, нежели у любого другого современного государства и даже у любой республики минувших лет. Бывали ли ошибки, причиняли ли мы кому-либо урон? Безусловно. Иначе не бывает и быть не может. Однако побед в истории Америки гораздо больше, чем поражений и черных пятен, поэтому не стоит рассказывать восьмилетним детишкам о Форт-Пиллоу или амурных делишках Уоррена Хардинга и Джона Ф. Кеннеди.

Американские общеобразовательные школы призваны воспитывать граждан и патриотов, которые смогут защитить в случае необходимости свою страну. Эти школы должны научить детей любви к Америке. Ребенок читает биографии, исторические и художественные произведения и стихотворения, слушает песни, рассматривает картины, изображающие эпизоды нашего славного прошлого, - и в нем растет патриотизм. Чем сильнее любовь к стране, тем острее желания навсегда остаться ее частичкой, жертвовать собой во имя своей страны, даже умирать за нее, если понадобится, защищать ее народ как собственную семью.

В Новом Завете Христос предрекает адские муки тем, кто погубит веру в душах юных: "Лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели чтобы он соблазнил одного из малых сих"^[349]. Однако сегодня американских детей лишают наследства, отнимают у них право знать замечательную историю их страны. В "Разобщении Америки" Артур Шлезингер цитирует одного из персонажей романа Милана Кундеры "Книга смеха и забвения":

"Первый шаг в ликвидации народа - это стирание памяти. Уничтожьте его книги, его культуру, его историю. Потом попросите кого-нибудь написать новые книги, сфабриковать новую культуру, изобрести новую историю. Вскоре народ начнет забывать, кто он и кем он был"^[350].

Другой персонаж добавляет: "Борьба человека с властью есть борьба памяти против забвения"^[351]. Именно такую борьбу, такую войну ведет прежняя Америка с культурной революцией. Но только взгляните на то, что уже успело натворить министерство правды с нашими героями и нашей историей!

ПРОЩАЙ, КОЛУМБ!

В трехсотую годовщину открытия Америки (1792) нью-йоркский Королевский колледж был переименован в Колумбийский, а округ, в котором находится столица Америки, получил название округ Колумбия. В 1882 году в честь "пророка... орудия Божественного Провидения" ирландские католики организовали Орден Колумба^[352]. Мы сызмальства знаем того Колумба, которого видели в "Адмирале океанов", однако, как написал обозреватель "Нью-Йорк Ревью оф Букс" Гарри Уилле:

"...ближе к пятисотлетнему юбилею открытия Америки произошла забавная вещь... Колумба подправили. Индейцы ожидали его прибытия. Он явился, можно сказать, с извинениями - и то некоторые сочли, что этого недостаточно... Иными словами, он пришел, чтобы опозориться"^[353].

"Завоевание рая" Киркпатрика Сейла и "Колумб: осквернение рая" Йэна Кэрю обвиняют великого путешественника в том, что он "принес в Америку рабство и насадил на континенте беззаконие и расизм"^[354].

. ООН отменила празднование в честь юбилея открытия Америки, а Национальный совет церковей обратился к верующим с призывом не отмечать годовщину этого события, поскольку итальянский мореплаватель виновен в распространении на Американском континенте "геноцида, рабства, экоцида и эксплуатации"^[355]. Обозреватель газеты "Нью-Йорк Таймс" Джордж Самуэли писал:

"В 1992 году юбилей трансатлантической экспедиции Христофора Колумба прошел почти незамеченным и практически нигде в Америке не отмечался; нация дружно осуждала своим молчанием жестокость, алчность и дикость европейцев, пятьсот лет назад ступивших на эти берега"^[356].

В 2000 году на параде в Денвере американцы итальянского происхождения решили поднять знамя с изображением Колумба, радикальные члены Движения американских индейцев пригрозили им физической расправой. Ветеран этого движения Рассел Мине утверждает, что в сравнении с Колумбом "Гитлер выглядит малолетним преступником"^[357]. Шагая в ногу с прогрессом - как его понимает культурная революция,- университет Беркли, штат Калифорния, переименовал День Колумба в День аборигенов^[358].

Демонизация великих испанских путешественников и конкистадоров, представление их такими исчадиями ада, расистами и убийцами стали почти повсеместным явлением. Говорится, что Америка была не "открыта", а завоевана европейцами, уничтожившими исконную индейскую цивилизацию. Кортес сжег корабли и отправился в переход по суше с горсткой солдат - это был, оказывается, культурный геноцид миролюбивых аборигенов. При этом как-то забывается, что ацтеки и сами были чужими в этих краях, что они покорили местное население и превратили его в своих рабов, что они приносили человеческие жертвы Уитцилопочтли, богу солнца и войны. И не очень понятно, кстати, что разумеется под определением "культурный геноцид"? Когда европейцы появились в обеих Америках, в Северной и в Южной, многие индейские племена практиковали каннибализм - и ни одно племя не изобрело колеса!..

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Теперь настал черед отцов-основателей. Пять из первых семи наших президентов, исключая лишь Адамсов, были рабовладельцами. Джефферсон, несмотря на громкие слова о "равенстве всех людей" в Декларации независимости, владел рабами до конца своих дней. Можно также вспомнить его обращение с Салли Хе-мингс, с которой он прижил детей, но отказался их признать. Вашингтон также был рабовладельцем и участвовал в величайшем позоре в истории США, равно как и Мэдисон. Аболиционист Уильям Ллойд Гаррисон был совершенно прав, утверждая, что конституция Мэдисона есть "соглашение со смертью и договор с преисподней"^[359]. В результате гнусной сделки, закрепившей это конституционное

соглашение, рабы считались двумя третями "полноценных", то есть свободных, людей. Что касается Эндрю Джексона, Крепкий Орешек, как его называли, являлся, по мнению историка Роберта Новака, "убийцей, демагогом, мерзавцем, расистом и коррупционером до мозга костей, виновным в геноциде индейских племен"^[360].

Насколько наше министерство правды преуспело в формировании отношения американцев к прошлому нашей страны? Когда наши родители были молоды, 89 процентов американских мужчин и 94 процента женщин считали Америку величайшим государством на планете^[361]. Сегодня лишь 58 процентов американцев определяют США "как лучшую страну в мире" и лишь 51 процент американок согласны с ними^[362].

Доктор Дэвид Игли, обозреватель журнала "Фронт-пейдж", рассказывает о том, как новая антиистория

убивает любовь к своей стране в душах молодых. Игли, сам по происхождению из команчей, вел занятия по социальной психологии в государственном университете Оклахомы; на занятии развернулась горячая дискуссия по поводу того, что такое патриотизм и что значит быть американцем. И вдруг красивая белая девушка заявила следующее:

"Послушайте, доктор Игли, я не вижу, чем мы могли бы гордиться. Ничего сколько-нибудь достойного – ни в культуре, ни в народе вообще... Вот ваша культура, традиции американских индейцев – это совсем другое, это просто замечательно. Вам есть, чем гордиться. А нам... Я ничуть не горжусь тем, как возникла нынешняя Америка"^[363].

Доктор Игли комментирует: "Признаться, я не был сильно удивлен. Я общался с главой факультета американской истории в нашем университете... и сразу узнал в словах этой девушки его манеру выражаться. Она посещала его лекции – с вполне предсказуемым результатом"^[364]. Тем не менее Игли потрясло молчание аудитории, которая молча проглотила оскорбление, брошенное этой девушкой в лицо американскому народу. Кстати сказать, никакая индеанка не посмела бы заявить чего-либо подобного в присутствии мужчин своего племени.

Те, кто стремился переписать историю Америки, потрудились, надо признать, на совесть.

Сравним отклики на один из наиболее популярных фильмов 2000 года – "Патриот".

Мел Гибсон играет Бенджамина Мартина, героя французской и индейской войн, отца семерых детей, не желающего принимать какое бы то ни было участие в революции. Однако когда злобный английский офицер убивает на глазах у Мартина его сына-подростка, а старшего сына-героя арестовывают за неповиновение и собираются казнить, отец семейства вновь берется за оружие. Действие происходит в Южной Каролине, персонаж Гибсона списан с Фрэнсиса Мэриона, Болотного лиса, и со знаменитого партизана той поры Дэниэла Моргана. А прототипом злобного англичанина послужил печально известный полковник Банастр Тарлтон.

Критиков разгневали две пафосные и запоминающиеся сцены. В первой Мартин, бессильно наблюдавший за тем, как англичанин хладнокровно убивает его сына, велит, когда враги уходят, двум другим своим сыновьям, тринадцати и десяти лет, взять мушкеты и следовать за ним. Они нападают на английский патруль, точнее, расстреливают его из засады, а последнего вражеского солдата Мартин добивает томагавком. Тем самым они мстят за смерть одного из сыновей Мартина и освобождают другого, которого вели на казнь. Во второй :цене мстью

наслаждается уже английский офицер. Согнав десятки земляков Мартина в деревенскую церковь, он приказывает забаррикадировать двери снаружи и поджечь строение.

После просмотра "Патриота" некоторые критики разъярились сильнее, нежели Мартин после убийства его сына. "Это фильм не имеет ни малейшего отношения к подлинной истории,- заявил Джеймс Верньер из "Бостон Геральд".- Это дешевая поделка, сплошная реклама"^[365].Спрашивается, чем плоха реклама патриотизма?

"Фильм перенасыщен пафосом и сентиментальностью,- утверждает Энн Хорнадей из "Балтимор Сан".- Он такой же слащавый, как "Четвертое июля". Более того, он куда более бесчестен и разрушителен, чем что-либо, созданное ранее воображением Оливера Стоуна"^[366].Разрушителен для кого? Помнится, Стоун всячески давал понять, что ЦРУ, армия США и Линдон Джонсон причастны к убийству Джона Ф. Кеннеди...

Кинорежиссер Спайк Ли вышел из просмотрного зала, кипя от негодования. Его письмо в "Голливуд Репортер" заслуживает того, чтобы процитировать достаточно длинный отрывок, который как нельзя лучше характеризует настроения современной культурной элиты:

"Вместе с миллионами американцев я отправился смотреть "Патриота" - и вместе со всеми остальными не могу сдержать ярости. Это фильм есть не что иное, как откровенная, неприкрытая пропаганда, полное искажение истории, ее подчистка, ее ревизия...

Почти три часа этот фильм ходит вокруг да около, старательно игнорируя и опуская любые упоминания о рабстве...

Америка вознеслась на геноциде исконных жителей Американского континента и на порабощении африканцев. Отрицать это означает преступать закон..."^[367]
В своем гневном послании Ли признается, что с трудом удержался от того, чтобы не закричать на весь зал: "Вранье!" Он нападает на сценариста Роберта Родарта, который не стал делать персонажа Гибсона рабовладельцем и не ввел хотя бы пары эпизодов с индейцами в фильм об американской революции. "Где они? Неужели их уже извели два Джона - Форд и Уэйн?" А финальную сцену, когда Бенджамин Мартин поднимает американский флаг с тринадцатью звездами и бросается на английских солдат. Ли и вовсе называет "потешной".

Письмо Ли так и сочтется яростным антиамериканизмом - США вознеслись на "геноциде и порабощении"; кроме того, по тексту письма можно сделать вывод, что автор запишет в преступники всякого, кто посмеет не согласиться с его точкой зрения. Только безумец или маньяк, пишет Ли, может говорить о революции как о событии героическом, благородном и возвышенном - и не упоминать о массовых избиениях индейцев. А изображать чернокожих в Америке той поры счастливыми, свободными и верными своим хозяевам - отвратительная пропаганда...

На интернет-сайте Salon.com Джонатан Формен^[368] анализирует этот злосчастный фильм и находит истоки угнездившегося в нем зла именно там, где и можно было предположить:

"Жестокие солдаты в "Патриоте" ведут себя как эсэсовцы, а не как настоящие английские солдаты тех лет. Возможно, в фильме заложен некий подтекст?.. Можно смело утверждать, что "Патриот" - фильм фашистский (я использую это слово в его буквальном, политическом значении), подобных которому не появлялось на протяжении десятилетий... Он представляет зрителю глубоко сентиментальный культ семьи у героев арийского облика... В одной сцене крепкого вида юнцы берут отцовские мушкеты - и превращаются в юных "вервольфов", из

числа тех, которых Гитлер предназначал для ведения партизанских операций в тылу союзников... В другой сцене Гибсона провоцируют на превращение в одного из тех кровожадных дровосеков с топорами, которыми кишит нацистская иконография... Черное население Южной Каролины - где разворачивается действие фильма - изображается верными и счастливыми рабами, либо не менее счастливыми вольноотпущенниками... "[369]

Сожжение церкви, пишет далее Формен, повторяет нацистские зверства во французской деревне Орадур-сюр-Глан в июне 1944 года. "Немецкий режиссер Роланд Эммерих, вероятно, бессознательно воплотил свои архетипические взгляды..." [370] Перенеся Орадур в Южную Каролину, Эммерих и сценарист Роберт Родарт "устроили нечто вроде ревизии Холокоста. Они поставили фильм, который восстановит общество против сочувствия жертвам Орадура... неявным образом реабилитирует нацистов..." [371] Этот фильм, добавляет Формен, министр пропаганды Третьего рейха Йозеф Геббельс "мог бы использовать для распространения англофобии" [372].

Так и хочется воскликнуть: "Полегче, приятель!" К несчастью, здесь мы имеем дело с сознанием, прошедшим полную психологическую обработку в духе антиистории. Для него любовное изображение отца и семи послушных и искренне любящих детей есть "арийский культ семьи". Героическое сопротивление англичанам в борьбе за освобождение Америки он воспринимает как "фашизм". Тринадцатилетний и десятилетний сыновья Мартина в его восприятии - "юные "вервольфы", поскольку "крепко сложены" и имеют "арийский облик" [373]. Формен видит фашистов повсюду.

Формена ничуть не меньше, чем Спайка Ли, раздражает, когда рабов и вольноотпущенников изображают воинами и патриотами Америки. Между тем это - абсолютно верный кинематографический срез эпохи: негры принимали участие в революции, сражались под началом Джексона у Нового Орлеана, воевали за Союз и за Конфедерацию под командованием Бедфорда Форреста. Столь непримиримая реакция на "Патриота" свидетельствует о том, что наша культурная элита заразила новое поколение борзописцев воинствующим неприятием прошлого Америки и тех людей, которых мы прежде почитали как отцов-основателей нашего государства.

* * *

Для новой культурной элиты Гражданская война есть восстание рабовладельцев и предателей, замысливших уничтожить Союз во имя сохранения их гнусного общественного строя, бесчестного и постыдного по самой своей сути. Посему флаг Конфедерации отвратителен ничуть не менее нацистской свастики, и только белые расисты и "моральные уроды" способны защищать это запятнанное кровью невинных полотнище. Что же касается Ли и Джексона, они вели на смерть сотни тысяч людей во славу зла; так что Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения (NAACP) вправе требовать снятия всех мемориальных табличек и статуй, а также флагов Конфедерации с улиц и площадей американских городов.

Не так давно истории о пионерах, солдатах, поселенцах и ковбоях, которые "завоевали Запад" и покорили континент в героической борьбе с силами природы, бандитами и индейцами служили основой для множества книг, фильмов и телепостановок, которыми упивались не только американцы, но и жители других стран. Но ревизионисты сделали свое черное дело. Ни один режиссер сегодня не посмеет изобразить индейцев отсталыми, смешными или жестокими. Скорее, как в "Маленьком большом человеке" и "Танцах с волками", индейцев покажут защитниками окружающей среды, которые всячески заботятся о земле и дикой природе и живут в согласии с последней. И этих миролюбивых и доверчивых детей природы бессовестно

обманули, обобрали и уничтожили безжалостные белые, огнем и штыком проложившие себе путь по прериям, забивавшие бизонов и развращавшие тех индейцев, которых они почему-то не удосужились убить. Генерал Кастер и Седьмой кавалерийский полк ныне превратились в ролевые модели Einsatzgruppen.

ТОЛЬКО ВЧЕРА

Чтобы понять, каким образом прошлое Америки было выброшено из пантеона талибами современности, поразмыслите над следующим:

- День рождения Вашингтона, отмечавшийся раньше как национальный праздник, торжества в честь солдата и государственного деятеля, которому не было равных в американской истории, величайшего человека восемнадцатого столетия, заменили Днем президента, когда все вспоминают о величии Милларда Филлмора, Честера Артура и Уильяма Джефферсона Клинтона.
- Школьный совет Нового Орлеана постановил лишить одну из школ имени Вашингтона. Новая школьная политика запрещает славить "бывших рабовладельцев и тех, кто не уважал равные возможностей для всех людей"^[374]. Тем самым мы исключаем из круга достойных президентов Джефферсона, Мэдисона, Монро, Джексона, Тайлера, Тейлора, Гранта, а также Клэя, Кэлхауна и Роберта Э. Ли.
- Стоит ли афроамериканцам, десятки тысяч которых носят эти имена, отправиться в суд и потребовать перемены имен? В честь кого назвали легендарного Джесси Джексона – в честь Эндрю, убийцы индейцев, или в честь Джексона-Каменной стены, легенды конфедератов?
- Томас Джефферсон, автор Декларации независимости, в прошлом году был объявлен персоной нон грата в штате Нью-Джерси. Законодательное собрание штата дважды отклонило билль, предусматривавший, чтобы учащиеся средних школ каждый день зачитывали в классах цитаты из Декларации. Все демократы в собрании голосовали "против", а о Декларации отзывались как о "направленном против женщин и против чернокожих чрезмерно восхваляющем Бога документе"^[375]. Сенатор Уэйн Брайант, сам афроамериканец, возглавил борьбу за освобождение учащихся от необходимости повторять слова Джефферсона о равенстве всех людей. Коллегу-сенатора, выступавшего за принятие билля, Брайант поверг в ступор таким заявлением: "Вам хватает дерзости требовать, чтобы мои внуки пересказывали Декларацию. Да как вы смеете?! Вы оскорбляете в моем лице все чернокожее население Америки!"^[376] Эндрю Джексон, отвоевавший у испанцев Флориду, стал главной мишенью Движения американских индейцев. Они именуют Джексона "убийцей и маньяком", который послужил "прототипом Гитлера". Движение стремится не допустить, чтобы седьмого президента Америки чествовали как национального героя на ежегодном весеннем параде в Таллахасси^[377].
- Крепкому Орешку достается и в Северной Каролине. Самопровозглашенный "вице-вождь" тускароора Роберт Чэвис требует, чтобы федеральную трассу номер 74, носящая имя Эндрю Джексона, переименовали в трассу имени американских индейцев. "Для нас Эндрю Джексон никакой не герой. Он как Гитлер. Он убийца", – утверждает Чэвис, ссылаясь на четыре тысячи подписей под петицией о переименовании^[378].
- Поскольку портрет "короля Эндрю", который был рабовладельцем, сражался с индейцами и,
- в должности президента, подписал закон, изгнавший племя чероки из Джорджии и обеих Каролин в Оклахому, – поскольку его портрет украшает двадцатидолларовую купюру,

- вышеприведенные обвинения и требования кажутся весьма любопытными.
- Поле Кастера недавно было переименовано в поле Литтл-Бигхорн, поскольку индейцы считают уничтожение отряда Кастера своей великой победой. Рядом с маленькой стелой в честь погибших кавалеристов вскоре поставят памятник индейцам, которые убили и скальпировали их, а затем надругались над телами убитых ^[379].
 - Воинственные индейцы также потребовали убрать все упоминания об индейцах, индейские слова и топонимы из названий спортивных команд. В 2001 году Комиссия по гражданским правам согласилась с этим требованием, указав, что широкое использование индейских имен и топонимов является "неуважительным и оскорбительным" и создает "враждебную культурную среду" ^[380]. Нам, правда, не сообщили, с какого момента следует начинать переименование. Впрочем, при нынешнем торжестве политкорректности волна переименований не заставит себя ожидать. Так, "Dartmouth Indians" уже стали "Big Green", "Stanford Indians" превратились в "Cardinals", "Redmen" из университета Сент-Джон стали "Red Storm". Северная Дакота, однако, решила сохранить "Fighting Sioux" – после того как бывший выпускник пригрозил забрать свой взнос в 100 миллионов долларов, на который и существует команда.
 - Сохранили прежние названия и "Washington Redskins" и "Atlanta Brathers" – несмотря на то, что поклонники последних активно пользуются знаменитым "ударом томагавком", а употребление этого словосочетания в данном контексте признано оскорбительным для изобретателей томагавка. Портлендская газета "Oregonian" взяла за правило не употреблять в спортивных отчетах названий команд, в которых встречаются слова Indian, braves redmen, redskins chiefs, ^[381].
 - В Сан-Хосе, штат Калифорния, волнения среди индейцев и латинос помешали установке памятнику Томасу Фэллону, американскому авантюристу, который захватил город во время мексиканской войны и стал его мэром. "Этот памятник – оскорбление наших предков и тех людей, которых линчевали на городских улицах,- заявил Паскаль Мендевилль из организации "Пуэбло Унидо".- Он все равно что красная тряпка, сигнализирующая расистам: открыт сезон охоты на мексиканцев" ^[382]. Однако в Сан-Хосе установили статую Кецалькоатля, пернатого бога-змея ацтеков, границы империи которых никогда не достигали Сан-Хосе.
 - Возможно, мексиканцам и индейцам стоило бы призадуматься. Ведь император ацтеков Мон-тесума Второй, человек, подверженный суевериям сверх всякой меры, утверждал в страхе, что Кецалькоатль однажды возвратится с востока и потребует свой трон. Когда дозорные сообщили Монтесуме о высадке бородатых белокожих людей в Веракрусе, император и его придворные ударились в панику.
 - В Сент-Огастине, штат Флорида, старейшем городе США, основанном помощником Колумба Понсе де Леоном, индейцы потребовали убрать с набережной статую Понсе. По их утверждениям, этот испанский путешественник, смертельно раненный индейской стрелой во время поисков Источника юности, был "безжалостным маньяком" ^[383].
 - В Саутгемптоне, Лонг-Айленд, местная Лига равноправия настаивает на изменении городской печати, существующей в таком виде уже семьдесят лет и изображающей белого человека в одежде паломника и индейца в набедренной повязке. Надпись на печати гласит: "Первое английское поселение в штате Нью-Йорк"; на заднем фоне изображены клипер и скала под названием Консайенс-пойнт, на которой высадились в 1640 году первые колонисты из Линна. Эту печать рисуют на дорожных знаках, она также присутствует на всех городских документах.

"Печать отражает заслуги только одной расы и одного пола в истории,- полагает бывший

председатель Лиги Сузанна Пауэлл.- История ведь началась не в 1640 году. Индейцы жили на этих землях задолго до колонистов"^[384]. А нынешний председатель Лиги Роберт Целлер, упрекая авторов печати в неаккуратности, добавляет: "Индейцы не носили набедренных повязок круглый год - здесь слишком холодно"^[385]. Вероятно, печать следует изменить таким образом, чтобы обрядить индейца племени шинненок в спортивную одежду от фирмы " Л.Л. Бин".

Но наибольшую ярость у адептов культурной революции вызывает все, что связано с Югом и поражением последнего в Гражданской войне. В 1898 году президент Маккинли, ветеран Антиетама, мог позволить себе отправиться в Атланту, стоя выслушать "Дикси", помахать шляпой давним врагам и посоветовать им заботиться о могилах конфедератов - этот замечательный жест исцелил страну накануне войны с Испанией. Сегодня Маккинли обвинили бы в поддержке расистов. Через сто лет после красивого жеста Маккинли американская культурная элита почти раболопно переметнулась на сторону тех, кто стремится обесчестить все знамена и опозорить всех лидеров Конфедеративных Штатов Америки.

В Ричмонде, который четыре года защищала армия Северной Виргинии, портрет Роберта Э. Ли было приказано убрать из галереи знаменитых виргинцев, а затем картину осквернили местные вандалы^[386]. На аллее Памятников, где установлены статуи четырех великих сыновей Конфедерации - Ли, Джексона, Стюарта и Дэвиса - добавилась пятая, статуя чернокожей теннисной звезды Эндрю Эша, поставленная там, дабы разрушить ненавистный кому-то символ. День Ли-Джексона был отделен от Дня Мартина Лютера Кинга, и многие полагают, что его празднование в Виргинии, где похоронены оба героя, вскоре отменят совсем.

После десятилетнего бойкота, возглавляемого НААСР, боевой флаг Конфедерации был спущен с флагштока на здании Капитолия Южной Каролины, стены которого до сих пор хранят выбоины от снарядов Шермана, спалившего Колумбию дотла. Жители Южной Каролины хотели сохранить флаг, вывешенный в 1962 году, после того как президент Эйзенхауэр призвал американцев отметить столетний юбилей победы в Гражданской войне. Но мнение населения не имело ни малейшего значения. Были отменены общественные мероприятия, спортсмены и продюсеры эстрадных исполнителей грозили бойкотировать штат. В итоге законодательное собрание капитулировало и флаг переместился в музей Гражданской войны на первом этаже Капитолия. Однако это не удовлетворило НААСР: бойкот продолжался до тех пор, пока флаг вообще не убрали из Капитолия.

Джорджия, которой также угрожали бойкотом, отказалась от своего флага, представлявшего собой копию боевого знамени Конфедерации. Это решение побудило бывшего мэра Атланты Мейнарда Джексона поблагодарить губернатора, "который мужественно избавился от свастики"^[387].

В Техасе, по распоряжению губернатора Джорджа У. Буша, были сняты две мемориальных таблички со здания Верховного суда штата. Эти таблички, изготовление и установка которых были оплачены из Фонда вдов конфедератов, были посвящены памяти солдат Конфедерации, погибших в боях с южанами^[388].

Во Флориде 2 февраля 2001 года губернатор Джеб Буш удалил боевое знамя Конфедерации с Капитолия штата в Таллахасси, где оно висело с 1978 года^[389].

В Миссисипи студентам местного университета никогда не запрещалось размахивать на

стадионе крохотными флажками-копиями боевого знамени Конфедерации. Но штату пригрозили бойкотом, если флаг Миссисипи останется прежним. В апреле 2001 года был устроен референдум - и старый флаг победил в соотношении два к одному^[390]. Как кажется, южные политики, члены обеих партий, в угоду этническим, религиозным и прочим меньшинствам, а также национальной культурной элите, игнорируют волю народа, от имени и по поручению которого они действуют.

В Харперс-Ферри, штат Западная Виргиния, имеется мемориал в честь вольноотпущенника Хейворда Шеперда, первой жертвы террористического набега Джона Брауна на федеральный арсенал. Как известно, нападение Брауна отразили морские пехотинцы во главе с полковником Робертом Э. Ли и лейтенантом Дж. Э. Б. Стюартом^[391]. Этот мемориал, находящийся недалеко от слияния Потомака и Шенандоа, был воздвигнут в 1931 году на средства "Дочерей Конфедерации". Надпись гласит, что Хейворд Шеперд олицетворяет собой "мужество и доблесть тысяч негров, которые, несмотря на многочисленные искушения в годы войны, вели себя так, что вошли в историю незапятнанными, и эта история - уникальное наследие американского народа и вечное свидетельство нашей благодарности лучшим сыновьям Америки". Неоднократно предпринимались попытки выкопать этот мемориал, однако до сих пор они успеха не имели.

На кладбище Пойнт-Лукаут в южном Мэриленде существовала традиция в День поминовения устанавливать крохотные флажки конфедератов на могилы четырех тысяч южан, умерших в союзной тюрьме. Эта традиция прекратилась по воле Министерства попечения о ветеранах^[392]. В 1997 году штат Мэриленд отозвал все номерные знаки, принадлежавшие организации "Сыновья ветеранов Конфедерации"; на этих знаках имелись изображения боевого знамени. "Сыновья" оказались единственными среди 215 некоммерческих организаций, удостоившимися подобного внимания^[393].

В Антиетаме развернулась кампания против возведения, даже на частной территории, памятника командирам конфедератов в той страшнейшей из битв на американской земле. Из 104 установленных в Антиетаме статуй только четыре изображают южан^[394].

В Сельме, штат Алабама, которую защищал генерал Натан Бедфорд Форрест, постоянно оскверняют и свергают памятник в его честь. Городской совет хочет убрать памятник. Городской совет Мемфиса предложил превратить Мемориальный парк Конфедерации, где также установлен памятник Форресту, в мемориальный парк жертв рака^[395].

Форрест был самым лучшим командиром кавалерии, какого только знала Америка; несмотря на темное прошлое - до войны он был работником и "использовал Ку-клукс-клан как оружие в борьбе за выживание", - Форрест "отринул Клан вскоре после того, как понял, что тот не столько помогает, сколько вредит Югу и нации в целом"^[396]. После суда Линча в Трентоне, штат Теннесси, в 1874 году, генерал Форрест пригрозил "искоренить убийц"^[397]. К 1875 году он уже настаивал на том, что "черным следует позволить заниматься юриспруденцией и вообще всем, чем они могут заниматься. Даже Великий Освободитель, другой южанин, родившийся в бревенчатой хижине, не произносил подобных слов..."^[398] Как пишет обозреватель Уолтер Уильямс, Форрест всегда хвалил мужество чернокожих солдат, служивших под его началом: "Пока эти парни со мной, конфедератам к нам лучше не соваться"^[399]. Однако нынешняя Америка далеко не так щедра, как Америка прежняя, почитавшая бесстрашного воина

Бедфорда Форреста. о Заголовок в газете "Вашингтон Таймс" сообщал, что "Гилмор отдает наследие Виргинии"^[400]. Губернатор Джеймс С. Гилмор Третий, назначенный президентом Бушем председателем Республиканской партии, отменил месячник истории Конфедерации после того, как НААСР пригрозило бойкотировать Виргинию. Другой заголовок в другой газете, "Вашингтон Пост", гласил: "Конфедерация лишается почета"^[401]. Корреспондент газеты писал: "Покушаясь на чувства членов обществ памяти Конфедерации, Гилмор позволил себе заявить, что если бы не было рабства, не было бы и войны"^[402]. Между тем общества памяти утверждают, что к войне привел отказ Линкольна отпустить из Союза Южную Каролину, Джорджию и штаты побережья.

"Пост" цитирует одного-единственного критика губернатора, зато статья пестрит цитатами в поддержку губернаторского решения. Своим решением, полагает газета, Гилмор положил начало собственной карьере национального политика: "Чернокожие лидеры оценивают решение Гилмора как позитивный шаг и серьезный успех белого консерватора-республиканца, который... возможно, метит в сенатское кресло... Тони-Мишель Трэвис, афроамериканка, преподающая теорию управления в университете Джорджа Мэсона, говорит, что для губернатора теперь, благодаря "его стремлению вырваться", открыты все двери"^[403].

Песня "Отвези меня в старую Виргинию"^[404] перестала быть официальной песней одноименного штата. От нее отказались потому, что в этой песне содержались слова "черное сердце" и "старый хозяин" (написана она была 1875 году чернокожим композитором Джеймсом Блэндом, жителем Нью-Йорка, также сочинившим "О, эти золотые туфельки!").

Начались запреты книг. "Приключения Гекльберри Финна", из которых "выросла вся современная американская литература", как выразился Хемингуэй, были удалены из школьной программы по всей Америке. Замечательная сатира Твена на рабство, ложь и предрассудки в предвоенной Америке обладает, по мнению новоявленных критиков, серьезным недостатком. Среди главных ее героев - негр Джим, человек большого достоинства и душевной силы. Однако для чернокожего преподавателя Джона Уоллеса, который сделал себе карьеру нападениями на эту книгу, "Гекльберри Финн" есть "самый одиозный пример расистского чтения для детей... Всякого учителя, застигнутого при попытке донести этот текст до детей, следует немедленно увольнять, поскольку этот учитель, несомненно, расист, либо наивен до глупости, либо некомпетентен, либо все вышеперечисленное разом"^[405].

Хемингуэй, Т.С. Элиот и Лайонел Триллинг считали "Гекльберри Финна" американской классикой, но кто они такие рядом с Джоном Уоллесом?

Неподалеку от сочинения Твена в списке запрещенных книг расположилась "Убить пересмешника" лауреата Пулитцеровской премии Харпер Ли. Действие этой книги разворачивается на сменяемом расовыми распрями Юге перед Второй Мировой войной. По книге был снят одноименный фильм, принесший Грегори Пеку в роли адвоката Аттикуса Финча наибольший актерский успех. Для тех, кто отвергает эту книгу, роман "Убить пересмешника" есть "олицетворение расизма"^[406].

Католическая школа Опелусас в Луизиане отличилась тем, что первой среди школ США запретила произведения Фланнери О'Коннор - пожалуй, лучшей американской католической писательницы двадцатого столетия. Чернокожие священники и родители в школе Опелусас потребовали изъять из списков для детского чтения сборник рассказов О'Коннор "Хорошего

человека найти нелегко", где присутствует рассказ "Искусственный ниггер"^[407].

Тем не менее, как заметил католический обозреватель газеты "Нью-Йорк Пост" Рон Дреер, О'Коннор, "помещая белых изуверов в протагонисты... обнажает и высмеивает чудовищную гордыню, заставляющую этих персонажей презирать чернокожих и давать им обидные прозвища..."^[408] А рассказ "Искусственный ниггер", который сама писательница считала своим лучшим произведением, "дает нам психологически достоверный портрет истинного расиста"^[409].

Епископ Эдвард О'Доннелл поначалу отказывался исключать произведения Фланнери О'Коннор из программы и указывал на то, что ее творчество изучают в Хавьере, Грамблинге, Саутерне и других школах для чернокожих. Однако его преосвященство быстро капитулировал и распорядился изъять все книги О'Коннор из школьных библиотек вверенной ему диоцезы и не допускать их замены "аналогичными сочинениями"^[410]. Запрещены любые книги, содержащие расовые эпитеты, вне зависимости от контекста, вследствие чего из программы выбывают не только Твен, О'Коннор и Харпер Ли, но и Уильям Фолкнер, а также чернокожие авторы Ральф Эллисон и Джеймс Болдуин. Дреер пишет:

"По существу, Фланнери О'Коннор пишет вовсе не о расе, потому-то ее книги так необычно свежи для представительницы "расовой культуры", - заметила однажды чернокожая романистка Элис Уолкер. Если вообще можно рассуждать, что писатель пишет "о чем-то", тогда книги О'Коннор о пророках и пророчествах, об откровении и влиянии сверхъестественного на людей, которые прежде не имели ни шанса на духовное развитие"^[411].

"Иными словами, самое подходящее чтение для католической школы на Юге... Кто отважится с этим поспорить?"^[412] - добавляет Дреер.

В 1999 году верховный судья Уильям Г. Ренквист был строго предупрежден Национальной ассоциацией судей за то, что напевал "Дикси" на заседании Апелляционного суда^[413]. Ренквист ежегодно посещает эти заседания и возглавляет хоровое пение.

Однако песенку "Дикси" пел еще Линкольн, который приезжал в столицу конфедератов после падения Ричмонда. На протяжении жизней нескольких поколений эта песня исполнялась на съездах Демократической партии. Тем не менее Национальная ассоциация судей полагала, что данная песня является "символом рабства и угнетения"^[414]. Вот слова песни - и пусть судит читатель.

Первый куплет:

Вернуться бы в чудесный край,
В мой милый край, мой славный край.
Вернуться бы, вернуться бы мне в Дикси!
Мой милый край, мой милый кров!
Вернуться бы, вернуться бы мне в Дикси!

Припев:

Я в Дикси возвращусь! Ура!
Там буду жить и там умру,
Вернусь к тебе, мой Дикси! В

Вернусь к тебе, мой Дикси!^[415]

Разумеется, этим стишкам далеко до "Cantos" Эзры Паунда, однако какое отношение это рифмоплетство имеет к рабству и угнетению? На Гэслайт-сквер в Сент-Луисе в начале 1960-х годов диксиленд, состоявший из чернокожих музыкантов, завершал ежевечернее выступление вариациями на тему "Дикси", за которым шел "Боевой гимн республики". И все вокруг пели и веселились. Какие же мы были бесчувственные!

К 1999 году судья Ренквист превратился в гражданина под подозрением на заметке у полиции мыслей, поскольку он отказался переименовать рождественскую вечеринку в Верховном суде в "праздничную вечеринку"^[416]. По всей видимости, судья-певец настаивал на том, чтобы лично исполнять на этой вечеринке рождественские гимны, которые его коллеги запретили к пению в американских школах.

Несмотря на то что флаг с крестом святого Андрея развевался над полями сражений Гражданской войны всего четыре года, американский флаг вот уже более четырех поколений вьется над страной, конституция которой поощряла рабство. Таким образом, уничтожение "Доблести прошлого" было в известной мере неизбежно. Так и произошло. Весной 2001 года член Демократической партии Генри Брукс из Мемфиса, бывший председатель Комитета политических действий NAACP, отказался встать в законодательном собрании Теннесси во время клятвы на верность флагу. Он заявил: "Этот флаг представляет бывшие колонии, порабощавшие наших предков"^[417]. NAACP никак не реагировала на просьбы журналистов прокомментировать заявление Брукса, зато обозреватель Джулианна Мальво не стала стесняться в выражениях: "Это просто нелепо для афроамериканца - повторять слова клятвы на верность. Ведь эти слова - не более чем ложь, откровенная ложь"^[418]. Похоже, у некоторых американцев национальное самосознание уступило место расовому самосознанию.

Впрочем, война с прошлым идет не только в Америке.

Новый мэр Лондона "Рыжий" Кен Ливингстон хочет снять с пьедесталов статуи тех английских полководцев, чьи имена ассоциируются с империей и управлением колониями. Среди статуй, на которые злоумышляет новый иконоборец, памятники адмиралу Чарльзу Нэйпиру, покорившему в 1843 году Синд, и сэру Генри Хейвлоку, подавившему восстание сипаев в 1857 году^[419]. Нэйпира вспоминают в основном из-за того, что он отправил своим подчиненным закодированное послание "Ressavi" - в переводе с латыни "Грешен".

Однако самый знаменитый из тех, кого Рыжий Кен больше не желает видеть в Лондоне, - это, безусловно, генерал-майор Чарльз Гордон Китайский, который подавил тайпинское восстание, покончил с работорговлей и умер в Судане, где его отряд постигла участь кавалерии Кастера, - пал в сражении с дервишами Махди^[420]. Голову Гордона насадили на пику и привезли к шатру Махди, что вызвало сильное раздражение королевы Виктории. Через двадцать лет после этой битвы при Хартуме англичане во главе с Китченером отомстили арабам в битве при Омдурмане, где были расстреляны в упор из винтовок и "максимов" одиннадцать тысяч дервишей, шедших в атаку лавой. Среди тех, кто отражал последнюю массированную кавалерийскую атаку в истории, был и молодой Уинстон Черчилль. Объединенные англо-египетские силы потеряли сорок восемь человек; Хилэр Беллок склонил голову перед достижениями британской мысли:

У наших были пулеметы. Сведи-ка с пулеметом счеты!^[421]

Китченер двинулся дальше, захватил гробницу Махди и даже собирался использовать его череп под чернильницу, так что и статую этого полковдца, возможно, ждет судьба статуи

Гордона. В фильме "Хартум" (1966) Махди играл Лоуренс Оливье, а роль генерала Гордона исполнял Чарльз Хестон, в настоящий момент член Национальной оружейной ассоциации. А лондонский мэр, к которому мы вернулись после краткого путешествия в историю, строит планы возвести на Трафальгарской площади, рядом с колонной адмирала Нельсона, девятифуттовую статую Нельсона Манделы.

Франция также имеет собственных иконоборцев. Когда правительство собралось отметить в 1996 году тысячу пятисот лет со дня крещения короля франков Хлодвига, французские социалисты, коммунисты и все прочие левые партии, то есть половина населения Франции, выступили с решительным протестом^[422].

О чем говорят все эти факты? О том, что люди, наиболее рьяно отстаивающие мультикультурность на словах, не слишком-то рвутся претворять слова в дело, что те, кто наиболее ретиво осуждает нетерпимость, сами зачастую оказываются среди фанатиков и экстремистов. Подобно тому как талибы обошлись со статуей Будды в Бамьяне, наша культурная революция стремится уничтожить все флаги и памятники прежней Америки и не желает внять голосу разума.

Кого почитать – Мартина Лютера Кинга или Роберта Э. Ли – должны решать не политики, а население конкретного штата. И не следует навешивать каких-либо ярлыков на штат, где решили почтить память того, другого или третьего государственного деятеля – или решили не чтить вообще никого. Но для культурной революции это неприемлемо. Сегодня просто нельзя не чтить доктора Кинга. Когда Аризона проголосовала за то, чтобы не вводить в календарь День Кинга, штату пригрозили отобрать у него стадион "Супербоул" и отменить все запланированные собрания и съезды, а заодно развернули кампанию в федеральной прессе^[423]. Давление было столь сильным, что штат отменил результаты голосования и утвердил новый праздник. Только после этого Аризоне позволили вновь стать "членом семьи".

Цитадель Южной Каролины, один из двух американских колледжей с мужским кадетским корпусом и стопятидесятилетними традициями, был мишенью многократных судебных исков, призванных заставить колледж принимать на учебу женщин. Но Цитадель не желала нарушать традиции. Даже женщины Цитадели – жены, сестры, матери, дочери выпускников – поддерживали это нежелание, равно как и штат. Но желания и нежелания населения не имеют в нынешней Америке никакого значения. Федеральный суд своим постановлением обязал Цитадель принимать в кадетский корпус женщин.

В нашем оруэллианском мире новояза мультикультурность означает конформизм. Во имя мультикультурности все военные школы должны выглядеть одинаково. Нельзя иметь сугубо мужской контингент, даже если этого хотят те, кому школа принадлежит и кто ей управляет. Разве это свобода? Разве это демократия? Нет. Оруэлл был прав: "Революцию устраивают... чтобы установить диктатуру"^[424]. Русские, французы, маоисты, красные кхмеры и талибы – все они развенчивали старых богов и оскверняли их храмы. Точно так же поступила и наша культурная революция. Она не терпит несогласных. Лишь после того как сенатор Макговерн извинился за то, что не торопился со снятием боевого знамени Конфедерации со здания Капитолия в Южной Каролине, и сознался в слабости и оппортунизме, ему вернули благорасположение революции.

НОВАЯ ИСТОРИЯ

"Каждый американский ребенок должен знать свою страну. Едва он научится говорить, ему следует рассказывать об истории нашей страны. Он должен восхвалять свободу и шептать

имена тех прославленных героев и государственных мужей, кои совершали революцию"^[425]. Так рассуждал когда-то Ной Уэбстер. Так когда-то считали мы. Но культурная революция избавляет историю от "прославленных героев и государственных мужей", вводит в школах новые учебные программы, которые исподволь разделяют детей с родителями и лишают молодое поколение его культурного наследия. Солженицын сказал: "Чтобы уничтожить народ, нужно лишить его корней"^[426]. Чтобы создать "новую нацию", агенты культурной революции должны создать новую историю, и это происходит на наших глазах.

В 1992 году Калифорнийский университет получил два миллиона долларов от Национального фонда гуманитарных исследований и Министерства образования на разработку "Новых исторических принципов" для учебников истории с пятого по двенадцатый класс^[427]. В 1997 году работа была завершена. Отныне в исторических текстах, которые изучаются в американских школах:

не должны упоминаться имена Сэмюэла Адамса, Поля Ревира, Томаса Эдисона, Александра Грэхема Белла и братьев Райт;

семнадцать раз упоминаются ку-клукс-клан и девять раз - сенатор Джозеф Р. Маккарти;

шесть раз упоминается Гарри Трумэн, зато полностью игнорируется Роберт Э. Ли;

рекомендованы к запоминанию даты основания клуба "Сьерра" и Национальной организации женщин;

учителям предоставляется решать самостоятельно, рассказывать или нет детям о предателе Элгере Хиссе и советских шпионах Джулиусе и Этель Розенберг, который передали Сталину документацию по атомной бомбе;

конституционный договор не упоминается вообще;

о президентстве Джорджа Вашингтона умалчивается, равно как и о его прощальном обращении к народу, зато учащихся приглашают "сочинить диалог между индейским вождем и Джорджем Вашингтоном в конце революционной войны";

не упоминается высадка на Луне 1969 года, зато подробно рассказывается об успехах Советского Союза в освоении космоса;

из конгрессменов упоминается лишь спикер Тип О'Нейлл, назвавший президента Рейгана "самовлюбленным шутком";

учителям предлагается побудить учащихся к ролевой игре "Суд над Джоном Д. Рокфеллером и компанией "Стэндард Ойл";

учащимся советуют "анализировать достижения Мансы Мусы, а также социальные обычаи и источники богатства королевства Мали" плюс "изучать ацтекские ремесла, систему труда и архитектуру". Разумеется, нигде нет упоминаний о человеческих жертвоприношениях у ацтеков.

Спустят ли эти принципы "в унитаз", как рекомендовал Раш Лимбо? Пока в подобный исход не очень-то верится. В декабре 2000 года газета "Вашингтон Таймс" сообщила о новых стандартах

изучения истории, принятых в штате Виргиния^[428]. У первоклассников Покахонтас отведено столько же времени, сколько капитану Джону Смиуту. При знакомстве детей с событиями Гражданской войны учителя могут "забыть" о Ли и Джексоне Каменная стена. Третьеклассникам предстоит изучать "высокоразвитое западноафриканское королевство Мали" нашего старого друга Мансы Мусы. Пристальное внимание будет уделяться конфуцианству и цивилизациям долины Инда. За счет кого в программе нашлось место для Конфуция? За счет Поля Ревира, Дэйви Крокетта, Буккера Т. Вашингтона, Джона Пола Джонса, Дня благодарения, отцов-пилигримов, Дня независимости и виргинского политика Гарри Ф. Бэрда-старшего.

Война с американским прошлым и намеренное отупление американских детей - превращение их голов в пустые сосуды, в которые затем будут вливать новую историю,- осуществляются стремительно и успешно. В недавнем опросе учащихся 556 студентам старших курсов из пятидесяти пяти лучших образовательных учреждений (колледжей и университетов) в стране задали тридцать четыре вопроса из школьного курса по истории США. Четверо из каждых пяти провалились^[429]. Только треть старшекурсников из колледжей смогла назвать американского генерала, воевавшего под Йорктауном. Только 23 процента назвали Мэдисона среди основных авторов конституции. Только 22 процента связали фразу "управление народа, от имени народа и во имя народа" с Геттисбергской речью Линкольна. Есть и хороший показатель - 95 процентов знают рэпера Снуппи Догги Дога, а 99 процентов "опознали" Бивиса и Батхеда^[430].

"От истории не убежать",- говаривал Линкольн. Благодаря культурной революции новому поколению это, похоже, удалось.

Десять лет назад Джесси Джексон возглавлял парад в кампусе Пало-Альто и распевал: "Хей, хей, хей - западная культура, провались скорей"^[431]. Столкнувшись со столь убедительным доводом, администрация Стэнфордского университета заменила курс по истории западной цивилизации на курс "Культура, идеи и ценности"^[432]. Сегодня ни в одном из пятидесяти пяти лучших колледжей и университетов, по рейтингу журнала "Ю-Эс Ньюс Энд Уорлд Рипорт", не читают курса по американской истории^[433].

"Споры об учебной программе,- пишет доктор Шлезингер, - суть споры о том, что значит быть американцем. На кон поставлено будущее Америки"^[434]. Но какое будущее может быть у страны, чья молодежь пребывает в неведении относительно своего прошлого и страдает "культурной" болезнью Альцгеймера?

Приблизительно в то время, когда Калифорнийский университет обнародовал новые стандарты образования, Смитсоновский институт отмечал пятнадцатую годовщину своей военной выставки. Эта выставка, на которой демонстрируется, в частности, кокпит бомбардировщика Б-29 "Энола Гэй", сбросившего атомную бомбу на Хиросиму, вызвала ярость ветеранов и широкой публики, поскольку дает понять, что война на Тихом океане носила расистский характер. Обозреватель журнала "Ю-Эс Ньюс Энд Уорлд Рипорт" Джон Лео воспользовался случаем, чтобы посетить другие музеи, в которых туристам и детям рассказывают о прошлом Америки.

В Музее американской истории Лео обнаружил выставку "Наука в Америке", которая отличалась "политически пристрастным изложением истории американской науки и сосредоточена была исключительно на провалах и неудачах - Тримайл-Айленд, озоновая дыра,

кислотные дожди, взрыв "Челленджера" и пр."^[435]. В Музее авиации и космонавтики нашелся аэроплан, описанный как изобретение, предназначенное в первую очередь для массового убийства. Далее Лео сделал следующие открытия: японских пилотов-камикадзе, чьи атаки унесли столько жизней американских моряков, музейная экспозиция изображала героями войны. Короче говоря, духовные дети Грамши захватили музеи Америки.

Романист Том Вулф едва ли не единственный среди писателей подметил удивительное безразличие, с каким в стране отнеслись к празднованию "Первого американского столетия" 31 декабря 1999 года, в канун миллениума:

"Где я был? На не той странице? На не том канале? За пределами радиочастоты?.. Заметил ли хоть один человек, что в сей самый миг завершился Первый Век американской истории и начался Век Второй?

Написал ли хоть один бард славословие в честь этого мгновения - в ответ на строки Джеймса Томсона "Правь, Британия, морями! Никогда, никогда британцы не будут рабами"? Где он, подобный стих для Америки, для страны, которая в завершившемся веке уничтожила два варварских националистических братства: германских нацистов и русских коммунистов, две орды методично рыскавших хищников, по сравнению с которыми потехой показались бы гунны с мадьярами?..

Отметил ли хоть один из телеканалов повзрослевшей Америки, что в 1897 году был бриллиантовый юбилей королевы Виктории?

Мне показалось, что один американский век вкатился в другой с торжественностью и грохотом коврика для мыши. Великий триумф Америки вызвал волну патриотизма и гордости за страну... вселил в души стремление к славе и имперскому величию... и сопровождался фанфарными хлопками мышинового коврика..."^[436]

Кто с гордостью оглядывается на достижения Америки в только что закончившемся столетии? В угаре празднования, растянувшегося от Лондона через Нью-Йорк и Токио до Пекина, кто оглядывается на Человека, чей двухтысячный юбилей мы невзначай отметили? Почти никто, ибо к наступлению миллениума американцы жили в стране, культуре, цивилизации, которые пределали значительный путь к дехристианизации.

Глава 8. ДЕХРИСТИАНИЗАЦИЯ АМЕРИКИ

Стыдливой Верой сохранишь едва ли Достоинство незыблемой Морали..."^[437]
Александр Поуп

Люди без веры в конце концов обнаружат, что им не для чего жить"^[438]
Томас С. Элиот, 1939 г.

В великой войне 1914-1918 годов католическая Франция воевала с католической Австрией, а протестантская Германия сражалась с протестантской же Англией. Девять миллионов христиан полегли на полях сражений, но только православная Россия оказалась повержена коммунистической революцией, и это был, скорее, *coup d'etat*, чем массовое обращение. Грамши утверждал, что две тысячи лет христианства сделали западного человека невосприимчивым к марксизму. Прежде чем Запад может быть завоеван, следует лишить его веры. Но каким образом?

Ответ Грамши - окольный путь через овладение общественными институтами. Марксисты должны сотрудничать с прогрессивными силами и заодно с ними захватывать те институты, которые формируют души нового поколения - школы, колледжи, кинематограф, музыку, искусство, новые масс-медиа, лишённые цензуры, а также радио и - изобретенное уже после смерти Грамши - телевидение. После овладения культурными институтами объединённые левые смогут начать дехристианизацию Запада. Через несколько поколений эта цель будет достигнута, и тогда Запад перестанет быть Западом, он превратится в совершенно иную цивилизацию, а за управлением культурой неизбежно последует управление государством.

Но, когда христианство на Западе начало терять позиции, произошло ещё одно событие - западный человек стал отказываться от продолжения рода. Ведь корреляция между верой и большой семьёй абсолютна. Чем более люди преданы вере, будь то христианство, мусульманство или иудаизм, тем выше у конкретного народа уровень рождаемости. В Нью-Йорке, штат Нью-Йорк, первом ортодоксальном иудейском поселении в США, средняя семья насчитывает десять детей^[439]. В Костроме, Россия, у Владимира Алексеева, примерного отца шестнадцати детей, и его постоянно беременной жены дом полон икон. "Мы шли на это сознательно,- сказал Алексеев в интервью агентству "АП",- даже раньше чем обратились к вере"^[440]. В баптистском штате Техас уровень рождаемости среди белых выше, чем у представителей той же расы в сибаритской Калифорнии. Там, где торжествует мирское, население мало-помалу сокращается и вымирает.

В 1999 году папа Иоанн-Павел Второй призвал Епископальный синод прислушаться к биению пульса веры в Европе. Услышанное не слишком обнадеживало. Секуляризм, сообщили епископы, "отравляет значительную часть европейского населения. Налицо серьёзная угроза дехристианизации и паганизации Европы"^[441]. Менее 10 процентов молодых людей в Бельгии, Германии и Франции регулярно ходят в церковь. Нет ни одного крупного города в северо-западной Европе, где крестили хотя бы половину новорожденных.

В исследовании журнала "Ньюсуик" (1999) говорится, что 39 процентов французов не придерживаются никакой религии и что только 56 процентов англичан верят в Бога^[442]. В Италии лишь 15 процентов посещают воскресную мессу, а в Чехии воскресные проповеди собирают от силы 3 процента населения страны^[443]. Чешский президент Вацлав Гавел заявил:

"Мы создаём первую атеистическую цивилизацию в истории человечества"^[444]. Не может ли природа нынешней цивилизации - с её близорукостью, с её выпячиванием индивидуализма... с её бесконечной верой в человеческую способность познать универсальное разумом, - не может ли сама нынешняя цивилизация быть естественным результатом того, что, выражаясь простыми и понятными словами, есть утрата Божества?"^[445].

И чем надёжнее эта "атеистическая цивилизация" укрепляется в Европе, тем быстрее вымирают народы, на плечах которых она и создавалась. Похоже, это непреложная закономерность: лишите народ веры - и он перестанет воспроизводить себя, а на освободившиеся территории придут иностранные солдаты или иммигранты. Дехристианизируя Америку, культурная революция нашла контрацептив, такой же эффективный, как пилюли доктора Рока. Однако почему нация, столь "воцерковлённая", как американцы, и столь приверженная христианству, как Америка 1950-х годов, безропотно позволила лишиться себя веры?

"Америка - христианская страна",- заявил в 1992 году губернатор Миссисипи Кирк

Фордайс ^[446]. Прежде чем он сел, его тут же заклеили как шовиниста, поскольку ему следовало сказать "иудео-христианская". Однако, как пишет Гэри Демар в своей книге "Христианская история Америки: новое об известном", слова губернатора были истиной применительно к первым 250 годам американского государства.

Первые поселения в Америке основали протестанты. Евреи и католики составляли тогда крохотные меньшинства. Когда автор этих строк ходил в 1940-х годах в приходскую школу, монахини с гордостью рассказывали о том, что один из пятидесяти семи человек, подписавших Декларацию независимости, был католиком - Чарльз Кэрролл из Кэрроллтона, штат Мэриленд.

В первой хартии Виргинии колонисты объявили своей целью "распространение Христовой веры среди тех, кто живет во мраке неверия и язычества, кто пребывает в постыдном невежестве и не постигает истинной природы Божества". Первыми четырьмя словами Мэйфлауэрского соглашения были: "Во имя Господа, аминь", а дальше говорилось: "милостью Божией... предпринимая деяния наши во славу Господа и ради распространения христианской веры". В Основных законах Коннектикута 1639 года сказано: "Слово Божие требует для поддержания мира и единства среди людей установить разумное и справедливое правление по Божественным заповедям... дабы сохранить свободу и чистоту Евангельского слова Господа нашего Иисуса Христа" ^[447].

Вспоминая обо всем этом на утренней молитве во время Международного совета христианских лидеров в 1954 году Председатель Верховного суда Эрл Уоррен сказал:

"По моему мнению, никто не может изучать историю нашей страны, не учитывая, что с самых первых дней пребывания на этом континенте мы руководствовались Священным Писанием и вдохновлялись примером Спасителя... Обратимся ли мы к первой хартии Виргинии... или к хартии Новой Англии... или к хартии Массачусетс-Бэй... или к Основным законам Коннектикута - везде присутствует один и тот же тезис: Америка - христианская земля, управляемая по христианским законам" ^[448].

Демар своей книгой лишь подтверждает очевидное. За столетие до губернатора Фордайса, в 1892 году, Верховный суд США объявил: "Это христианская страна" ^[449]. Губернатор Нью-Джерси Вудро Вильсон в 1911 году сказал: "Америка родилась христианской страной, и задача ее - подавать пример веры и ревностного соблюдения заповедей, изложенных в Священном Писании" ^[450]. В 1931 году судья Джордж Сазерленд подтвердил решение Верховного суда 1892 года, назвав американцев христианским народом. ^[451]

В Пласентия-Бэй, где он вместе с Уинстоном Черчиллем составлял Атлантическую хартию, Франклин Делано Рузвельт объявил, что Америка "зидется на христианских принципах"; под его руководством хор американских и английских матросов исполнил гимн "Вперед, Христовы воины" ^[452]. В письме 1947 года к папе Пию Двенадцатому Гарри Трумэн повторил: "Мы - христианский народ" ^[453]. В решении Верховного суда 1951 года, озвученном судьей Уильямом Дугласом, говорится: "Мы религиозные люди и вся наша культура основана на пресуппозиции Всевышнего" ^[454]. Джимми Картер добавил: "На нас лежит огромная ответственность - мы должны создать такую форму управления, которая соответствовала бы воле Божьей" ^[455].

Реакция на слова Фордайса - враждебная, злобная, антагонистическая - больше рассказывает нам о нашей культурной элите, чем о вере Великого Молчаливого большинства. Но культурная

революция переписывает нашу историю и подменяет ее фикциями - в том числе следующей: Америка никогда не была христианской страной и лишь лицемеры наподобие губернатора Фордайса могут утверждать обратное. Что же касается утверждения президента Картера относительно "ответственности за создание такой формы управления, которая соответствовала бы воле Божьей", для первого лица страны подобные высказывания, согласно решению Верховного суда, запрещены Первой поправкой. Если вы хотите законным образом изменить американское общество, гласит решение суда, вы можете руководствоваться сочинениями Карла Маркса, Рэйчел Карсон, Бетти Фридан или Эла Гора, но никак не "писаниной" Матфея, Марка, Луки или Иоанна.

Каким образом происходит дехристианизация Америки? Тиранически и при удивительно слабом сопротивлении людей, чьи предки принадлежат к числу наиболее яростных противников недемократического правления.

Полвека назад Верховный суд был подвержен идеологической заразе, с помощью которой некие "темные силы" пытались реформировать наше общество. Используя один из пунктов Четырнадцатой поправки, суд подтвердил право федеральной власти налагать на штаты все те ограничения, которые конституция налагает на Конгресс. К тому времени Десятая поправка уже была отменена, и штаты стали субъектами деятельности Верховного суда.

Первая поправка запрещает Конгрессу принимать законы "касательно установления религии" и требует уважать "свободу вероисповедания", однако Верховный суд использовал эти слова для упреждающего удара по христианству. По решению суда из публичных и школьных библиотек были изъяты все Библии, сочинения отцов церкви, кресты, другие христианские символы, отменены церемонии и церковные праздники. Вместо истории Адама и Евы появилась книжка "У Хизер две мамы". Ушли изображения Христа, поднимающегося на небеса; появились рисунки обезьян, превращающихся в Homo erectus. Ушла Пасха, которую сменил День Земли. Сгинули библейские наставления относительно безнравственности гомосексуализма - зато пришли гомосексуалы, которые стали рассуждать о безнравственности гомофобии. Ушли Десять заповедей - зато появились презервативы.

Это решение пятидесятилетней давности повлекло за собой целую череду триумфальных побед культурной революции и сокружительных поражений старой Америки. В 1948 году в школах запретили добровольное изучение религии. В 1963 году были объявлены неконституционными дополнительные занятия по изучению Библии. В 1980 году закон штата Кентукки, предлагавший повесить тексты Десяти заповедей на стенах школьных классов, был отвергнут законодательным собранием, поскольку эти заповеди "лишены мирского значения". В 1985 году в Алабаме признали не соответствующим конституции "миг тишины" перед началом школьных занятий. В 1989 году Верховный суд постановил удалить с территории Аллеганского окружного суда изображение Рождества. В 1992 году в школах и колледжах запретили все молитвы. В 2000 году появился запрет на молитвы и

осенение себя крестным знаменем во время школьных и студенческих спортивных соревнований.

Председатель Верховного суда Ренквист, занимавший эту должность на протяжении тридцати лет, многое повидал и многое слышал. Это решение суда, по его словам:

"...дышит ненавистью ко всем проявлениям религиозности в обществе... Ни суть, ни тон постановления суда не соответствуют американскому духу. Сам Джордж Вашингтон, по просьбе Конгресса, одобрившего Билль о правах, объявил, что "отныне сей день будет днем благодарения и молитв во славу Всемогущего Бога, оделившего нас своей неизреченной

милостью"^[456].

Подражание - откровеннейшая форма лести. Почувствовав, что на христианство началась охота, суды низшей инстанции принялись соперничать друг с другом в стремлении превзойти "святостью" Верховный суд. В 1996 году суд Девятого округа постановил, что большой крест на мемориале в честь павших воинов в Юджине, штат Орегон, противоречит конституции. В 1999 году суд Шестого округа вынес решение, запрещающее Кливлендскому совету по образованию открывать свои заседания молитвой - несмотря на то, что в Конгрессе это происходит каждый день. Суд Одиннадцатого округа запретил все формы обращения к Божеству, будь то молитвы, благословения или божба, в школах и колледжах.

С 1959 года штат Огайо имел девизом фразу "С Божьей помощью все возможно" [В русском синодальном переводе Библии эта фраза звучит так: "человекам это невозможно, Богу же всё возможно"(Мф., 19:26).

Она воспроизводилась на официальных документах и налоговых декларациях, а также на бронзовой табличке у входа в законодательное собрание штата. В 2000 году трое судей Шестого округа постановили убрать этот девиз. На каком основании? На том, что эти слова - из Нового завета; более того, это слова самого Христа. Вот если бы штат Огайо взял девизом слова Ницше "Бог мертв" или фразу Достоевского из "Братьев Карамазовых" насчет смерти Бога, тогда все было бы в порядке.

Рокер Мэрилин Мэнсон однажды сказал: "В каждой эпохе должен быть хотя бы один храбрец, который попытается покончить с христианством; правда, еще никому это не удавалось"^[457]. Возрадуйся, Мэрилин, Верховный суд тебя услышал! В мае 2001 года этот государственный орган подтвердил решение апелляционного суда, требующего от мэрии города Элхарта, штат Индиана, убрать с лужайки перед мэрией гранитную стелу с выбитыми на ней десятью заповедями. Эта стела простояла перед мэрией сорок лет. Шестью голосами против трех Верховный суд отказался выслушать апелляцию города. Впрочем, диссидентствующий председатель суда указал своим коллегам-судьям на то обстоятельство, что портрет Моисея, несущего таблички с текстом десяти заповедей, украшает приемную залу в здании Верховного суда^[458].

Религиозное соперничество - заведомая игра на ничью. Всякое достижение одной веры есть потеря для другой. Возвышение христианства было признано Савлом из Тарса, возглавлявшим людей, которые забили камнями Стефана-Мученика, смертельной угрозой Иерусалиму. Исламское завоевание Аравии и Северной Африки встревожило христианскую Европу. Реформация и расцвет протестантизма привели к кризису в Риме. Торжество коммунизма ознаменовалось гонениями на христиан. Наконец, внедрение секуляризма в систему американского школьного образования привело к оглушительному поражению христианства.

С детского сада и до двенадцатого класса детям внушают то мировоззрение, с каким они вступят во взрослую жизнь, и тем самым формируют будущее нации. Детей учат, во что следует верить, что ценить, к чему прислушиваться и как жить. Сегодня христианство в школах оказалось в положении бедного родственника, которого гонят отовсюду. Очередное торжество революции - насколько оно долгосрочно?

Перелистаем "Гуманитарный манифест" 1973 года. Там содержатся все те положения, которые сегодня вдалбливают нашим детям в школах^[459]. "Вера во внимающего молитвам Бога... есть вера в недоказуемое, пережиток прошлого... Традиционная этика не смогла удовлетворить

современные потребности...^[460]Обещания посмертного спасения и вечного проклятия равно иллюзорны и небезопасны для психики...^[461]Наука утверждает, что человеческий род есть результат эволюции природы"^[462]. Дети выходят из школ, преисполненные подобных идей, поскольку учителя ревностно выполняют пожелания культурной революции и стараются донести до учеников новую правду во всей ее неприкрытой мерзости, а христианство не пускают даже на школьный порог.

"Секулярные гуманисты" не скрывают своей цели. Манифест провозглашает право каждого человека "на контроль рождаемости, аборт и развод" и добавляет: "Многие разновидности сексуального поведения не могут и не должны считаться дурными по определению"^[463]. Свобода включает в себя "признание права каждого человека на достойную смерть, эвтаназию и самоубийство"^[464]. И теперь, когда активисты революции добились изгнания христианства из системы школьного образования, эти принципы, эти догмы преподаются нашим детям. Таким образом, хоть Америка и остается в целом христианским государством, ее общественные институты и массовая культура уже давно и полностью дехристианизированы.

По замечательному стечению обстоятельств "Гуманитарный манифест" был опубликован через несколько месяцев после того, как Ричард Никсон и Спиро Агню добились победы в сорока девяти штатах над Джорджем Макговерном во время избирательной кампании 1972 года, получившей кодовое обозначение "три А" - амнистия, аборты, наркотики (acid). Несмотря на поражения либералов в 1972, 1980, 1984, 1988 и 1994 годах, "Гуманитарный манифест", поначалу воспринимавшийся как верх радикализма, постепенно, по мере того как слабело сопротивление республиканцев, стал идеологией Демократической партии. Впрочем, один из его тезисов двусмысленен. Он гласит, что "отделение церкви от государства и идеологии от государства есть требования, обязательные к исполнению"^[465]. Однако "секулярный гуманизм" сам по себе религия, религия американской элиты, насаждаемая в обществе Верховным судом. Возможно, величайший успех этого самого грозного соперника христианства заключается в убеждении христиан, будто речь не о соперничестве, а только о разумном подходе к идеологии.

Христиане оказались побеждены воинствующим меньшинством, верования которого чужды американской глубинке, но которое сумело пробраться в Верховный суд и провести через последний свои пожелания. Революцию можно обвинить в чем угодно, только не в недостатке терпения. Как говорил Сервантес, отдадим должное дьяволу.

Христиане, полагающие, что суд всего лишь установил равные правила для всех религий, утратили чувство реальности. Суд отобрал у них все, что они имели, и передал их соперникам. И утраченное они не сумеют вернуть без борьбы. В книге "Когда умирают нации" Джим Нельсон Блэк обрушивается на протестантов:

"Одной из важнейших причин упадка американского общества в минувшем столетии является наметившаяся среди христиан тенденция уступать территорию без боя - во имя практической пользы. Особенно этим грешат протестанты, которые используют любую возможность для отступления. Большинство христиан уже фактически уступило "арены" политических и этических сражений, причем уступило добровольно, задолго до появления борцов за свободу личности, страх перед которыми гонит нас обратно в церкви"^[466].

Возможно, сказано слишком резко, однако христианам нужна хорошая встряска, если они не

хотят потерять свою страну. А еще им нужны лидеры, готовые сражаться. К. С. Льюис предостерегал относительно поиска компромиссов, которые он именовал плащом, скрывающим наготу нерешительности и робости:

"Нас, христиан, понуждают идти на ненужные уступки тем, кто не принадлежит нашей вере... Мы отдаем чересчур много... наступает время, когда нам следует проявить твердость. Мы должны показать всем, что такое истинный христианин, преданный Иисусу Христу. Мы не можем молчать или уступать во всем"^[467].

К двадцать первому веку дехристианизация общества завершится. Празднование пасхи, рождественские представления и гимны, христианские книги, фильмы, процессии исчезнут не только из школьных программ, но и, как говорится, из обихода. Ведь школы строят учебный процесс, как удобно им, не прислушиваясь к пожеланиям родителей и налогоплательщиков; они ориентируются на указания судов, распространяющих тезисы Калифорнийского университета и "Гуманитарный манифест".

В городе Рипаблик, штат Миссури, активисты революции добились удаления с городской печати фигуры рыбы, "поскольку рыба есть символ христианства... и большинство людей, которые отправляют письма, отождествляют рыбу именно с христианством"^[468].

В мае 2001 года два студента выдвинули против Виргинского военного института обвинение в нарушении конституции - в связи с тем, что перед вечерним приемом пищи студентам полагалось читать молитву.

Устранение Бога из общественной жизни Америки происходило отнюдь не демократичным путем - наоборот, диктаторски, и наши предки ни за что не стали бы этого терпеть. Почему же нынешние американцы допустили подобное - ведь большинство одобряет и молитвы, и рождественские гимны, и библейские чтения, и соблюдение десяти заповедей? Потому что мы живем под властью судей, а Конгресс не желает с ними бороться. Если Америка перестанет быть христианской страной, это произойдет потому, что она перестанет быть страной демократической. Вот он, реальный *coup d'etat*.

"У нас, сэр, правит народ", - когда-то с гордостью заявляли американцы. Увы, это уже не так. В Америке правит не большинство, а кучка меньшинств, представление которых о будущем нашего государства и нашей нации поддерживается пятью членами Верховного суда - при том, что их имена вспомнит разве что каждый десятый американец...

* * *

С дехристианизацией произошло и низвержение этики, основанной на принципах иудео-христианской религии; ей на смену пришла новая этика, основанная на тезисах "Гуманитарного манифеста". Опять-таки это случилось не в результате свободного волеизъявления народа, но по решению суда. Аборт считался преступлением, ныне он - вполне допустимое деяние. Так сказал суд. Молитвы в школе перед началом уроков нарушают Первую поправку, зато голые девицы в ночном клубе ни в коей мере не развращают молодежь. Когда штат Колорадо на референдуме высказался за недопущение легализации гомосексуализма, Верховный суд определил, что голосование проходило с нарушениями, и отменил его результаты.

"Наши законы и общественные установления должны основываться на словах Спасителя человечества и воплощать его учение,- говорится в постановлении Верховного суда от 1892

года по делу "Церковь Святой Троицы против Соединенных Штатов".- Наша цивилизация и наши установления целиком и полностью христианские"^[469]. По решению современного суда Америка избавилась от христианства. Прежняя этика погибла, и общества, которое она объединяла, более не существует.

Поскольку Америка безропотно приняла его решения, Верховный суд продолжал свою черную деятельность. В решении по делу о ричмондских газетах (1980) судья Уильям Дж. Бреннан описал новый порядок. По его словам, судьи "не просто третейские арбитры, но, в своей сфере, полноправные законодатели"^[470]. В 1985 году тот же самый судья сообщил, выступая перед студентами юридического колледжа в Джорджтауне: "Мажоритарные процессы управления могут показаться привлекательными, однако в общем и целом они не работают"^[471]. Роль суда заключается "в декларировании непреходящей ценности отдельных принципов, ценности, не зависящей от пристрастий текущего политического большинства". Судья Бреннан хотел сказать, что непреходящими являются его собственные ценности, которые он навязывает народному большинству.

"Суд, а не народ, выступает ныне источником перемен в американском обществе",- пишет профессор Уильям Куирк, автор книги "Судебный диктат". Это положение дел разительно противоречит тому, что Джефферсон именовал "основополагающим принципом", а именно: "правительство остается республиканским, пока оно воспринимает волю людей и осуществляет ее"^[472].

Уоррен, Дуглас, Бреннан и Блэкман победили. У нас больше нет республики. А христианство, изгнанное из школ и с городских улиц, постепенно утрачивает почву. В опросе Гэллага 1999 года 62 процента молодых людей согласились с тем, что "религия теряет влияние на американское общество"^[473]. Другой опрос показал, что в Америке "атеистов и агностиков больше, чем мормонов, иудеев или мусульман"^[474]. Из четырнадцати миллионов неверующих половина принадлежит к "поколению Икс" и 31 процент - к поколению бэби-буммеров. Лишь 42 процента американцев по-прежнему считают христианство единственной истинной религией^[475]. В 1996 году 62 процента протестантов и 74 процента католиков сказали, что для них все религии одинаково значимы^[476]. Америка пока остается самой "христианизированной" страной Запада, однако для большинства нынешняя вера - уже далеко не та воинственная и суровая вера предков. Сбылось предсказание католического епископа Фултона Дж. Шина, сделанное в 1931 году. Мы создаем, утверждает Шин:

"...общество широких взглядов, которое не видит разницы между Богом как Первопричиной и Богом как "ментальной проекцией", которое сравнивает между собой Христа и Будду, святого Павла и Джона Дьюи, а затем воспаряет к горному синтезу и начинает говорить, что христианство ничем не лучше других религий и что все мировые религии одинаковы"^[477].

До сих пор ни один суд еще не обязывал церковь переписать гимны, молитвы и Библию так, чтобы эти тексты соответствовали новому секулярному катехизису. Церковь сама сделала это, безо всякого принуждения. Почему? До по самой человеческой из причин.

Многие молодые священники сами не верят в неопровержимость истин, преподанных им в семинариях, и не хотят отставать от своего поколения, "уходящего в даль грядущую"; поэтому они пытаются совершить невозможное - примирить христианство с контркультурой. Но в своем отчаянном стремлении осуществить это "слияние" они только выставляют себя на посмешище.

"Благая весть! Как сладостен тот звук, что спас убогого раба!" - такова первая строка самого, пожалуй, известного из гимнов, написанного раскаявшимся капитаном невольничьего судна Джоном Ньютоном в 1779 году. В некоторых вариантах эта строка меняется на "спас и укрепил меня" или "освободил и спас меня"^[478]. Почему? Чтобы избавиться от ненужного напоминания о греховности рода человеческого и искуплении этой греховности Иисусом Христом.

Стансы "К прекрасной Америке" со строками "Как хороша для ног пилигрима/Истерзанных суровыми дорогами/И привыкших к свободе..." часто опускаются в сборниках гимнов и песен^[479]. Почему? Потому что, поясняет преподобный Гарольд Джекобе из индейского племени ламбер, "белые растоптали индейцев и проложили свою дорогу к свободе по их телам"^[480].

Строки "Белым как снег. Господь, сделай меня..." из гимна "Все в руке твоей, Боже" часто поются как "Омой меня, Господь, омой"^[481]. Очевидно, словосочетание "белый как снег" имеет расистский подтекст. Обращение "Отец, Сын и Дух Святой" ныне заменено на "Творец, Искупитель и Опора", что делает фразу более нейтральной с гендерной точки зрения^[482]. А нью-йоркская церковь Риверсайд предпочитает такое обращение: "Отец, Сын и Святой Дух, Единый Господь, Матерь людская"^[483].

Матерь Божья, помолись за нас.

Гимны "Вперед, Христовы воины" и "Я солдат креста" отвергнут как чрезмерно воинственные. Гимны "Он вел меня" и "Господь, Отец людей" признаны шовинистическими. Гимн "Да упокоит вас Господь" - также недопустим; гимн "Вера наших отцов" постоянно критикуют. Те, кому нравится мелодия, но не нравятся слова, могут подставлять "матерей" или "предков" вместо "отцов". Гимн "Господь наших отцов" превратился в "Господа эпох", а вместо "Сына человеческого" в некоторых конгрегациях исполняют гимн под названием "Человеческое дитя".

В 1980 году Национальный совет церковью основал комиссию ученых феминисток, которым было поручено создать новый словарь церковных выражений. "Высшее существо" вместо "Господь", "Дитя Бога" вместо "Сын Божий" и так далее. Желание Господа сотворить Адама и Еву было сформулировано таким образом: "Нехорошо, что человеческое существо бродит в одиночестве; нужно создать ему пару"^[484].

Когда первый том "Полного языкового лексикона" вышел из печати в 1983 году, профессор политологии Роудс-колледжа Майкл Нельсон написал: "После двух недель попеременной ярости и приступов бурного веселья церковь отправила этот том туда, куда он и заслуживает, - на свалку"^[485].

На смертном одре атеист Вольтер проговорил: "Я хотел бы обратиться к Богу с одной-единственной молитвой. О Боже! Пускай мои враги будут смешны"^[486]. И Бог ответил Вольтеру: "Ни один суд не заставлял церковников выставять себя на посмешище. Они стремились соответствовать, а в результате оказались не у дел. И прежде чем корить пятнадцатилетних за пристрастие к сексу и наркотикам, церкви следовало бы озаботиться душами взрослых людей, правящих страной".

ПРОВОКАЦИИ

В словаре коммунистов "мирное сосуществование" вовсе не обозначало реальный мир. Этот термин означал продолжение борьбы иными, невоенными методами. Борьба за этическую гегемонию также закончится лишь тогда, когда одна из сторон окажется в проигрыше, а другая восторжествует. Если традиционалисты полагают, что смогут мирно сосуществовать с культурной революцией, им следует вспомнить недавние лекции в Национальном фонде искусств касательно осквернения христианских символов и нападок на христианскую этику.

"Писающий Христос" Андреаса Серрано представляет собой фотографию большого распятия, погруженного в урину. Роберт Мапплторп превратил алтарный образ девы Марии в окровавленный галстук и опубликовал фотографию себя самого с хлыстом, торчащим из анального отверстия. В романе "Странный город" некий поэт описывает Христа как шестилетнего мальчика, над которым надругался взрослый. В каталоге предметов искусства, издаваемом на средства Национального фонда искусств, активист движения по борьбе со СПИДом называет покойного кардинала Джона О'Коннора "жирным каннибалом из дома со свастиками на Пятой авеню"^[487], Под "домом со свастиками" имеется в виду собор святого Патрика, оскверненный гомосексуалистами, которые однажды явились на воскресную мессу и повыплевали на пол освященные хлеб и воду. Центральным элементом выставки "Сенсации" в Бруклинском музее искусств была картина "Святая дева Мария", изображавшая Богородицу с головы до ног в слоновьем кале, на фоне женских гениталий, образующих нечто вроде нимба. В соседнем зале были выставлены манекены в человеческий рост – голые девицы с пенисами, выступающими из их тел в самых неожиданных местах.

"Искусство – то, без чего всегда можно обойтись", – утверждал Энди Уорхол. Пикассо относился к искусству более серьезно: "Искусство служит не для отделки апартаментов... Искусство – оружие революции"^[488]. Уиллер Уильяме, один из величайших американских скульпторов, признавал, что целью современного искусства является "уничтожение веры в культурное наследие"^[489]. Другими словами, искусство – еще один фронт непрерывной войны, которую культурная революция ведет с христианством.

В 2001 году Бруклинский музей представил выставку Рене Кокс "Тайная вечеря мамочки Йо". На одной из фотографий раздетая доната мисс Кокс изображала Иисуса, одиннадцать чернокожих приятелей выступали апостолами, а единственный белый олицетворял собой Иуду^[490]. Когда мэр Джулиани позволил себе пройтись насчет "антикатолической направленности Бруклинского музея" и создал комиссию по "наведению порядка", глава Бронкса Фернандо Феррер заявил, что предложение мэра напомнило ему "Берлин 1939 года"^[491].

На деле вся та грязь, которую творческие сообщества вываливают на католиков и их священнейшие символы, действительно напоминает Берлин 1939 года, особенно книгу Юлиуса Штрайхера "Der Sturmer", где верования евреев подвергались такому же осмеянию, какому Мапплторп, Серрано и Кокс подвергают сегодня верования католиков. В чем разница? Антикатолицизм, этот антисемитизм интеллектуалов, есть "мода" современной политической элиты. И скептическое, если не сказать больше, отношение к католицизму характерно не только для столицы и крупных городов.

В начале 2001 года в Музее международного искусства Санта-Фе был выставлен подготовленный на компьютере коллаж под названием "Богоматерь Гваделупы" – почти нагая,

если не считать бикини из роз, женщина на руках ангела с обнаженной грудью^[492]. Когда преподобный Майкл Дж. Шихан выразил свой протест, а к музею подошла разъяренная толпа местных жителей, директор музея Томас Уилсон развел руками: "Мы не ожидали ничего подобного"^[493]. Куратор выставки Тей Марианна Нанн не скрывала недоумения; в интервью газете "Нью-Йорк Таймс" она заявила, что изображения Богоматери Гваделупы, священной иконы мексиканских американцев, встречаются очень часто и что Богоматерь изображали и в виде куклы Барби, и в кимоно каратистки, и как татуированную лесбиянку...^[494].

Как известно, искусство - зеркало души. Т.С. Элиот называл искусство воплощением человеческой религии. Если это верно, какова же душа упомянутых выше "художников"? Что произойдет, если им вздумается высмеять Холокост - например, выставить компьютерный коллаж: голая Анна Франк флиртует с эсэсовцами в Освенциме? Или поставить театральное шоу, высмеивающее доктора Кинга?

Мы знаем ответ. Когда французская компания "Алькатель", с разрешения семьи Кинга, использовала фрагмент речи доктора Кинга в телевизионной рекламе, представитель NAACP Джулиан Бонд заявил: "Хоть что-то должно остаться священным"^[495]. В новом язычестве вполне допустима порнографическая открытка с девой Марией, но речи доктора Кинга священны и неприкосновенны.

Годы назад, когда на экраны вышел фильм "Пророк", в котором зрителю показывали лицо Мухаммеда, что само по себе было кровным оскорблением для мусульман, кинотеатры отказывались брать этот фильм в прокат из страха кровавого возмездия. Когда Салман Рушди опубликовал "Сатанинские стихи", роман, признанный оскорбительным для ислама, ему пришлось провести несколько лет за границей, укрываясь от фатвы - смертного приговора, оглашенного аятоллой Хомейни. Конечно, фатвы и теракты - не американский способ выражения протеста; мы более привычны к экономическим бойкотам и политическим забастовкам. Когда христианам советуют "подставить другую щеку", нужно помнить, что мы в таких случаях отвечаем за себя, а не за Господа. Сам Христос выгонял менял из храма кнутом...

В 1990 году редактор "Эмерикен Артс Куотерли" Джеймс Ф. Купер опубликовал рекламное объявление. Подобно тому как Хорейс Грили призывал ветеранов Гражданской войны отправляться на Запад, Купер обратился к ветеранам холодной войны: "Верните нашу культуру!"^[496] Консерваторы, по словам Купера:

"...никогда, похоже, не читали рассуждений Мао Цзэдуна о ведении культурной войны против Запада. Между тем сочинения Мао входили в комплект обязательного чтения для поколения 1960-х, вдохновленного Гербертом Маркузе, поколения, которое сегодня находится у власти... Консерваторы упорно не замечают того факта, что современное искусство - давно забытое идеализм Мане, Дега, Сезанна и Родена - превратилось в поставщика всего деструктивного, тупого, уродливого, порнографического, марксистского, в проводника антиамериканской идеологии"^[497]

Ответ христиан на нападки на Господа, на осквернение святынь, на экзерсисы Серрано, Мапплторна, Кокс и компании был, можно сказать, почти не слышен и весьма жалок. Как выражается Реджис Филбин: "Это ваш окончательный ответ?"

ПРАВА ГОМОСЕКСУАЛИСТОВ И ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА?

Сражение за душу Америки не утихает. Весной 2000 года студентка-лесбиянка из университета Тафта выдвинула обвинение в дискриминации против местного отделения Межуниверситетского христианского общества, отказавшего ей в праве присутствовать на заседании. Защищаясь, лидер общества сказал: "Когда от нас требуют отказаться от Библии, это означает для нас отказаться от сути нашей религии"^[498].

Результат: студенческий суд распустил местное отделение Христианского общества, лишил его финансирования и запретил членам общества собираться на территории колледжа. Отделению пришлось убрать из своего названия всякое упоминание об университете Тафта. Большинство студентов аплодировало этому решению: ведь третировать гомосексуалистов, поясняли они, значит вести себя неправильно. Университет обратился в суд штата - и выиграл дело. Но этот случай был лишь предвестником последующих событий.

В университете Тафта произошел конфликт вер. Катехизис революции учит, что гомосексуальность - достоинство, никак не грех, и что люди, относящиеся к гомосексуалистам и лесбиянкам неодобрительно, суть консерваторы, которых необходимо переучивать. Согласно Библии, гомосексуальность противоестественна и порочна. И тут мы подходим к основе культурной войны: на каких верованиях - точнее, на чьих верованиях - должны зиждиться законы? В университете Тафта новая вера на короткий срок сменила старую, и христианам пришлось подчиниться. Революция признает сосуществование только до тех пор, пока не добьется гегемонии. А затем начинает диктовать свои условия.

Но кто же прав? Что есть гомосексуальность - аморальная распущенность или вполне моральный и законный образ жизни? Доктор Чарльз Сокаридес, автор множества книг, лауреат премии Ассоциации психоаналитиков Британского общества здравоохранения, изучал гомосексуальность на протяжении сорока лет. Треть его пациентов после курса лечения вернулись к нормальной жизни, женились или вышли замуж и завели детей. Доктор Сокаридес описывает, каким образом культурная революция превратила "патологию" в норму жизни. Он пишет:

"Активисты не стали мельчить. Они приступили к обработке мировых - не национальных! - светил психологического сообщества и сумели нейтрализовать их полным переосмыслением самого термина "гомосексуальность". В 1972 и 1973 годах они переизбрали руководящие органы Американской психиатрической ассоциации и, проведя ряд маневров и интриг, буквально за ночь

"исцелили" гомосексуальность как явление. Ассоциация по их наущению заявила, что влечение к лицам своего пола не является противоестественным. Это всего лишь индивидуальная особенность - столь же нейтральная, как, скажем, леворукость^[499]. Тех, кто не соглашался с этим политическим переосмыслением, вскоре заставили замолчать с помощью административных мер. Наши лекции отменялись без предупреждения, наши исследования и статьи без объяснения причин отвергались научными журналами. А в обществе тем временем происходили куда более серьезные вещи^[500].

Телевизионные и кинопродюсеры принялись снимать фильмы, пропагандирующие гомосексуальность как норму жизни. "Голубой" журнал поучал Голливуд, что и как следует снимать. Издатели перестали брать рукописи, в которых содержались хотя бы намеки на возражения против гомосексуальной революции. Геи и лесбиянки руководили сексуальным воспитанием в школах, внедрялись в деканаты и университетские советы. Законодательные

собрания штатов одно за другим отменяли законы, объявлявшие содомию преступлением"^[501].

В фильме "Филадельфия" Том Хэнкс играет больного СПИДом адвоката, которого изводят жестокие коллеги. Голливуд дал Хэнксу "Оскара" за эту политкорректную роль. Но Сокаридес, который утверждает, что гомосексуализм излечим ничуть не хуже, чем алкоголизм в клинике Бери Форд, не сдавался. И традиционалистам необходимо последовать его примеру. Ведь гомосексуальность – не свобода, а рабство; это не образ жизни, а образ смерти. С распространением СПИДа пациенты доктора Сокаридеса все чаще стали говорить ему: "Доктор, когда бы не вы, я бы умер"^[502].

Те, кто полагает, будто движение за права гомосексуалистов есть прообраз движения двадцать первого столетия за гражданские права, упускают важнейшее отличие. В борьбе за гражданские права можно и нужно опираться на Библию, законы природы и на слова Томаса Джефферсона о равенстве всех людей перед законом. Что касается гомосексуализма, тут все иначе. Джефферсон относился к гомосексуальности как тягчайшему преступлению. В бытность губернатором Виргинии в 1779 году он ввел за гомосексуализм такое же наказание, как за насилие^[503]. Библия, католическая доктрина и законы природы, мягко выражаясь, не одобряют этого явления и признают общество, в котором оно процветает, декадентским. Христианам надлежит реформировать подобные общества – или отдалиться от них.

В "Письме из бирмингемской тюрьмы" Мартин Лютер Кинг писал: "Справедливый закон – тот, который придуман людьми и соответствует этическому или Божьему закону. А несправедливый закон – тот, который противоречит закону этическому. Если воспользоваться терминологией святого Фомы Аквинского, несправедливый закон есть закон, который не укоренен в вечном и природном законе"^[504]. Однако современные законы о гомосексуальности никак не соответствуют "Божьему закону", они отнюдь "не укоренены в вечном и природном законе". По определению, предложенному доктором Кингом, эти законы несправедливы и противоречат этике. Христиане не принимают и никогда не примут этих законов. Они вряд ли могут стать побудительной причиной к объединению общества.

Единственный способ, каким движение за права гомосексуалистов может преуспеть в своем стремлении принудить общество к принятию гомосексуальности как нормы жизни, заключается в предварительной дехристианизации этого общества. И нельзя не признать – первые шаги на этом пути уже сделаны.

ВЕЛИКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Мы предпринимаем исключительно смелую попытку. Подобно Люциферу и Адаму, западный человек решил, что он может послушаться Бога безо всяких последствий и сам стать Богом. Отвергая христианство, западный человек словно говорит: "С помощью биологии и медицины мы узнали, как не допустить зарождение жизни, как продлить жизнь, как создать жизнь, как клонировать ее. С помощью военных технологий мы узнали, как выигрывать войны, не теряя ни единого солдата. С помощью монетарной финансовой политики мы научились предотвращать экономические кризисы. Скоро мы выясним, как предотвращать рецессии. Глобальная экономика сулит процветание всем людям на планете благодаря свободному рынку и свободной торговле. Глобальная демократия принесет нам всеобщий мир, вместо национальных правительств у нас появится мировое правительство. Господь был отличным летным инструктором, но теперь мы научились обходиться без него. Дальше мы пойдем сами".

Дехристианизация Америки - рискованная игра, ставкой в которой выступает наша цивилизация. Америка швырнула за борт "этический компас", по которому республика держала путь в течение двухсот лет, и теперь плывет наугад. Курс прокладывает только разум - Божественным откровением мы пренебрегаем. Отцы-основатели предупреждали, что это - мост в никуда. Ни одна страна не сможет оставаться свободной, если она лишится добродетели, а добродетель не может существовать при отсутствии веры. "Не поддавайтесь иллюзии, будто мораль возможна без религии",- предостерегал Вашингтон в своем прощальном обращении к нации.- К богатству и процветанию ведет множество дорог, и на каждой из них опорой вам будут только вера и мораль"^[505]. Джон Адаме соглашался со своим предшественником: "Наша конституция составлена только для религиозных и нравственных людей, для всех остальных она непригодна"^[506].

Давайте посмотрим, что произошло с нашим обществом после свержения прежнего этического порядка:

из каждых четырех новорожденных белых один рожден вне брака. В 1960 году таких младенцев было 2 процента^[507]. Трое из четырех незамужних белых женщин к девятнадцати годам лишаются девственности. В 1900 году эта цифра составляла 6 процентов^[508]. Уровень самоубийств среди подростков утроился по сравнению с началом 1960-х годов^[509]. Тесты среди школьников старших классов показывают, что сегодня у нас самый низкий уровень образованности среди всех промышленно развитых стран.

в год в США сегодня совершается 1,2-1,4 миллиона аборт; это наивысший уровень на Западе, при том, что с решения по делу "Роу против Уэйда" общее количество аборт составило 40 миллионов. Количество детей, рожденных в браке, сократилось в США с 4 миллионов в 1960 году до 2,7 миллиона в 1996 году^[510].

уровень разводов вырос на 350 процентов по сравнению с 1962 годом; как минимум треть американских детей живет с одним из родителей^[511].

почти 2 миллиона американцев находятся в тюрьмах, 4,5 миллиона отпущены на поруки или под залог. В 1980 году количество узников в США равнялось 500 000 человек^[512].

в Соединенных Штатах сегодня шесть миллионов наркоманов^[513].

в афроамериканском сообществе 69 процентов младенцев рождаются вне брака, две трети детей живут с одним родителем, 28,5 процента мальчиков, как ожидается, попадут в тюрьму^[514]. В крупных городах четверо из каждых десяти чернокожих мужчин в возрасте от шестнадцати до тридцати пяти лет находятся в тюрьмах, либо отпущены на поруки или под залог. Наркотики распространяются пандемически. Дети не желают учиться, сознательных детей унижают и бьют. Девочек насилуют члены молодежных банд, "подсевшие" на наркотики и рэп.

Такова статистика декадентского общества и умирающей цивилизации, таковы первые плоды культурной революции, дехристианизирующей Америку. Изучая эти данные, поневоле вспоминаешь слова Уиттакера Чамберса в "Свидетеле": "История засыпана обломками народов, которые утратили Бога и умерли"^[515]. Джон Нельсон Блэк добавляет:

"Сколь далеко вы бы ни заглянули, основой любого великого государства, любого общества всегда служила религия. Будь то Индия, Китай, Палестина, Греция, Карфаген, Африка или цивилизации Южной и Центральной Америки, везде происходило одно и то же: цивилизации возникали из религии, а когда традиционные верования по тем или иным причинам переставали оказывать влияние на общество, нации погибали"^[516].

Европа давно напоминает Соединенные Штаты. В Канаде между 1960 и 2000 годами число детей, рожденных вне брака, возросло с 4 до 31 процента; в Великобритании - с 5 до 38 процентов; во Франции - с 6 до 36 процентов.

У людей исчез моральный ориентир, сообщил кардинал Кормак Мэрфи-О'Коннор, архиепископ Вестминстерский, в обращении к участникам съезда священников в сентябре 2001 года. Люди ищут радости в алкоголе, наркотиках, порнографии, сексе, - повторял кардинал вслед за епископом Кентерберийским, доктором Джорджем Кэрри, который выступал на аналогичном съезде годом ранее. "Процветает безмолвный атеизм. Считается, что смерть подводит итог всему, что посмертного воздаяние не будет, поэтому ни к чему заботиться о вечных ценностях"^[517].

Но что для одного - горе, для другого счастье. Для ревностного марксиста Куба Кастро - самый настоящий коммунистический рай в сравнении с Кубой 1950-х годов, общество куда более достойное и справедливое, чем то, которое создали изгнанники и беженцы в Майами. Для нашей культурной элиты разводы, аборты и отмирание христианских институтов наподобие освящаемого церковью брака могут служить вехами на пути к свободе.

Но как нам создать нравственное общество, если мы даже не можем согласиться друг с другом, что нравственно, а что - нет?

БОЙСКАУТЫ СТАНОВЯТСЯ ФАНАТИКАМИ

"Культура есть религия, овеществленная и объясненная",- заявил теолог Генри Ван Тиль. Вторя историку Кристоферу Даусону, Рассел Кирк писал, что всякая культура коренится в "культе", то есть в религии. "Это не просто игра слов, - добавляет Брюс Фронен, профессор Центра культурного возрождения имени Рассела Кирка:

"Оба слова, "культура" и "культ", происходят от латинского *colere*, что значит "выращивать, воспитывать, культивировать", как культивируют сад или воспитывают себя... Даусон утверждал, что народ возникает из общности поклонения. По мере того как у людей складываются совместные литургические практики - будь то настоящая литургия или простое распевание гимнов,- возникают и социальные обычаи, относящиеся к еде, искусству, ежедневным ритуалам. Эти общие навыки объединяют людей в народ, в культуру, а также навсегда связывают народ с религией"^[518].

Целью секуляристов является уничтожение связи между культурой и религией. Если они этого добьются, культура умрет. Доктор Кирк пишет:

"Всякая культура возникает из религии. Когда вера ослабевает, культура приходит в упадок, хотя зачастую складывается видимость процветания культуры на фоне увядания питавшей ее веры. Однако ни религия не может существовать без здоровой культуры, ни культура оставаться равнодушной к увяданию или "выветриванию" трансцендентного"^[519].

Таким образом, культурная война есть одновременно война религиозная, доказательством

чему может служить последняя стычка – битва бойскаутов.

В книге бойскаутов 1911 года содержится следующая заповедь: "Мальчик не станет гражданином без признания своих обязательств перед Господом"^[520]. Клятва бойскаута звучит так: "Клянусь честью исполнять свой долг перед Богом и моей страной"^[521]. Гомосексуальные контакты несовместимы с необходимостью соблюдать "моральную чистоту", прописанной в уставе организации^[522].

С момента своего основания американские бойскауты твердо придерживались этих принципов. Однако общественное мнение успело перемениться, а скауты, похоже, этого не заметили. В итоге то, что представлялось нравственно верным в 1980 году, стало фанатизмом в году 2001. Для газеты "Нью-Йорк Таймс" современные бойскауты "нечто вроде группы ненависти"^[523]. И либо скауты приспособятся к изменившейся общественной морали, либо адепты культурной революции добьются их устранения.

Революция попросту не может сосуществовать с бойскаутской организацией – многочисленной, уважаемой и любимой, внушающей вдобавок мальчикам уважение к ценностям, которые сама революция отвергает. Поэтому на стол ложится ультиматум: бойскаутам гарантируют сохранение их положения в обществе при одном условии – они откажутся от части своих традиций и поступятся частью принципов. В особенности устав организации должен позволить скаутам и их наставникам атеизм и гомосексуализм.

"Сделайте ему предложение, от которого он не сможет отказаться", – говаривал Дон Корлеоне. Революция делает бойскаутам предложение, от которого они и вправду не смогут отказаться, ибо выбор у них невелик: сдаться – или погибнуть.

Учитывая, что произошло с католической церковью, в лоне которой укрывались, как выяснилось, священники-педофилы, преследовавшие служек, стремление не допустить проникновения гомосексуализма в ряды бойскаутов было бы, прежде всего, проявлением здравого смысла. Однако идеология отрицает здравый смысл. Калифорнийский университет сегодня отстаивает право гомосексуалов возглавлять скаутские отряды – и право Североамериканской лиги мужской любви публиковать пособия по "подбору" партнеров без привлечения внимания полиции (иными словами, пособий для педофилов "Как совратить невинного мальчика"). Против Лиги выступают родители десятилетнего мальчика, изнасилованного и убитого членом этой организации^[524].

ЧЕМ ЖЕ ТАК ВАЖНА БИТВА БОЙСКАУТОВ?

Отбросив утверждение скаутов, что они – частная организация, на которую не распространяются антидискриминационные законы штатов, Верховный суд штата Нью-Джерси велел бойскаутам отныне принимать в свои ряды гомосексуалистов – во имя высокой цели, "устранения дискриминации в обществе"^[525]. Тем самым суд лишний раз подтвердил соответствие скаутского устава христианской морали: и по Библии, и по скаутскому уставу гомосексуализм есть извращение, "язва" на теле американского общества.

Затем пятью голосами против четырех суд избавил скаутов от необходимости решать – придерживаться ли заветов Господа или быть уничтоженными государственной машиной. Однако упорство скаутов стоило им недополучения одного миллиона долларов. В Нью-Йорке, Калифорнии, Массачусетсе и Миннесоте школьные советы запретили скаутам доступ на

территорию общеобразовательных школ. Точно так же поступили мэрии Майами-Бич и Форт-Лодердейла, Тридцать два местных отделения скаутов лишились связи друг с другом, а фирмы "Леви-Стросс", "Уэллс Фарго" и "Текстрон" - отказали им в финансовой поддержке. Союз еврейских конгрегации США распространил меморандум, в котором говорилось о необходимости порвать со скаутами. Кинорежиссер Стивен Спилберг вышел из попечительского совета организации бойскаутов, заявив: "Последние несколько лет глубоко меня опечалили - американские бойскауты открыто и активно участвовали в дискриминации других людей. Стыдно!"^[526] Когда скауты вышли на сцену на церемонии открытия съезда Демократической партии в Лос-Анджелесе, делегаты встретили их улюлюканьем. Репортер Валерии Ричардсон писала:

"В обычных обстоятельствах это было бы воспринято как повод к удалению делегатов из зала. Но те, кто думал, будто демократы станут церемониться со скаутами, явно приехали не по тому адресу... Поддержка прав гомосексуалистов стала неотъемлемой частью демократической идеологии, столь же важной, как и борьба за гражданские права"^[527].

В апреле 2001 года культурная революция выкатила на передовую свою мортиру - шоу канала СВ5 "Шестьдесят минут" - и, как выразился обозреватель Нат Хентофф, "единым залпом уничтожила скаутов"^[528]. Хентофф позволил себе также процитировать "Демократию в Америке" Алексиса де Токвиля: "Право на объединение столь же неотъемлемо, как и индивидуальная свобода"^[529].

Впрочем, эти права стали первыми жертвами в культурной войне, которая ведется без передышек и перемирий. Традиционалисты вынуждены отступать, но бросать сопротивление нельзя. Следом за дехристианизацией публичных школ и городских улиц произойдет захват частных школ и частных организаций. Соблазняя государственными деньгами, людей заставят отказаться от Бога и признать катехизис революции, который недвусмысленно заявляет: "Все стили жизни равноправны". Кто утверждает иное, будет предан анафеме. Какое же будущее, в таком случае, ожидает Запад? Вновь слово Элиоту:

"Если христианство погибнет, вместе с ним погибнет вся наша культура. И придется начинать все сначала, медленно и болезненно, и новая культура из ниоткуда не появится. Нужно подождать, пока прорастет трава, потом скормить ее овцам, потом состричь шерсть, а уж затем вязать себе кофту. Нас ждут долгие века варварства. Скорее всего, мы не доживем до расцвета новой культуры, как и наши прапрапраправнуки - а если и доживем, вряд ли кому-либо из нас это принесет счастье"^[530].

Глава 9. ЗАПУГАННОЕ БОЛЬШИНСТВО

Законы о гражданских правах принимаются не для того, чтобы защищать только белых, и к ним не относятся^[531].

Мэри Берри,

Председатель Комиссии Сената США по гражданским правам

Почему христиане позволили, чтобы их веру и их Бога изгнали из их же храмов? Почему их сопротивление столь незначительно? Наполеон утверждал, что Бог на стороне превосходящих сил. В Америке христиане по-прежнему составляют большинство, значит, Бог должен быть на

их стороне. Однако они уступают - и пехота, и кавалерия, и даже драгуны. В своей книге "Долгий марш" Роджер Кимболл, редактор журнала "Нью Крайтирион", связывает прорыв культурного фронта с ослаблением позиций консерваторов:

"Долгий марш американской культурной революции завершился успехом, о котором смели мечтать разве что наиболее одержимые своими фантазиями утописты. Величайшая ирония заключается в том, что эта победа одержана на фоне возрастающих симпатий электората к "правым". Не может не шокировать тот факт, что предполагаемый триумф консерваторов на выборах почти никак не сказался на доминировании "левых" теорий, идей и воззрений в нашей культуре. Напротив, в так называемой культурной войне консерваторы продолжают терпеть поражение за поражением"^[532].

Несмотря на похвальбу некоторых консерваторов - мол, если приглядеться, победа в культурной войне все-таки за нами,- будем честны сами с собой и признаем правоту Кимболла. Но почему традиционалисты отступают? И у христиан, и у консерваторов сохраняется доступ к масс-медиа - от радиобесед до телевизионных шоу, от Интернета до глянцевого и научно-популярных журналов. После 1968 года республиканцы одержали больше побед, чем потерпели поражений, то есть они отнюдь не утратили политической воли. Опросы общественного мнения показывают, что в культурном противостоянии народ на стороне традиций: американцы возражают против призыве в армию женщин, против свободы аборт и преимуществ по расовому признаку. Они выступают за сохранение утренних молитв в школах и соблюдение Десяти заповедей. Они хотят поставить барьер неконтролируемой иммиграции и объявить английский единственным государственным языком США. Тем не менее на этическом, социальном и культурном фронтах объединенные силы республиканцев, консерваторов и христиан продолжают с потерями отступать - и фактически превратились сегодня, если позволительно так выразиться, в запуганное большинство.

Белый Дом отказался вмешиваться в расправу над Джоном Эшкрофтом, которую устроили Тед Кеннеди и демократы из Судебного комитета. Ни мистер Буш, ни вице-президент не приняли участия в работе съезда Христианской коалиции в 2000 году. Мистер Буш ограничился тем, что прислал записанное на пленку собственное выступление. Однако он нашел время, чтобы встретиться с республиканцами-гомосексуалистами из клуба "Бревенчатая хижина". Когда боевое знамя Конфедерации превратилось в предмет раздоров и склок, губернатор Буш заявил, что жителям Южной Каролины следует предоставить свободу выбора. Но едва закончились предварительные выборы, губернатор распорядился снять со здания Верховного суда штата Техас мемориальные таблички в честь погибших в Гражданской войне конфедератов.

Никому из выступавших на съезде Республиканской партии в Филадельфии не позволили сформулировать отношение к современной этике. А Колину Пауэллу выделили лучшее время дня для рассуждений о необходимости содействия "позитивной политике"⁽¹²⁾; пристыженные республиканцы покорно улыбались, слушая, как их на всю страну обвиняют в несоблюдении национальных интересов. В позицию партии, получившую прозвище "рейганизм", было выпущено много критических стрел, но эта позиция позволяла сохранить утраченное ныне влияние на культуру и этику общества.

"Республиканцы изменились" - таков был лейтмотив большинства кулуарных бесед на съезде. Так оно и есть на самом деле.

Злоречивый критик Билл Мейхер съязвил, что "в последний раз, когда среди республиканцев было столько чернокожих, они ими торговали"^[533]. Когда мистер Буш попытался "примириться" с НААСР, эта организация ответила новыми нападками - на сей раз это была

политическая реклама с участием дочери Джеймса Бэрда; подразумевалось, что мистеру Бушу наплевать на факт линчевания Бэрда, раз он выступает против закона о преступлениях ненависти. Всякий раз, когда от республиканцев требуют протянуть руку дружбы тем, кто не упускает возможность укунить их за палец, партия подчиняется этим требованиям - и ее снова кусают, к восторгу мучителей. Журнал "Нэшнл Ривью" подвел итоги политики умиротворения:

"Буш усерднее, чем любой республиканский кандидат до него, пытался ничем не оскорбить чувств либералов. Он объявил о поддержке иммиграции, поддержал двуязычное образование, ловко увильнул от прямого вопроса относительно преимуществ по расовому признаку, выступил на съезде NAACP, согласился с законом о преступлениях ненависти и отправил Колина Пауэлла обличать республиканцев на их собственном съезде. Результат: 35 процентов голосов испаноязычного населения - и даже меньше голосов чернокожих, чем было у Боба Доула в 1996 году"^[534].

Консерваторы утратили уверенность, присущую им в молодости, когда христианство было воинственной религией. Они как будто озабочены лишь тем, чтобы убедить общественное мнение в своей политкорректности, благонамеренности и благонадежности. После того как мистер Буш сформировал свой кабинет, председатель NAACP Джулиан Бонд прокомментировал: "(Президент) собрал представителей талибанского крыла в американской политике, удовлетворил притязания правых экстремистов и составил кабинет из тех, кто почти по-собачьи предан идеям Конфедерации"^[535].

Лидер большинства в Конгрессе Ричард Арми писал президенту NAACP Квази Мфуме, что подобные высказывания суть "расовый маккартизм" и что "они провоцируют расовую напряженность"^[536]. "Намеренно или нет, - писал Арми, - эти слова бросают вызов нашему народу и, если на них правильно не отреагировать, неминуемо приведут к расколу общества"^[537]. Арми просил о встрече, однако Бонд и Мфуме отвергли его письмо как "типичный образчик мыслей тех, кто против честности и справедливости"^[538].

Этот эпизод весьма поучителен. Представитель руководства Республиканской партии фактически попросил аудиенции у руководства NAACP - организации, которая всячески унижала его партию и поносила избранного народом президента, а Джулиан Бонд не скрывал своего презрения к республиканцам и к тем ценностям, которые защищает их политическая программа. Уверенные в себе республиканцы попросту растоптали бы Бонда, потребовали бы от Налогового управления провести проверку деятельности NAACP и убедиться, что эта организация не нарушает налогового законодательства, а также отказали бы NAACP в федеральном финансировании, что неизбежно привело бы к увольнению Бонда; в качестве возможных мер воздействия упомяну еще обращения к компаниям-спонсорам NAACP с вопросом, поддерживают ли они демагогические нападки на президента страны, применение ряда положений налогового законодательства для наказания фондов, наподобие фонда Форда, который финансирует не облагаемыми пошлиной долларами публичное унижение президента страны и Республиканской партии. Как известно, библейский принцип - око за око. Поэтому консерваторы должны поступать с NAACP, как либеральные демократы поступают с "новыми правыми".

Вместо этого мистер Арми попросил аудиенции и попытался завязать диалог! Сражения на фронтах культурной войны не соответствуют новому имиджу республиканцев. С уходом Рональда Рейгана средства массовой информации не уставали твердить: "Забудьте о культуре - на ней не выехать. Забудьте о ней, иначе проиграете". Республиканцы вняли призыву - и

превратились в добросовестных исполнителей воли своих противников в культурной войне.

И сама Америка, подобно консерваторам, утратила уверенность в собственных силах. Президент Эйзенхауэр провел операция "Мокрая спина", отослав на родину тысячи нелегальных иммигрантов, и не подумал извиниться перед кем-либо за защиту границ и национальных интересов США. Нынешние республиканцы даже не требуют "запечатать" границы, через которые к нам ежегодно проникает полтора миллиона чужаков. Никто не хочет получить клеймо националиста. Консервативная газета "Хьюман Эвентс" опросила семнадцать членов Палаты представителей и сенаторов, всем задавался один -единственный вопрос - одобряют ли они высылку из страны нелегальных иммигрантов, нарушающих наши законы; из семнадцати человек лишь двое ответили утвердительно^[539]. Поскольку испаноязычные американцы могут отомстить членам Конгресса, требующим ужесточения иммиграционных законов, Конгресс и не настаивает на этом ужесточении. Подобная трусость может стоить нам нашей страны. Наблюдается общий упадок воли, которая необходима для сохранения той великой державы, которой некогда была Америка.

Когда в самом начале своего выступления перед студентами Портлендского университета мистер Клинтон заявил, что в ближайшем будущем "в Америке не останется расового большинства", "аудитория разразилась аплодисментами"^[540]. История показывает, что такое случается крайне редко - чтобы люди аплодировали известию, что они сами и их дети, то есть то самое большинство, окажутся лишенными культурного наследия в собственной стране, созданной их предками.

Падение нравов, столь характерное для нынешней Америки, в Европе заметно еще более отчетливо. Государства, выставившие в двадцатом столетии миллионные армии, сегодня с трудом набирают войска для охраны собственных границ. Более того, они предпочитают привлекать к охране своих границ американцев! Население Европы сокращается, государства распадаются, но лишь немногим, как кажется, есть до этого дело. Исполненные чувства вины, немцы стремятся раствориться в единой Европе. Другие нации тоже как будто устали от независимости и свободы и готовы принять диктатуру Европейского союза. "Нации - богатство человечества, его универсальные персоналии; даже у мельчайшей из них есть собственные цвета и собственное место в Божественном узоре, - сказал Александр Солженицын.- Исчезновение наций обеднит мир не меньше, чем ободинаковление всех людей, с единым лицом и единым характером"^[541]. Тем не менее европейские государства и нации, похоже, смирились с тем фактом, что их пребывание на планете подходит к концу.

Лидеры, желающие сохранить национальную идентичность, получают клеймо расистов и ксенофобов. В Дании министр внутренних дел Карен Йесперсен, радикал 1960-х годов, вызвала бурю негодования своим предложением о высылке беженцев с криминальным прошлым на необитаемый остров. Она не желает жить, заявила Йесперсен, в мультикультурном обществе, где преступники уравниваются в правах с мирными гражданами и где равны все культуры^[542].

Дания вообще превратилась в приют для политических беженцев, вследствие чего датским гостеприимством активно пользуются преступные группировки из Азербайджана, Армении и Украины. За заявлением Йесперсен насчет того, что она предпочитает собственную культуру всем прочим, последовала серия разбойных нападений на датчанок, организованных выходцами с Ближнего Востока, которые вдобавок выдвинули требование о принятии Данией исламского законодательства, налагающего существенные ограничения на права женщин, восстановление смертной казни и практики отсечения рук за кражу.

Европа ужаснулась; реакция была "мгновенной и суровой", как заметила журнале "Полиси Ривью" Хенрик Беринг ^[543]. Европейский центр мониторинга расизма и ксенофобии занялся расследованием этих случаев. В самой Дании, 33 процента гражданского бюджета которой идет на социальную защиту иммигрантов, составляющих 4 процента населения страны, датчане стали выступать в поддержку Карен Йесперсен.

Европа утратила жизненную энергию. В книге "Самоубийство Запада", написанной в 1964 году, стратег холодной войны Джеймс Вернем пришел к выводу, что существует особый европейский тип мышления, примиряющий европейцев с гибелью их империй и закатом цивилизации. Вернем назвал проявления этого мышления в обществе "идеологией западного самоубийства" ^[544]. Мы видим, что эта болезнь распространилась сегодня на весь Запад и переросла в эпидемию.

Но почему консерваторы столь нерешительно сопротивлялись культурной революции, угрожающей существованию их цивилизации? Как представляется, по нескольким причинам.

* * *

Во-первых, последователи Барри Голдуотера и Рональда Рейгана пришли в политику в убеждении, что Америка проигрывает холодную войну. Иными словами, они оказались абсолютно не готовы к началу войны культурной. А с избранием Рональда Рейгана, падением Берлинской стены и крахом Советской империи исчезла и та побудительная причина, которая заставила этих людей заняться политикой.

Кроме того, большинство консерваторов от политики, журналистики и телерадиовещания куда более сведущи в экономике и внешней политике, нежели в истории, философии и теологии. Как заметил один остроумец, "республиканцы вынуждены были спуститься на землю, чтобы урезать налоги". Порой кажется, что это единственная причина, по которой они действительно спустились на землю. Абсолютно "неподкованные" в вопросах этики и культуры, они теряются, когда возникают подобные проблемы, хуже того, не испытывают к ним ни малейшего интереса, поскольку считают, что они не имеют отношения к реальной политике. Покойный Ричард Уивер имел в виду как раз таких республиканцев, когда писал: "Многие традиции нашего мира пострадали не столько из-за врожденных дефектов, сколько из-за тупости, некомпетентности и интеллектуальной лени тех... чьей обязанностью было их защищать" ^[545].

Сталкиваясь с этическими, социальными и культурными проблемами, консерваторы отмахивались от них и углублялись в вопросы налогообложения и военной доктрины, где чувствовали себя на твердой почве. Однако, несмотря на стойкое нежелание республиканцев обращать внимание на культурную войну, эта война разгоралась все сильнее. Ведь, как писал Троцкий, "война может быть не интересна вам, зато вы интересны войне" ^[546].

Во-вторых, захватив общественные институты, имеющие особое влияние на молодежь – MTV, прочие телевизионные каналы в прайм-тайм, кинематограф и прессу, школы и колледжи, – культурная революция обрела возможность формировать мировоззрение молодого поколения. Художники, актеры, драматурги, поэты, певцы в большинстве своем перешли на сторону революции. Обозреватели и комментаторы остались в меньшинстве и, разумеется, не смогли в одиночку противостоять новой силе. Вдобавок развлечения, которые предлагала культурная революция, были для молодых гораздо более привлекательны, поэтому многие дети традиционалистов примкнули к их противникам. Впрочем, став старше, многие из этих "блудных детей" вернулись под отцовский кров.

Полстолетия назад литературный критик Лайонел Триллинг писал: "В Соединенных Штатах либерализм не только доминирует, но и является единственной интеллектуальной традицией. Не подлежит сомнению, что сегодня в обществе отсутствуют сколько-нибудь популярные консервативные или реакционные идеи"^[547]. Эти слова были преувеличением даже в ту пору, однако в них, безусловно, содержится крупица истины. А после шестидесятых произошел "популяционный взрыв" в среде творцов культуры и "властителей умов" – интеллектуалов, критиков, учителей, журналистов, писателей, бюрократов и художников. И консерваторов не просто превзошли числом – их буквально растоптали.

Крейн Бригтон в своей книге "Анатомия революции" пишет, что признаком "существенно нестабильного общества" является внезапное появление множества интеллектуалов, которые:

"...злбно нападают на существующие общественные институты, требуют значительных перемен в обществе, бизнесе и управлении. Чисто метафорически мы можем сравнить этих интеллектуалов с лейкоцитами, стражами кровеносной системы; но при избытке лейкоцитов у человека, как известно, развивается белокровие..."^[548]

Если воспользоваться определением Бригтона, сегодняшняя Америка стоит на пороге белокровия.

В-третьих, в отличие от политических конфликтов, в которых всегда существует возможность компромисса, культурная война представляет собой бескомпромиссную ничью. Триумф одной стороны есть поражение другой, и наоборот. Распространение аборт, легализация самоубийств и однополых браков – явления, требующие от политиков, предпочитающих "золотую середину", однозначного ответа – да или нет. Республиканцы, большинство которых не рассматривает политику как кровавую забаву, оказались не готовы к жестокой схватке с критической теорией, не признающей за противником права на сопротивление.

В прежние времена на власть предрержащих "указывали с гордостью", а на тех, кто бросал власти вызов, "смотрели с опаской". Культурная революция не знает иного способа существования, кроме нападения, а традиционалисты вынуждены постоянно обороняться. "Сила не в обороне, а в нападении", – писал культурный революционер прошлого столетия по имени Адольф Гитлер^[549].

Рассмотрим тридцатилетнюю войну за овладение одной из "господствующих высот" общества – Верховным судом. Двое кандидатов мистера Никсона, федеральные судьи Клемент Хейнсуорт и Дж. Гарольд Карсуэлл, не прошли утверждение, – как и двое кандидатов Рональда Рейгана, федеральные судьи Роберт Борк и Дуглас Гинзбург (причем последнего обвинили в преследовании курильщиков марихуаны). От фамилии Борка был образован глагол "to bork", означавший "подпортить репутацию кандидата в глазах избирателей". Кандидат Джорджа Буша Кларенс Томас был вынужден "пройти сквозь строй" клеветнических публикаций.

Разительный контраст с этим "моральным избиением" кандидатов-консерваторов представляет избрание членами Верховного суда кандидатов Клинтона Стивена Брейера и Рут Бадер Гинсберг. К обоим отнеслись уважительно и одобрили их кандидатуры без малейших проволочек. Демократическая партия, надо признать, поняла и приняла условия культурной войны, тогда как многие республиканцы по-прежнему не хотят видеть, что вокруг рвутся снаряды...

"Политика остановилась у кромки воды", "партизанство заканчивается с закатом" – таковы политические клише вчерашнего дня. Культурная война есть то самое явление, которое Мао называл "перманентной революцией". Со спуском боевого знамени конфедератов в Южной

Каролине, Джорджии и Флориде фронт передвинулся в Миссисипи. Когда будут спущены все флаги, придет черед статуй и портретов, затем названий школ, и так далее, пока не будут устранены и искоренены все напоминания о доблести южан.

В-четвертых, тридцать лет сражений значительно ослабили христианскую мораль. В отличие от эпохи "Колоколов святой Марии" и "Песни Бернадетты" священников и проповедников сегодня в кинематографе и на телевидении чаще всего изображают лицемерами, распутниками и глупцами. Кто захочет выступить в защиту семейных ценностей, зная наверняка, что его подвергнут публичному осмеянию? Как и прочие общественные институты, церковь находится под постоянным огнем - и выказывает явные признаки утомления. Осаждаемая схизмами и выступлениями в защиту абортов и гомосексуалистов, раздираемая внутренними скандалами (женщины-проповедницы, священники-педофилы и пр.), церковь сегодня значительно отличается от той, какой она была вчера. Подобно мышцам, моральный авторитет без регулярных "тренировок" атрофируется. Тот факт, что сенаторы-католики, не получив санкции своих епископов, поддержали вето Билла Клинтона на закон о запрете абортов на поздних стадиях беременности - это "откровенное убийство", по словам сенатора Мойнигана,- показывает, насколько низко пали церковь и вера с благословенных времен Пия Двенадцатого.

Постоянные обвинения в расизме, шовинизме, гомофобии и фанатизме не могли не подорвать боевой дух традиционалистов. Цена продолжения борьбы не могла не показаться чрезмерно высокой. Многие впали в пораженческое настроение и в отчаяние, подобно голливудским звездам и звездочкам, которые грозят покинуть страну, поскольку не желают жить в Америке Джорджа Буша. Христиане сегодня выражают свои чувства только на выборах, но те, кого они выбирают, оказываются не в состоянии сражаться.

Судья Кларенс Томас рассуждал о цене сопротивления на торжественном обеде в Американском институте предпринимательства в 2001 году: "Политически активные граждане часто подвергаются злым нападениям, их называют расистами, гомофобами, шовинистами, дают другие, не менее неблагозвучные прозвища"^[550]. Под шквалом нападок, прибавил судья, "мы приучаемся сдерживать себя. Но это отнюдь не проявление вежливости, это обыкновенная трусость"^[551]. В качестве члена Верховного суда Томас сделал официальный запрос о целесообразности "позитивной политики" и создания преимуществ по расовому признаку. Лидеры этнических организаций незамедлительно обвинили его в измене своему народу; их целью, по словам Томаса, было запугивание^[552].

Кларенса Томаса запугать не удалось, зато его последователи оказались людьми менее стойкими. Они всего лишь хотели, чтобы их оставили в покое. Но в условиях культурной войны покой - непозволительная роскошь, нужно непрерывно делать выбор и принимать решения, хуже того, постоянно пятиться и отступать...

В-пятых, народ "Божьей страны" привык уважать своих лидеров и подчиняться им. Революционеры вроде Уоррена, Дугласа или Бреннана опирались на "врожденный консерватизм" молчаливого большинства, внося свои радикальные предложения. У многих американцев эти предложения вызвали негодование, однако они все же подчинились решениям Верховного суда, уступив авторитету властного органа. До тех пор пока американцы верят, что правительство действует в строгом соответствии с конституцией, они будут подчиняться. Консерваторы по определению не мятежники. Впрочем, таковыми не были и отцы-основатели - пока их, что называется, не приперли к стене.

Наконец, выросло новое поколение, для которого культурная революция вовсе и не революция,

а культура, с каковой они родились и выросли. Гомосексуализм, порнография, грубая брань с телеэкранов и в кинофильмах, матерщина в текстах песен – все это окружало их с колыбелей. Неудивительно, что многие представители этого поколения пребывают в полной уверенности: прежняя Америка была средоточием зла. Традиционная культура им попросту непонятна. Они окончили школы и колледжи, усвоили все, что им внушали, и поверили в теории, опошляющие и оскверняющие наше прошлое. "Мы похитим ваших детей!" – кричали экстремисты шестидесятых. Так и случилось.

А при нетерпимости нынешней культурной элиты главный недостаток консерваторов состоит именно в том, что они – консерваторы. В 1770-х годах люди консервативных убеждений, наподобие Вашингтона и Джона Хэнкока, осознали, что они должны стать мятежниками, как Патрик Генри или Сэм Адаме. В разгар Французской революции, когда к власти пришли Робеспьеры и Бонапарты, оппозицию им составил не только Эдмунд Берк, но и Нельсон с Железным Герцогом ^[13].

Доктор Сэм Френсис, политический обозреватель и автор книги "Революция из глубинки", пишет: ^[553] "Первое, что нужно усвоить, чтобы одержать победы в культурной войне, это то, что мы сражаемся не ради сохранения чего бы то ни было, а ради свержения нового порядка. Мы должны понять, должны отдавать себе отчет в том, что власть – государственные органы, масс-медиа, школы, университеты, значительная часть организованной культуры, включая искусства и развлечения – не только не предпринимает никаких шагов для сохранения того, что считается наследием нации, но и стремится к уничтожению этого наследия – либо безучастна к его исчезновению. Если мы хотим сохранить культуру, мы должны избавиться от угрожающей ей власти" ^[554].

Традиционалисты, любящие культуру и страну, в которой выросли, должны ответить себе на такой вопрос: мы просто хотим сберечь уцелевшие остатки прежней культуры – или собираемся восстановить ее во всей полноте? Останемся ли мы консерваторами – или станем контрреволюционерами и свергнем доминирующую культуру?

Американцы, воспринимающие культурную революцию как продолжение "обычной политики", не понимают сути этого явления, которое намерено уничтожить нашу страну, какой мы ее знали. С революцией невозможно достичь компромисса. Безоглядное и безапелляционное употребление ярлыков "экстремист", "расист", "шовинист", "гомофоб", "националист", "ксенофоб", "фашист", "нацист" показывает, насколько серьезно революция настроена и как она относится к тем, кто ей сопротивляется. Для истинных адептов революции правые не просто люди, закосневшие в ошибочном мнении; правые для них – абсолютное зло.

Вот что сказал Джесси Джексон, лидер чернокожей Америки, после победы республиканцев в 1994 году: "Ненависть и боль распространяются по Америке. Если бы то, что происходит здесь, случилось бы в Южной Африке, все заговорили бы об апартеиде. Если бы это случилось в Германии, все вспомнили бы нацистов, в Италии – фашистов. А мы прикрываемся красивым словом "консерватизм" ^[555]. Когда шел повторный подсчет голосов на президентских выборах во Флориде, Джексон заметил: "Если Джордж Буш победит, это будет победа нацистов... Пора выходить на улицы. Мы должны выступить против Буша, дискредитировать его, сделать все, чтобы он не стал президентом" ^[556].

Для Джулиана Бонда критики "позитивной политики" – не иначе как "неофашисты" ^[557]. Для бывшего мэра Атланты Мейнарда Джексона боевое знамя Конфедерации – свастика ^[558]. Для

конгрессмена Максайна Уотерса Джон Эшкрофт - расист^[559]. Конгрессмен от штата Миссури Уильям Клэй охарактеризовал решение мистера Буша назначить Эшкрофта министром юстиции как "действие в духе ку-клукс-клана - те тоже предлагали свою помощь чернокожим, в виде виселичных петель и горящих крестов"^[560].

Сравнение консерваторов с нацистами и куклуксклановцами восходит по меньшей мере к доктору Кингу, который разглядел в избирательной кампании Голдуотера "явные признаки гитлеризма"^[561]. Сегодня этим сравнением пользуются все подряд, поскольку известно, что наказания не последует. Некоторые журналисты ссылаются при этом на лидеров чернокожих, поскольку разделяют их предубеждение против консерваторов, другие цитируют Маркузе, защищавшего нетерпимость к консерватизму как наилучший способ удалить правых от власти.

Клеймение противников нацистами, фашистами и куклуксклановцами, тем паче безнаказанное, приносит плоды. Оно выбрасывает противника из круга "приличных людей", заранее дискредитирует все, что он собирается сказать, заставляет его защищать самого себя, а не свои политические взгляды. И еще одно: противостоять нацистам или "ночным волкам" куда героичнее, нежели соперничать с Денни Гастертом или Диком Арми. Чем сильнее демонизирован образ врага, тем большим героем ты выглядишь в собственных глазах.

В демонизации правых значительную роль играют фантазии левых. Мистер Клинтон с трагическим видом рассказывал о том, что в Арканзасе его молодости расисты сжигали церкви чернокожих; на самом деле этого никогда не было. Мистер Гор со слезами на глазах поведал аудитории, что у постели любимой сестры, умиравшей от рака легких, поклялся до последнего вздоха сражаться с табакокурением. Лишь некоторое время спустя мы узнали, что мистер Гор, несмотря на свои клятвы, до сих пор сам не бросил курить. Уолтер Мити высмеял мистера Гора в своем рассказе о том, как Эл Гор вышел в интернет, обнаружил там "Любовный канал" и выяснил, что его бурная интрижка с некоей Типпер вдохновила народ на создание "Истории любви". Вполне вероятно, что и в сознании реального мистера Гора последовательность событий выглядит именно так. А когда Джесси Джексон сравнивает пересчет голосов во Флориде с битвой при Сельме, он не только выставляет республиканских юристов солдатами Быка-Коннора, но и изображает себя героем обороны моста через реку Алабама.

"Я жизнь по чайной ложке отмеряю",- жалуется Альфред Пруфрок у Томаса С. Элиота^[562]. Точно так же поступает и наша культурная элита. Зато в своих фантазиях они ежедневно бьются насмерть с нацистами, фашистами и куклуксклановцами, которые иначе набросятся на беззащитные и преследуемые меньшинства. Как тут не восхититься собственным благородством? Для нынешних "прогрессистов" вполне реален мир телесериала "Западное крыло" и "президента" Нью-Гемпшира Джозии Бартлетта.

Подобная политика не требует особого мужества. Вспомним рассуждения миссис Зонтаг относительно того, что "белая раса есть раковая опухоль на теле человечества... белая раса, и только она одна... уничтожала автономные цивилизации везде, где она появлялась"^[563].

Заменим в этих фразах словосочетание "белая раса" на "еврейский народ" - и мы получим замечательный отрывок из "Майн кампф"! Если бы Зонтаг писала так о евреях, ее общественная карьера на том бы и закончилась. Однако диатрибы против "белой расы" ничуть не повлияли на ее авторитет, как и посещение в 1968 году Заноя, где северные вьетнамцы мучили американских военнопленных. Более того, Зонтаг получила пенсию от Фонда Макарура, а в одном из недавних критических обзоров ее назвали самым уважаемым интеллектуалом нашего времени. Тем не менее можно повторить вслед за Томом Вулфом,

автором "Изысканности радикалов" и "Костра тщеславия":

"Кто эта женщина? Кто и что она такое?.. Макс Вебер? Арнольд Тойнби? Вообще-то она - очередная бумагомарательница, потратившая жизнь на участие в демонстрациях протеста и блуждание по разного рода сборищам, а на писательском поприще известная разве что своим запутанным стилем и неудобочитаемыми произведениями"^[564].

По мнению Вулфа, Зонтаг - "любительница порисоваться". Вспоминается замечание Маклюэна о том, что "возмущение на публике - отличный способ для дурака обрести видимость разумности"^[565].

"Каждая жертва мечтает поменяться местами со своим мучителем",- писал революционер Франц Фанон^[566]. Эта фраза Фанона как нельзя лучше объясняет трансформацию движения за гражданские права из традиционного общественного движения, наподобие суфражисток или профсоюзов, в инструмент революции.

В 1950-х годах афроамериканцы с полным на то основанием считались патриотами и консерваторами, гордящимися приверженностью христианской вере. Они требовали равноправия в рамках нашей великой нации, которой посвятили свои жизни. Америка приняла их требование. Белые и чернокожие американцы вместе боролись против законов Джима Кроу и вместе победили. Казалось, мы движемся к подлинному единству. Но с удовлетворением требования о равноправии и признания чернокожих американцев полноправными гражданами США общественное мнение сосредоточилось на других проблемах. Гражданские права были забыты.

Чтобы вновь привлечь к себе внимание общества, следовало выдвинуть новые требования, а потом еще и еще. Уничтожения сегрегации было уже недостаточно. Посыпались новые требования: "позитивная политика", квоты, государственные резервы, равноправие в заработках, образование юридических и конфессиональных округов, призванных гарантировать "справедливую долю" представительства в органах власти. Расовое равноправие должно было быть обеспечено даже на уровне школьных классов, пускай это означало насильственное перемещение белых детей в школы со сложной криминальной обстановкой. Старинный клич свободы сменился непримиримыми требованиями" власти чернокожих.

В 1971 году Верховный суд рассматривал протест белого студента, которого не приняли в коллегии адвокатов Аризоны, хотя он получил на экзамене более высокую оценку, нежели чернокожие студенты, успешно получившие мест; в коллегии. Во время обсуждения дела судья Тергуд Ларшалл повернулся к своему коллеге Уильяму Дугласу и сказал: "Вы, парни, душили нас многие годы. Теперь наша очередь"^[567].

Движение за гражданские права влилось в культурную революции, его воинственные лидеры выдвинули новые требования. Нельзя публично исполнять песни вроде "Дикси". Роберта Э. Ли следует убрать из числа национальных героев. Раз Вашингтон был рабовладельцем, о нем и о других рабовладельцах нельзя рассказывать в школах, в которых учатся чернокожие дети. В книгах Марка Твею содержатся "оскорбительные намеки", поэтому его книг не должно оставаться в школьных библиотеках. Боевое знамя Конфедерации - символ расизма; следует спустить все его копии с флагштоков на Капитолиях штатов, иначе объявим бойкот. Иммиграционное законодательство должно обеспечивать жителям стран "третьего мира" приоритет в получении американского гражданства. Нужно принять законы против преступлений ненависти, заслуживающих особого наказания, и "приструнить" белых, которые

нападают на чернокожих. А еще - давайте-ка присядем и обсудим, как вы собираетесь возмещать нам годы, проведенные в рабстве...

"Всякая успешная революция со временем обрягается в одежды свергнутой ею тирании",- писала Барбара Такман^[568]. Всякое политическое движение, прибавляет Эрик Хоффер, рано или поздно превращается в бизнес, а затем деградирует до рэкета. Движение за гражданские права сегодня стало рэкетом. Все "американцы доброй воли" готовы помочь афроамериканцам избежать социальной катастрофы. В конце концов, они - дети того же Господа и жители и граждане той же страны, что и мы. Однако Джексонам, Шарптонам и Бондам не нужна наша помощь. Они провоцируют нас, изводят нас своими нападками, демонизируют в глазах общества, потому что только таким способом могут поддержать общественный интерес к себе - котел бурлит, телепродюсеры одолевают звонками, федеральные субсидии и гранты коммерческих фондов льются рекой... Если Теодор Бильбо и Билл Коннор мертвы, значит, надо подыскать новых жертв на роли "белых расистов", хотя бы изобрести их, как это было с Джоном Эшкрофтом и Джорджем У. Бушем. Букер Т. Вашингтон предупреждал, что Америке следует остерегаться "расовых рэкетиров":

"Среди цветных есть целый класс тех, кто делает бизнес на обнародовании страданий и мучений негритянской расы. Поняв, что на этом можно заработать, эти люди приобрели со временем привычку рекламировать свои невзгоды - во-первых, вызываешь сочувствие, во-вторых, получаешь деньги. Некоторые из них не хотели бы, чтобы негров во всем приравняли к белым,- ведь тогда они потеряют источник дохода"^[569].

Верно подмечено, доктор Вашингтон.

Когда разгорается спор относительно преимуществ по расовому признаку, республиканцы предпочитают помалкивать. Более того, они кажутся запуганными до состояния полного паралича. Почему?

Как люди честные и, в большинстве своем, христиане, они не могут не признавать, что в прошлом нашей страны действительно были черные страницы. Наши предки и вправду были рабовладельцами и работорговцами. Мы практиковали сегрегацию. С индейцами мы обращались вовсе не так, как можно было бы ожидать от людей, приверженных соблюдению десяти заповедей. Однако, публично покаявшись в преступлениях предков, республиканцы, стремящиеся к абсолюту, стали легкой добычей для публики вроде Джексона и Шарптона, возглавивших "Большую охоту".

Где истина? Что касается рабства и работорговли, западный человек причастен к злодеяниям наряду с другими, зато он единственный может быть назван героем. Не он изобрел рабство, зато именно он его отменил. Если бы не Запад, африканские вожди и царьки до сих пор торговали бы своими подданными. Для Мансы Мусы работорговля являлась основным источником доходов. В Мавритании и Судане рабство фактически узаконено - на фоне гробового молчания интеллектуалов, сделавших карьеры на инсинуациях в адрес Америки и Запада вообще. Да, в Америке существовала сегрегация, но ни в каком другом государстве люди не имели столько свободы, столько возможностей, столько дорог к процветанию.

Время извинений миновало. Если американская глубинка полагает, что капитуляции и выплата репараций помогут сохранить мир, она обманывает себя. Когда не останется требований, "расовым рэкетирам" придется найти себе иное занятие. Но пока молчаливое большинство удовлетворяет их требования, они не устанут придумывать все новые и новые. Пора просто-напросто сказать им "нет".

Деградация движения за гражданские права и его примыкание к культурной революции увеличивают опасность балканизации Америки. Если "Новый курс" Франклина Делано Рузвельта опирался на экономические реалии, "иметь" против "не иметь", то новый демократический курс опирается на совместное участие в выборах и этническую политику.

Если демократы утратят свое влияние на чернокожую Америку, Демократическая партия может забыть о монополии на пост президента. Такова реальность. Поэтому-то демократы с таким усердием поддерживают среди афроамериканцев страх и ненависть к республиканцам. Во всех избирательных кампаниях 1990-х годов разыгрывалась "расовая карта" - распускались слухи о поджогах церквей, куда обычно ходят чернокожие, или о лишении чернокожих избирателей гражданских прав. В кампании 2000 года мистер Гор отправился в Питтсбурге в церковь чернокожих и там поделился такими соображениями о своем сопернике:

"Когда я слышу, как мой противник, губернатор Буш, говорит, что он введет в состав Верховного суда сугубых истолкователей законов, я часто вспоминаю случай из американской истории: нашу конституцию также готовили сугубые истолкователи, и получилось, что некоторых людей сочли двумя третями человеческого существа"^[570].

Мистер Гор подразумевал, что мистер Буш исторически причастен к рабовладению и работорговле. Уклончиво? Весьма: однако сработало. Афроамериканцы во многих штатах отказались поддерживать Республиканскую партию и проголосовали за Альберта Гора в соотношении одиннадцать к одному. Если на кону стоял Белый Дом, с какой стати демократам было отказываться от "расовой карты", этого козырного туза в предвыборной колоде? Что могли бы сделать Эл Шарптон и Джесси Джексон, выпави эта карта из колоды во время игры с такими ставками?

Еще более любопытный вопрос: почему республиканцы от выборов к выборам с такой энергией и таким усердием пытаются раздробить наиболее крепкий избирательный блок демократов? Почему не "отправляются охотиться туда, где есть утки?" Опора и надежда республиканцев на любых выборах - американское большинство. В 1972 году мистер Никсон получил 67 процентов голосов белого населения США; в 1984 году мистер Рейган взял 64 процента голосов. Мистер Буш получил 54 процента голосов всего белого населения страны - и 60 процентов голосов белых мужчин. Поскольку белые составляют 82 процента от электората страны в целом, то, если республиканцы сумеют увеличить их долю с 54 до 60 процентов, никакой другой поддержки уже не понадобится.

Белые мужчины чувствуют себя жертвами всевозможных квот, государственных резервов, обратной дискриминации и "позитивной политики". Они -являются излюбленной мишенью ученых, журналистов и феминисток, равно как и Джексонов, Шарптонов и Бондов. Впрочем, в американской глубинке не любят никого из тех, кто нападает на белых мужчин. Если республиканцы положат предел преимуществам по расовому признаку и введут мораторий на иммиграцию, а также воззовут к молчаливому большинству, как демократы взывают к меньшинствам,- шансы партии на следующих общенациональных выборах заметно возрастут.

Вспоминается, что президент Джордж Буш-старший попал в Белый Дом, предъявив избирателям воскресный пропуск, врученный его соперником Майклом Дукакисом убитце Вилли Хортону, а также членскую карточку Калифорнийского университета с именем Дукакиса. А покинул Белый Дом мистер Буш-старший был вынужден вследствие повышения налогов и подписания закона о квотах - последнее было шагом навстречу политическим противникам, которые, как обычно, оплатили республиканцам пощечиной.

ДВЕ АМЕРИКИ

Когдаходишь до перепутья, выбирай любую дорогу,- советует йог Берра.

Республиканская партия сегодня стоит на распутье. И решение, которая она примет, будет не менее судьбоносным, чем в Сан-Франциско в 1964 году, когда партия назвала своим лидером Барри Голдуотера. А ведь в те времена "счастьем было на рассвете понять, что жив, а понять, что молод,- счастьем вдвойне"^[571].

Как выяснили дотошные комментаторы, в президентской политике решающими факторами становятся вопросы расовые и культурные. Американцы чернокожие, испаноязычные и еврейского происхождения голосовали в основной массе за Гора, однако 60 процентов голосов мужской части белого населения Америки сделали президентом мистера Буша. Электоральная (по избирательным округам) карта США показывает, что Америка разделилась надвое. Эл Гор получил значительный перевес в Вашингтоне и прибрежных округах штатов Орегон и Калифорния, зато к востоку от побережья первенствовал всего в одном округе. Из 230 округов в Неваде, Юте, Айдахо, Вайоминге, Небраске и Канзасе мистер Гор победил лишь в трех, но восполнил этот провал, двигаясь вверх по Миссисипи, от Нового Орлеана до Батон-Руж, Мемфиса, Сент-Луиса, Четырех городов ⁽¹⁴⁾ и Сент-Пола.

Правда, за пределами крупных городов и их пригородов картина для него сложилась удручающая. Как писал историк Ральф Райко, можно проехать всю Америку из конца в конец и ни разу не попасть в округ, голосовавший за Гора^[572]. Зато невозможно проехать через любой штат, исключая Род-Айленд, чтобы не угодить в округ, голосовавший за Буша.

Что будет определять контуры политики двадцать первого столетия? Согласно комментарию газеты "Вашингтон Пост", - этика и культура:

"Битвы за легализацию абортов, контроль над вооружениями и прочие идеологические схватки радикально изменили пристрастия американского электората. Традиционно поддерживавшие демократов белые рабочие стали республиканцами, а многие белые, живущие в достатке, переметнулись от республиканцев к партии Рузвельта... Расовые проблемы, такие как распределение школьников и "позитивная политика", подтолкнули к республиканцам избирателей из числа "голубых воротников"; в то же время культурные завоевания, прежде всего легализация абортов, обеспечили демократам поддержку белых представителей творческих профессий"^[573].

Среди американцев, зарабатывающих пятьдесят или больше тысяч долларов в год, некогда составлявших твердую базу республиканцев, за Буша голосовали всего 7 процентов. Американская коллегия адвокатов и Американская медицинская ассоциация когда-то считались бастионами Республиканской партии - а сегодня они превратились во враждебные территории. То же самое верно и в отношении масс-медиа. В ночь выборов, пишет аналитик Терри Тичаут, "сотрудников CNN то и дело приходилось призывать к порядку... когда они принимались бурно радоваться, услышав очередное сообщение о победе Гора в том или ином штате... чтобы не услышали телезрители"^[574].

Если творческая элита мигрирует влево, низкооплачиваемые белые избиратели сдвигаются вправо. Иными словами, имеет место обмен электоратами. Том Эдсолл из "Вашингтон Пост" выяснил, что "в девяти из десяти беднейших округов в Кентукки... в тех местах, где демократы во главе с Гарри Трумэном танком прокатились по республиканцам, победу одержал Джордж

У. Буш, чаще всего с минимальным перевесом, что стало зеркальным отражением победы Гора в богатейших и наиболее образованных округах"^[575].

Гор проиграл Бушу голоса белого электората всех категорий доходов, за исключением тех, чей доход не превышает пятнадцати тысяч долларов в год; здесь результат Гора составил 46 процентов против 43 у Буша - удивительная "измена" беднейшей части белого населения страны. "Моих избирателей,- сказал несколько лет назад автору этих строк конгрессмен из Оклахомы,- волнуют три вещи - отношение к Богу, к оружию и к геям".

Если оставить в стороне расовый вопрос, частота посещения церкви стала почти идеальным показателем того, как конкретный человек проголосует на выборах. Те, кто ходят в церковь еженедельно и чаще, в большинстве своем голосуют за республиканцев. А те, кто бывает в церкви редко или вообще в нее не заходит, голосовали за демократов. Да, в самом деле Америка разделилась на две страны.

На выборах 2000 года республиканцы уклонились от обсуждения расового вопроса, проблем культуры и веры, справедливо посчитав, что враждебного отношения большей части населения к Клинтону и Гору будет вполне достаточно для того, чтобы вернуть консерваторам утраченные позиции. Что ж, они не ошиблись. Но преимущество в три миллиона голосов (при предварительном подсчете) Гора и Надера над Бушем и Чейни - последний сигнал тревоги для Республиканской партии, последний призыв задуматься.

Если мистер Буш и его администрация не сумеют разрешить проблемы цветного населения и восстановить традиционные ценности, Америку уже ничто не спасет. И если Республиканская партия, придя к власти, откажется возглавить политических, культурных и экономических консерваторов, очень многие отвернутся от этой партии и лишат ее своей поддержки. Для мистера Буша лакмусовой бумажкой станет Верховный суд. Назначение кого-либо из сторонников абортоточечников разочарует деморализует правых. Если президент отдаст место в суде представителям группы Саутер-Стивенса-Гинсберг-Брейера, единственным оправданием для республиканцев сможет послужить только тезис о выборе меньшего из двух зол, но это не слишком убедительное оправдание. Слова Джо Луиса о своем сопернике в полутяжелом весе Билли Конне применимы и к нашему президенту в условиях культурной войны: "Он может убежать, но не сможет спрятаться".

Как бы сильно того ни желали "ревностные консерваторы", культурная война и расовый вопрос никуда в ближайшее время не исчезнут. Слишком многие заинтересованы в том, чтобы эти проблемы сохранились. Афроамериканцы и испаноязычные граждане США составляют сегодня четверть населения страны. Все чаще на президентских выборах они голосуют единым блоком. Наши масс-медиа также заинтересованы в сохранении и усугублении расового конфликта. Рейтинги и рекламные деньги требуют "ударных" новостей и материалов, а ничто - кроме войны, конечно,- не привлекает читателя больше, чем описание расовых конфликтов. Дело О. Дж. Симпсона поляризовало общественное мнение Америки, зато оно обеспечило СМИ удачный финансовый год.

Раздувающиеся бюджеты федеральных агентств - Комиссии по равноправию условий труда, Комиссии по гражданским правам, департаментов гражданских прав в министерствах юстиции, образования и здравоохранения - также требуют постоянного притока сведений о "жертвах расизма". Чем больше средств получают эти агентства, тем больше злодеев и жертв они должны отыскать. По закону Паркинсона, объем работы возрастает в той мере, в какой это необходимо, чтобы занять время, выделенное на ее выполнение.

Ситуация с гражданскими правами привлекает и адвокатов. Новость о том, что где-то

нагрубили чернокожему клиенту или отказались его обслужить, для адвоката равноценна выигранным билетом лотереи. Фирме "Рестораны Денни" за слишком медленное обслуживание шестерых чернокожих агентов ФБР в Аннаполисе пришлось заплатить 54 миллиона долларов 295 000 истцов и их адвокатам, а также подписать соглашение с НААСР, по которому компания обязалась принять на работу значительное число афроамериканцев и оказывать протекцию поставщикам, возглавляемым представителями этнических меньшинств^[576].

Бойкот, устроенный в 1980 году преподобным Джексонном пивной компании "Анхойзер-Буш", производителю пива "Бадвайзер", завершился столь благополучно, что сыновья преподобного Юсеф и Джонатан владеют сегодня крупнейшей дистрибуторской сетью компании в Чикаго. Газета "Чикаго Сан Таймс" сообщает, что после того как Джексон "пригрозил протестом", узнав о предполагаемом слиянии компаний "Дженерал телефон энд электронике", "Белл Атлантик", "Эмерикен телефон энд телеграф" и СТИ, эти компании быстро сориентировались и пожертвовали энные суммы возглавляемым Джексонном организациям. В итоге Джексон сменил гнев на милость и "передумал", как выражается газета, тем более что компании "согласились на предложение Джексона предоставить контракты малым фирмам, которыми руководят представители меньшинств, - во всяком случае, тем, кого Джексон представил корпоративным боссам"^[577]. Да уж, воистину бесчисленны способы сохранить надежду!

Чернокожие члены Христианской коалиции, утверждавшие, что их не пригласили на рождественский ужин и что они вынуждены были работать на инаугурации, вместо того чтобы сидеть за столами, как ссыльные, обратились в суд с исками о возмещении морального ущерба. Сумма претензий - 621 миллион долларов^[578].

Расовый рэкет набирает обороты и из проблемы национальной превращается в мировую. В Дурбане, Южная Африка, в сентябре 2000 года проходила под эгидой ООН международная конференция "Мир против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и нетерпимости". Цель конференции: добиться от США официальных извинений за "трансатлантическую работорговлю" и согласия выплатить десятки миллиардов долларов "репараций" афроамериканцам за совершенные предками нынешних белых граждан США "преступления против человечности".

Преподобный Джексон и его союзники по "черному совещанию" надеялись на приезд Колина Пауэлла, который публично покается бы в грехах своей родины, выслушал бы все те мерзости, которые были заготовлены заранее, и покорно согласился бы возместить ущерб потомкам африканских рабов. Однако администрация Буша отказалась от написанной для нее роли. Государственный секретарь Пауэлл не приехал в Дурбан, сославшись на занятость, и конференция провалилась - арабские страны превратили ее в подобие трибунала над Израилем за "политику расизма и апартеида". Американская делегация, состоявшая из дипломатов низшего ранга, удалась с заседания. Однако надо понимать, что о "репарациях" мы слышим далеко не в последний раз, и эти разговоры будут возникать при каждом удобном поводе.

Поскольку масс-медиа, Демократическая партия, федеральная бюрократия, адвокаты, ООН и страны "третьего мира" все так или иначе заинтересованы в раздувании расового вопроса, мы обречены считаться с ними до тех пор, пока западные народы не решат, что с них хватит, и не выйдут из игры. Впрочем, стоит ли ожидать таких решительных действий от запуганных людей?

Глава 10. "ДОМ, В СЕБЕ РАЗДЕЛЕННЫЙ..." (15)

Это была чертовски хорошая страна. Не понимаю, что с ней случилось ^[579].
Джек Николсон в фильме "Беспечный ездок" (1969)

Мир - отличное место и стоит того, чтобы за него сражаться ^[580].
Эрнест Хемингуэй, "По ком звонит колокол."

Цивилизации, нации и государства умирают по-разному. Одни гибнут от меча, как произошло с Константинополем в 1453 году. Другие поглощаются империей, как греческие полисы, захваченные Римом, и германские княжества, объединенные Пруссией. Также нации и государства могут распадаться, разъединяться, как случилось с Югославией, Советским Союзом и Чехословакией,- впрочем, многие полагают, что эти государственные образования изначально были искусственными, а потому обреченными на распад.

Страны и цивилизации переживают трансформации, в результате которых возникают новые народы - так произошло в Ирландии благодаря проповедям святого Патрика, так было в Аравии, где проповедывал Мухаммед. В своей статье "Гуманизм и новый мировой порядок" историк Кристофер Даусон семьдесят лет назад описывал происходящее с Западом в таких выражениях:

"На протяжении веков цивилизация следует по избранному пути, поклоняется одним и тем же богам, прислушивается к одним и тем же идеям, признает одну и ту же мораль и одни и те же интеллектуальные стандарты. А затем, абсолютно внезапно, происходит нечто - источники прежней жизни высыхают в мгновение ока, люди неожиданно просыпаются в новом мире, в котором принципы старого мира моментально утрачивают свою значимость и становятся попросту бесполезны... Похоже, что сейчас на Западе как раз осуществляется подобный переход" ^[581].

Цивилизации также могут прекратить воспроизводство, вследствие чего их постепенно поглотят иммигранты, индифферентные к существующей культуре. "Рим погиб вовсе не по причине вторжения варваров,- писал Уилл Дюрант. - Он погиб из-за умножения варварского населения империи... Стремительно плодившиеся германцы не понимали классической культуры, не принимали ее и не распространяли; не менее стремительно плодившиеся жители восточных провинций в большинстве своем были настроены к этой культуре враждебно; а римляне, владевшие этой культурой, принесли ее в жертву радостям бездетности" ^[582].

Запад - самая развитая цивилизация в истории человечества, а Америка - самое развитое государство этой цивилизации, превосходящее прочих в экономическом, научном, техническом и военном отношениях. Другой сверхдержавы не существует. Америка, Европа и Япония контролируют две трети мирового производства и две трети мировых доходов.

Однако могущественная Америка и Запад в целом столкнулись с серьезными проблемами, угрожающими их существованию.

Первая проблема - вымирание населения. Вторая - массовая иммиграция людей различных цветов кожи, верований и культур, иммиграция, ставящая под сомнение культурную целостность Запада. Третья проблема - доминирование антизападной культуры, непримиримой противницы западной религии, западных традиций и западной морали, разделяющей Запад на "удельные княжества". Четвертая же проблема - распад государств и постепенная передача

власти от национальных правительств правительству мировому, чье возвышение неминуемо означает исчезновение государств как общественного феномена.

У Запада достаточно сил и воли, чтобы справиться с этими проблемами, однако ему, как кажется, не хватает желания по-прежнему позиционировать себя как живую, энергичную, динамичную цивилизацию. Экс-троцкист и геополитик Джеймс Вернем писал треть столетия назад:

"Не знаю, в чем причина столь стремительного упадка Запада, который проявляется прежде всего в утрате западными лидерами уверенности в собственных силах и веры в уникальность их цивилизации, а также в ослаблении воли Запада к жизни. Мне представляется, что эта причина (или причины) так или иначе связана с упадком религиозности и с переизбытком материальной роскоши, равно как и с общей усталостью, неминуемо наступающей всякую систему"^[583].

Борьба за сохранение традиционных ценностей, культур и самих западных государств провела новый водораздел между левыми и правыми; эта борьба заставила задуматься над тем, что означает в действительности привычное понятие "консерватизм". Именно здоровый консерватизм должен стать идеологическим мотивом двадцать первого столетия.

Рассматривая стратегии сохранения нашей культуры и государства, необходимо провести как можно более глубокую рекогносцировку и проанализировать соотношение сил. Ведь враги захватили не только общественные и культурные институты Запада, но и основные корпоративные центры. А как глобализм есть антитеза патриотизма, так и транснациональная корпорация есть антитеза традиции. С ее приспособляемостью и аморальностью эта корпорация не имеет и не может иметь "корней" - она способна действовать в любой системе. С эффективностью как основным принципом деятельности она не нуждается в верности работников и "привязке" к конкретной нации или государству. С биржевыми курсами и капиталовложениями как основами ее существования она готова пожертвовать всем во имя получения прибыли. "Глобальный капиталист" и истинный консерватор - это Каин и Авель нашего времени. Нельзя отрицать нарастающее могущество глобализации. Пятьдесят две из ста наиболее успешно и динамично развивающихся экономических структур мира - это транснациональные корпорации, и сорок восемь - государства^[584].

* * *

Демократическая партия культурную войну проиграла, да и многие республиканцы участвуют в боевых действиях, что называется, по необходимости. Учитывая прогнозы относительно грядущих потерь, неудивительно, что многие войны настроены покинуть позиции еще до восхода солнца. В культурном конфликте давосский республиканец заведомо проигрывает демократу из Сан-Франциско.

Культурной революции потребовалось несколько поколений, чтобы победить, - и потребуются несколько поколений, чтобы одолеть ее саму. И битвы будут не политическими, но этическими, интеллектуальными и духовными. Ведь наш противник - не просто очередная политическая партия, но иная вера, иной взгляд на Бога и человечество. И исход войны решат не столько дебаты в Конгрессе, сколько школьное образование, позиция масс-медиа и судов. Ставка чрезвычайно велика - души молодежи. "Мы доберемся до вас через ваших детей", - заявлял поэт Аллен Гинзберг, бессознательно вторя культурному революционеру по имени Адольф Гитлер: "Если они не присоединятся к нам, это не имеет значения. У нас их дети"^[585].

Для победы необходим не только консервативный дух, стремление защищать традиционные ценности Америки и Запада, но и дух контрреволюционный, желание отвоевать утраченные территории. Дабы отстоять право жить так, как им хочется, отцам-основателям пришлось стать мятежниками. И мы должны последовать их примеру.

"Революция,- писал Жан-Франсуа Ревель,- ставит пьесу, в которой политические лидеры появляются лишь в конце"^[586]. Суть культурной революции заключается в захвате культуры; лишь затем она переносит внимание на политику – и ставит пьесу с участием политических лидеров.

Любая форма правления, не укорененная в культуре, обречена на исчезновение. Сталинистские режимы в странах Восточной Европы не успели пустить корни. Когда угроза русского вторжения миновала, эти режимы в одночасье рухнули. Республиканцы сегодня отступили с территории, которую они отчаянно защищали во времена Рейгана, поскольку ощутили враждебность культуры. Возможно, это правильный шаг – поскольку "их гораздо больше, чем нас". Следовательно, консерваторам нужно заключать союзы со всеми, кто готов их поддерживать. Не всякий либерал готов увидеть закат нашей цивилизации и новое вавилонское пленение; с другой стороны, значительное число консерваторов уже сложили оружие.

Такова война – наследница войны холодной, война, которой суждено определить будущее планеты. Вероятно, никто из нас не доживет до той поры, когда мы увидим землю обетованную, однако победа неминуемо будет на нашей стороне. Ведь история учит, что Божественная истина, рухнувшая наземь, непременно восстанет и вновь взлетит к небесам.

Из четырех проблем, стоящих перед Западом, наибольшую угрозу сегодня представляет демографический кризис.

История учит, что корреляция между численностью населения и могуществом народа далеко не абсолютна. Несколько миллионов англичан покорили четверть планеты. Крошечные Португалия и Голландия захватывали территории, намного превосходившие размерами их собственные и куда более населенные: Бразилию, Индию, Китай, Африку, Южную Америку. Тем не менее население – необходимый элемент могущества. По численности армии Конфедерация не уступала Союзу,

Однако самих конфедератов было мало, зато янки – чересчур много. Паранойя французов, вызванная стремительным ростом населения Германии после Версаля, в Конце концов оказалась оправданной. Гитлеровский вермахт превосходил Красную Армию по технической оснащенности, но 80 миллионов немцев, стиснутых железной хваткой Гитлера, не могли победить 197 миллионов русских, стиснутых железной хваткой Сталина. Советский Союз, с его населением в 290 миллионов человек, вполне мог управлять мировой империей. Сегодняшняя стареющая Россия, с ее 145 миллионами человек, хорошо если сумеет сохранить то, что имеет. В самом деле, очень хочется найти в истории семью, племя, | народ, нацию, цивилизацию, население которой постарело бы и начало сокращаться, но которая не отдала бы другим то, что сама сумела захватить в пору расцвета,- хочется,но не получается.

Смерть Запада, как говорится, уже на подходе. Бум рождаемости, начавшийся в 1946 году и завершившийся в 1964 году, породил самое многочисленное поколение в истории США. Однако это поколение не сумело воспроизвести себя. Старшим его представителям сейчас пятьдесят пять, младшим – тридцать семь, и ни у тех ни у других почти нет детей. Старшие уже подумывают о пенсии, младшие зарабатывают на нее, так что им не до детей.

Япония, средний возраст жителей которой на пять лет выше, чем в США, столкнулась с этой проблемой в 1990 году. Рынок недвижимости и фондовый рынок рухнули и до сих пор не восстановились. В октябре 2001 года акции японских компаний находились на уровне 75 процентов от своих пиковых значений 1989 года, а японская экономика в целом "дремлет".

Население Европы уже начало сокращаться. Детей рождается все меньше, зато растет число пожилых и старых людей, поэтому европейским правительствам приходится увеличивать налоги, отодвигать сроки выхода на пенсию и отменять льготы пожилым – или "импортировать" рабочие руки из-за рубежа. Сегодня используются оба способа. Европейцам приходится работать дольше за меньшие деньги, чтобы обеспечить социальную защиту старшего поколения, вследствие чего неизбежно усиливается возрастная напряженность; а с увеличением численности арабов и африканцев нарастает и социальная напряженность. Этнические конфликты в ланкаширском городке Олдем и в Лидсе, Бэрнли и Брэдфорде, столкновения между испанцами и марокканцами в Эль-Эхидо, кровавые стычки между французами и алжирцами в Париже, нападения скинхедов на турок и других иммигрантов в Германии – все это предвестники "горячих денечков", ожидающих Европу в ближайшем будущем. С другой стороны, если Европа остановит иммиграцию, а европейские женщины так и не пожелают обзаводиться детьми, население Европы в скором времени просто-напросто вымрет.

У Америки проблема схожая. Если десятки миллионов молодых американок не желают иметь детей или же рожают в лучшем случае одного ребенка, отсюда следует, что либо Америка должна поощрять массовую иммиграцию, либо повторить путь Японии и Европы. Если американцы хотят сохранить свою цивилизацию и культуру, им нужно рожать как можно больше детей. Нет никакой гарантии, что правительственные инициативы побудят американок задуматься о судьбе нации; тем не менее государственная политика должна быть переориентирована на заботу о детях и о семье как таковой. Ибо что может быть важнее, чем сохранение американской нации и американского государства?

Акт о гражданских правах следует подкорректировать так, чтобы работодатели могли платить больше родителям, чем бездетным, чтобы один из родителей мог оставаться дома и заниматься воспитанием детей, с младенчества до окончания школы. Это правило должно распространяться и на неполные семьи, в которых с ребенком живет только мать или только отец.

Вместо взимания налогов с пособия по уходу за ребенком, побуждающего матерей как можно быстрее выходить на работу, следует увеличить федеральные пособия на детей до трех тысяч долларов на одного ребенка. Это позволит обеспечить должный достаток в больших и бедных семьях. Женщины должны получить экономическую свободу решать, оставаться ли им дома с детьми или работать, и заводить ли одного ребенка или нескольких. Америке не нужны дополнительные рабочие руки, Америке нужны дети.

Работодатели, выплачивающие повышенную заработную плату родителям, должны пользоваться налоговыми льготами. Нужно возродить идею семейного дохода, согласно которой заработной платы одного члена семьи хватает для содержания остальных ее членов.

Бремя корпоративного налогообложения следует перенести с семейного бизнеса и фермерских хозяйств на крупные компании и корпорации. Как говаривал Рональд Рейган, корпорации не платят налоги – их платят люди. Корпорации только собирают налоги. Пускай этим последним делом займется "Форчун-500" [\(16\)](#).

"Посмертный налог" для семейного бизнеса, семейных ферм и семейной недвижимости стоимостью менее пяти миллионов долларов должен быть отменен незамедлительно.

Если понадобятся средства для возмещения отмененных налогов, их можно получить через налог на потребление и таможенные пошлины. Демографический кризис в Америке никак не

сказывается на количестве импортных товаров в магазинах.

Сегодня ценности феминизма и контркультуры заложены в нашу социальную политику и налоговое законодательство. Консерваторы должны приложить все усилия к изменению текущего положения дел. Свободное общество не может принуждать женщин к деторождению, но здоровое общество может и должно вознаграждать тех, кто помогает ему воспроизводить себя.

Два десятилетия республиканцы "навязывали" обществу сокращение предельных налоговых ставок - и в результате добились своего. Снижение налогов, безусловно, полезно для общества. Однако сегодня решается вопрос, куда более важный, нежели чем тот, прирастет экономика за год на 3 или на 4 процента. Речь о выживании нашей цивилизации, культуры и страны.

Облегчение налогового бремени на воспитание детей, впрочем, не устраняет необходимость возрождения религиозности общества. Крепкая вера и большая семья идут рука об руку. Среди белых американцев сегодня наивысший уровень рождаемости в Юте - и это ничуть не удивительно.

АССИМИЛЯЦИЯ

В записках Мэдисона относительно подготовки конституции цитируется губернатор Моррис: "У всякого общества, от великой нации до клуба джентльменов, есть право определять условия принятия новых членов"^[587]. Чтобы остановить происходящее сегодня вторжение в США и ассимилировать 28,4 миллиона некоренных американцев, Америка должна, решительно и без реверансов в чью бы то ни было сторону, воспользоваться этим правом.

Легальную иммиграцию следует ограничить цифрой в 250 000 человек ежегодно. Социальное обеспечение должно распространяться только на граждан США. Иммиграционное законодательство следует изменить так, чтобы воспрепятствовать "цепной иммиграции", когда новые иммигранты привозят с собой все свое многочисленное семейство. Короче говоря, законы об иммиграции должны защищать Америку, а не подрывать ее устои.

Программа H-1B, принятая радением Силиконовой долины, программа, по которой в стране ежегодно оседают 200 000 профессиональных работников, должна быть остановлена. В 2000 и 2001 годах американцы, занятые в высокотехнологичном секторе, лишились десятков тысяч рабочих мест. Выпускники университетов не могут найти работу, на которую они вправе рассчитывать. Привозить иностранных работников, отнимая рабочие места у своих граждан, - политика безнравственная и чреватая социальной напряженностью. Мы должны обеспечить трудовой приоритет американцев.

Амнистия нелегальным иммигрантам, предложенная президентом Мексики Фоксом, будет способствовать тому, что очередные десятки миллионов чужаков ринутся в Америку в предвкушении новой амнистии. Открывать границы в таких условиях - сущее безумие. Мы должны не допустить объявления амнистии.

США должны набраться политического мужества и депортировать нелегальных иммигрантов. Если не существует никакого наказания за незаконное проникновение на территорию США, зачем вообще нужно иммиграционное законодательство? Если мы и впредь будем закрывать глаза и делать вид, что на наших границах все спокойно, к нам в конце концов переберется половина жителей стран "третьего мира". Ведь там давно известно, что кондитерская открыта, а полицейский перестал делать обход.

Нападения на Всемирный торговый центр и на Пентагон, равно как и другие террористические акты, должны послужить предостережением для нынешнего поколения, продолжающего рассуждать о "свободе передвижения". Мир отнюдь не таков, каким мы хотели бы его видеть, в нем недостаточно людей и правящих режимов, которые ненавидят Америку и жаждут ее уничтожить. А благодаря нашей иммиграционной политике враги уже успели проникнуть на нашу территорию. Чтобы обеспечить безопасность и свободу американских граждан, мы должны выдворить из страны нелегальных иммигрантов и защищать наши границы гораздо надежнее, чем в последние десятилетия. От этого зависит, выживет ли свободное общество.

Дети иммигрантов с первого своего появления в американской школе должны изучать английский язык. Этого желает большинство родителей-иммигрантов, этого, что намного важнее, требуют национальные интересы США. И данный метод действует.

Как пишет газета "Нью-Йорк Таймс":

"...через два года после того как калифорнийцы проголосовали за отмену двуязычного образования и заставили миллион испаноязычных студентов погрузиться в английскую среду, будто в холодную воду, эти студенты демонстрируют замечательные успехи в чтении, письме и устной речи, что подтверждается результатами тестов"^[588].

Кен Нунан, основатель Калифорнийской ассоциации двуязычного образования, был, разумеется, среди наиболее яростных противников поправки 227, которая предлагала покончить с двуязычным образованием. А через два года после своего поражения Нунан уже пел дифирамбы этой поправке: "Я думал, дети почувствуют себя униженными. Оказалось, что все наоборот! Я этого не ожидал, честное слово. Дети начали учить - не подхватывать на улице, а именно учить - английский язык, устный и письменный, гораздо быстрее, чем можно было предположить"^[589].

Сам калифорниец мексиканского происхождения, чья мать не знала по-английски ни слова, Нунан заключает: "В методических работах утверждается, что обучение чужому языку занимает семь лет. А у нас дети за девять месяцев научились читать на чужом языке!"^[590] Если мы хотим остаться единой нацией, отмена двуязычия в школах - необходимое условие, поскольку наличие двух языков означает наличие двух культур и даже двух стран в одних границах. Американцам это известно. Английский язык должен стать единственным государственным языком Соединенных Штатов.

Стремление республиканцев превратить Пуэрто-Рико в штат США не имеет отношения к реальности. Пуэрто-Рико, подобно Кубе или Коста-Рике, - отдельная страна со своей культурой, своим языком и своими традициями. Нельзя отбирать у ее народа право на независимость.

Следует провести дополнительный набор в Пограничную службу США, а граждане США должны решить, следует ли расширять нашу многонациональную семью. Если президент Фоке жаждет открытых границ, пускай он открывает их в своей стране - например, с Гватемалой.

Работодателей, нанимающих нелегальных иммигрантов в целях экономии расходов на зарплату и предоставления работникам всех преимуществ американской системы социального обеспечения, нужно преследовать в судебном порядке.

Необходимо противодействовать расширению НАФТА. Как Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) возникло из таможенного союза и превратилось в союз политический, так и экономическое партнерство США и Мексики есть роковой шаг к политическому союзу этих

государств, то есть к потере национальной независимости. Мистер Буш, возможно, не понимает этого, зато президент Фоке понимает прекрасно. История и культура Мексики неотделима от истории и культуры нашего Юго-Запада, но мы остаемся соседями, а не братьями. И, как писал самый американский из американских поэтов, Роберт Фрост, "хороший сосед живет за надежным забором". Так что разумнее всего "воздвигнуть снова между нами стену"^[591].

ВОПРОС СУВЕРЕНИТЕТА

"Гуманистический манифест" 1973 года оказался почти пророческим. Американцы, говорилось в нем, должны "преодолеть пределы национального суверенитета и... присоединиться к построению мирового сообщества... Мы стремимся... к миру, управляемому транснациональным федеральным правительством"^[592]. Вторя Грамши и "Озеленению Америки", "Манифест" предрекал:

"Сегодня происходит истинная революция... В текущий исторический момент на передний план выходит приверженность общечеловеческим ценностям, приверженность, отменяющая все прежние узкие привязанности к церкви, государству, партии, классу или расе... Разве может быть у человечества более возвышенная цель, нежели превращение каждого человека, в идеале и на практике, в гражданина мирового сообщества?"^[593]

Отмирание национальных государств и возникновение мирового правительства было мечтой интеллектуалов со времен Канта. Несмотря на всю свою утопичность, эта мечта оживала в каждом поколении. С точки зрения христианства это – ересь. Когда философы Просвещения отвергли церковь, им потребовалась замена обещаемому церковью небесному видению. И они создали представление о человечестве, совместными усилиями строящем рай на земле. Подмена потусторонности посюсторонностью – та же самая сделка, какую осуществил Исаа, продавший Иакову право первородства за чечевичную похлебку. Дети Просвещения стараются реализовать этот план. С ослаблением влияния христианства на Западе они уже успели заложить фундамент и возвести первый этаж здания мирового правительства.

ООН должна стать парламентом нового мира, Совет безопасности – верхней палатой (причем право вето отменяется), а Генеральная ассамблея – нижней. Международный трибунал станет Всемирным судом, а Всемирная торговая организация образует ветви судебной власти. МВФ станет федеральным резервом. Всемирный банк и его банки-клиенты образуют банковскую сеть взаимопомощи. Агентство ООН по проблемам питания и сельского хозяйства и Всемирная организация здравоохранения будут обеспечивать социальную защиту. Киотский протокол перерастет в глобальную систему охраны окружающей среды. Моделью мирового правительства и его предшественником выступает сегодня Европейский союз. Строуб Тэлбот, сокурсник Клинтона в Оксфорде и "архитектор" политики Клинтона по отношению к России, десять лет назад в журнале "Тайм" описал режим, который сложится в последние годы двадцать первого столетия:

"Все страны есть не более чем социальная условность... Как бы к ним не относились их граждане, сколь священными они бы ни казались, на деле все они – образования искусственные и временные... В ближайшие сто лет национальная принадлежность станет рудиментом; все нации и все государства признают единый, глобальный авторитет. Фраза, бывшая модной в середине двадцатого века – "гражданин мира", – обретет к концу двадцать первого столетия свое истинное значение"^[594].

В картине, нарисованной Тэлботом, МВФ, ВТО и Всемирный банк суть "проборазы министерств

финансов, торговли и развития объединенного мира"^[595].

"Все ли понимают, что мы строим нечто, открывающее дорогу к мировому господству, не просто торговый союз, но политическое образование? – спросил Романо Проди, президент Европейского союза, на заседании Европейского парламента в феврале 2001 года. – Все ли сознают, что национальным государствам, каждому по отдельности, придется доказывать свое право на существование в новом мире?"^[596]

Европе уже столкнулась с национальной проблемой. Хотят ли ее величайшие государства – Великобритания, Франция, Италия, Германия, Россия – и ее древние страны с богатым культурным наследием – Португалия, Испания, Австрия, Голландия, Польша, Греция и все остальные – сохранить свою независимость? Готовы ли они и дальше жить так, как жили до сих пор? Или устали от независимости? Предпочтут ли они социальную эвтаназию и растворение в социалистическом сверхгосударстве под диктовку брюссельской бюрократии?

Великая гражданская война в Европе продолжалась с 1914 по 1989 год. Фашизм и большевизм потерпели поражение, однако история на этом не закончилась. С завершением войны против международного коммунизма началась война против нового врага – международного социализма. Это конфликт обещает стать основным в двадцать первом столетии. От его исхода зависит, уцелеет ли уникальная культура Запада или она станет субкультурой мультикультурного континента. В этом конфликте решится, останутся ли государства Европы свободными и независимыми или превратятся в провинции европейского сверхгосударства, в котором будет запрещено выступать за сохранение национальной идентичности.

Сегодня народам Европы внушают, что справедливость требует, чтобы они, в "возмещение" своих прошлых грехов, открыли границы и разделили кров с потомками тех, кого угнетали их предки, сколько бы их не изъявило желанья приехать. Смогут ли европейцы отвергнуть непримиримые требования культурных марксистов? Ведь от них требуют ни больше ни меньше как демографического, национального и культурного самоубийства – разумеется, на благо человечества.

"Приверженность общечеловеческим ценностям, приверженность, отменяющая все прежние узкие привязанности к церкви, государству, партии, классу или расе... Разве может быть у человечества более возвышенная цель, нежели превращение каждого человека, в идеале и на практике, в гражданина мирового сообщества?" – гласит "Гуманитарный манифест". Однако некоторые по-прежнему считают привязанность к семье, стране, церкви и культуре более значимой, нежели служение человечеству. Именно здесь пролегает линия фронта двадцать первого столетия. Патриотизм или глобализм. Национальное государство или новый мировой порядок. "Независимость навсегда!" или мировое правительство.

Независимость важнее могущества, и за нее стоит сражаться. А поскольку люди не могут, в силу человеческой природы, испытывать патриотическую привязанность к Европейскому союзу, ООН, ВТО и всякому другому "международному сообществу", сражение за независимость неизбежно закончится нашей победой, если патриоты будут сражаться заодно и не утратят мужества. То, что Джеймс Бернем писал о либерализме, верно и в отношении глобализма: "Он не предлагает людям убедительных причин для личных страданий, личных жертв, личной гибели... Он выводит на сцену группу бескровных абстракций – не имеющих ни малейшей связи, ни единого корня в прошлом, в чувствах людей и в их страданиях"^[597].

Поскольку глобализация – проект правящей элиты и поскольку ее архитекторы неизвестны (что не мешает их ненавидеть), глобализация неминуемо натолкнется на Большой Барьерный риф патриотизма. В это мы верим – и в этом наша надежда.

Государства могут распадаться и даже жертвовать суверенитетом в пользу образования наподобие Европейского союза, однако люди будут восставать, как они восставали против Советской империи, и воссоздавать отобранные у них страны.

Мистер Гор втянул нас в Киотский протокол. Мистер Клинтон включил США в число членов Международного трибунала. Однако мистер Буш отрекся от Киотского протокола и осудил деятельности МТ. Что касается ВТО, ее деятельность парализована трансатлантическими ссорами и за пределами Давоса у нее мало поклонников и приверженцев. А как показала "Битва в Сиэтле", антиглобалисты не дремлют - причем, на улицы вышли все, от трудовиков до крайне правых.

Народы Европы все более настороженно относятся к "дивному новому миру", уготованному для них Строубами Тэлботами и Романе Проди. На встрече ЕС в Ницце малые европейские государства возмутились посягательствами на их суверенитет. Датчане отказались присоединиться к "зоне евро". В марте 2001 года 77 процентов швейцарцев высказались против вступления страны в "единую Европу" на референдуме, который был организован с целью втянуть Швейцарию в общеевропейскую структуру^[598]. В некоторых немецкоязычных кантонах количество голосовавших против вступления достигало 85 процентов^[599].

Когда Ирландия, в которой прирост экономики составляет 8 процентов в год, проигнорировала рекомендации ЕС и снизила налоги, Дублину сделали публичное внушение. "Увы,- заметил президент Проди,- иногда учителю приходится наказывать и своего лучшего ученика"^[600]. Ирландский министр иностранных дел отреагировал незамедлительно: "Вот когда другие европейские страны смогут похвастаться такими же успехами, как мы, я прислушаюсь к словам учителя"^[601]. Ирландские избиратели торпедировали соглашение, принятое в Ницце, и решение о расширении ЕС как нарушающие права Ирландии и угрожающие ее суверенитету.

Итальянцы избрали правительство центристов и правых, которое намерено отстаивать интересы своей страны. В Германии христианские демократы все активнее говорят о необходимости поддерживать национальную идентичность и культуру. В Великобритании тори потерпели сокрушительное поражение, однако их программа - сохранение государства и нации, а также фунта стерлингов как национальной денежной единицы - пользуется поддержкой большинства населения. Нарастающее сопротивление в Европе должно получить отклик и по эту сторону Атлантики.

Как только ЕС двинется на восток, наступит крах. Невозможно управлять из Брюсселя двадцать одной страной, разве что Брюссель приобретет власть наподобие той, какую правительство США имеет над пятьюдесятью американскими штатами. Пускай холодная война выиграна, война с глобальным социализмом еще не проиграна.

Американцам следует протестовать против любых попыток ущемить национальный суверенитет, вне зависимости от того, какой президент и какая партия к ним призывают, и поддерживать европейских патриотов, например Маргарет Тэтчер и так называемых "евроскеп-тиков", которые своим знаменем сделали борьбу за сохранение британского фунта стерлингов. Для всех стран выбор одинаков - либо национальный суверенитет, либо уничтожение нации и государства. И проявлять мягкотелость в этой ситуации нельзя ни в коем случае.

Каким образом американцы могут принять участие в этой войне?

о Возражать против ассигнования дополнительных средств на нужды МВФ и Всемирного банка. Эти организации ссудили другим странам сотни миллиардов долларов американских налогоплательщиков, причем на условиях, за которые большинство банкиров отправились бы за решетку. А так МВФ получил мощнейший рычаг воздействия на кредитруемые им страны и вынуждает их подчиняться диктату мировой элиты. Этот рычаг, разумеется, следует устранить.

Требовать от президента передачи договора о Международном трибунале, подписанного мистером Клинтон, и Киотского протокола, отвергнутого мистером Бушем, на рассмотрение в Сенат, причем с рекомендацией не ратифицировать оба эти документа. Следует противодействовать всякой попытке ООН перехватить какую-либо функцию национального правительства, в особенности планам по введению специального "налога ООН" или организации собственной армии.

Главной целью Америки должно стать упразднение ВТО и возвращение к двусторонним торговым договорам, ратифицированным США и их торговыми партнерами, а также упразднение того Международного суда, в котором Америка обладает одним голосом, а Европа - пятнадцатью.

Противиться всякому расширению НАТО. Когда-то этот блок представлял собой военный альянс свободных государств, призванный защитить Западную Европу от сталинской угрозы, но сегодня НАТО превратилось в неоимпериалистический блок, присвоивший себе право нападать, во имя демократии и соблюдения прав человека, на малые государства вроде Сербии. Отцы-основатели устыдились бы тех действий, которые Клинтон и Оллбрайт позволяли себе в отношении сербов. Это государство не нападало на США, никоим образом нам не угрожало, не пыталось втянуть в военное соперничество. Тем не менее мы бомбардировали сербские города, заставляя сербов вспоминать гитлеровскую оккупацию, только за то, что они отказались обеспечить свободу передвижения на своей территории сепаратистам из Косово.

Поддерживать полный вывод сухопутных войск США из Европы и Азии и требовать пересмотра всех соглашений времен холодной войны, завершившейся десять лет назад. Наши союзники, в частности Южная Корея, должны тратить собственные деньги и своими силами обеспечивать охрану своей территориальной целостности. Все великие империи прошлого столетия исчезли по очень простой причине - они обладали слишком большой территорией и позволяли вовлекать себя в войны, не затрагивавшие их национальных интересов. Давайте учиться у истории!

Безусловно, национальными приоритетами в области обороны остаются предотвращение террористических атак и возможных ракетных ударов со стороны стран "черного списка", однако наилучший способ избежать какой бы то ни было атаки - вывести войска и мирное население из-под удара, отказаться от участия в идеологических, религиозных, этнических, исторических или территориальных конфликтах, которые не затрагивают жизненных интересов Америки.

События 11 сентября 2001 года явились прямым следствием интервенционистской политики США в исламском мире, угроза со стороны которого не столь велика, чтобы оправдать наше бесцеремонное и настойчивое вмешательство. Мы ведь республика, а не империя. И до тех пор, пока мы не вернемся к внешней политике, завещанной нам отцами-основателями - воздерживаться от участия в распрях других стран, - нам не суждено ощутить себя в безопасности даже в своем собственном доме.

КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА

Оспаривая тезис профессора Сэмюэла П. Хантингтона о грядущем "столкновении цивилизаций", Джеймс Куртц заявил в своей книге "Национальные интересы", что "батареи" Хантингтона, как сингапурские орудия, повернуты не в том направлении:

"Подлинное столкновение цивилизаций - не схватка между Западом и кем-то из остальных. Это будет схватка между Западом и "Пост-Западом", сложившимся в рамках западной цивилизации. Столкновение уже началось - в мозгу западной цивилизации, среди американских интеллектуалов. Да, столкновение началось, и сегодня оно распространяется от мозга по всему телу..."^[602]

Совершенно верно. Как рак кишечника, данная угроза Западу долго таилась в недрах "цивилизационного организма", чтобы со временем проявиться; западному человеку нужно ответить на вопрос, а выживет ли Запад? Как заметил опоссум Пого: "Мы встретили врага, и он в нас самих".

Революция пока побеждает, однако ее успех, как успехи Дантона или Робеспьера, может быть кратковременным. Цивилизация, которую она создает, долго не продержится. Подобно героину, такая цивилизация хороша в малых дозах, а при передозировке просто-напросто убивает. Шестьсот американцев умерли от СПИДа в 1983 году, когда автор этих строк пытался обратить внимание Белого Дома на кризис в здравоохранении через статью "Бедные гомосексуалисты: они объявили войну природе, и природа дала им достойный отпор"^[603]. С тех пор от этого заболевания умерли сотни тысяч американцев. А еще сотни тысяч с вирусом иммунодефицита в крови живут только благодаря "коктейлям" из лекарств.

Сексуальная революция пожирает наших детей. Статистика абортов, разводов, падения рождаемости,

неполных семей, самоубийств среди подростков, криминализации школ, наркомании, педофилии, рукоприкладства в браке, тяжких преступлений, заболеваемости раком, внебрачного сожителства и падения образованности показывает, насколько глубок кризис в обществе, пораженном культурной революцией. Пустые детские и битком набитые приемные психоаналитиков свидетельствуют о том, что у нас далеко не все в порядке. И, распространяясь, эта зараза тащит в могилу всю нашу цивилизацию.

Почему новая культура и новая цивилизация долго не продержатся?

Во-первых, к элите, ими созданной, относятся неодобрительно и уважением она не пользуется. Скорее, наоборот, ее презирают за нетерпимость и аморальность, а также за отношение к традиционным ценностям. Всеобщий восторг, вызванный известным скандалом с мистером Клинтоном, объясняется презрением общества к контркультуре, которую мистер Клинтон на тот момент олицетворял.

Во-вторых, идеология революции сталкивается с законами человеческой природы и Божественными установлениями. Иными словами, новое общество строится на песке. Женщины отличаются от мужчин, и сколько ни утверждай обратное, это ничего не изменит. Женщины разительно отличаются от мужчин, у них иные социальные роли, к исполнению которых мужчины не приспособлены, что бы ни постановляли суды. Женщины не могут вести мужской образ жизни без катастрофических последствий для семьи, общества и государства.

Гомосексуалиста не перевоспитать; скорее уж, он заразит своим пороком окружающих. Тем

самым способом, каким они себя позиционируют, гомосексуалисты убивают себя - физически, морально и духовно. Так говорят Августин, Аквинат, Центр здравоохранения Атланты, Тора, Новый Завет и Коран. А кто опровергнет эти авторитеты?

Даже беглый взгляд на страницу некрологов в любой газете покажет, что гомосексуализм и долгая жизнь несовместимы. Как и всякое иное общество, Америка выяснила, что Господь, прежде чем высечь Свои заповеди в камне, из предосторожности прописал их в человеческих сердцах. Попробуй воспротивиться Его установлениям, возмутиться против них - ты все равно не избежишь последствий противоестественной жизни.

Мы можем сколько угодно убеждать детей в том, что гендерные различия суть чисто умозрительные понятия, что все цивилизации, культуры, религии и государства равноправны. Реальный мир объяснит им, что их обманывали. Пускай "современный релятивизм утверждает равноправие всех культур", - пишет Кеннет Миног в журнале "Нью Крайтирион":

"...никто, разумеется, всерьез в это не верит. В отличие от технологической сферы моральное неравноправие культур особенно заметно на примере положения женщин. Только Запад сумел отменить рабство. Однако характерной чертой современного декора - возможно, порождением пресловутого "триумфализма" - является требование к нам нигде и ни при каких обстоятельствах не превозносить преимущества европейской цивилизации, несмотря на то что многие миллионы людей жаждут оказаться под ее сенью"^[604].

Покажите мне человека, который искренне верил бы в равноправие культур и цивилизаций. Разве последователи пророка Мухаммеда считают христианство равноправной с исламом религией? Разве североамериканские миссионеры, стремившиеся донести Христову веру до ирокезов, верили, что индейские религии достойны встать вровень с христианством? Разве верили в равноправие цивилизаций Кортес и Писарро, покорявшие ацтеков и инков? Разве все культуры создали равно великие образцы поэзии, прозы, живописи, скульптуры, музыки и архитектуры? Неужели кто-то и вправду верит в это - или это не более чем досужие разговоры в Метрополитен-музее и Музее современного искусства?

Равноправны ли нации и государства? Если да, почему же беженцы со всего мира стекаются на Запад? Равноправны ли люди? Да, в Америке равноправие гарантировано законом. Но представление о собственном достоинстве каждого человека и о равноправии людей возникло не в Китае, не в Японии, не в Африке и не в Аравии. Оно родилось на Западе. Постыдно ли рабство и рабовладение? Безусловно; но какая религия первой заговорила об этом и какая нация первой приступила к искоренению рабства? Христианство - и англичане.

Согласно Первой поправке, люди имеют право на свободу вероисповедания, однако в высшей степени нелепо делать отсюда вывод, что все веры и религии равноправны. И цивилизации тоже не равноправны. Запад подарил миру лучшее из того, что было когда-либо сформулировано и придумано. Западная цивилизация и западная культура превосходят все остальные. Демократия одного голоса не является ненарушимым принципом; это утилитарная идея. В мировом масштабе она не работает. Американцы составляют 4 процента мирового населения и обладают 30 процентами мировой экономической и военной мощи; им попросту не пристало рассуждать о равноправии наций и государств - как, впрочем, не пристало и поступаться хотя бы толикой суверенитета в пользу очередной Вавилонской башни на Тертлбэй.

Мировое правительство, в котором все государства и народы будут иметь равное право определять судьбу человечества,- абсурд. Самолетом управляет пилот, а не пассажиры, а родители не дают младенцам права голоса при обсуждении семейных проблем. Я призываю не

к высокомерному поглядыванию на остальных, но к самоуважению и твердости тех, кто наделен полномочиями принимать соответствующие решения.

В своей статье "Моление о нетерпимости" (1931) епископ Фултон Шин описал потребность в "интеллектуальной опоре", которая заставляет современного священника "метаться от быка истины к ослу невежества"^[605]. К некоторым вещам, пишет Шин^[606], люди "моральные" должны быть нетерпимы:

"Терпимость относится лишь к людям, но никогда к истине... или к принципам. Что касается последних, мы должны быть нетерпимы... Правда есть правда, если правы все и ложь есть ложь, если все лгут. И в этот день и час нам потребна, как заметил мистер Честертон, "не церковь, которая права, когда прав мир, а церковь, которая права, когда мир ошибается"^[607].

Революция окажется недолговечной, поскольку против нее обратится тот цинизм, который она сама воспитывала у молодых. Ее иконы будут сожжены выпестованными ею варварами. Критическая теория - игра, в которую могут играть все подряд. Политика персонального разрушения, примененная к Джону Тауэру и Роберту Борку, сейчас стала оружием в арсенале обеих сторон. Пока революция у власти, циничный лозунг шестидесятых "Не доверяй людям старше тридцати!" может быть с легкостью повернут против нее. Без западной культуры, этой иммунной системы нашей цивилизации, новая Америка абсолютно беззащитна и абсолютно уязвима.

Когда немецкие танки стояли под Москвой, Сталин вдруг выяснил: немногие готовы умирать за идеалы большевизма, зато все как один готовы защищать родину. Патриотизм спас Россию; к сожалению, американский патриотизм подорван саперами культурной революции. Когда Маделейн Оллбрайт, Уильям Коэн и Сэнди Бергер отправились в Огайо, рассчитывая добиться поддержки в вопросе возобновления бомбовых ударов по Ираку, они с изумлением обнаружили, что "поколение Икс" жаждет участвовать в клинтоновских войнах не больше, чем Билл Клинтон и его "поколение Вудстока" жаждали воевать за Никсона.

"Ну почему мы не можем ужиться?" - спрашивал Родни Кинг во время мятежа в Лос-Анджелесе, когда полицейских, избивших его, оправдали на суде. Да, было бы просто здорово, сумей мы ужиться. Но горькая правда состоит в том, что ужиться мы попросту не способны, потому что погрязли в войне за идентичность, за понимание того, кто мы такие, во что верим и за что сражаемся. Этот конфликт не подавить и не искоренить, ибо он затрагивает основы человеческого бытия. Те, кто отрицает, будто культурная война по сути своей является войной религиозной, не утруждали себя размышлениями на эту тему. Не стоит тешиться иллюзиями, будто в этой ситуации возможен мир. Революция мгновенно нарушит любое перемирие, поскольку она стремится к абсолютной власти и к уничтожению старой Америки.

Консерваторов и традиционалистов называют расистами, фашистами, фанатиками, экстремистами, гомофобами и нацистами, и все потому, что именно так воспринимает нас революция. Нападки на нашу историю и на наших героев не кончаются, потому что для культурной революции это способ "очистить" Америку от ненавистного наследия.

Посмотрите на требования, предъявляемые к жителям "страны Божьей". Американских детей вынуждают расти в культуре, которую их родители считают упадочнической, если не сказать демонической. Правительство использует налоги на финансирование того, что эти люди называют убийством нерожденных младенцев. Они вынуждены отправлять детей в школы, которые грозят подорвать религиозность молодых. Им велют бросить попытки жить по библейским законам, ибо это сегодня запрещено конституцией. Такова цена мира в культурной

войне, и неудивительно, что для миллионов христиан она слишком высока.

Общество, в котором процветает порнография, в котором церковники благословляют клубы гомосексуалистов, а христианские символы и праздники отменены за ненужностью, - это совсем не то общество, в котором хотят жить эти люди. В глазах молчаливого большинства правительство теряет свою легитимность. Это большинство не прибегнет к насилию, поскольку состоит из людей, не склонных к насильственным действиям, однако оно начинает относиться к правительству как к инородному телу и искать пути освобождения из-под пяты доминирующей декадентской культуры.

В "Унесенных ветром" Ретт Батлер, терпение которого истощилось, в последний раз покидает Тару. Потрясенная Скарлетт кричит ему вслед: "Что же делать мне?" И Ретт отвечает: "Честно говоря, милая, мне плевать"^[608].

Нас, американцев, все меньше и меньше заботит, как обстоят дела у наших противников в культурной войне. Мы всего лишь хотим освободиться от пут - и неуклонно движемся к разрыву. Вероятно, уже скоро настанет время повторить за Дос Пассосом: "Что ж, мы - две нации"^[609].

Несколько лет назад один неоконсервативный журнал высказался в том смысле, что нельзя любить свою страну и одновременно ненавидеть ее правительство. Но ведь Вашингтон не ненавидел Англию, однако пошел воевать с англичанами, чтобы избавить свою страну от власти парламента и короля. Роберт Э. Ли не ненавидел страну, за которую сражался в Мексике; он лишь стремился свергнуть ее правительство. Эллис Рузвельт и Чарльз Линдберг презирали Франклина Делано Рузвельта, но они любили Америку и не собирались втягивать ее в очередной европейский конфликт, который, по их мнению, не затрагивал американских интересов. Человек может любить свою страну и презирать ее правительство во главе с мистером Клинтон - как, собственно, и было с миллионами американцев.

Если нынешняя Америка уже не та, что раньше, чем мы обязаны нашему правительству? Ответ содержится в Евангелии от Матфея: "Тогда говорит им: итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу" (Мф., 22:21)^[610]. Традиционалистам следует взять на вооружение отношение к империи римских христиан. Они сохраняли верность империи, но отказывались принимать ее языческую культуру. Иными словами, они оторвались от прежних обычаев и обрядов и создали новую христианскую культуру в своих семьях и своей среде.

Отделение от доминирующей культуры может происходить самыми разными способами - от отказа смотреть телевизор и ходить в кино до домашнего обучения, участия в демонстрациях против абортов и переселения в менее загрязненные районы. Так, в частности, поступали меннониты-амиши, ортодоксальные иудеи, мормоны, переселившиеся к Великому Соленому озеру. Католики девятнадцатого столетия забирали детей из публичных школ и отдавали их в школы приходские. В 1980-е годы протестанты и фундаменталисты начали создавать альтернативные культурные и общественные институты -

христианские школы, телепередачи, журналы, радиостанции, сети кабельного вещания, книжные магазины и издательства. Миллионы детей посещают сегодня католические и протестантские школы - и свыше миллиона человек учатся на дому. Обращаясь к традиционалистам-католикам, обозреватель журнала "Уондерер" Джеймс К. Фитцпатрик писал: "Нам придется приспособиться к положению субкультуры и всему, что это положение подразумевает... Или же мы должны будем заключить перемирие с новой Америкой, созданной

голливудскими порнографами... Подобный вариант невозможен"^[611].

Взрослые могут отделиться от доминирующей культуры, покупая книги, видеокассеты и компакт-диски. Местный магазин может предлагать фильмы "для взрослых", однако сеть "Блокбастер видео" торгует только классикой. Вчерашний Голливуд совсем не то, что Голливуд нынешний. Фильмы прошлого прославляли героизм, благородство и патриотизм. Среди фильмов 2000 года к таким, безусловно, относятся "Гладиатор", "Патриот" и "Тринадцатый день". Когда Американский институт кино опубликовал в 1989 году список величайших американских кинокартин, в верхней половине этого списка оказался лишь один фильм, снятый после 1982 года^[612].

Что же касается презираемых ныне 1950-х годов, они представлены семью фильмами - "На набережной", "Поющие под дождем", "Бульвар Сансет", "Мост через реку Квай", "В джазе только девушки", "Все о Еве" и "Африканская королева"^[613]. Среди прочих фильмов пятидесятых, вошедших в топ-лист, "Полдень", "Окно во двор", "Трамвай "Желание"", "Отсюда и в вечность", "Бунтарь без причины", "Головокружение", "Американец в Париже", "Шейн", "Бен Гур", "Великан", "Место под солнцем" и "Искатели"^[614].

В 1998 году Библиотечный совет предложил вниманию публики свой список ста лучших романов двадцатого столетия. Разумеется, в списке наличествовали произведения представителей контркультуры; в то же время в него вошли четыре романа Конрада, включая "Лорда Джима" и "Сердце тьмы"; "Скотный двор" и "1984" Оруэлла, "Дивный новый мир" Хаксли, "Слепящая тьма" Кестлера, "Вся королевская рать" Роберта Пена Уоррена, "Повелитель мух" Уильяма Голдинга, "Киношник" Уолкера Перси и "Ким" Киплинга^[615]. Среди сотни лучших нехудожественных книг двадцатого века первенствовали левые сочинения, однако нашлось место и Т.С. Элиоту, Г.Л. Менкелу, Шелби Футу, Тому Вулфу, Уинстону Черчиллю, Полу Фасселу и английскому военному историку Джону Кигану^[616].

Традиционалистам не составит труда подготовить курс английской и американской литературы для школ и университетов, а также собрать фильмотеку, которые познакомят молодежь с лучшими книгами и фильмами, созданными в Америке. Если водопроводную воду пить невозможно, покупай родниковую воду в бутылках. Это правило применимо и к загрязненной культуре.

Интернет может объединять группы людей со схожими политическими и религиозными воззрениями. Взрослые могут найти то, что им требуется, в биографиях, исторических сочинениях, политологических штудиях и в новостях, и не только в книгах, но и на кабельном телевидении. Радиостанции в большинстве своем забиты "хламом", но существуют христианские и консервативные радиостанции, а также станции, передающие классическую музыку и рок семидесятых - в пику эйсид-року, хард-року, сатанинскому року, хип-хопу и рэпу.

У детей положение сложнее. В музыке, которую они слушают, в фильмах, которые они смотрят, на МТУ и на других телеканалах, в книгах и журналах, которые они читают, торжествует гедонизм. От него нигде не укрыться.

Пожалуй, лучшее, что могут сделать родители, - это внушить своим детям необходимые жизненные ценности и молиться, чтобы они эти ценности воплощали в жизни, чтобы не погрязли в грандиозном болоте американской масс-культуры.

ПОЛИТИКА

Если от доминирующей культуры, по счастью, можно отстраниться, то от политики, увы, не убежать. Точнее, убежать можно, но это будет означать капитуляцию и предание Америки в лапы культурной революции. Разве можно это допустить?

По всей видимости, Белый Дом желает, чтобы о культурной войне было забыто. Мистер Буш поведали об этом, когда подтвердились сообщения о его победе во Флориде:

"Я думаю, ничто не происходит без причины, и надеюсь, что последние пять долгих недель укрепили в нас желание преодолеть раздоры и партизанство недавнего прошлого. Наша нация должна подняться над расколом. У американцев общие надежды, общие цели и ценности, которые куда значимее любых политических разногласий"^[617].

"Прелесть, правда?" - как сказал бы Джейк из фильма "И восходит солнце"^[618]. Но суровая правда заключается в том, что Америка не может подняться над расколом, что у американцев не осталось "общих надежд, общих целей и ценностей". Такова реальность культурной революции. Как пишет в своих "Хрониках" Чилтон Уильямсон-младший, революция не готова жить сама и позволять жить другим:^[619]

"Старая Америка отвергает аборты, однополые браки и другие современные явления, противоречащие природе, человеческому естеству и христианской морали. Новая Америка отвергает все то, что не вписывается в современное представление о прогрессе: табак, алкоголь, фастфуд, мясо с кровью, птиц в клетках, охоту, родео, спортивную охоту, молитву на спортивных состязаниях, расистские высказывания, свободу слова и свободу мыслей, четырехколесные грузовики и пистолеты..."^[620]

Шайенн, штат Вайоминг, существует, не задумываясь о том, что где-то находятся Нью-Йорк и Лос-Анджелес, зато Лос-Анджелесу и Нью-Йорку не дает покоя тот факт, что где-то там, в прериях и горах Великой Американской Глуши, бытует другая Америка, со своими собственными заботами, традициями и предпочтениями"^[621].

Культурная война завершится лишь тогда, когда она покончит с нашим обществом - или мы покончим с ней. Даже мистеру Бушу, несмотря на явное его нежелание, рано или поздно придется принять участие в боевых действиях.

Есть многое, от чего можно отказаться применительно к конкретному человеку. Можно оказаться работать с ним, принимать с ним пищу, разговаривать. Но если он начнет драться, вам придется вступить в драку. Лидеры покидают поля сражений культурной войны, только бегством или выбросив белый флаг. С начала шестидесятых годов еще ни одному президенту не удалось избежать участия в войне. Все рано или поздно принимали ту или иную сторону - и все платили свою цену.

Но до тех пор пока мистер Буш не перебрался в Белый Дом, традиционалистам только и оставалось, что

подсчитывать потери. Как говорила Дороти: "Тотошка, это не похоже на Канзас"^[622]. Да, это не Америка Рональда Рейгана. Клинтону удалось подмять под свою идеологию значительный фрагмент территории США. "Их, наверное, больше, чем я думал", - заявил Раш Лимбо после выборов. Если бы выборы состоялись сегодня и в них участвовали бы Клинтон и Рейган, 90 процентов нашей культурной элиты забыло бы о скандалах и голосовало бы за Клинтона. Смог

бы Рейган и сегодня четыре раза подряд победить в Калифорнии? Смог бы кандидат в президенты победить в сорока девяти штатах из пятидесяти, как Никсон в 1972 году и Рейган в 1984 году?

Политика не способна вывести Запад из кризиса, поскольку это кризис не материальный, а духовный. Отказ западных женщин от деторождения, принятие западным обществом гедонизма и материализма – всего этого не исправить никаким Томом Делэем, Трентам Лоттам или мистерам Бушам. Тем не менее политика может кое-что сделать. Франклин Делано Рузвельт назвал президентскую должность "прежде всего моральным лидерством"^[623]. Политики могут предпринять ряд шагов, чтобы "придержать" революцию и приблизить день, когда начнется "движение вспять".

ИМПЕРСКОЕ СУДОУСТРОЙСТВО

Для победы в культурной войне жизненно необходимо изменить статус Верховного суда, этого тарана революции. Суд должен вернуться в конституционное поле, предоставив самому народу решать, в каком обществе он хочет жить и воспитывать своих детей. Если Америка по-прежнему свободная страна, это их священное право. Президент Буш утверждает, что ему не на чем проверять судей, однако у консерваторов есть лакмусовая бумажка – если ты либерал, дорога в Верховный суд тебе заказана. Таких кандидатов на судейские должности, как ставленник мистера Буша-старшего Дэвид Саутер или ставленник президента Форда Джон Пол Стивене, не следует подпускать к Верховному суду и на пушечный выстрел.

Постепенно должна быть отменена Четырнадцатая поправка, распространяющая на штаты все те ограничения, какие конституция накладывает на Конгресс. От дела "Миранды" до дела "Роу против Уэйда" Верховный суд диктовал свои решения нации, основываясь именно на этой поправке.

В ноябре 1996 года отец Ричард Джон Нойхаус, редактор журнала "Ферст Тингс", организовал конференцию "Конец демократии? Судебная узурпация власти". Главный тезис конференции, созванной после очередных скандальных решений Верховного суда, был сформулирован так:

"Правительство Соединенных Штатов Америки уже не управляет страной с согласия управляемых... Подлежит изучению вопрос, достигли мы или нет того поворотного момента в развитии демократии, когда сознательные граждане уже не желают выражать свою поддержку правящему режиму"^[624].

Участники конференции, сообщил отец Нойхаус, "обсудят возможные последствия законов, которые попросту не могут соблюдаться сознательными гражданами"^[625]. Эти последствия варьируются "от словесного выражения несогласия до акций гражданского неповиновения, вплоть до справедливой и этически оправданной революции". Среди участников конференции был Роберт Борк, который писал: "Когда пришло известие из Виргинского военного института, моя жена заметила: "Су

дья ведут себя как горстка бандитов". Бандит – человек, который преследует других людей, не обращая внимания на законы. Именно так ведет себя большинство членов Верховного суда"^[626]. Бывший член апелляционного суда США предположил, что приближается пора, когда официальные лица страны наконец-то вмешаются в происходящее и приструнят Верховный суд:

"Быть может, официально избранный представитель власти однажды откажется принять к исполнению решение Верховного суда... Это предположение выглядит фантастичным, но на самом деле оно таковым не является. Мне могут возразить, что неисполнение решения в данном случае равнозначно гражданскому неповиновению; отвечаю: Верховный суд, принимающий решения, которые не подкреплены авторитетом закона, точно так же демонстрирует гражданское неповиновение"^[627].

Нескольких "новых консерваторов" шокировала фраза относительно того, что правительство Соединенных Штатов есть "режим, утративший легитимность";

эти люди впоследствии отзывались о конференции как о "сборище воинствующих антиамериканцев". Часть из них даже вышла из редакционного совета "Ферст Тингс". Тем не менее конференция прошла успешно и сумела привлечь общественное внимание.

Учитывая, что судебная власть в нашей стране приобрела диктаторские замашки, что нам остается делать, кроме как сожалеть о ней? Во-первых, поддерживать правительственных чиновников, которые готовы проигнорировать решения суда и прекрасно понимают, чем это может для них обернуться. Судья из штата Алабама Рой Мур говорит, что Соединенным Штатам пришлось бы посылать войска, чтобы снять табличку с текстом десяти заповедей со стены его кабинета. Кто бы ни приказал ему это сделать, он бы не подчинился.

Во-вторых, нужно требовать от членов Конгресса, чтобы они воспользовались своими возможностями для ограничения юрисдикции Верховного суда и принятия законов, которые позволили бы американцам отзываться федеральных судей простым большинством голосов, как в Калифорнии. Вдобавок закон должен устанавливать для федеральных судей предельный срок пребывания на посту. Было бы желание, а конституционных путей, которыми народ смог бы восстановить право на самоуправление, имеется в достатке.

ОМОЛОЖЕНИЕ КАДРОВ

Во время войны во Вьетнаме генерал Джордж Эйкен прославился своим предложением: "Давайте объявим, что мы победили, и уберемся отсюда"^[628]. Эйкен подталкивал нас к признанию поражения и к последствиям этого факта не только для США, но и для тех вьетнамцев и камбоджийцев, которые доверились нам. Фактически он сказал следующее: "Давайте-ка убежим, а дома скажем, что победили". Американцы не оценили Генеральское чувство юмора. Тем не менее позиция Эйкена сегодня находит сторонников среди части неоконсерваторов. "Вынужден огорчить Пата Бьюкенена, но культурная война давным-давно закончилась нашей победой", - заявил Ирвинг Кристал после моего выступления на съезде Республиканской партии в Хьюстоне.^[629] Гертруда Гиммельфарб (миссис Ирвинг Кристал) писала в книге "Одна нация, две культуры":

"Давайте удовлетворимся сознанием того, что две культуры сосуществуют - безусловно, в состоянии тлеющего конфликта, но без мятежей и анархии. У Америки долгий опыт терпимости... которая служит посредником между двумя культурами, утишая страсти и умиротворяя экстремизм; одновременно она с уважением относится к реальным отличиям, то есть к уникальным особенностям той и другой культуры"^[630].

С разрешения миссис Кристал, не поздно ли "утирать страсти", когда ежегодно в стране погибает миллион нерожденных младенцев, когда легализовано детоубийство, когда оскверняются католические символы, а детей учат в публичных школах радостям плотских

извращений, когда культура отравлена, а герои прошлого вывалены в грязь? С какой стати мы должны "удовлетвориться" подобным положением дел? Или это и есть "уникальные особенности", которые нужно уважать?

После того как нацисты без единого выстрела вошли в Париж, Андре Жид написал: "Примириться со вчерашним врагом - не трусость, но мудрость, а также принятие неизбежного"^[631]. Жид ошибался в своих рассуждениях.

Если Кристолю вторят генералу Эйкену, то неоконсерватор Норманн Подгорец отправился в крестовый поход на Ялту. В своей полной самолюбования книге "Моя любовь к Америке" Подгорец утверждает, что культурная война перерастает "в пока не оформившееся до конца соглашение... примирение и перемирие de facto"^[632]. Он с удовольствием цитирует некоего Марка Лилла по поводу условий перемирия: "Американцы... не видят противоречия в работе на глобальную экономику в течение рабочей недели - мечта рейганистов, кошмар левых - и в проведении выходных в духовной атмосфере шестидесятых"^[633]. Между прочим, "духовная атмосфера шестидесятых" своим амбре сильнее всего напоминала клоаку!

Подгорец также ссылается на телевизионного ведущего Хью Уэлдона, который вел передачу на канале BBC Television Service и позволял своим гостям, писателям и продюсерам, "прилюдно использовать обценные выражения и демонстрировать эротические фильмы, граничащие с мягкой порнографией"^[634]. И как поступал Уэлдон в тех случаях, когда гость выходил за рамки приличия? Он предупреждал гостя: "Вы рискуете не найти контакта с аудиторией!"^[635] Неудивительно, что мы проигрываем в культурной войне. Это капитулянтские настроения в ходе сражения, о коем Т.С. Элиот отозвался как о явлении, "ради которого стоит жить"^[636].

Подгорец вторит знаменитой фразе Генри Киссинджера, произнесенной последним на финальной стадии парижских переговоров по Вьетнаму: "Мир уже близко". Генри наверняка потом пожалел о сказанном. "Двадцатый век приближается к концу,- пишет Подгорец,- и мне кажется... что мир почти рядом"^[637].

Расскажите об этом бойскаутам! Именно из-за подобной позиции части неоконсерваторов Сэм Фрэнсис окрестил это движение "безобидными убедителями". Кристолю и Подгорецы - солдаты вчерашнего дня; Америке нужны новые воины, мужчины и женщины, готовые драться до последнего патрона за свою страну.

ОТКРЫТОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ

Единственно верная реакция на все действия новой ортодоксии - неповиновение, высмеивание и контратаки. Раз наши противники ввели в обиход такие политические прозвища, как "нацисты", "фашисты", "антисемиты", "националисты", "гомофобы", "фанатики", "ксенофобы" и "экстремисты", мы должны отвечать им тем же.

Смелость заразительна, сопротивление ведет к обретению воли. Американцы любят проигравших, бунтарей и бойцов; вдобавок они устали от непрерывного демонизирования страны и постоянных руководящих указаний. Старинное правило "Говори властям правду!" сегодня приобрело новый смысл.

В 2001 году в нескольких студенческих газетах появились провокационные заголовки: "Десять

причин того, что репарации за рабство – идея дурная и расистская по сути"^[638]. В материале, подготовленном Дэвидом Горовитцем, утверждалось, что чернокожие должны Америке больше, чем Америка должна им. В Гарварде и Колумбийском университете редакторы отказались печатать этот текст. В университете Брауна студенты расхватили первый тираж. Итог: всего за несколько долларов публике предъявили иной взгляд на происходящее, и многим стало ясно, кто в это в стране проявляет настоящую нетерпимость.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСОВОЙ ПРОПАГАНДЕ

Вместо того чтобы просто выступать против законов о преступлениях ненависти, демонизирующих белых мужчин, консерваторам следует требовать от Министерства юстиции ежегодного отчета по совокупности тяжких преступлений на расовой почве, включая групповые грабежи и изнасилования, причем сортировать материалы по расовому признаку, а также предоставления отчета о сексуальных преступлениях против детей, где материал нужно рассортировать по категориям "гетеросексуальные" и "гомосексуальные". Если верно, что белые мужчины совершают большую часть преступлений на расовой почве, - докажите! А если это не верно, мы должны узнать, кто главный злодей.

Кроме того, министерство должно сообщать обо всех тяжких преступлениях против иммигрантов, равно как и обо всех тяжких преступлениях, совершенных иммигрантами. В новостях обычно упирают на первые случаи и "забывают" упомянуть о вторых. Откройте нам правду; как говаривал Эл Смит, вытащите истину на свет, ведь "ничто неамериканское на свету не выживет".

ЗАКОНЫ ОБ АБОРТАХ

Лишь 17-19 процентов американцев (по данным различных опросов) поддерживают запрет всех без исключения аборт^[639]. Однако доля тех, кто требует ограничения их количества, выросла за пять лет с 33 до 43 процентов, а 51 процент граждан США полагает, что здесь необходимы некоторые законодательные ограничения^[640]. Этого вполне достаточно для проведения в Конгрессе голосования по запрещению аборт^[640] на поздних стадиях беременности. Принятие подобного закона неминуемо вызовет одобрение церкви, озабоченной "сохранением жизни". Можно надавить на католических епископов, чтобы они обратились с соответствующими запросами к законодателям-католикам – сенаторам Додду, Лихи, Харкину, Дэшлу и Кеннеди, которым, похоже, необходимо напомнить слова папы Пия Двенадцатого в его энциклике "Casti Connubi" ("О христианском браке", 1930):

"Те, кому вверены бразды правления, не должны забывать об первейшей обязанности всякого представителя власти... защищать жизни невинных... среди коих мы должны упомянуть в первую очередь младенцев, таящихся в материнских чревах. А если облеченные властью... не станут защищать их, но своими законами и постановлениями обрекут их на гибель от рук врачей и прочих, им надлежит вспомнить, что Господь – Судья и Мститель за невинно убиенных, кровь которых вопиет из земли к небесам"^[641].

Слова покойного папы следует зачитывать во всех церквях на протяжении недели, которую длится голосование.

Поскольку Верховный суд отменил запрет штата Миссури на аборт^[641] на поздних стадиях беременности, Конгресс предпочитает не вмешиваться и даже не обсуждает вопрос о федеральном запрете таких аборт^[641]. Однако и для Конгресса, и для президента неизбежно

наступит время воспользоваться своими конституционными правами и вернуть суд в пределы его юрисдикции, определенные той же конституцией.

ГРАЖДАНСКИЕ БОЙКОТЫ

"Автобусный бойкот" Монтгомери ознаменовал зарождение нового движения за гражданские права. Бойкоты, организованные NAACP, заставили власти Южной Каролины спустить боевое знамя Конфедерации с флагштока местного Капитолия. Бойкоты также можно использовать для наказания тех, кто нападает на традиционные ценности, и через участие в них привлекать в свои ряды новых сторонников.

Устроенный баптистами бойкот студии "Уолт Дисней" провалился лишь из-за расплывчатости образа противника. Баптисты попытались объявить экономическую войну огромной медиа-империи, включающей в себя каналы ESPN и ABC, кинокомпанию "Дисней Уорлд", канал "История" и бейсбольную команду "Анахаймские ангелы". Однако метод бойкота, представляющий собой вполне демократическое оружие, может быть применен для "наказания" конкретного товара или конкретного производителя. Когда Рональд Рейган затеял поход против Советской империи, он не стал отправлять войска НАТО в Центральную Европу; по его приказу американские солдаты захватили крошечную Гренаду. И стратегия Гренады может сработать и в других случаях. Каким образом? Тем же самым, каким Сесар Чавес завоевал поддержку фермеров Калифорнии, возглавив бойкот винограда. Если традиционалисты и республиканцы объединятся, выберут какой-либо конкретный товар, рекламируемый на одном из наиболее одиозных ТВ-шоу с невысоким рейтингом, и призовут его бойкотировать, вполне вероятно, что производитель отзовет рекламу этого товара. Затем следует перейти к другому товару, пока не останется тех, кто готов платить за рекламу своей продукции на этом одиозном ТВ-шоу. Если бойкот принес успех Сесару Чавесу и NAACP, почему он не сможет принести успех традиционалистам?

ИНИЦИАТИВЫ И РЕФЕРЕНДУМЫ

Вскоре после того как Южная Каролина спустила боевое знамя Конфедерации, а Джорджия отказалась от флага с крестом святого Андрея, настала очередь Миссисипи. Законодатели штата после многомесячных дебатов решили вынести вопрос на референдум и спросить у людей, желают ли они сохранить в качестве флага Штата магнолии копию боевого знамени Конфедерации или заменить его на какой-нибудь другой? Губернатор, местные журналисты и бизнесмены почти единодушно высказались за отказ от старого флага; сенаторы-республиканцы Трент Лотт и Тад Кохран скромно молчали. 17 апреля 2001 года жители Миссисипи проголосовали за сохранение флага 104-летней давности шестьюдесятью пятью процентами голосов против тридцати пяти ^[642].

Сила традиции победила силу денег. Даже немногочисленные округа этнических меньшинств голосовали за старый флаг. Отсюда вывод: в вопросах культуры и морали традиционалисты должны передавать решение народу. Последняя надежда на сохранение и возрождение иудео-христианской культуры - граждане США, безразличные к власти денег и ничуть не встревоженные неодобрением прессы.

Автор нашей конституции верил в право людей на самоуправление. "Народ - единственный законный источник власти,- писал Мэдисон,- и потому для республиканской теории вполне оправданно и естественно обращаться к тому же источнику, когда возникает потребность в расширении, сокращении либо изменении полномочий правительства" ^[643].

Далеко не все решения могут быть приняты через волеизъявление народа. Далеко не все решения, принятые народом, согреют сердца традиционалистов. В конце концов, у наших врагов достаточно сторонников в американском обществе. Однако референдум – это своего рода последняя апелляционная инстанция, у которой можно найти защиту от судейского произвола и законодательных игр.

ФИНАНСОВЫЙ ГОЛОД

Если республиканцы убедятся, что у них нет иного выхода кроме как принять участие в культурной войне, они могут причинить немалый урон своим противникам. Ведь сегодня федеральное правительство – казначей культурной революции. Если республиканский Конгресс выявит каналы финансирования из государственных средств таких организаций, как "Планирование семьи" и NAACP, и сумеет их перекрыть, а также прекратить деятельность организаций наподобие Фонда развития искусств и гуманитарных наук. Министерства образования и Комиссии по гражданским правам, противник окажется фактически в долговой яме. К сожалению, республиканцы сильно опасаются, что их обвинят "в сеянии распрей".

Тем не менее некий отважный и пытливый исследователь рано или поздно предъявит обществу список всех организаций, допущенных к федеральной "кормушке", и тогда Белому Дому и Конгрессу предложат прекратить финансирование тех, кто, независимо от своей политической принадлежности, играет в политику на деньги налогоплательщиков. Как писал Джефферсон: "Заставлять человека вносить средства на пропаганду мнений, в которые он не верит и от которых бежит, есть грех и проявление тирании".

Конгрессу следует отменить День президента и вернуть в качестве национального праздника День Вашингтона, в память об основателе нашей страны.

Калифорнийская инициатива в области гражданских прав (КИГП), которую избиратели одобрили шестьюдесятью процентами голосов против сорока, ставит вне закона расовую дискриминацию и прозелитизм со стороны властей штата. Нужно найти конгрессмена, который переложил бы текст КИГП, составленный Уордом Кон-нерли из Попечительского совета Калифорнийского университета, на язык юридических терминов и побудить Конгресс к обсуждению этой инициативы как Акта о гражданских правах 2002 года. Текст ясен:

"Власти штата не могут подвергать дискриминации или оказывать предпочтение конкретному человеку или группе лиц по расовому и сексуальному признаку, по цвету кожи или по происхождению в том, что касается деятельности публичных учреждений, школ и общественных подрядов"^[644].

Когда его попросили высказать свое мнение об этой инициативе, сенатор Джозеф Либерман, кандидат в вице-президенты из компании мистера Гора, ответил: "Не вижу причин возражать... Это декларирование исконно американских идеалов... Тут сказано, что нельзя подвергать кого-либо дискриминации в пользу некой группы"^[645]. На самом деле слова сенатора выражают кредо общества, отмахивающегося от расовых проблем. Если Конгресс не примет этой инициативы, выдержанной в духе Акта о гражданских правах 1964 года, значит, нам нужен новый Конгресс.

ПЕРЕДАЧА ПОЛНОМОЧИЙ

В Великобритании этим термином обозначают передачу части функций английского парламента в Лондоне парламентам Шотландии, Уэльса и Ольстера, Передача полномочий

может стать спасением для традиционалистов.

Среди исторических побед секулярного гуманизма – одобренное Верховным судом изгнание христианства и всех его символов из публичных школ. Поскольку почти монопольное право на начальное и среднее образование в Америке принадлежит публичным школам и поскольку эти школы больше уже не служат интересам большинства населения, их следует лишить монополии. Школьным советам, директорам школ и учителям необходимо предоставить независимость и право самостоятельно решать, чему и как учить детей, какими пользоваться учебниками, какие праздники отмечать и какие книги читать, и так далее. А родителям следует дать право направлять средства от уплаты налогов на образование детей, будь то в публичных или частных, мирских или религиозных школах и колледжах. Причем кредиты в данном случае предпочтительнее поручительств, которые могут способствовать чрезмерному любопытству чиновников в религиозных школах. Пусть публичные школы отражают все многообразие форм обучения – школы для мальчиков, школы для девочек школы совместного образования, где, кстати сказать, будет поле для наложения друг на друга религиозных и культурных ценностей родителей учеников.

Если одна школа хочет праздновать Хануку, другая Рождество, а третья Кванзуу, пусть празднуют, как им хочется. Пусть местное сообщество решает этот вопрос демократическим голосованием. Мы не можем прийти к согласию друг с другом почти ни в чем. Пусть эти разногласия проявятся и в наших школах. Устранение монополии на образование куда важнее для здоровья нации, чем устранение монополии Билла Гейтса на программное обеспечение для компьютеров.

К сожалению, обе партии не задумываются об этом. Мистер Клинтон рассуждал о введении единой школьной формы, мистер Буш заговорил о поднятии успеваемости третьеклассников. Власть предпочитает не видеть проблемы.

ЦЕНзуРА

В своей книге "Приближаясь к Гойорре" Роберт Борк поднял вопрос, очень даже своевременный, учитывая, что подсовывают американцам под видом "современного искусства". Должны ли мы и дальше терпеть эту мерзость из уважения к Первой поправке? Борк пишет:

"Как будто некая робость мешает нам сказать, что мазню Мапплторпа и Серрано нельзя выставлять на публике, кто бы ни платил за организацию выставок. Необходимо преодолеть эту робость, если мы не хотим дальнейшей деградации культуры... Фотографии и картины будут не менее оскорбительны, и если выяснится, что их выставка профинансирована спятившим миллиардером"^[646].

Там, где запрещена цензура государственная, должна присутствовать цензура общественная. Государству и нации необходим Верховный суд, который понимал бы, что конституция позволяет штатам и сообществам устанавливать собственные стандарты пристойности. Абсурдно, пишет Жак Барзун, когда государство "высказывает сожаление о распространении насилия и сексуальной распущенности среди молодежи, однако не принимает никаких мер к буйству насилия и порнографии в фильмах и книгах, магазинах и клубах, на телевидении и в Интернете, а также в песнях популярных музыкантов; считается, что вмешательство власти приведет к нарушению свободы слова"^[647] Когда люди принимают абсурд за норму жизни, отсюда следует, что культура находится в упадке"^[648].

Детоксикация американской культуры намного важнее, нежели любое абсолютистское

толкование Первой поправки.

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ

Американская молодежь выказывает удивительное невежество относительно истории своей страны, что подтверждается результатами многочисленных тестов. Это одновременно трагедия и опасность для страны. Верховный суд не разрешает пускать религию в публичные школы, однако запретить детям изучать историю он не вправе. Родители и учителя должны добиться того, чтобы американская история в школах преподавалась на протяжении всех двенадцати лет и чтобы каждая книга, по которой она преподается, была предварительно прочитана родителями, дабы они убедились, что в этой книге действительно рассказывается о величайших достижениях американского народа. Ни одна нация не может соперничать с нами в величии нашей истории. Во всем мире знают об этом, пора бы узнать и американцам. Почти все дети, которых таким вот образом "погружат" в историю, вырастут патриотами.

Президенту Бушу следует созвать конференцию по американской истории и пригласить на нее наших виднейших специалистов. Цель конференции - обратить внимание общества на скандальные провалы в историческом образовании молодых американцев и вывести преподавание истории в школах на качественно новый уровень. Этот проект в известной мере соответствует проекту президента Эйзенхауэра, который, после запуска русскими первого спутника Земли, обратился к нации с призывом изучать науки и уделять больше времени физическим упражнениям.

Национальный исторический конкурс (по аналогии с Национальным конкурсом правописания) мог бы заставить десятки тысяч детей более глубоко изучить прошлое их родной страны. Чем больше ребенок узнает о прошлом Америки, тем больше вероятность, что он не примкнет к людям, объявившим войну американскому наследию. Кроме того, дверь в историю распахнется для этих детей на всю жизнь, а история - замечательный мир, который никогда не устаешь исследовать.

После поражения англичан под Саратогой Адам Смит получил письмо от друга; в письме говорилось, что утрата американских колоний уничтожит Британию. Смит написал в ответ: "В нациях заложено множество катастроф"^[649]. Он имел в виду, что великие нации способны пережить поражения и даже "ампутации" и продолжить свое существование. В 1777 году Британия еще не испытала значительной доли грядущих торжеств - Трафальгара, Ватерлоо, Дюнкерка, "Битвы за Англию"...

Но каковы перспективы возрождения Запада?

Скажем честно - прогноз не слишком оптимистичен. Вполне вероятно, человечество переживает последний акт трагедии, начавшейся пять столетий назад. Тогда христианство, расколовшееся на православие и католицизм, сотрясаемое Реформацией, вырвалось из пределов Европы и устремилось покорять мир. С наступлением восемнадцатого века возник новый, куда более серьезный вызов, и не только Риму, но и христианству в целом, а также культурному и политическому порядку, который оно породило. "Ecrasez l'infame!" Вольтер завершал свои письма фразой: "Уничтожьте эту гнусность", разумея церковь^[650]. Дидро объявил: "Человечество не освободится, пока последнего короля не удавят кишками последнего попа"^[651]. Руссо прибавил: "Человек родился свободным, но сегодня он в цепях"^[652].

Франция вняла призыву бумагомарателей. Монархия рухнула. Людовик Шестнадцатый, Мария-Антуанетта и французские аристократы отправились на гильотину. Церковь лишили имущества и разграбили. Разум восторжествовал над верой и привел к сентябрьской бойне, террору, Робеспьеру и диктатуре, Бонапарту и империи, а также к затянувшейся на четверть столетия паневропейской войне, из которой Франция вышла обесиленной и раздробленной.

Потом появился Дарвин, объяснивший, что человек – результат эволюции, а не Божественное творение. Маркс объявил религию "опиумом для народа", а Ницше хватило дерзости довести логическую цепочку до финала: "Бог мертв... и мы его убили"^[653]. Если Бог мертв, говорит Алеша в "Братьях Карамазовых", тогда все позволено. Если Бог мертв, логика ведет нас к следующему умозаключению: христианство – фикция, выдумка класса паразитов, и заслуживает немедленного искоренения за века обмана и преступлений против человеческого достоинства и прогресса. Искоренив христианство, мы двинемся за разумом и наукой и создадим на земле лучший из всех возможных миров, улучшим и усовершенствуем единственный мир, в котором нам выпало жить.

Однако если христианство породило западную цивилизацию и лежит в основе ее политического строя и этического сознания, сможет ли Запад пережить гибель христианства? Уилл Дюрانت не мог "найти в истории, от Адама до наших дней, сколько-нибудь убедительного примера сохранения общества без содействия религии"^[654]. Как сказано в эпиграмме Беллока: "Вера есть Европа. Европа есть вера"^[655]. Но если эта вера гибнет, какие верования, какие объединяющие принципы, какие моральные авторитеты сумеют спасти Запад? Что вообще делает Запад уникальным? Что за узы стягивают воедино его народы и нации?

Кто-то может сказать – расовая солидарность. Но минувшие пятьсот лет заполнены кровавыми распрями европейцев между собой, а Первая и Вторая мировые войны подвели итог этому безумию. Кроме того, в течение этих пятисот лет великие враги западной веры, цивилизации и культуры покинули Запад. Америка – страна многонациональная уже сегодня, а страны Европы станут таковыми завтра.

Линкольн говорил от том, что народ объединяют "мистические аккорды памяти"^[656]. Но спросите англичанина, француза или поляка, объединяют ли их эти "мистические аккорды" с немцами или с русскими. Когда американцы вспоминают свою историю, некоторые восторгаются ее величиим, а некоторые твердят, что она изобилует злодействами и постыдными делами. А с той поры как Америка и Европа открыли границы для миллионов жителей тех стран, которых американцы и европейцы в свое время колонизировали и угнетали, "мистические аккорды" памяти скорее разъединяют, чем объединяют людей.

Остается еще одна великая объединительная сила – демократия. Свободное предпринимательство, демократия, американские ценности – вот что мы защищаем и за что сражаемся. Но и демократия нас в данном случае не устраивает. Большинству американцев наплевать на то, кто и как управляет другими народами. Всеобщая вера в демократию слишком слаба, чтобы обеспечить Западу поддержку в других регионах земного шара. Демократия для большинства прочих народов – интеллектуальный концепт, взывающий к уму, а не к сердцу. Люди готовы воевать и умирать за семью, за друзей, за веру, за страну, за свободу – но за демократию? Джордж Буш рассказывал, как он возвращался с бомбардировки Японских островов – самолет подбит, второй пилот мертв, – и ему вдруг "полезли в голову мысли об отделении церкви от государства"; аудитория недовольно зашептала. Если завтра правительство Индии, Франции, Италии или Бразилии падет жертвой военного заговора, сколько американцев сочтут это событие достойным гибели тысяч американских солдат?

Демократии недостаточно. Йейтс был прав: когда умирает вера, "все распадается, и центр не удержать"^[657]. Вероятно, как бывает с любой цивилизацией, время Запада действительно на исходе, его смерть predetermined обстоятельствами, и нет уже никакого смысла в прописывании нового лекарства или болезненных процедур. Пациент умирает, тут уж ничего не поделаешь. Спасти его может только возрождение веры и "всеобщее пробуждение". Западный человек не исчезнет, но его присутствие на планете рано или поздно перестанут замечать...

Мы росли, зная, что холодная война будет выиграна. Лишь немногие из нас имели представление о том, насколько слаб соперник, как безжалостно его правители подавляли инакомыслие, скрывая за своей жестокостью пустоту, и только отдельные личности предвидели неожиданный и стремительный крах 1989 года, однако мы верили в свою победу, верили, что одолеем врага, если нам хватит воли, уверенности в себе и если найдется достойный лидер.

Культурная революция преуспела там, где не вышло у коммунистов. Последние перестали привлекать к себе пополнение на Западе за два поколения до своего падения. А культурная революция вербует новых сторонников по сей день. Демократия в одиночку не способна с ней справиться, поскольку демократия незащищена против идеологии, ориентированной на трансформацию демократии через новую элиту, новую веру и новый мировой порядок. На деле демократия способствует революции, как выяснили теоретики наподобие Маркузе. Гитлер показал, сколь ничтожно сопротивление демократии перед лицом истинной угрозы. Именно это подразумевал Элиот, когда писал в 1939 году:

"Термин "демократия" - я не устаю повторять это снова и снова - не содержит в себе какого-либо позитивного свойства в количестве достаточном, чтобы в одиночку выстоять против врагов - они без труда трансформируют демократию в то, что им нужно. Если вы отказываетесь от Бога (а Он - ревнивый Бог), вам придется поклоняться Гитлеру и Сталину"^[658].

Как только идеология воцаряется в обществе, ее может искоренить лишь превосходящая сила - или превосходящая идеология. Веру можно победить только верой. А какая у Запада может быть альтернатива христианству? Снова Элиот:

"Политическая философия позаимствовала многое из этики, а этика из религиозных истин, поэтому лишь через возвращение к источнику этих истин можем мы рассчитывать на появление общественного организма, который не станет, даже на грани краха, игнорировать незыблемые законы реальности"^[659].

Но если христианство утратило свою привлекательность, если христианство - "не тот выбор", революция будет ускорять свой темп, пока мы не врежемся в стену реальности. Быть может, Сирил Конолли был прав, когда писал, столетия назад: "И в западных садах уж гаснут фонари..."^[660].

Америка представляет собой парадокс. Она остается величайшим на земле государством, страной великих возможностей, она обладает жизненной энергией, не присущей никакому другому народу. Мы, американцы, - благословеннейшие из смертных. Наши наука, техника, медицина вызывают зависть у всего человечества. Некоторые из нас живы до сих пор только благодаря хирургическому вмешательству, медицинским аппаратам и чудодейственным лекарствам, которых в дни нашей молодости не было и в помине. Нам есть, за что быть признательными своей стране. Никто не станет отрицать грубоватости ее манер, декаданса в

ее культуре, отравы в ее душе, но Америка тем не менее остается страной, за которую стоит сражаться,- и последней утопией на этой планете.

Сидя в своем гробу в фургоне, который вез его через виргинские просторы к месту казни, старый аболиционист Джон Браун, как передают, проговорил: "Прекрасная страна"^[661]. Так оно и есть. Вот почему мы не должны ни в коей мере мешать тем, кто хочет вернуть ее людям.

БЛАГОДАРНОСТИ

Следуя сложившейся многолетней традиции, в ноябре 2000 года я укрылся в своем кабинете, чтобы почитать, подумать и кое-что записать. Эта книга - побочный продукт моего уединения. Без поддержки моей жены Шейлы, особенно необходимой в промежутки между избирательными кампаниями, она никогда не была бы написана.

Хочу также выразить свою признательность моему другу, редактору и агенту Фреди Фридман - за ее преданность и щадящую чувства автора редактуру. Это моя четвертая книга, доведенная Фредой до публикации. Также благодарю Тома Данна, моего издателя из "Сент-Мартинс Пресс", за его помощь и заботу, и Шона Десмонда, который просматривал текст на всех стадиях - от компьютерного набора до печатных листов.

Пятеро друзей любезно согласились прочесть рукопись и внести в нее необходимые сокращения, исправления и дополнения, со многими из которых я согласился; это Сэм Фрэнсис, Билл Линд, Скотт Макконнелл, Билл Хоукинс и Аллан Рюскинд. Еще я должен поблагодарить Кару Хопкинс, мою неутомимую помощницу, отыскивавшую цитаты, которые я смутно припоминал, и добывавшую новые факты, аргументы и идеи из книг, мною прежде не читанных. Без ее помощи эта книга была бы не столь исчерпывающей и убедительной, какой она, я надеюсь, является. Наконец благодарю Джозефа Чами из Демографического отдела ООН за его дружеское содействие и быстрый отклик на все мои просьбы.

Примечания

[1] "Bush Promotes Agenda for Improving America's Readiness", PR Newswire, May 30, 2000. p.1.

[2] Thomas Edsall, "Political Party Is No Longer Dictated by Class Status; Sex, Religion, Lifestyle, Temper, Education, Income", Washington Post, November 9, 2000, p. 37.

[3] Michael Barone, "The 49 Percent Nation", National Journal. June 9, 2001, p. 1, 715.

[4] Terry Teachout, "Republican Nation, Democratic Nation?" Commentary, January 2001.p. 25.

[5] "Text of Bush's Inaugural Speech", Associated Press, January 20, 2001.

[6] Joseph A. D'Agostino & Timothy Carney, "Congressmen: Illegals Here to Stay", Human Events, April 2, 2001, p.3.

[7] Arthur M. Schlesinger, Jr., The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society (New York: W. W. Norton & Company, 1992), p. 32.

- [8] "Transcript of Clinton's Remarks at Portland State Commencement", U.S. Newswire, June 15, 1998.
- [9] Jacques Barzun, *From Dawn to Decadence: 500 Years of Western Cultural Life* (New York: HarperCollins Publishers, 2000), p. 774.
- [10] Ibid.
- [11] "Remarks by the President and President-Elect Fox of Mexico at Press Availability", Federal Document Clearinghouse Federal Department and Agency Documents, August 24, 2000.
- [12] Edmund Burke, *Reflections on the Revolution in France* (New Rochelle, N.Y.: Arlington House), p. 91.
- [13] Hagop Jack Touryantz, "Multifaceted Problems in Multiethnic States: Ethnic Homogeneity Through Population Exchange", *Armenian Reporter*, March 20, 1999, p. 4.
- [14] Teachout, p. 29.
- [15] Donald M. Rothberg, "Bush's One-Time Primary Challenger Endorses President, Blasts Democrats", *Associated Press*, August 17, 1992.
- [16] United Nations Secretariat, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, *World Population Prospects: The 1998 Revision. Vol. 1: Comprehensive Tables, November 24, 1998, pp. 100, 118, 152, 158, 164, 182, 202, 224, 240, 258, 268, 338, 350, 352, 366, 368, 376.*
- [17] Gustave Le Bon, *The Crowd* (New York: The Viking Press, 1960), p. 13.
- [18] London Times, January 16, 2000.
<http://www.child-renforthefulure.org/fertility%20rate%20by%20edu-cation.htm>.
- [19] Peter F. Drucker, *Management Challenges for the 21st Century* (New York: HarperBusiness, 1999), p. 44.
- [20] Population Division, Department of Economic and Social Affairs, United Nations, *World Population Prospects: The 2000 Revision, Highlights*, February 28, 2001, p.1.
- [21] Joe Woodard, "Look Out Below! The Plummeting Birth Rate Will Have a Profound Impact on Boomers as Well as Gen-Xers in the Next Century", *Calgary Herald*, September 12, 1999, p. 12.
- [22] Ben Wattenberg, "Tres Gray: The Birth Dearth in Europe", *Intellectualcapital.com*, January 24, 1999.
- [23] Cheryl Slonehouse, "A Taxing Time for the Village with No Babies", *Express*, November 26, 1999.
- [24] James K. Robinson and Walter B. Rideout, eds., *A College Book of Modern Verse* (Evanston, 111.: Row, Peterson and Company, 1960), p. 370.
- [25] Count Harry Kessler, *Walter Rathenau: His Life and Work* (New York: Howard Ferlig, 1969), p. 271.

- [26] Alistair Home, *To Lose a Battle: France 1940* (Boston: Little, Brown & Co., 1969), p. 10.
- [27] Joseph Chamie, director. United Nations Population Division, "Letter to Author", January 17, 2001.
- [28] Toby Helm, "Stoiber Pins Poll Hopes on Cash for Babies Plan", *Daily Telegraph*, January 17, 2001, p. 17.
- [29] Ellen Hale, "Graying of Europe Has Economies in Jeopardy", *USA Today*, December 22, 2000, p. A14.
- [30] *Ibid.*
- [31] Nicholas Eberstadt, "The Population Implosion", *Wall Street Journal*, October 16, 1997, p. 22.
- [32] Gregg Easterbrook, "Overpopulation Is No Problem - in the Long Run", *New Republic*, October 11, 1999, p. 22.
- [33] "The Rise of the Only Child", *Newsweek*, April 23, 2001, p. 50.
- [34] *Ibid.*
- [35] Hale, p. 14.
- [36] *Ibid.*
- [37] Jonathan Steele, "Europe Confronts the Unthinkable", *Manchester Guardian Weekly*, November 8, 2000, p. 14.
- [38] Jonathan Steele, "The New Migration: Affluent, Controversial", *Guardian*, October 30, 2000, p. 17.
- [39] Michael Specter, "The Baby Bust", *New York Times*, July 10, 1998, p. 1.
- [40] Amelia Gentleman, "Wanted: More Russian Babies to Rescue a Fast Dying Nation", *London Observer*, December 31, 2000; Robert Leqvold, "Russia's Uninformed Foreign Policy", *Foreign Affairs*, September/October 2001, p. 63.
- [41] Julia Duin, "Former Abortion Providers Find Peace, Solace in Therapy: Many See Religion as Integral to Change", *Washington Times*, February 22, 2001, p. 2.
- [42] Gentleman, "Wanted: More Babies to Rescue a Fast Dying Nation".
- [43] Chamie, "Letter to Author".
- [44] Paul Craig Roberts, "Hearing the Bell Toll", *Washington Times*, December 10, 2000, p. 4.
- [45] Anthony Browne, "UK Whites Will Be Minority by 2100", *London Observer*, September 2, 2000.
- [46] Anthony Browne, "Focus: Race and Population: The Last Days of a White World", *Observer*, September 3, 2000, p. 17.

- [47] "British Birth Rate Drops to Record Low", Xinhua News Agency, May 10, 2001.
- [48] Peggy Orenstein, "Parasites in Pret-a-Porter", Sunday New York Times, Section 6, p. 31.
- [49] Ibid.
- [50] Ben Wattenberg, "Counting Change in Euroland", Washington Times, January 28, 1999, p. 18.
- [51] "Remarks by Mother Teresa of Calcutta, India, National Prayer Breakfast, Washington Hilton, Washington, D.C.", Federal News Service, February 3, 1994.
- [52] "Joan Ganz Cooney: Creator of "Sesame Street", Fort Worth Star Telegram, September 26, 2000, p. 1.
- [53] Ben J. Wattenberg, *The Real America* (Garden City, N.Y: Doubleday & Company, 1974), p. 158.
- [54] Ibid., p. 159.
- [55] Ibid.
- [56] Allan Carlson, "The Natural Family Faces a New World Order: The Case of Population", *The Family in America*, The Howard Center for Family, Religion, and Society, October 1999, p. 4.
- [57] Ibid., p. 5.
- [58] James Kurth, "The American Way of Victory", *National Interest*, Summer 2000, p. 5.
- [59] Theodore Caplow, Louis Hicks, and Ben J. Wattenberg, *The First Measured Century* (Washington, D.C.: AEI Press, 2001), p. 38.
- [60] Eleanor Mills, "Too Busy to Have a Baby", *Spectator*, September 16, 2000.
- [61] Ibid.
- [62] Ibid.
- [63] Allan Carlson, "The Changing Face of the American Family", *The Family in America*. The Howard Center for Family, Religion, and Society, January 2001, p. 2.
- [64] Ibid.
- [65] Friedrich Engels, *The Origin of the Family, Private Property, and the State* (New York: International Publishers, Inc., 1972), p. 137.
- [66] Carlson, "The Changing face of the American Family", p. 2.
- [67] Ibid.
- [68] Ibid., p. 3.
- [69] Ibid.

[70] Ibid., p. 4.

[71] Ibid., p. 5.

[72] H. Arthur Scott Trask, "The Rise and Fall of Orestes Brownson", Southern Partisan, Summer 2001, p. 25

[73] Father C. John McCloskey, "Book Review: American Abundance", <http://www.ca:holicity.com/cathedral/mccloskey/kudlow.html>

[74] Christopher Cerf and Victory Navasky. The Experts Speak The Definitive Compendium of Authoritative Misinformation (New York: Pantheon Boob, 1984), p.299,

[75] Jacqueline R. Kasun, "Population Control Today - and Tomorrow?" The World and I.No. 6, Vol. 16, p. 50.

[76] Ibid.

[77] Ibid.

[78] Joseph Collison, "Weaving the Tangled Web", New Oxford Review, January 2001, p. 16.

[79] George Grant, Grand Illusions (Brentwood, Tenn.: Wolgemuth & Hyatt, 1988), p. 59.

[80] Andrea Dworkin, Pornography: Men Possessing Women (New York: G. P. Putnam's Sons, 1981), p. 9.

[81] Kathleen Parker, "Moms Need to Admit Dad Isn't Disposable" Orlando Sentinel, November 6, 1996, p. E1.

[82] Robin Morgan, ed., Sisterhood Is Powerful (New York: Random House, 1970), p. 573.

[83] Valerie Solanis, SCUM Manifesto (London: Phoenix Press, 1968), p. 1.

[84] Fr. Ted Colleton, "Family Is Key to Social Integrations Interim, May 1998, p. 1.

[85] Vivian Gornick, Daily Illini, April 25, 1981.

[86] Lynn Langway and Nancy Cooper, "Steinem at 50: Gloria in Excelsis", Newsweek, June 4, 1984, p. 27.

[87] Paul Greenberg, "American Satire, from Bland to Worse", Chicago Tribune, November 18, 1991, p. 19.

[88] Bonnie Angelo, "The Pain of Being Black", Time, May 22, 1989, p. 120.

[89] Stephen Chapman, "Concern for Family Provokes Backlash from Feminists", Chicago Tribune, July 24, 1994, p. 3.

[90] Wade Horn, Supporting Men as Dads Can Benefit Everyone", Washington Times, February 8, 2000, p. E2.

[91] Caplow, Hicks, and Wattenberg, p. 72.

[92] Eric Schmitt, "For First Time, Nuclear Families Drop Below 25% of Households", New York Times, May 15, 2001, p.1.

[93] Katarina Runskø, Empty Hearts and Empty Houses (Britain: Family Publications, 1990), p. 21.

[94] Rudyard Kipling, "Gods of the Copybook Headings", 1919. <http://www.kipling.org.uk/poems/copybook.htm>

[95] David A. Noebel, The Legacy of John Lennon: Charming or Harming a Generation" (Nashville, Tenn.: Thomas Nelson, 1982), p. 53.

[96] Ibid.

[97] Ron Lesthaeghe, "A Century of Demographic and Cultural Change in Western Europe: An Exploration of Underlying Dimensions", Population and Development Review, Fall 1983, p. 429.

[98] Humanae Vitae: Encyclical of Pope Paul VI on the Regulation of Birth, July 25, 1968. <http://www.vatican.va/holyfather/paulvi/en.../hfp-vienc25071968humanae-vitaeen.htm>

[99] "Gay Times", Washington Times, July 28, 2000, p. 2.

[100] John Leo, "Have It Your Way Is the New Moral Order", Conservative Chronicle, August 15, 2001, p. 6

[101] J. M. and M. J. Cohen, eds., The New Penguin Dictionary of Quotations (London: Penguin Books, 1992), p. 314.

[102] Will Durant, Caesar and Christ (New York: Simon & Schuster, 1944), p. 666.

[103] Ibid.

[104] Ibid.

[105] Ibid.

[106] Robert Debs Heini, Jr., Dictionary of Military and Naval Quotations (Annapolis, Md.: United States Naval Institute, 1966), p. 317.

[107] C. S. Lewis, God in the Dock: Essays on Theology and Ethics, Walter Hooper, ed. (Grand Rapids, Mich.: William B. Eerdmans Publishing Company, 1972), p. 220.

[108] American Humanist Association, Humanist Manifesto II, 1973. <http://www.humanist.net/documents/manifesto2.html>

[109] Robert Nisbet, Prejudices: A Philosophical Dictionary (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982), p. 101.

[110] Phyllis Schlafly, "Secular Humanists Give Dunphy Another Platform", Education Reporter,

November 1995. <http://eagleforum.org/educate/1995/nov95/dunphy.html>

[111] Percy Bysshe Shelley, "A Defense of Poetry", Selected Poetry and Prose, Kenneth Neill Cameron, ed. (New York: Rinehart & Company 1958), p. 490.

[112] John Lennon, "Imagine", Imagine (1971). <http://beatleslyrics.tripod.com/lennon/imagine.htm>

[113] David A. Noebel, The Legacy of John Lennon: Charming or Harming a Generation" (Nashville, Tenn.: Thomas Nelson, 1982), p. 11.

[114] Ibid., p. 47.

[115] Joan Acocella, "The Hunger Artist: Is There Anything Susan Sontag Doesn't Want to Know?" New Yorker, March 6, 2000, p. 68.

[116] Susan Sontag, Partisan Review, Winter 1967, p. 57.

[117] Myron Magnet, The Dream and the Nightmare (New York: William Morrow and Company, Inc., 1993), p. 203.

[118] Camille O. Cosby, "America Taught My Son's Killer to Hate Blacks", USA Today, July 8, 1998, p. 15A.

[119] "Unrelenting Hostility", Washington Times, October 8, 1998, p. 2.

[120] Magnet, p. 207.

[121] Magnet, p. 205.

[122] "How Minorities Are Damaged", Newsday, September 10, 1989, p. 1.

[123] James K. Robinson and Walter B. Hideout, eds., A College Book of Modern Verse (Evanston, 111.: Row, Peterson and Company, 1960), p. 354.

[124] Allan Bloom, The Closing of the American Mind (New York: Simon & Schuster, 1987), p. 56.

[125] Carol Innerst, "Multiculturalists Push Their Agenda; Want Tar Right' School Board Ousted", Washington Times, August 10, 1994, p. A4.

[126] Ibid.

[127] Larry Rohter, "Battle over Patriotism Curriculum", New York Times, May 15, 1994, p. 22.

[128] Ibid.

[129] Ibid.

[130] Ibid.

[131] Ike Flores, "Board Demands Schools Teach American Superiority, Teachers Say Bias", Associated Press, May 25, 1994.

[132] Ibid.

[133] Ibid.

[134] Ike Flores, "Candidates Who Backed "Cultural Superiority" Defeated at Polls", Associated Press, October 7, 1994.

[135] Ronald Radosh, "Mumia and the Historians", FrontPageMag.com, February 2, 2001.

[136] Thomas Jefferson, "Letter to John Adams", October 28, 1813, in Albert Fried, *The Essential Jefferson* (New York: Collier Books, 1963), p. 517.

[137] Lewis Carroll, *Alice's Adventures in Wonderland* (Franklin Center, Pa.: The Franklin Library, 1980), pp. 30-31.

[138] David Dennett, *Darwin's Dangerous Idea: Evolution and the Meaning of Life* (New York: Touchstone Books, 1995), p. 516.

[139] Ibid.

[140] David A. Lieb, "Two Men Accused of Murder, Rape of 13-Year-Old Boy", Associated Press, November 2, 1999.

[141] L. Brent Bozell III, "No Media Spotlight on Sex Killing of Boy", *Washington Times*, November 2, 1999, p. A14.

[142] Andrew Sullivan, "The Death of Jesse Dirkhising", *Pittsburgh-Post Gazette*, April 1, 2001, p. 1.

[143] Frank Morris, "Compassion and Forgiveness Do Not Negate Justice", *Wanderer*, January 4, 2001, p. 4.

[144] David Horowitz, "Racial Witch-Hunt", *Salon.com*,; January 22, 2001.

[145] William J. Bennett, *Index of Leading Cultural Indicators* (New York: Broadway Books, 1999), p. 17.

[146] William Wilbanks, "Frequency and Nature of Interracial Crimes", submitted for publication to *Justice Professional*, November 2, 1990, pp. 2-9.

[147] Robert Stacy McCain, "Hate Crimes Not Big Problem in Race Relations, Study Finds; Black-on-White Crime More Frequent and More Damaging", *Washington Times*, June 1, 1999, p. 2.

[148] John Woods, "Race and Criminal Cowardice", *Right Now*, October 2000, p. 11.

[149] McCain, p. 2.

[150] Ibid.

[151] Michael Loewy, *Georg Lukács: from Romanticism to Bolshevism* (Patrick Caniller, Translator (London: NLB, 1979), p. 112. Cited by Raymond V. Raehn, "The Historical Roots of Political Correctness", The Free Congress Research and Education Foundation.

- [152] "We Won't Be Slaves to Enemies of the Truth", Milwaukee Journal Sentinel, October 3, 1999, p. 5.
- [153] Barbara Tuchman, *The Proud Tower. A Portrait of the World Before the War: 1890-1914* (New York: Ballantine Books, 1993), p. 462.
- [154] Loewy, p. 93.
- [155] *Ibid.*, p. 151.
- [156] Gerald L. Atkinson, "What Is the Frankfurt School?" August 1, 1999, p. 2., <http://www.newtotalitarians.com/FrankfurtSchool.html>
- [157] Arnold Beichman, "In Search of Civil Society", Washington Times, February 3, 1993, p. 4.
- [158] Charles A. Reich, *The Greening of America* (New York: Bantam Books, 1971), p. 2.
- [159] John Fonte, "Why There Is a Culture War", Policy Review, December 2000 and January 2001, p. 17.
- [160] "Transcript #2077: War Powers Debater, The MacNeill Lehrer News Hour, September 13, 1983.
- [161] Raehn, p.2.
- [162] Reich, p. 148.
- [163] *Ibid.*
- [164] Charles J. Sykes, *A Nation of Victims* (New York: St. Martin's Press, 1992), p. 54.
- [165] *Ibid.*
- [166] Patrick J. Buchanan, "Americans Need Not Fear United Germany", Toronto Star, October 16, 1989, p. 18.
- [167] Stephen Goode, "Radical Leftovers", Insight on the Nevus, November 22, 1999, p. 10.
- [168] Sykes, p. 54.
- [169] Christopher Lasch, *The True and Only Heaven: Progress and Its Critics* (New York: W. W. Norton & Company, 1991), p. 447.
- [170] Jim Nelson Black, *When Nations Die* (Wheaton, 111.: Tyndale House Publishers, 1994), p. 77.
- [171] William Lind, "Turn Off, Tune Out, Drop Out: A Cultural Conservative's Strategy for the 21st Century", *Against the Grain*, Free Congress Foundation, Washington, D.C., 1998.
- [172] Fonte, p. 16.
- [173] Reich, p. 276.

- [174] William Lind, "Origins of Political Correctness", Address to Accuracy in Academia's Annual Summer Conference, George Washington University, July 10, 1998.
- [175] John Leo, "Where Double Standards Are Accepted", Washington Times, August 5, 2000, p. A12.
- [176] Herbert Marcuse, *The Carnivorous Society*; cited by Raehn, p. 3.
- [177] Roger Kimball, *The Long March* (San Francisco, Calif.: Encounter Books, 2000), p. 15.
- [178] "Declaration by the Pontifical Council for the Family on Decrease of Fertility in the World", February 27, 1998, p. 3.
- [179] John Burgess, "Remembering Wren", Washington Post, June 14, 1998, p. E1.
- [180] Gertrude Himmelfarb, "Two Nations or Two Cultures? Party Differences Not as Stark as Cultural Differences", *Commentary*, January 1, 2000, p. 29.
- [181] F. O. Matthiessen, ed., *The Oxford Book of American Verse* (New York: Oxford University Press, 1950), p. 415.
- [182] Peter Kitchens, *The Abolition of Britain* (San Francisco, Calif.: Encounter Books, 2000), p. viii.
- [183] *Ibid.*, p. 3.
- [184] Linda Massarella, "Angry Pope Slams Rome's Gay Fiesta as a Bitter 'Insult'", *New York Post*, July 10, 2000, p. 20.
- [185] *Ibid.*
- [186] Patrick J. Buchanan, "Dehumanization of Dissent", *Washington Times*, February 8, 1999, p. 16.
- [187] Lionel Van Deerlin, "The Dynasty of Huey Long", *San Diego Union-Tribune*, February 28, 1985, p. 1.
- [188] Julien Benda, *La Trahison des Clercs: The Treason of the Intellectuals* (New York: W. W. Norton & Company, 1969).
- [189] Broadcast of American Dissident Voices, "The NEA's Anti-American Agenda Threatens Our Nation". March 13, 1993.
- [190] Walter Adolphe Roberts, "Birth Control and the Revolution", *Birth Control Review*, June 1917, p. 7.
- [191] Robert Nisbet, *Prejudices: A Philosophical Dictionary* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981), p. 22.
- [192] Travis LeBlanc, "Western World Not Doomed After All", *University Wire*, November 3, 1997.
- [193] Eric Hoffer, *First Things, Last Things* (New York: Harper & Row, 1971), p. 71.
- [194] Laurence Barrett, "Can the Right Survive Success?" *Time*, March 19, 1990, p. 16.

[195] Ibid.

[196] James F. Cooper, "The Right Agenda: Recapture the Cultures, American Arts Quarterly, Spring/Summer 1990,p.3.

[197] Ibid.

[198] Ibid.

[199] Ibid.

[200] Robert J. Samuelson, "The Specter of Global Aging", Washington Post, February 28, 2001, p. 25.

[201] Population Division, Department of Economic and Social Affairs, United Nations Secretariat, Replacement Migration: Is It a Solution to Declining and Ageing Populations? March 21, 2000, p. 139.

[202] Ibid., p. 137.

[203] Peter G. Peterson, Gray Dawn: How the Coming Age Wave Will Transform America and the World (New York: Times Books, 1999), p. 18.

[204] "The Population Vacuum: Though Humanity Is Imploding, Demographers Refuse to Urge Women to Have More Babies", Report Newsmagazine, June 5,2000, p. 43.

[205] Jonathan Steele, "The New Migration: Affluent, Controversial", Guardian, October 30, 2000, p. 17.

[206] London Observer Service, "British Whites to Be Minority by Year 2100", Houston Chronicle, October 8, 2000,p.34.

[207] Roger Cohen, "Illegal Migration Increases Sharply in European Union", New York Times, December 25, 2000, P.I.

[208] Molly Moore, "Smuggling of Humans into Europe Is Surging", Washington Post, May 28,2001, p. 1.

[209] Nicholas Eberstadt, "The Population Implosion", Watt Street Journal, October 16, 1997, p. 22.

[210] Steele, p. 17.

[211] Roger Cohen, "From Germany's East to West, Conservatives Try to Span Gulf", New York Times, June 1,2001, p.I.

[212] Ibid., pp. 1,8.

[213] John O'Mahony, "A People Skating on Thin Ice", Guardian, February 3,2001, p. 1.

[214] Ibid.

[215] Robert Cortell, islands of Contention", Financial Times, August 27,2001, p. 10.

- [216] "The Population Vacuum: Though Humanity Is Imploding, Demographers Refuse to Urge Women to Have More Babies", p. 43.
- [217] Sarah Karush, "Government Seeking Ways to Overcome Roots of Low Birth Rate", Associated Press, May 6, 2001.
- [218] Ibid.
- [219] Patrick J. Buchanan, "America Loses an Opportunity, and Russia as Ally", Augusta Chronicle, February 19, 1998, p. 4.
- [220] Thomas Babington Macaulay; Lays of Ancient Rome, Horatius, xxvii.
- [221] American Humanist Association, Humanist Manifesto II, 1973.
<http://www.humanist.net/documents/manifesto2.html>
- [222] Nat Hentoff, "Expanding the Culture of Death", San Diego Union-Tribune, January 1, 2001, p. 6.
- [223] Rita Marker, "Dutch Parliament Votes to Legalize Euthanasia", International Anti-Euthanasia Task Force Update, Fall 2000, p. 2.
- [224] Ibid., p. 3.
- [225] Ibid.
- [226] "Netherlands Parliament Legalizes Euthanasia", www.euthanasia.com, November 2000.
- [227] Marker, p. 3.
- [228] Licia Corbella, "Euthanasia Law an Open Door to 'Evil'", London Free Press, April 24, 2001, p. A8.
- [229] Philip Pullella, "Pope Christmas Speech Laments 'Culture of Death'", Reuters, December 25, 2000.
- [230] Ibid.
- [231] Hentoff, p. G.
- [232] Marker, p. 7.
- [233] Marker, p. 8.
- [234] John Jacobs, "Richard Lamm's Hard Choices", Sacramento Bee, July 11, 1996, p. 6.
- [235] Paula Span, "Philosophy of Death; Bioethicist Peter Singer's Views on Euthanasia Foment Debate", Washington Post, December 9, 1999, p. C1.
- [236] Jacqueline R. Kasun, "Population Control Today - and Tomorrow?" The World and I, No. 6, Vol. 16, June 1, 2001, p. 50.
- [237] Wesley J. Smith, "Peter Singer Gets a Chair", FrontPageMag.com, October 22, 1998, p. 4.

- [238] P. J. King, "Lessons from History: Euthanasia in Nazi Germany", Pregnantpause.org, September 9, 2000.
- [239] Ibid.
- [240] Ibid.
- [241] Walker Percy, *The Thanatos Syndrome* (New York: Farrar, Straus Giroux, 1987), p. 360.
- [242] Terence Kealey, "Don't Blame Eugenics, Blame Politics". *Spectator*, March 17, 2001, p. 10.
- [243] Dorothy Thompson, "Review of Mein Kampf", from Adolf Hitler, *Mein Kampf* (New York: Reynal & Hitchcock, 1939), Introduction.
- [244] Kealey, *ibid.*
- [245] "Nazi Euthanasia", *The History Place: World War Two in Europe*, <http://www.historyplace.com/world-war2/timeline/euthanasia.htm>
- [246] Ibid.
- [247] Kasun, *op. cit.*
- [248] John W. Wright, ed.. *The New York Times Almanac: The Almanac of Record* (New York: Penguin Reference Books, 2000), pp. 470-72.
- [249] Warren H, Carroll, *The Building of Christendom: A History of Christendom*, vol. 2 (Front Royal, Va.: Christendom College Press, 1987), p. 280.
- [250] Barry Bearak, "Over World Protests, Taliban Are Destroying Ancient Buddhas", *New York Times*, March 4, 2001, p. 10.
- [251] William Wallace, "Europe, the Necessary Power", *Foreign Affairs*, May/June 2001, p. 24.
- [252] Ibid.
- [253] J. C. Wilike, "Global Population: A Reality?" *Life Issues Connector*, January 1998. <http://www.life-issues.org/connector/98jan.html>
- [254] Otto Scott, "The Shape of Events", Speech to the 15th Annual Meeting of the Committee for Monetary Research and Education, November 6, 1989. [http:// www.fortrreedom.org/hl8.htm](http://www.fortrreedom.org/hl8.htm)
- [255] Roland H. Bainton, *The Horizon History of Christianity* (New York: American Heritage Publishing, 1964), p. 143.
- [256] Thomas Hobbes, *Leviathan*, Michael Oakeshott, ed. (New York: Macmillan Publishing Company, 1962), p. 80.
- [257] *Excelsior*, Mexico City, 1982. <http://www.american-patrol.org/ADS/Reconquista/Reelectio970719.html>
- [258] Walter A. McDougall, *Promised Land, Crusader State: The American Encounter with the*

World Since 1776 (New York: Houghton Mifflin, 1997), p. 131.

[259] Lewis Lapham, "God's Gunboats", Harper's Magazine, February 1993, p. 10.

[260] Glenn Garvin, "Loco, Completamente Loco: The Many Failures of Bilingual Education", Reason Online, January 1998, p.19.

[261] Bill Baskerville, "Eugenics Gone but Effects Linger", Associated Press, March 13, 2000.

[262] Samuel P. Huntington, "Reconsidering Immigration: Is Mexico a Special Case?" Center for Immigration Studies Background, November 2000, p. 5.

[263] Ibid.

[264] Ibid.

[265] Adam C. Kolasinski, "How Republicans Can Approach the Minority Vote", FrontPageMag.com, January 26, 2001, p.2.

[266] Ben Wattenberg, The First Universal Nation: Leading Indicators and Ideas About the Surge of America in the 1990s (New York: The Free Press, 1991).

[267] Samuel P. Huntington, The Clash of Civilizations (New York: Simon & Schuster, 1996), p. 305.

[268] Tamsin Carlisle and Joel Baglole, "In Western Canada, a Rising Sense of Grievance", Wall Street Journal, March 20, 2001.

[269] George Szamuely, "Mexican Merger: United We Fall", Antiwar.com, August 31, 2000. <http://www.anti-war.com/szamuely/sz083100.html>

[270] OECD, "GDP Per Capita, 1999", <http://www.oecd.org/std/gdpperca.html>

[271] Patrick J. Buchanan, (Anti-Americanism in LA.", New York Post, March 7, 1998, p. 13.

[272] Lynda Gorov, "A War of Words in Texas Town: Government's Spanish-Only Policy Ignites Controversy", Boston Globe, August 28, 1993, p. A16.

[273] S. U. Mahesh, "Lawraaker Suggests Racism to Blame After New State ISame Axed", Albuquerque Journal, February 14, 2001, p.A6.

[274] Samuel Francis, "Multiculturalists Preach Hatred of Whites and America", Las Vegas Review-Journal, February 27, 1998, p. 17B.

[275] Professor Predicts Hispanic Homeland", Associated Press, February 1, 2000.

[276] "Immigration: Threatening the Bonds of Our Union", produced by American Patrol. <http://www.american-patrol.org/SPECIAL/transcript3.html>

[277] Ibid.

[278] Alan and Suzanne Nevling, "Mexico's Plans for Its Newest Colony: Inevitable Response to U.S. Abdication", savetheusa.net, July 11, 2000.

- [279] Sam Howe Verhovek, "Torn Between Nations, Mexican-Americans Can Have Both", New York Times, April 14, 1998, p. A12.
- [280] Ed Mendel, "Speaker-elect Product of Humble Past, Fiery Ascent", San Diego Union-Tribune, February 13, 1998, p.13.
- [281] James Lubinskas, "expressions of Ethnic Animosity", FrontPageMag.com, November 24, 1999. <http://www.frontPageMag.com/archives/racerektions/lubinskas11-24-99.htm>
- [282] Sam Dillon, "Mexico Woos U.S. Mexicans, Proposing Dual Nationality", New York Times, December 10, 1995, p. 16.
- [283] El Plan Espiritual de Aztlan, <http://www.pan-am.edu/orgs/MEChA/aztlan.html>
- [284] Ibid.
- [285] Ibid.
- [286] Ibid.
- [287] Ibid.
- [288] Ibid.
- [289] Movimiento Estudiantil Chicano de Aztlan, National Constitution, <http://www.panam.edu/orgs/MEChA/aztlan.html>
- [290] Mark Levin, FrontPageMag.com, March 10, 2000. <http://www.frontPageMag.com/archives/leftisn-i/le-vin03-10-00p.htm>.
- [291] Linda Wertheimer, "Mexico and the United States Agree the Problem of Accidental Border Incursions Must Be Dealt With", All Things Considered, March 31, 2000.
- [292] Robert Collier, "NAFTA Gives Mexicans New Reasons to Leave Home", San Francisco Chronicle, October 15, 1998, p. All.
- [293] "An Unlikely Mexican Foreign Ministers", New York Times, May 12, 2001, p. 26. Jorge Castaneda, "Ferocious Differences: Differences Between Mexico and the U.S.", Atlantic Monthly, July, 1995, p. 68.
- [294] San Quinones, "Mexico to Give Survival Kits to Border Jumpers", San Francisco Chronicle, May 17, 2001. <http://www.sfgate.com/cgi-bin/article.cgi?file>
- [295] William H. Frey. "Regional Shirts in America's Voting-Aged Population: What Do They Mean for National Politics?" Population Studies Center, 2001, p. 1.
- [296] Ken Ringle, "Ellis Island, the Half-Open Door; For a Nation That Struggled to Make Room in Its Heart, a New Monument to Immigrants", Washington Post, September 7, 1990, p.1.
- [297] Arthur M. Schlesinger, Jr., The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society (New York: W. W. Norton & Company, 1992), p. 118.

- [298] Carol Morello, "Living in Fear on the Border: Little Desert Town Is New Immigration Battleground", USA Today, July 21, 1999, p. 1A.
- [299] Nancy San Martin, "Unwelcomed Visitors: Arizonans Angry over Flood of Immigrants They Accuse of Damaging Their Property", Dallas Morning News, April 25, 1999, p. 53A.
- [300] Jonathan Aitken, Nixon: A Life (Washington, D.C.: Regnery Publishing, 1993), pp. 247-48.
- [301] George Will, "Blaming the Voters", Washington Post, September 24, 2000, p. 7.
- [302] Jim Yardley, "Non-Hispanic Whites May Soon Be a Minority in Texas", New York Times, March 25, 2001, p. 22.
- [303] Ibid.
- [304] Todd J. Gillman, "Latinos in U.S. Grow Diverse", Dallas Morning News, May 10, 2001, p. 7.
- [305] Peter Brimelow, "Time to Rethink Immigration?" National Review, June 22, 1992. <http://www.vdare.com/timetorethink.htm>.
- [306] Stephen Glover, "Are the Tories the Stupid Party Again?" Daily Mail, December 5, 2000, p. 13.
- [307] Laura Parker, "U.S. Hispanics' Youth Assures More Growth", USA Today, May 10, 2001, p. 3.
- [308] Walter V. Robinson, "Immigrant Voter Surge Seen Aiding Gore", Boston Globe, November 4, 2000, p. 1.
- [309] Ibid.
- [310] Ibid.
- [311] Ibid.
- [312] Ibid.
- [313] Ron Unz, "California and the End of White America", Commentary, November 1, 1999, p. 17.
- [314] George Borjas and Lynette Hilton, immigration and the Welfare State, Working Paper Series #5372", National Bureau of Economic Research, December 1995. <http://www.faims.org/html/04105611.htm>
- [315] Dr. Donald Huddle, "The Net Costs of Immigration: The Facts, the Trends, and the Critics", Rice University, October 22, 1996. <http://www.fairus.org/html/04105611.htm>
- [316] Maria L. LaGanga, "California Grows to 33.9 Million, Reflecting Increased Diversity", Los Angeles Times, March 30, 2001, p. 1.
- [317] Robin Fields, "White Exodus Attributed to Economic Slump", Los Angeles Times, March 31, 2001, p. 22.
- [318] "California Census Confirms Whites Are in Minority", New York Times, March 30, 2001, p. 1.

[319] Ibid.

[320] Ken Ward, "The Double-Talk About Diversity". Las Vegas Review-Journal, October 11, 2000, p. 9.

[321] Georgie Anne Geyer, "Creative Politics on Alien Conflict". Washington Times, August 22, 1999, p. 4.

[322] Charley Reese, "Truth Is, George W. Is No Match for Gore in Gaffe Department", Orlando Sentinel, November 16, 1999, p. 12.

[323] Steven A. Camarota, "Immigrants in the United States, 2000: A Snapshot of America's Foreign-Born Population", Center for Immigration Studies Backgrounder, January 2001, p. 7.

[324] D'Agostino, *ibid.*

[325] U.S. Census Bureau, "The Foreign-Born Population in the United States", January 2001, p. 4.

[326] *Ibid.*, p. 5.

[327] *Ibid.*, p. 6.

[328] Federation for American Immigration Reform, "Issue Brief: Immigrants on Welfare", June 1999, p. 1.

[329] Federation for American Immigration Reform, "Issue Brief: Immigrants and the Economy", April 1999, p. 1.

[330] Federation for American Immigration Reform, "Issue Brief: Government Studies on Criminal Aliens", April 1996, p. 2.

[331] Federation for American Immigration Reform, "Issue Brief: Criminal Aliens", December 1998, p. 1.

[332] *Ibid.*, p. 2.

[333] "Business Sets Strategies for Legislation and the 2002 Congressional Races", Wall Street Journal, May 18, 2001, p. 1.

[334] *Ibid.*

[335] Werner Sollors, *Beyond Ethnicity* (New York: Oxford University Press, 1986), p. 4.

[336] Dan Schweikert, "Cultural Wars: A General Ignorance of Language, Logic, and Philosophy", *ENewsViews*, June 27, 1999, p. 1.

[337] John Jay, *The Federalist*, No. 2, October 31, 1787.

[338] Will Herberg, *Protestant, Catholic, Jew. An Essay in American Religious Sociology* (Chicago: University of Chicago Press), 1983 reprint.

[339] Jeff Jacoby, "The Role of Religion in Government: Invoking Jesus at the Inauguration", Boston

Globe, February 1, 2001, p. A15.

[340] Ibid.

[341] "Text of Bush's Inaugural Speech", Associated Press, January 20, 2001.

[342] Schlesinger, p.134.

[343] John Stuart Mill, Considerations on Representative Government (London: Everyman, 1993), p. 233

[344] Otto Scott, "The Shape of Events", Speech to the 15th Annual Meeting of the Committee for Monetary Research and Education, November 6, 1989. [http:// www.fortfreedom.org/hl8.htm](http://www.fortfreedom.org/hl8.htm)

[345] "Prepared Text of President Reagan's Farewell Address to the Nation", Associated Press, January 12,1989.

[346] George Orwell, 1984 (New York; Signet Classics, 1961), p. 32.

[347] Marvin Seid, "Stories That Shaped the Century; Cold War First Turned Hot in Korea", Los Angeles Times, November 6,1999, p. 84.

[348] Karen Turni, "Scholars Fighting Battle of Myths", Times Picayune, January 9, 1994, p. 1.

[349] Luke 17:2, Holy Bible, King James Version.

* Лк., 17:2.- Прим. перев.

[350] Arthur M. Schlesinger, Jr., The Disuniting of America (New York: W. W. Norton & Company, 1992), p. 52.

[351] Ibid.

[352] Mike Feinsilber, "499 Years Later, His Reputation Is as Tattered as His Sails", Associated Press, October 7, 1991.

[353] Elisabeth Hickey, "500 Years After Discovery/ Encounter, Columbus Is Up for Bashing", Washington Times., September 8, 1991, p. 4.

[354] Lynda Hurst, "The First Immigrant", Toronto Star, October 12, 1991, p. 1.

[355] Barbara Vobejda, "Which Legacy? Explorer's Image Changes with the Times", Washington Post, October 11, 1992.p.1.

[356] George Szamuely, "The Real Shame of the West", American Outlook, Winter 1999, p. 6S.

[357] John Noble Wilford, "Discovering Columbus", New York Times Magazine, August 11, 1932, p. 25.

[358] Carmen Radedaugh, cBerkeley Holiday Honors Indigenous People", University Wire, October 10, 2000.

[359] Robert Mercer Taliaferro Hunter, "Origin of the Late War", Southern Historical Society

Papers, vol. I, January 1876. <http://www.civilwarhome.com/warorigin.htm>

[360] Robert Novak, *Completing the Revolution* (New York: The Free Press, 2000), p. 62.

[361] Theodore Caplow, Louis Hicks, and Ben J. Wattenberg, *The First Measured Century* (Washington, D.C.: AEI Press, 2001), pp. 210-11.

[362] Ibid.

[363] David A. Yeagley, *YrontPageMag.com*, May 18, 2001.

[364] Ibid.

[365] James Verniere, "War Is fAe.;, Say You Want a Revolution?" *Boston Herald*, June 28, 2000, p. 51.

[366] Ann Homaday, "Freedom from Logic Defeats "The Patriot"", *Baltimore Sun*, June 28, 2000, p. 1.

[367] Jam! Showbiz/Sun Wire, "Spike Lee Blasts "Patriot" over Slavery", *Ottawa Sun*, July 7, 2000, p. 28.

[368] Jonathan Foreman, "The Nazis, er, the Redcoats Are Coming!" *Salon.com*, July 3, 2000. <http://www.salonmag.com/ent/movies/feature/2000/07/03/patriot/>

[369] Ibid.

[370] Ibid.

[371] Ibid.

[372] Ibid.

[373] Ibid.

[374] Kevin Sack, "Un-Naming Names; Today's Battles Topple Yesterday's Heroes", *New York Times*, November 17, 1997, p. 5.

[375] "Will State Dems Back Declaration?" *Wisconsin State Journal*, December 28, 2000, p. 1.

[376] Andrea Billups, "Black Legislators Stall Bill on Independence Pledge", *Washington Times*, March 1, 2000, p. 3.

[377] Florida American Indian Movement, "Press Release: Florida AIM Rejects Desperate Compromise to Keep Hider Prototype in Springtime Tallahassee Parade", March 7, 2000.

[378] "Indians Target Highway Named After Jackson", *Middle American News*, June 2001, p. 7.

[379] Michael Rust, "Remembering Faces of Heroism", *Insight on the News*, July 19, 1999, p. 47.

[380] "Schools Aren't Eager to Give Up Indian Nicknames, Tradition", *Associated Press*, April 19, 2001.

- [381] John Cummins, "Taking the Offensive Against Indian Nicknames", Salt Lake Tribune, August 6, 1994, p. 13.
- [382] Brian Bergstein, "Statue of Flag-Planting Mayor Causes Decade of Controversy in San Jose", Associated Press, October 15, 2000.
- [383] Peter Guinta, "The Flap About Ponce", S(. Augustine Record, October 22, 2000, p. 12.
- [384] Elizabeth Kiggen Miller, "Anti-Bias Task Force Says No to a Pilgrim", New York Times, October 10, 1999, p. 16.
- [385] Ibid.
- [386] Bob Lewis, "Ex-Confederate Capital Still Struggles with Questions of Race", Associated Press, July 19, 2000.
- [387] Ralph Z. Hallow, "New DNC Chairman Enters Ring Swinging", Washington Times, February 4, 2001, p. 1.
- [388] Christy Hoppe, "Confederate Plaques Are Taken Down; Governor's Office Makes Quiet Change at Courts", Dallas Morning News, June 13, 2000, p. 1A,
- [389] "Florida Capitol Retires Confederate Flag", Associated Press, February 12, 2001.
- [390] Emily Wagster, confederate Emblem to Stay on Flag", Associated Press, April 18, 2001.
- [391] Randy Kraft, "Harpers Ferry History Involves Much More than John Brown", Morning Call (Allentown), March 28, 1998; Otto Scott, *The Secret Six: John Brown and the Abolitionist Movement* (New York: Times Books, 1979), pp.288-91.
- [392] Steve Vogel, "New Controversy Under Old Banner; Prisoners' Descendants Want Confederate Flag in Cemetery", Washington Post, October 18, 2000, p. 1.
- [393] Fern Shen, "Group Rebels over Recall of Auto Tags; Confederate Flag Logo at Center of Maryland Fight", Washington Post, January 4, 1997, p. 1.
- [394] David L. Greene, "Civil War Buff Stands His Ground as Antietam Proposal Draws Fire", Baltimore Sun, September 24, 2000, p. 1.
- [395] "Plan to Change City's Confederate Park into Cancer Memorial Draws Complaints", Associated Press, May 10, 1999.
- [396] Jack Hurst, *Nathan Bedford Forrest: A Biography* (New York: Vintage Books, 1994), p. 361.
- [397] Ibid., p. 385.
- [398] Ibid.
- [399] Walter Williams, "Overlooked Black Confederates", Washington Times, January 31, 2000, p. 13.
- [400] Stephen Dinan, "Gilmore Surrenders Virginia's Heritages.", Washington Times, March 21, 2001, p. 1.

- [401] R. H. Melton, "Va. Scraps Tribute to Confederacy", Washington Post, March 21, 2001, p. 1.
- [402] Ibid.
- [403] Ibid.
- [404] "Carry Me Back, RIP", Richmond Times Dispatch, February 26, 1997, A12.
- [405] Justin Kaplan, "Selling 'Huck Finn' Down the River", New York Times, March 10, 1996, p. 27.
- [406] Linda Grant, "In Search of Harper Lee", Independent, December 15, 1991, p. 36.
- [407] Rod Dreher, "Banning Flannery; Down and Out in Louisiana", Weekly Standard, September 11, 2000, p. 33
- [408] Ibid.
- [409] Ibid.
- [410] Ibid.
- [411] Ibid.
- [412] Ibid.
- [413] African-American Lawyers Criticize' Rehnquist for Singing'Dixie'", Associated Press, August 12, 1999.
- [414] Ibid.
- [415] Craig Timberg, "Rehnquist's Inclusion of "Dixie" Strikes a Sour Note", Washington Post, July 22, 1999 P.I.
- [416] Ibid.
- [417] Robert Stacy McCain, "Black Leaders Refuse to Pledge Allegiance to Flag; Call Stars and Stripes Symbol of Slavery", Washington Times, June 22, 1001, p. 1.
- [418] Ibid.
- [419] Paul Kelso, "Mayor Attacks Generals in Battle of Trafalgar Square", Guardian, October 20, 2000.
- [420] Ibid.
- [421] Gregory M. Grant, "What If It Becomes Desert Sword?" Chicago Tribune, September 20, 1990, p. 29.
- [422] Otto Scott, "The War Against the Past". Compass, October 1,2000, p. 11.
- [423] "Super Bowl Closer After Arizona Vote", USA Today, November 5, 1992, p. 1.

[424] Orwell, p. 217.

[425] Wilbert Bryant, Secretary of Education, "The Necessity of Civic Education" Speech to South Brunswick High School, Southport, North Carolina, November 10, 1998. <http://www.seced.state.va.us/speechfiles/vetspchweb.htm>

[426] Scott, "The Shape of Events", op. cit.

[427] Hugh Oellios, "Battle over History May Itself Prove Historic", Chicago Tribune, October 30, 1994, p. 1.

[428] Vaishali Honawar, "Early Grades to "Simplify" History; Keller, Pocahontas Replace Southern Generals in Lessons", Washington Times, December 31, 2000, p. 10.

[429] Scott Veale, "History 101: Snoop Doggy Roosevelt", New York Times, July 2, 2000, p. 7.

[430] Ibid.

[431] Phil Kent, "The Tragic Decline of U.S. College Education", Augusta Chronicle, April 7, 1996, p. 4.

[432] Ibid.

[433] Andrea Billups, "History a Mystery to Collegians", Washington Times, February 21, 2000, p. 3.

[434] Arthur Schlesinger, Jr., "Speaking Up", Los Angeles Times, February 7, 1992, p. 2.

[435] John Leo, "The National Museums of PC", U.S. News & World Report, October 10, 1994, p. 21.

[436] Tom Wolfe, "The Tyranny of Theory", Guardian, July 8, 2000, p. 1.

[437] The Oxford Dictionary of Quotations (London: Oxford University Press, second edition, 1966), p. 381.

[438] Russell Kirk, *Eliot and His Age* (Peru, 111: Sugden, 1971), p. 390.

[439] Lawrence Auster, "Scam Artists or Victims? The Hasidic Defendants of New Squares", NewsMax.com, January 31, 2001, p. 1.

[440] Sarah Karush, "Couple with 16 Kids, and Counting, Defies Russia's Population Trend", Associated Press, April 28, 2001.

[441] Peter Ford, "Churches on Wane in Europe", Christian Science Monitor, October 25, 1999, p. 1.

[442] "Has Christianity Lost Its Identity in Europe?" Classical Christian News, October 8, 1999. <http://www.prayerbook.ca/psalm699.htm>

[443] Ibid.

[444] Nadia Rybarova, "Czech President Vaclav Havel: Man May Have Lost God", Associated Press, September 4, 1997.

[445] Ibid.

[446] Larry Witham, " 'Christian Nation' Now Fighting Words; Fordice Fumbles in PC Territory", Washington Times, November 23,1992, p. 1.

[447] Gary DeMar, America's Christian History: The Untold Story (Atlanta: American Vision, 1995), pp. 51-58.

[448] Ibid., p.1.

[449] Ibid., p. 12.

[450] Ibid., p.3.

[451] Ibid., p. 11.

[452] Ibid., p.2.

[453] Ibid.

[454] Ibid., p. 11.

[455] Ibid., p. 3.

[456] Excerpts from Supreme Court Opinions on Prayer", New York Times, June 20, 2000, p. 22.

[457] Marina Zogbi, " Marilyn Manson - a Controversial Conversation with the Irreverent Reverend", Metal Edge, July 1996. <http://vww.cfaweb.com/manson/press/me796.htm>

[458] Charles Lane, "High Court Lets-Ruling on Church, State Stand". Washington Post, May 30, 2001, p. 3.

[459] American Humanist Association, Humanist Manifesto II, 1973. <http://humanist.net/documents/manifesto2.html>

[460] Ibid.

[461] Ibid.

[462] Ibid.

[463] Ibid.

[464] Ibid.

[465] Ibid.

[466] Jim Nelson Black, When Nations Die (Wheaton, 111.: Tyndale House Publishers, 1994), p. xix.

[467] C. S. Lewis, God in the Dock: Essays on Theology and Ethics, Walter Hooper, ed. (Grand Rapids, Mich.: William B. Eerdmans Publishing Company, 1972), p. 262.

- [468] "ACLU Asks Judge to Reel in Republic's Fish Symbol", Associated Press, May 6, 1999.
- [469] Bishop Norman McFarland, "A July 4 Meditation on the Faith of the Founders: One Nation Under God", Orange County Register, July 2, 1995, p. 1.
- [470] Richmond Newspapers, Inc., et al. Appellants v. Commonwealth of Virginia et al, 448 U.S. 555, No. 79-243, Supreme Court of the United States, Concurring Opinion, Argued February 19, 1980. Decided July 2, 1980.
- [471] J. William J. Brennan, Jr., "To the Text and Teaching Symposium", Georgetown University, Washington, D.C., October 12, 1985. <http://www.politics.pomona.edu/dml/LabBrennan.htm>
- [472] William J. Quirk and R. Randall Bridwell, Judicial Dictatorship (New Brunswick N.J.: Transaction Publishers, 1995), p. xiii.
- [473] The Galiup Organization, Princeton, N.J., Poll taken August 12-13, 1997. <http://www.gallup.com/poll/indic-ators/indreligion.asp>
- [474] Christie Storm, "Communities of Faith", Arkansas Democrat-Gazette, October 30, 1999, p. 2.
- [475] Theodore Caplow, Louis Hicks, and Ben J. Wattenberg, The First Measured Century: An Illustrated Guide to Trends in America, 1900-2000 (Washington, D.C.: AEI Press, 2001), p. 117.
- [476] Ibid., p.116.
- [477] Fulton J. Sheen, "A Plea for Intolerance", 1931.
- [478] Patricia Rice, "Singing Out: Revisions Steal Poetry, Meaning from Hymns, Professor Says", St. Louis Post-Dispatch, Jme 21, 1997,p.31.
- [479] Marjorie Hyer, "Discord on Hymn Changes; United Methodists Aim to Delete Sexism, Racism from Songs", Washington Post, March 1, 1986, p. B6.
- [480] Ibid.
- [481] John H. Adams, inclusive Language for God Is 'Battleground' in PCUSA", Layman Online, October 24, 2000. <http://www.layman.org/layman/news-from-pcusa/inclusive-language-is-battleground.htm>
- [482] "Debating Baptismal Language", The Christian Century, September 27, 1995, p. 880.
- [483] Sen. Robert Byrd, "Polytheism in Modem Garb", Speech to Senate, July 22, 1992. <http://www.se-nate.gov/byrd/speech-polytheism.htm>
- [484] Richard N. Ostling, "O God Our [Mother and] Father; New Translations Seek to Rid Bible of 'Male Bias'", Time, October 24, 1983, p. 56.
- [485] Michael Nelson, "Language Revision Sings; Methodist Hymnal Shows Amazing Grace in Rooting Out Hints of Sexism, Racism", Commercial Appeal, September 29, 1991, p. 6.
- [486] "Quotes from Nontheists", <http://mem-berstripod.com/-Rhatheist/quotes.html>

- [487] Patrick J. Buchanan, "Yes, Mario, There Is a Culture War", Chicago Tribune, September 14, 1992, p. 17.
- [488] David A. Noebel, *The Legacy of John Lennon: Charming or Harming a Generation?* (Nashville, Tenn.: Thomas Nelson, 1982), p. 38.
- [489] *Ibid.*, p. 39.
- [490] "In the Bosom of Jesus: Yo Mama's Last Supper", *Nation*, May 28, 2001, p. 30.
- [491] Elizabeth Bumiller, "Affronted by Nude Last Supper, Giuliani Calls for Decency Panel", *New York Times*, February 16, 2001, p. A1.
- [492] Michael Janofsky, "Uproar over Virgin Mary in a Two-Piece Swimsuit", *New York Times*, March 31, 2001, p. 11.
- [493] *Ibid.*
- [494] *Ibid.*
- [495] Justin Bachman, "Critics Say King Heirs Are Selling Out His Image", Associated Press, March 30, 2001.
- [496] James F. Cooper, "The Right Agenda: Recapture the Cultures", *American Arts Quarterly*, Spring/Summer 1990, p. 3.
- [497] *Ibid.*
- [498] Jay Lindsay, "Christian Group Says Tufts Decision to Cut Funding Threatens Religious Freedom", Associated Press, May 3, 2000.
- [499] Charles Socarides, "How America Went Gay", *America*, November 18, 1995, p. 20.
- [500] *Ibid.*
- [501] *Ibid.*
- [502] *Ibid.*
- [503] Harry V. Jaffa, *Homosexuality and Natural Law* (Montclair, Cal.: Claremont Institute for the Study of Statesmanship and Political Philosophy, 1990), p. 31.
- [504] Martin Luther King, Jr., "Letter from a Birmingham Jail", April 16, 1963. <http://www.tcf.ua.edu/courses/Jbutler/T112/King-BirminghamJail.htm>
- [505] George Washington, "Farewell Address", Philadelphia, Penn., September 17, 1796. <http://www.virginia.edu/gwpapers/fiEireweU/transcript.html>
- [506] David Limbaugh, "On a Mission for Marriage", *Creators Syndicate*, September 7, 2000.
- [507] William J. Bennett, *Index of Leading Cultural Indicators* (New York: Broadway Boob, 2000), p. 48.

- [508] CaplowetaL.p. 70.
- [509] Bennett, p. 145.
- [510] Bennett, p. 52.
- [511] Bennett, p.69.
- [512] Bennett, p.27.
- [513] Bennett, p.35.
- [514] Bennett, pp. 50, 27.
- [515] Anthony Harrigan, "The New Anti-Civilization", Chronicles, June 2001, p. 44.
- [516] Jim Nelson Black, When Nations Die (Wheaton, 111: Tyndale House Publishers, 1994), p. 8.
- [517] Ruth Gledhill, oChristianity Almost Beaten, Says Cardinal, London Times, September 6, 2001.
- [518] Bruce Frohnen, "T. S. Eliot on the Necessity of Christian Culture", Witherspoon Lectures, Family Research Council, <http://www.frc.org/papers/wITHERSP/ index.cfm?get=WT01&arc=yes>
- [519] Russell Kirk, Eliot and His Age (New York: Random House, 1971), p. 324.
- [520] Boy Scouts of America, Handbook for Boys (Boyscouts of America, 1911), p. 215.
- [521] Jeffrie A. Herrman, "cBSA Supports Spiritual Direction in Life", Sun-Sentinel, October 16, 2000, p. 25.
- [522] Boy Scouts of America, "Position Statement on Homosexuality and the BSA", February 15, 1991. <http:// www.religioustolerance.org/bsa0.htm>
- [523] Peter Ferrara, "The Battle over the Boy Scouts", Weekly Standard, June 11,2001, p. 21.
- [524] Transcript, "Should the ACLU Defend NAMBLA?" The O'Reilly Factor, January 2, 2001; Bill O'Reilly, "Corrupters Setting the Standards". Washington Times, May 21,2001, p. A16.
- [525] Superior Court of New Jersey, Appellate Division, A-2427-95T3 James Dale v. Boy Scouts of America, Argued December 8, 1997, Decided March 2, 1998. <http:// diana.law.yale.edu/Diana/db/4298-36.html>
- [526] "Spielberg to Quit Boy Scouts Board", Associated Press, April 17, 2001.
- [527] Valerie Richardson, "Democratic Delegates Boo the Boy Scouts ofAmerica", Washington Times, August 18, 2000,p. 1.
- [528] Nat Hentoff, "Scouts Honor? '60 Minutes' Coverage Biased and Unfair", Washington Times, April 16, 2001, P.A17.
- [529] Ibid.

- [530] T. S. Eliot, "Notes Towards the Definition of Culture", *Christianity and Culture* (New York: Harcourt, Brace, 1967), p.200.
- [531] James Lubinskas, *FrontPageMag.com*. <http://www.FrontPageMag./RaceRelations/lubinskas11-24-99.htm>
- [532] Roger Kimball, *The Long March* (San Francisco: Encounter Books, 2000), pp. 274-75.
- [533] Transcript. "Larry King Live", CNN, August 4,2000.
- [534] "Taking Stock", *Nationalreview.com*, November 15, 2000. <http://www.nationalreview.com/daily/nrl/111500.shtml>
- [535] Jim Abrams, "Armed Expresses Concern About "Racial McCarthyism"", Associated Press, February 23, 2001.
- [536] Ibid.
- [537] Ibid.
- [538] Ibid.
- [539] Joseph D'Agostino and Timothy Carney, "Congressmen: Illegals Here to Stay", *Human Events*, April 2, 2001, p. 3.
- [540] "Transcript of Clinton's Remarks at Portland State University Commencement", U.S. Newswire, June 15, 1998.
- [541] Peter Brimelow, *Alien Nation: Common Sense About America's Immigration Disaster* (New York: Random House, 1995), p. 233.
- [542] Henrik Bering, "Denmark, the Euro, and Fear of the Foreign", *Policy Review*, December 2000, p. 6.
- [543] Ibid.
- [544] James Burnham, *Suicide of the West* (New York: The John Day Company, 1964), p. 26.
- [545] Richard Weaver, *The Southern Tradition at Bay: A History of Post-Bellum Thought* (New Rochelle, N.Y.: Arlington House, 1968), p. 18.
- [546] George F. Will, "A Summons to Gratitude", *Newsweek*, August 17, 1998, p. 70.
- [547] Lionel Trilling, *Liberal Imagination: Essays on Literature and Society* (New York: Harcourt Brace, 1979 reprint), intro.
- [548] Crane Britton. *Anatomy of Revolution* (New York: Vintage Books, 1952), p. 45.
- [549] Adolf Hitler, *Mein Kampf* (New York: CPA Books, 2000), p. 191.
- [550] "Be Not Afraid; Justice Thomas on Courage and Civic Principles", *Washington Times*, February 15, 2001 P.A17.

[551] Ibid.

[552] Ibid.

[553] Samuel Francis, *Revolution from the Middle* (Raleigh, N.C.: Middle American Press, 1997), p 174

[554] Ibid.

[555] Transcript, "This Week with David Brinkley", ABC, July 2,1995.

[556] Transcript, "Hannity and Colmes", FOX NEWS, December 20, 2000.

[557] Steve Miller and Jerry Seper, "NAACP Tax Exempt Status Questioned; Critics Say Group Oversteps Bounds with Democratic Leanings", *Washington Times*, February 6,2001,p.l.

[558] Richard Lezin Jones, "Georgia Is the Latest Battlefield in the Stars and Bars War", *Knight Ridder News Service*, February 6,2001.

[559] Richard Lowry, "'Conservative' and 'Racist': The Ashcroft Nomination and the Left's Foulest Card", *National Review*, February 5, 2000, p. 2.

[560] John Sawyer, "Bush Says Scrutiny of Missouri Voters Validates Ashcroft", *St. Louis Post Dispatch*, January 14,2001,p.l.

[561] David Garrow, *Bearing the Cross* (New York: William Morrow & Company, 1999), p. 351.

[562] James K. Robinson and Walter P. Rideout, eds., *A College Book of Modern Verse* (Evanston, Illinois: Row, Peterson, and Company, 1960), p. 549.

[563] Joan Acocella, "The Hunger Artist: Is There Anything Susan Sontag Doesn't Want to Know?" *The New Yorker*, March 6,2000, p. 68.

[564] Tom Wolfe, "The Tyranny of Theory", *Guardian*, July 8,2000, p. 1.

[565] Ibid.

[566] Dinesh D'Souza, "Racism Is Not the Problem: Why Martin Luther King Got It Half Right", *Accuracy in Academia Address*, Georgetown University, 1999. [http://www.conservativeuniversity.org/lecturehalV/index, htm](http://www.conservativeuniversity.org/lecturehalV/index.htm)

[567] Paul Craig Roberts and Lawrence M. Stratton, Jr., "Color Code", *National Review*, March 20, 1995, p. 48.

[568] Barbara Tuchman, [Conservativeforum.org](http://www.conservativeforum.org). <http://www.conservativeforurn.org/authquotaspID-622>

[569] Walter Williams, "Scholastic Expectations", *Washington Times*, November 18, 2000, p. 12.

[570] Walter Williams, "Race Hustling Chorus", *Washington Times*, December 22, 2000, p. 20.

[571] Stephen Gill, "The French Revolution: A Tale of Two Cities", *Independent*, June 14, 1989.

- [572] Chilton Williamson, "Democracy and the Art of Handloading", *Chronicles*, February 2001.
- [573] Thomas Edsall, "Voter Values Determine Political Affiliation" *Washington Post*, March 26, 2001, p. 1.
- [574] Terry Teachout, republican Nation, Democratic Nation?" *Commentary*, January 2001, p. 25.
- [575] Edsall, *op. cit.*
- [576] Amy Martinez, lighting Discrimination with What Business Fears: Big-Dollar Lawsuits", *Cox News Service*, March 4, 2001.
- [577] "The Truth About Jesse", *New York Post*, April 1, 2001,p.52.
- [578] "Black Employees Sue Christian Coalition", *Washington Times*, February 24, 2001, p. 2.
- [579] Michael Blowen, "Jack Nicholson Roles Often Contradict His Life", *Des Moines Register*, April 30, 1998, p. 3.
- [580] J. Donald Adams, "Worth Fighting For", *New York Times*, October 6,1996, p. 55.
- [581] Francis Beauchesne Thornton, ed, *Return to Tradition* (Fort Collins, Colo.: Roman Catholic Books), p.304.
- [582] Will Durant, *Caesar and Christ* (New York: Simon & Schuster, 1944), p. 666.
- [583] James Burnham, *Suicide of the West* (New York: The John Day Company, 1964), p. 301.
- [584] Donna Nebenzahl, "Why the Globalization Pot Is About to Boil", *Gazette*, April 2,2001, p. 4.
- [585] Norman Podhoretz, "My War with Alien Ginsberg", *Commentary*, August 1997.
<http://www.comment-arymagazine.com/9708/norman.html>
- [586] Roger Kimball, *The Long March: How the Cultural Revolution of the 1960s Changed America* (San Francisco: Encounter Books, 2000), p. 8.
- [587] Madison Grant and Charles Stewart Davison, *The Founders of the Republic on Immigration, Naturalization, and Aliens* (New York: Charles Scribner's Sons, 1928), p. iv.
- [588] Jacques Steinberg, "Test Scores Rise, Surprising Critics of Bilingual Ban", *New York Times*, August 20, 2000,p.1.
- [589] *Ibid.*
- [590] *Ibid.*
- [591] *The New Oxford Book of American Verse*, Richard Ellmann, ed. (New York: Oxford University Press, 1976), pp.395-96.
- [592] American Humanist Association, *Humanist Manifesto II*, 1973.
<http://humanist.net/docun-ients/ma-nifesto2.html>

[593] Ibid.

[594] Strobe Talbott, "America Abroad; The Birth of the Global Nation", Time, July 20, 1992, p. 70.

[595] Ibid.

[596] Michael Mann, "Prodi Urges Fundamental Debate on Future of EU", Financial Times, February 14, 2001, p. 1.

[597] Samuel Francis, Thinkers of Our Time (London: The Claridge Press, 1999), p. 102.

[598] Peter Capella, "Swiss Decide Against Joining EU", Manchester Guardian Weekly, March 14, 2001, p. 5.

[599] Ibid.

[600] Mann, p. 1.

[601] 23 Ibid.

[602] 24 James Kurth, "The American Way of Victory", National Interest, Summer 2000, p. 5.

[603] Patrick J. Buchanan, (.Nature's Retribution", New York Post, February 24, 1983.

[604] Kenneth Minogue, "How Civilizations Fail", New Criterion, April 2001.
<http://www.newcriterion.com/arc-hive/19/apr01/minogue.htm>

[605] Fulton J. Sheen, "A Plea for Intolerance", 1931.

[606] Ibid.

[607] Ibid.

[608] Gone With the Wind, Metro-Goldwyn-Mayer, 1939.

[609] Terry Teachout, (.Republican Nation, Democratic Nation?" Commentary, January 2001, p. 25.

[610] Matthew 22:2 \, Holy Bible, King James Version.

[611] James K. Fitzpatrick, "More of Them", Wanderer, December 7, 2000.

[612] "100 Greatest Movies", American Film Institute.
<http://www.afioline.org:82/100movies/100list.asp>

[613] "Ibid.

[614] Ibid.

[615] "100 Best Novels", Modern Library Board, <http://www.randomhouse.com/modernlibrary/100best/novels.html>

[616] "100 Best Nonfiction", Modern Library Board, <http://www.randomhouse.com/modernlibrary/100best/nonfiction.html>

[/www.randomhouse.com/modernlibrary/100best/](http://www.randomhouse.com/modernlibrary/100best/)

[617] "President-elect Bush's Victory Speech", Facts on File, December 13,2000, p.951A1.

[618] Ernest Hemingway, *The Sun Also Rises* (New York: Scribner and Sons, 1996), p. 222.

[619] Chilton Williamson, Jr., "Democracy and the Art of Handloading", *Chronicles*, February 2001.

[620] *Ibid.*

[621] *Ibid.*

[622] *The Wizard of Oz*, Metro-Goldwyn-Mayer, 1939.

[623] James MacGregor Burns, *Roosevelt: The Lion and the Fox* (New York: Harcourt, Brace, and World, 1956), p.151.

[624] Richard John Neuhaus, *The End of Democracy?: The Celebrated First Things Debate with Arguments Pro and Con and "The Anatomy of a Controversy"* (Dallas: Spence Publishing, 1997), pp. 5,3.

[625] *Ibid.*, p. 7.

[626] *Ibid.*, p. 16.

[627] *Ibid.*-p. 17.

[628] Alan Wolfe, "Oh, Those Beltway Innocents", *New York Times*, August 30, 1998, p. 13.

[629] Irving Kristol, "Family Values: Not a Political Issue", *Wall Street Journal*, December 7, 1992, p. A14.

[630] Gertrude Himmelfarb, *One Nation, Two Cultures* (New York: Alfred A. Knopf, 1999), p. 146.

[631] Hilton Kramer and Roger Kimball, eds., *The Future of the European Past* (Chicago: Ivan R. Dee, 1996), p. 7.

[632] Norman Podhoretz, *My Love Affair with America: The Cautionary Tale of a Cheerful Conservative* (New York: The Free Press, 2000), pp. 215, 218.

[633] *Ibid.*, p. 218.

[634] *Ibid.*, p. 217.

[635] *Ibid.*

[636] T. S. Eliot, *Christianity and Culture* (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1968), p. 100.

[637] Podhoretz, p. 220.

[638] Jonathan Alter, "Where PC Meets Free Speech", *Newsweek*, April 2, 2001, p. 31.

- [639] Don Feder, "Planned Parenthood Demands a Recount", Jewish World Review, December 28,2000.
- [640] Ibid.
- [641] Anne Fremantle, The Papal Encyclicals (New York: G. P. Putnam's Sons, 1956), p. 241.
- [642] Emily Wagster, "Mississippi Flag Vote Falls Largely Along Racial Lines", Associated Press, April 21, 2001.
- [643] James Madison, "The Federalist 49: Method of Guarding Against the Encroachments of Any One Department of Government by Appealing to the People Through a Conventions, February 2, 1788.
- [644] John Fonte, "Why There Is a Culture War", Policy Review, December 2000 and January 2001, p. 21.
- [645] Ibid.
- [646] "Yo Philistines", Washington Times, February 21, 2001, p. 16.
- [647] Roger Kimball, "Closing Time? Jacques Barzun on Western Culture", New Criterion, June 2000. [http:// www.newcriterion.com/archive/18/jun00/barzun.htm](http://www.newcriterion.com/archive/18/jun00/barzun.htm)
- [648] Ibid.
- [649] Herbert Stein, "Herb Stein's Unfamiliar Quotations", Slate Magazine, May 15, 1997.
- [650] Richard John Neuhaus, "Lord Acton, Cardinal Newman, and How to Be Ahead of Your Time", First Things: A Monthly Journal of Religion and Public Life, August 1,2000,p. 77.
- [651] Pat Donnelly, "Know Your Diderot", Gazette, August 13,1991,p. El.
- [652] George Walden, "Coasting on Dead Men's Ideas", Evening Standard, February 12, 2001, p. 54.
- [653] Tirdad Derakhshani, "At God's Funeral, Biographer Describes 'Killers' of the Deity", Arizona Republic, August 29,1999,p. 12.
- [654] Jim Nelson Black, When Nations Die (Wheaton, 111.: Tyndale House Publishers, 1994), p. 9.
- [655] John Senior, The Death of Christian Culture (New Rochelle, N.Y.: Arlington House Publishers, 1978), p. 7.
- [656] Abraham Lincoln, "First Inaugural Address", Washington, D.C., March 4, 1861. <http://libertyon-line.hypermall.com/Lincoln/lincoln-l.html>
- [657] James K. Robinson and Walter B. Rideout, eds.. The College Book of Modem Verse (Evanston, 111.: Row, Peterson and Company, 1960), p. 65.
- [658] Eliot, p. 50.
- [659] Ibid.

[660] Kimball. <http://www.newcriterion.com/archive/18/junOO/barzun.htm>

[661] David Ramsey, "John Brown's Body Still Draws Americans to Ponder His Legacy". Houston Chronicle, September 27, 1998, p. 38.

Примечания 2.

(1) Перевод с английского А. Сергеева.

(2) Мф.5:1 - Прим. перев.

(3) Перевод И. Грингольца и Т. Гринголец.

(4) Читатель, если ищешь памятник, оглянись вокруг (лат.). - Прим. перев.

(5) Перевод Я. Фельдмана.

(6) "Царство Небесное подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего" (Мф.22:1.)

(7) Мф.22:8. - Прим. перев.

(8) "Размышление XVII".- Прим. перев.

(9) Сладкую жизнь (итал.).- Прим. перев.

(10) Имеется в виду Дуайт Эйзенхауэр.- Прим. перед.

(11) "Мокрыми спинами" эмигрантов из Мексики называли по той причине, что они пересекали границу, переплывая или переходя вброд пограничную реку Рио-Гранде.- Прим. перев.

(12) Политика, направленная на устранение последствий расовой дискриминации или дискриминации по половому признаку при приеме на работу или на учебу, а также предотвращение случаев такой дискриминации.- Прим. перев.

(13) Прозвище герцога Веллингтона.- Прим. перев.

(14) Общее название городской конгломерации, куда входят города Рок-Айленд, Молин, Ист-Молин и Дэвенпорт.- Прим.. перев.

(15) Цитата из речи А. Линкольна против рабства, произнесенной 16 июля 1858 г., полностью звучит так: "Дом, в себе разделенный, не устоит".- Прим. перед.

(16) Список 500 крупнейших американских промышленных компаний, ежегодно публикуемый журналом "Форчун".- Прим. перев.